МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»

Международная научная конференция

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА:

проблемы истории и историографии

Сборник докладов

3 марта 2017 года

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2017

УДК 94(47):303.446.4
ББК Т3(2)771я43

Ф 31

ISBN 978-5-7629-1946-3

Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. /отв. редактор проф. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 380 с.

ISBN 978-5-7629-1946-3

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

I. Основные проблемы историографии Февральской революции в вопросах и ответах

Десять вопросов по истории Февральской революции 1917 года 8
Вада Х. (Токийский университет, Япония) 10
Гагкуев Р. Г. (Издательство «Дрофа», Москва) 11
Гайда Ф. А. (МГУ, Москва)..... 14
Давыдов А. Ю. (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) 19
Дикинс А. (Университет Манчестера, Великобритания)..... 30
Измозик В. С. (СПбГУТ, Санкт-Петербург)..... 34
Икеда Ё. (Токийский университет, Япония) 42
Иоффе Г. З. (Монреаль, Канада) 44
Калашников В. В. (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)..... 48
Кенез П. (Калифорнийский университет, США)..... 54
Колоницкий Б. И. (СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург)..... 57
Назаренко К. Б. (СПбГУ, Санкт-Петербург)..... 60
Назаров О. Г. (журнал «Историк», Москва)..... 66
Николаев А. Б. (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)..... 70
Полторак С. Н. (СПбГУТ, Санкт-Петербург) 77
Пученков А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)..... 83
Рабинович А. Е. (Индианский университет, США) 88
Санборн Дж. (Колледж Лафайет, США)..... 90
Сигельбаум Л. (Мичиганский университет, США) 95
Стокдейл М. (Университет Оклахомы, США) 97
Суни Р. Г. (Мичиганский университет, США)..... 102
Хасегава Ц. (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США) 107
Цветков В. Ж. (МПГУ, Москва)..... 121
Чураков Д. О. (МПГУ, Москва) 126
Шелохаев В. В. (Институт истории РАН, Москва). 127

II. Новейшая историография Февральской революции: экспресс-анализ (*В. В. Калашников)*..... 137

III. Статьи

Бажанов Д. А. Балтийский флот в дни Февральской революции 175
Гайда Ф. А. Власть и общественность в России накануне Февраля 1917 г. 198
Ганин А. В. Генштабисты и Февральская революция 208
Коликов Р. Ю. К вопросу о политической культуре средних слоев населения города Петрограда в дни Февральской революции 1917 года ... 265
Лукоянов И. В. Революция 1917 года: что это было? 274
Назаренко К. Б. Матросы русского флота и Февральская революция 284
Назаров О. Г. Большевики накануне и в дни Февральской революции 294
Николаев А. Б. Как комендант К. Ф. Греков и комиссар А. А. Бубликов «охотились» за царским поездом (28 февраля – 1 марта 1917 г.) 305
Рачковский В. А. Февральская революция и образование Петроградского Совета рабочих депутатов 316
Смирнова А. А. Социалисты в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1917 года 323
Стогов Д. И. Проблема отношения монархистов к Февральской революции 1917 года в современной историографии 333
Суни Р. Г. Национальный вопрос и Революция 1917 года в России 345
Тарасов К. А. Офицерский вопрос в период Февральского восстания в Петрограде 353
Узлова И. В. Советская историография о роли Думы в победе Февральской революции 363
Сведения об авторах 379

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы и доклады, прочитанные или представленные участниками международной межвузовской конференции «Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Конференция состоялась 3 марта 2017 г. и была посвящена 100-летию Великой Российской революции. Она объединила значительный круг российских и зарубежных ученых, которые занимаются изучением различных аспектов истории революционного 1917 года.

Конференция стала продолжением предыдущих межвузовских научных конференций, которые проводятся ежегодно под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». Первая состоялась в ноябре 2012 г. и была посвящена проблемам истории и историографии Русской революции 1917 года, 95-летний юбилей которой выпал на этот год[1]. Вторая прошла в ноябре 2013 г. по теме «Гражданская война в России: проблемы истории и историографии»[2]. Третья состоялась в ноябре 1914 г., в 100-летнюю годовщину начала первой мировой войны, и была соответственно посвящена теме «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии»»[3]. Четвертая конференция, которая состоялась 27 ноября 2015 г., впервые была посвящена анализу истории и историографии как событий начала XX века, так и событий конца XX века[4].

Материалы конференций были изданы и размещены на сайте Научной электронной библиотеки[5].

Все конференции были проведены совместными усилиями научных сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН и преподавателей кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена на базе

---

[1] Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. СПб., Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2013. 182 с.

[2] Гражданская война в России: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. СПб., Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. 204 с.

[3] Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. СПб., Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2015. 229 с.

[4] Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. СПб., Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2016. 291 с.

[5] Электронный адрес основной страницы: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=55306

кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ».

В работе конференций принимали участие преподаватели ряда других высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Барнаула, Калининграда, Нижнего Новгорода, Одессы, Симферополя.

Постоянными членами Оргкомитета конференций являются видные петербургские историки: Г. Л. Соболев, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУ, Н. Н. Смирнов, директор СПб Института истории РАН, М. В. Ходяков, зав. кафедрой новейшей истории России Института истории СПбГУ, А. Б. Николаев, зав. кафедрой русской истории РГПУ им. Герцена, С. Н. Полторак, д.и.н., проф., редактор журнала «КЛИО».

Все конференции были задуманы как своего рода подготовка к 100-летию Великой Российской революции.

Особенностью данной юбилейной конференции является стремление организаторов использовать ее работу для подведения определенных итогов изучения истории Февральской революции как отечественными, так и зарубежными историками. В этих целях был задуман и реализован специальный Проект, в рамках которого ряду признанных специалистов по теме, а также молодым историкам, имеющим научные работы по истории и предыстории Февральской революции, организаторы конференции предложили ответить на десять ключевых вопросов. Вопросы были составлены так, чтобы появилась возможность выявить основные историографические концепции истории и предыстории Февраля, доминирующие тенденции, наиболее острые и спорные проблемы, наметить программу дальнейшего изучения.

Идея создания такого Проекта была высказана на международном коллоквиуме «Эпоха войн и революций (1914 – 1922)», который прошел 9 – 11 июня 2016 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге под патронажем Северо-Западного отделения Научного совета Российской Академии наук «История социальных реформ, движений и революций». В коллоквиуме приняли участие известные ученые из России, США, Великобритании, Японии. Многие из них проявили интерес к работе ежегодной петербургской межвузовской конференции по проблемам истории и историографии эпохи революций и реформ и приняли приглашение к заочному участию в ней в юбилейном 2017 году.

Роль куратора Проекта любезно согласился взять на себя профессор А. Рабинович (Индианский университет, США), крупнейший специалист по истории Русской революции, который отредактировал Вопросник, предложенный проф. В. В. Калашниковым, и обратился к ряду зарубежных историков с просьбой дать на него ответы. В России вопросы были направлены ряду отечественных историков.

Оргкомитетом были получены ответы от 25 историков, специалистов по истории революционного 1917 года. Из них 11 ответов прислали зарубежные авторы, 14 – российские авторы. Ответы авторов, приславших английский вариант текста, даны в оригинале и в русском переводе с тем, чтобы была возможность уточнить позицию каждого автора по оригинальному тексту, поскольку перевод может изменить важные смысловые оттенки. По тем же соображениям тексты тех зарубежных авторов, которые прислали ответы на русском, практически не правились даже стилистически (устранялись явные опечатки).

Ответы на вопросы составили первый раздел настоящего сборника, озаглавленный «Основные проблемы историографии Февральской революции в вопросах и ответах». Второй раздел содержит контент-анализ и сводную таблицу полученных ответов.

Третий раздел настоящего сборника содержит статьи, написанные на основе докладов, представленных на конференцию.

Все материалы представлены в авторской редакции и отражают личную точку зрения каждого автора. Оргкомитет провел лишь небольшую редакцию представленных материалов, устранив явные пропуски и опечатки.

Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» за прекрасные условия, в которых проходила работа конференции и за материальную поддержку, которая позволила издать настоящий сборник.

Д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников

I. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Данный раздел содержит ответы группы историков на десять вопросов по проблемам истории Февральской революции. Каждый участник Проекта выбрал и обосновал один из предложенных вариантов ответа или дал свой вариант, обозначив его как «Иное». Ниже представлен Вопросник (перечень вопросов и вариантов ответов), направленный участникам Проекта.

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ПО ИСТОРИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Выберете варианты ответов или предложите свой вариант.

1. *Как Вы оцениваете* ***направленность*** *процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны*:
1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности;
1.2. Шел процесс нарастания социально-политической стабильности;
1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно;
1.4. Иное.

2. *Какая из* ***проблем предвоенной*** *России была самой острой и опасной для политической стабильности страны*:
2.1. Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти);
2.2. Рабочий вопрос;
2.3. Крестьянский вопрос;
2.4. Национальный вопрос;
2.5. Иное.

3. *Считаете ли Вы Первую* ***мировую войну*** *фактором, который сделал Русскую революцию*:
3.1. Неизбежной;
3.2. Весьма вероятной;
3.3. Иное.

4. *Кто был главным* ***виновником*** *Февральской революции и* ***в чем состоит вина:***
4.1. Царь и его окружение (правительство)

4.2. Дума и либералы
4.3. Революционные партии социалистического толка
4.4. Иное.

5. *Каким моментом Вы датируете* ***начало*** *Русской революции*:
5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций;
5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания;
5.3. 27 февраля – решение лидеров Думы создать Временный комитет;
5.4. Иное.

6. *Какая из политических сил сыграла* ***главную*** *роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):*
6.1. Левые партии, опиравшиеся на стихийное движение рабочих и солдат;
6.2. Думские лидеры и либеральные круги;
6.3. Генералитет русской армии;
6.4. Иное.

7. *Как Вы оцениваете историческое* ***значение*** *Февральской революции (падения самодержавия):*
7.1. Исторически необходимое событие;
7.2. Исторически ненужное событие;
7.3. Иное.

8. *Какие главные* ***ошибки*** *либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:*
8.1. Не решили вопрос о мире;
8.2. Не решили аграрного вопроса;
8.3. Иное.

9. *Могла ли Февральская революция удержаться в рамках* ***либеральной*** *революции:*
9.1. Либералы имели хорошие шансы сохранить власть в своих руках;
9.2. Умеренные социалисты имели хорошие шансы сохранить власть и обеспечить либеральный характер революции;
9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.
10. *Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить*

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Х. Вада (Токийский университет, Япония)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:
2.1. Проблема самодержавной власти.

Самодержавие, которое дожило до трехсотлетия династии, оказалось окончательно безнадежным в современной истории.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:
3.1. Неизбежной.

Мировая война создала настоящий кризис самодержавию и в то же время принесла жесточайшее горе народу.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:
4.1. Царь и его окружение (правительство), и мировая война.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:
5.4. Иное.

14 февраля – начало призыва к революции. Рабочая группа ЦВПК по соглашению с А. И. Коноваловым призвала рабочих Петрограда идти к Таврическому дворцу в день открытия Государственной Думы и требовать создания Временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ. Это был пролог Февральской революции.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):
6.2. Думские лидеры и либеральные круги.

Тройка сторонников буржуазно-гражданской революции: Коновалов, Некрасов и Керенский. Они же члены франко-масонской ложи 1912 года.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):
7.1. Исторически необходимое событие.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:
8.1. Не решили вопрос о мире.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:
9.4. Иное.

Либералы и умеренные социалисты имели бы шансы удержать революцию в либеральных рамках, если бы они могли прекратить войну, хотя это было очень трудно сделать.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

В России отмена самодержавия вопреки столетней борьбе народа за освобождение не была совершена. Мировая война сделала отмену самодержавия, наконец, возможной. Но революция, во время войны вообще трудная, была смертельно трудной в мировой войне, так как восставший народ жаждал прекращения войны и демократизации армии.

Р. Г. Гагкуев (Издательство «Дрофа», Москва)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

Процессы были, безусловно, противоречивы. Наряду с определенными успехами, достигнутыми в промышленном развитии страны, и реформами в политической сфере, существовал ряд трудноразрешимых проблем. Набор вопросов, которые государственной власти предстояло решать в ближайшем будущем, был именно таким, каким он впоследствии был поставлен на по-

вестку дня революцией 1917 г. Это реформа политической системы, при которой буржуазия получила бы возможность влиять на решения власти (можно предположить, что полномочия парламентского органа власти были бы расширены); аграрный вопрос, решить который правительству не удалось, несмотря на определенные успехи Столыпинской аграрной реформы; рабочий вопрос, становившийся все более актуальным по мере развития промышленности, и национальный вопрос, важность и недооценку которого показали события 1917 г. и последующей Гражданской войны. Насколько смелыми были бы действия царского правительства, не случись война, и сколько бы занял эволюционный путь их решения – вопрос сложный. Очевидно, что императорская власть не была склонна к каким-либо резким движениям и радикальным реформам, и процесс эволюции мог занять не один десяток лет.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.5. Иное.

Выделять какой-либо один вопрос – не правильно. Опасной была сама совокупность нерешенных вопросов, что и показали последующие события. Империю в 1917 г. так или иначе «взорвали» изнутри все эти вопросы, крайне обострившиеся в ходе мировой войны и вырвавшиеся наружу, когда это стало возможным.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Первая мировая война сделала революцию весьма вероятной. Обострив социальные противоречия до предела, она сделала возможным тот революционный процесс, который начался в 1917 г. Но это не означает, что она была неизбежной. Хотя ситуация на фронте была непростой, но общая победа союзников над Четверным блоком была уже не за горами. В случае успехов монархия смогла бы получить дополнительное обоснование своим действиям и более устойчиво стоять на ногах. Революция во многом произошла не только по объективным, но в еще большей степени и по субъективным причинам.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Несмотря на непростую социально-политическую и экономическую ситуацию в стране, революция все-таки стала следствием неосторожных действий самой власти. Цепь ошибок, допущенных в принятии решений Николаем II, назначение на ключевые должности в правительстве и Петрограде людей, не способных справиться с кризисной ситуацией привели к тому, что революционный процесс в столице довольно быстро преодолел «точку невозврата».

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

Начало именно революции – с одной стороны – *создание Временного комитета Государственной думы*, с другой – присоединение к восставшим солдат тыловых частей, расквартированных в Петрограде. Нежелание тыловых солдат идти на фронт – важнейших фактор успеха революции. По сути, в один революционный процесс объединились две силы, действовавшие ранее по отдельности – думские политики и рабочие и солдатские массы, возглавленные почти сразу представителями революционно-демократических партий.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Значение имела как раз *совокупность факторов*, давивших на Николая II. Думские политики организовали давление на императора, которое само по себе едва ли имело успех. Высшее командование армии, смотревшее на развитие ситуации исключительно с точки зрения пользы для действующей армии, не поддержало Николая II, надеявшегося найти в генералитете опору. *Но без массовых забастовок и начавшегося в Петрограде восстания, в чем велика роль левых партий, давление на императора едва ли имело бы успех.*

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Главное историческое значение февраля – ликвидация традиционной русской государственности. Падение монархии в России, безусловно, имело большое историческое значение, другое дело, что оно означало для самой страны. Можно много говорить о его позитивном историческом значении, об «отжившей», «прогнившей» и «рухнувшей» монархии. Но приход к власти

революционеров в момент тяжелейшей войны привел к развалу государства и началу национальной трагедии продолжительностью в несколько лет. Новая власть, попытавшаяся переустроить воюющую страну на новых справедливых и демократических основах, оказалась еще менее готовой к решению государственных задач, чем старое царское правительство.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Главная ошибка – переоценка собственных сил и возможностей, уверенность в безусловной правильности выбранного пути. Не имея, по сути, почти никакого опыта государственного управления, лидеры Временного правительства брались за проведение реформ, либо не понимая специфической ситуации, сложившейся в стране (чем только усугубляли положение), либо действуя в расчете на долгосрочную перспективу. Массам же нужен был сиюминутный, немедленный результат. Вопросом же, который имел решающее значение в воюющей стране, стала «демократизация» крестьянской по своему составу армии и ее дальнейшее разложение, сказавшееся на всем развитии событий.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.4. Иное.

Удержаться у власти лидерам Временного правительства могли помочь два фактора. Во-первых, победа в мировой войне (не случайно, А. Ф. Керенский и другие думские политики придавали такое большое значение успеху летнего наступления), которая могла быть достигнута и благодаря действиям союзников. Но ее не случилось. Во-вторых – заключение сепаратного мира, на что Временное правительство, провозгласившее верность союзническим обязательствам, пойти не могло.

Ф. А. Гайда (МГУ, Москва)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

Процессы были *противоречивыми*. В эти годы Россия отличалась высокими темпами экономического развития. Для ее предыдущего развития они имели необычно масштабный характер и вели к качественным изменениям. Этот процесс неизбежно сказывался на социальной сфере: в первую очередь, речь шла о неизбежном стихийном демонтаже сословного строя. Развитие экономики также провоцировало расслоение и социальные конфликты. Многоукладность и полиэтничность империи придавали этим тенденциям дополнительное значение. При этом *делать однозначный вывод о нарастании политического кризиса было бы слишком прямолинейно. К началу войны снизилась степень политизации общества*, все политические партии находились в глубокой стагнации, их всероссийская структура, по сути, развалилась. Рабочие забастовки в столице накануне войны не сопровождались крестьянскими волнениями, движением среди студентов или в армии. Единого оппозиционного фронта (подобно существовавшему к 1905 г.) не было. Правительство сохраняло политическую инициативу, хотя внутри него и шла серьезная борьба за направление дальнейшего развития.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.1. Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти).

Правительственная политика после 1906 – 1907 гг. была направлена на решение ряда проблем, спровоцировавших Первую русскую революцию. С 1912 г. постепенно вводилась система рабочего страхования. Столыпинская реформа не решала аграрного вопроса во всей его полноте, но нанесла мощный удар по общине как революционной силе, раздробив ее целостность и перенеся конфликт внутрь крестьянской среды. С 1907 по 1917 гг. значимых крестьянских волнений в России не было. Национальный вопрос сохранял свое значение, однако отличался разнохарактерностью (в зависимости от конкретного региона) и сам по себе в ближайшей перспективе не смог бы стать для империи роковым. Либеральная оппозиция накануне войны находилась в состоянии внутреннего кризиса. Умеренные либералы (октябристы) к началу войны утеряли единство и самостоятельность. Вхождение во власть представителей радикальных либералов (кадетов) не представляло необходимости и имело бы скорее негативный характер в силу утопичности проектов и отсутствия управленческого опыта. Кадеты и сами не стремились к стратегическо-

му контакту с властью, предполагая необходимость ее радикального реформирования в будущем. *Самой острой проблемой* для политической стабильности в перспективе был укоренившийся со времен Александра III *раскол между правительством и образованным обществом*. Обе эти силы не могли существовать друг без друга, но привыкли к взаимной борьбе. Этот раскол можно было бы преодолеть взаимными усилиями, но на практике этого не произошло.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Первая мировая война сделала революцию *весьма вероятной* в близкой перспективе. Затянувшаяся война усугубляла все существовавшие проблемы и резко снижала возможности власти работать над их разрешением.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.2. Дума и либералы.

Дума и либералы спровоцировали революцию, борясь за собственную политическую самостоятельность. Ситуация к началу 1917 г. требовала от либералов либо стратегического соглашения с властью (путем снижения собственной политической активности во время войны и в надежде на резкую активизацию после войны – с опорой на Думу и общественные организации), либо усугубления политического кризиса. Либералы выбрали второй путь. *Социалисты в данной ситуации выступали как младшие партнеры либералов*. В руках социалистов не было столь значимых возможностей, которыми обладали либералы (думское большинство, общественные организации). Власть с 1914 г. по большей степени шла на политические уступки (хотя часто неохотно, непоследовательно и хаотично). Это выразилось в создании общественных организаций, смягчении военной цензуры в 1915 г., созыве Думы на длительные сессии, попыткам назначения министров, которые могли бы претендовать на общественное доверие (сама оппозиция так и не смогла составить согласованного списка таких лиц). Обратная тенденция («реакционная») была гораздо менее выраженной. Тем не менее, наличие этой тенденции позволяло раздувать мифы о темных силах, сепаратном ми-

ре и т. п. В этом смысле власть расплачивалась за ошибки не только современные, но и предшествующих десятилетий. Из виновника она постепенно превращалась в жертву.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

Начало солдатского восстания. Именно оно привело к победе революции в столице. Демонстрации рабочих и обывателей сами по себе были достаточно привычным явлением. Примкнувшая армия придала им характер исключительный. Опираясь на восставший гарнизон, оппозиция могла приступить к созданию революционных органов власти и вести переговоры с генералитетом о смене монарха.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.2. Думские лидеры и либеральные круги.

Николай II не мог бы отречься в ответ на стихийное движение. Генералитет не пошел бы на компромисс с левыми радикалами. Именно *думские лидеры и либеральные круги* обеспечили отречение, представив его как основу для политического примирения. И царь, и генералы считали отречение способом прекращения внутренней смуты. Кроме того, генералы к февралю 1917 г. уже соглашались с мыслью о том, что либеральная власть более способна обеспечить победу в войне, чем прежнее правительство. Отказ Михаила также был вызван тем, что подавляющее большинство либеральных деятелей уже склонились к республике, хотя в этом их, безусловно, убеждал размах революционных событий в столице. Тем не менее, решение Михаила зависело от настроения либералов, а не от народного движения. Либералы продемонстрировали нежелание противодействовать этому движению.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Закономерный результат целого ряда политических ошибок и иллюзий. При этом основное значение Февраля может быть понято лишь в контексте последующих революционных и послереволюционных событий вплоть до

1930-х гг. Однако, например, сталинская политика вне февральских событий также необъяснима.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Вопрос о мире в одностороннем порядке не мог быть решен без последующей международной изоляции и интервенции (что и показал Брестский мир). Для решения аграрного вопроса необходим был эффективный властный механизм. Передача земли крестьянам проблему малоземелья не исчерпывала. Необходимы были активная переселенческая политика и повышение эффективности крестьянского труда. Временное правительство не в состоянии было решить насущные задачи в силу отсутствия рычагов управления и самого желания их создавать. Кроме того, новая власть не смогла определиться с тем, на какие слои и группы населения она готова опереться.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

По сути, либералы и умеренные социалисты *не имели шансов*. Февраль неизбежно положил начало масштабному революционному кризису, приведшему к гражданской войне. Отсутствие властного механизма в огромной и многоликой стране, ведущей при этом тяжелейшую войну, имело (и не могло не иметь) катастрофические последствия.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Что можно сказать об общем *характере* Февральской революции?

Революция не была буржуазной. Либеральные партии нельзя назвать собственно буржуазными. Временное правительство не проводило собственно буржуазной политики. Революцию нельзя назвать собственно либеральной, хотя либералы и стояли в авангарде революции. *Она имела общедемократический характер. Главной задачей являлось свержение самодержавия*. Набор остальных задач у различных политических и социальных сил был

чрезвычайно разнообразен: буржуазный и социалистический, патриотический и космополитический, оборонческий и пораженческий, империалистический и автономистский (сепаратистский). По этой причине новый политический режим мог быть создан лишь с помощью насилия, на которое Временное правительство не пошло. По этой же причине Февраль неизбежно порождал дальнейшее нарастание революционного процесса.

А. Ю. Давыдов (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

Атрибутом общественного развития России накануне Первой мировой войны была политическая нестабильность, проявлявшаяся в отдельные периоды более или менее выраженно. Между тем недовольство рабочих масс, аграрное перенаселение, неудовлетворенные претензии буржуазии и т. д. представляли собой побочные и естественные проявления модернизационных процессов, а нередко противоречия имели латентный характер. *Определить, в какую сторону направлялось развитие – к анархии или к порядку, невозможно*, поскольку не создан выявляющий температуру социального организма термометр. В то же время ясно, что наличествовал целый ряд ключевых факторов, не позволявших социуму перейти грань между малоустойчивостью и системным кризисом. В России успешно осуществлялась индустриализация, по промышленному производству страна вышла на пятое место в мире[1]. Следствием продолжительного динамичного индустриального подъема, предшествовавшего 1914 г., стало достижение отечественной промышленностью крупных успехов в годы мировой войны: в 1916 г. она производила 150 тыс. снарядов в день (Франция – 200 тыс.), к этому году в сравнении с 1913 г. промышленность страны выросла на 20 %[2].

В России проводился в целом либеральный экономический курс, тесно связанный с политическим прогрессом, с процедурами становления гражданского общества. Можно говорить *о решающем вкладе в развитие позитивных процессов со стороны первой русской революции, которая по существу ста-*

[1] Первая мировая война как пролог XX века. М., 1998. С. 93.
[2] Пленков О.Ю. Истоки современности. СПб., 2014. С. 127.

ла победой прогрессивной общественности и содействовала разрешению целого ряда социальных конфликтов. Согласимся с суждением крупнейшего специалиста по истории либерализма В. В. Леонтовича, который настаивал на том, что в отечестве возник «новый строй», «настоящая конституция» и «новый человеческий тип»[3].

Вместе с тем с немалыми тяготами была связана повседневная жизнь простых людей в России – стране с необозримыми просторами и в большинстве случаев с неблагоприятными климатическим условиями, с крайней хозяйственной разобщенностью народов и регионов. В итоге материальное благосостояние и культура в нашем отечестве отставали от Западной Европы. Давали себя знать свойственные народной ментальности исторически сложившиеся традиции авторитарного, иногда анархически-бунтарского или фаталистического мировосприятия. Тем не менее, как представляется, влияние подобных негативных факторов постепенно нивелировалось. Эксцессы в виде крестьянских восстаний и «красных петухов» не отменяли тенденции, выражением которой было неприятие большей частью подданных империи любых социальных потрясений. Не случайно накануне Первой мировой войны радикальные партии серьезным влиянием не пользовались.

Любой общественной системе присуща неупорядоченность. Нестабильность в отличие от устойчивости всегда проявляется в интриге, содержит в себе элемент приключения. Нередко на них целиком сосредоточивают свое внимание исследователи, приходя в результате к утверждению об обреченности самой системы. Между тем необходимым условием развития социума является сочетание тяготения к хаосу со стремлением к организованности. Обращаясь к российскому общественному устройству, нельзя не указать на присущую ему энтропию. Но ее нарастание до пограничных ситуаций, до состояния слома старой жизни оказалось результатом фактора, порожденного мировой войной. Удар, который в мирных условиях был бы амортизирован социальной системой, в обстановке предельной хаотизированности оказался гибельным и судьбоносным.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.1. Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти).

---

[3] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 536.

Масштабной проблемой предвоенной России оказался *раскол элит*. Развернутая либеральной интеллигенцией мощная пропагандистская кампания постепенно подрывала авторитет монархии. Жесткое противостояние значительной части интеллигенции и верховной власти расшатывало фундаментальные основы функционирования отечественной империи, осуществлявшей политическое господство в условиях российской экстремальности. Важным фактором существования крепкого государства на необозримых просторах являлась готовность имперской элиты трудиться для него. Стоило значительной части ответственных имперских распорядителей отказать в поддержке верховной власти и предать ее, как судьба народа отдавалась на волю случая. Так обстояло дело на протяжении многих веков. В первые десятилетия XX века в условиях мира политическая ситуация вполне могла стабилизироваться, поскольку положение во многом изменилось из-за интенсивной модернизации и европеизации страны. Но в ходе мировой войны произошла катастрофа.

Верхушка интеллигенции, пользовавшаяся большим влиянием на власть и народ по причине своих образованности, богатства и сплоченности, отказалась признавать действовавшее монархическое государство меньшим из наличествовавших зол; она не желала видеть в нем силу, способную эволюционировать в сторону прогресса. Более того, русские либералы представляли в целом единый радикальный лагерь, консолидированный отрицанием верховной власти и перешедший на антиправительственные позиции. Лидеров кадетской партии даже стали называть «революционными» либералами. Эта контаминация отражала существо процесса: российский либерализм начала XX века утрачивал признаки идеологии постепенства и общественного консенсуса, даже к терроризму его представители во многих случаях относились терпимо.

Идеологический диктат специфического отечественного свойства доминировал над практической целесообразностью. Замечательно по данному поводу высказался маститый историк и писатель М. Я. Геллер. В своем предисловии к изданным в Лондоне в 1988 году воспоминаниям В. Д. Набокова он писал о кадетах: «Общественное служение оборачивалось слепой верой в «народушко», идеализм превращался в политическую незрелость, личная отвага – в беспечность»[4].

[4] Геллер М. Начало // Набоков В. Временное правительство и большевистский переворот / Предисловие М. Геллера. London, 1988. С. 8.

При этом умные, культурные российские либеральные диссиденты редко встречались с простым народом и плохо его знали. К участию в жестоком деле русской политики большинство из них оказалось не подготовлено, поскольку отсутствовало адекватное понимание своего места в ней. Их ярое западничество помешало осознать угрозу со стороны отечественного революционаризма. В результате серьезной проблемой стало отсутствие опыта противостояния последнему. Но это отнюдь не означало, что выход отсутствовал. Когда бюрократическое имперское государство разрушилось, интеллигенты оказались лицом к лицу с вооруженными вчерашними крепостными, на первых порах взиравшими на них с надеждой и верой. Теперь судьба страны почти целиком зависела от организованности лидеров либеральных диссидентов, от выбора ими правильной тактики.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Мировая война сделала революцию *весьма вероятной*, ибо возникла и реализовалась возможность солдатского бунта. Мобилизация для десяти миллионов крестьян означала разрушение векового порядка, резкий и полный разрыв с сельской патриархальной традицией. Упорядоченность деревенской жизни выступала атрибутом той культуры, которая – по терминологии видного современного этнографа В. Н. Романова – относилась к разряду «симпрактических», то есть «связанных с полем»[5]. Имеется в виду, что вся жизнь деревенского труженика, без остатка, целиком определялась властью земли и подчинялась ритму сельской повседневности. Осуществлялась интериоризация крестьянской хозяйственной практики. Земля должна была родить, а урожай следовало убирать, чтобы кормиться и платить государственные налоги – так расставлялись акценты. И вдруг сложившийся веками алгоритм стал разрушаться. Под мощным воздействием катастрофической войны основы симпрактической культуры распадались. В такой обстановке существование вчерашних сельских тружеников становилось осмысленным только под систематическим воздействием изнуряющей работы, а также жесткой дисциплины, освящаемых дарованными богом властью и

[5] Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991. С. 163, 172.

государем; до войны большинству власть представлялась таинственным, метафизическим явлением. Однако в запасных полках, учебных батальонах и гарнизонных казармах такой по-настоящему тяжелой для вчерашних крестьян работы было мало, а авторитетные интеллигенты во время досуга учили солдат не доверять монарху.

Солдаты понимали так, что с верховной властью, которую позволяется безнаказанно оскорблять с трибуны Государственной Думы, можно не считаться. Именно здесь обнаруживается причина революционного брожения в войсках, а не в нехватке продуктов или боеприпасов. Рассуждая о постигшей Россию катастрофе и ее царствующих виновниках, оппозиционеры разжигали общественное негодование. Катастрофа существовала лишь в головах диссидентов, но ее восприняли всерьез вчерашние крестьяне. Миллионы здоровых, крепких, обученных военному делу и вооруженных мужчин оказались готовыми идти за теми, кто докажет им право на власть.

Между тем процесс деморализации армии к началу 1917 г. отнюдь не стал необратимым. Крестьянская идентичность с ее тяготением к лояльности, пиететом в отношении власти и доверием к царю отнюдь не исчезла полностью. Опытные и волевые командиры, толковые администраторы имели шансы пресечь солдатскую вольницу. То, что столичные бюрократы и думские политики в феврале 1917 г. допустили солдатский бунт, стало результатом профессиональной непригодности первых и политической безответственности вторых. Причем, главную роль сыграл непрофессионализм бюрократии.

Среди имперских администраторов мы встречаем большое число толковых и дальновидных управленцев. Им было вполне по силам предотвратить спровоцировавшее расширение бунта случайное стечение ряда неблагоприятных обстоятельств. Об исторической «неизбежности» вызвавшего революцию импульса говорить нельзя.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.2. Дума и либералы.

Главными виновниками являются *Дума и либералы*. В двадцатых числах февраля в имперской столице сложилась критическая ситуация. Конфликт между большинством депутатов Государственной Думой и императором

приобрел беспрецедентную остроту и развивался на фоне массовых забастовок и демонстраций рабочих. Он мог быть урегулирован путем взаимных уступок и политического торга. Однако верховная власть, оправдывая свою жесткость чрезвычайным военным временем, упустила шанс и недальновидно отказалась от любых форм компромиссного взаимодействия с Думой; наоборот, она обидела интеллигенцию, особым указом прервав на два месяца заседания законодательного органа. Либералы же недальновидно позволили себя спровоцировать и пошли в решительное наступление на правительство и монарха. В итоге, следуя своим групповым интересам, контрэлита разрушила верховную власть и кровно связанную с ней государственность. Вина лидеров оппозиционной интеллигенции состояла в осуществлении авантюрного проекта в самое неподходящее для этого время жестокой мировой войны. Их покинуло чувство личной ответственности за державу. Они забыли, что коней на переправе не меняют.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.3. 27 февраля – решение лидеров Думы создать Временный комитет.

Думается, начало революции связано с образованием *27 февраля Временного комитета Государственной Думы*; он возник на созванном председателем законодательного органа М. В. Родзянко совещании. В результате, бунт приобрел организационные формы и трансформировался в революцию. Именно Временный комитет стал центром последней, штабом восстания в Петрограде. Думский комитет направлял комиссаров в правительственные учреждения, проводил аресты сторонников царского режима, создал милицию, образовал первую в России свободную газету «Известия Комитета петроградских журналистов». Рассылаемые им на места воззвания и циркуляры революционизировали всю страну. А думские социалисты (А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев) обеспечили важную предпосылку революционного успеха – используя связи среди офицеров, сумели склонить солдат на сторону восстания[6]. А. Керенский справедливо утверждал в своих воспоминаниях «Россия на историческом повороте», что в первые революционные

[6] Давыдов А.Ю. Два взгляда на революционное прошлое России: А.Б. Николаев и Ц. Хасегава о смысле февральско-мартовского перелома 1917 г. // Научный диалог. Вып. № 4 (52). 2016. С. 195

дни Временный комитет был единственным общенациональным центром власти. Большим несчастьем стало то, что эту власть он упустил.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.2. Думские лидеры и либеральные круги.

Думские лидеры А. И. Гучков, В. В. Шульгин, М. В. Родзянко использовали в интересах группы оппозиционных думских деятелей слабые стороны Николая II и его брата. Положение дел в стране ими было представлено таким образом, что император и Михаил Александрович поочередно решились на отказ от престола. Это было неожиданностью для многочисленных сторонников монархии, лишило их возможности активного сопротивления, а также внесло полную сумятицу в сознание простого народа и стало условием усугубления смуты.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.2. Исторически ненужное событие.

Февральская революция стала результатом сочетания ряда роковых случайностей и представляла *исторически ненужное событие*. В условиях связанного с мировой войной перенапряжения народных сил смена верховной власти была чревата разрушением государственности и катастрофическими последствиями. Как представляется, политическая и экономическая модернизация России, ускоренная 1905 – 1907 годами, после победы в мировой войне (даже без России Антанта победила) продолжилась бы. Революционные события 1917 г. прервали движение отечественного общества по демократическому пути.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Радикальные преобразования институционального свойства в воюющей стране в рассматриваемое время были недопустимы. Отнюдь не они стояли в повестке дня. Следует исходить из того, что потрясения постфевральского периода оказались в первую очередь результатом разрастания солдатского бунта. Поэтому главной ошибкой либералов и умеренных социалистов стало

попустительство нарушителям дисциплины в армии. Второй крупной ошибкой новых правителей стало потакание руководителям радикалов (большевикам, анархистам), индифферентность в отношении их антивоенной и противоправительственной агитации в войсках. Применение уголовного преследования к лидерам экстремистов, нейтрализация их воздействия на солдат существенно притормозили бы революционный процесс до завершения войны. Чрезвычайно выразительно, что первоочередность солдатского вопроса понималась деятелями новой элиты; например, в упомянутых мемуарах управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков указывал на «вопрос об армии» как на «центр тяжести всего положения». Однако до энергичных действий дело не доходило, хотя решительность спасла бы положение.

Предпосылки для наведения порядка в армии сохранялись до конца октября. В этом смысле интересны сведения, содержащиеся в работе авторитетного исследователя С. Н. Базанова. Оказывается, основная часть солдатских комитетов осенью 1917 г. относилась к числу небольшевизированных, а за сторонников В. И. Ленина на фронтах (кроме Северного и Западного) голосовало от 15% до 31 % солдат[7]. Вместе с тем результаты выборов в Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) и – главное – в местные советы (начало 1918 г.) отчетливо выявили поддержку значительным большинством российского крестьянства эсеров, отнюдь не большевиков; именно крестьяне в первую очередь пополняли армию и определяли ее настроение.

В названных обстоятельствах очень многое зависело от офицерской корпорации. О сильном влиянии авторитетных офицеров на военнослужащих свидетельствует емкий и выразительный факт, приведенный в дневнике командующего корпусом Северного фронта генерала А. П. Будберга. Он рассказывал о состоявшейся 9 октября 1917 г. своей встрече с представителями солдатских комитетов. По словам генерала, военнослужащие были деморализованы «вольным и ленивым стоянием в резерве» и подверглись разлагающему влиянию пропаганды «демагогов из большевистских вожаков… которые как черт ладана боятся окопов». В результате фронтовики проникались жалостью к себе и злостью к виновникам своих страданий. Генерал рассказывал: «Жалобы раздавались самые слезливые: и устали мы, и рядов в ротах мало, и босые все, и от голода пухнем». Такие ламентации военачальник комментировал следующим образом: «… одним словом, привычные завыва-

[7] Власть и общество в истории России. Сборник статей. М., 2012. С. 69, 71.

ния русского попрошайки, когда он хочет выпросить побольше». При этом командующий «… по пунктам разбивал все жалобы: заставил сознаться, что ни босых, ни голодных нет, да и быть не может… большинство возражавших смолкало и исчезало в толпе». Замечательно то, что в октябре 1917 г., за две с небольшим недели до октябрьского переворота волевой и энергичный генерал умел в одиночку охлаждать пыл целых толп окопников. Силой слова и авторитета (даже не приказа или страха наказания) командиру удавалось получать поддержку со стороны «старых разумных солдат» и убеждать фронтовиков отправиться из тылов в окопы. Хотя так было не всегда, поскольку, по свидетельству составителя дневника, его усилия нередко пропадали втуне из-за «крикливых пропагандистов»[8].

Инициативные и мотивированные офицеры (таких насчитывалось немало) без сомнения сумели бы призвать к порядку непокорную солдатню, получи они поддержку от правительства в послефевральские месяцы. Поддержка могла принять форму широких полномочий по восстановлению дисциплины и по нейтрализации экстремистов-агитаторов в соответствии с законами военного времени. В двух случаях – при осознании новой элитой крайней необходимости подобных мер и при наличии доверия с ее стороны офицерам – армия была бы успокоена.

Политика представляет собой искусство возможного, то есть реализацию комплекса мер по выявлению фактора глобальной турбулентности и концентрации усилий на его устранении. Поскольку этого в 1917 г. не было сделано, то возникает предположение, что деятели Временного правительства были лишены способности к концептуальному мышлению.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.2. Умеренные социалисты имели хорошие шансы сохранить власть в своих руках и обеспечить либеральный характер революции.

Думается, могла. Но стоит различать либеральную власть и либеральную политику. Советское правительство вполне могло проводить эту последнюю.

На первых порах благоприятным условием сохранения либеральной парадигмы русской революции был компромисс между либералами и умеренными социалистами и – главное – их решимость сообща преодолевать смуту.

---

[8] Будберг А.П. Дневник. 1917–1919. М., 2016. С. 20, 21.

В ходе февральско-мартовских событий очевидное воплощение эффективного компромисса обнаруживается в деятельности Временного комитета Государственной Думы, определившей либеральное направление политического процесса. Думский комитет был законно избранным органом, продолжателем легитимной традиции и целиком доминировал в отношениях с Петроградским советом. Эта структура начала действовать решительно и ответственно. Реализовывался потенциал демократического, парламентского развития отечества. М. В. Родзянко выступил с проектом созыва Государственной Думы и наделения ее полномочиями конституанты. К величайшему сожалению, амбициозным П. Н. Милюкову и А. Ф. Керенскому удалось добиться замены ВКГД Временным правительством, на которое они рассчитывали влиять в большей мере, чем на думский комитет.

В дальнейшем возможности новой правительственной администрации проводить компромиссный курс не исчезли, но определилась тенденция к их уменьшению из-за постепенной утраты контроля за положением дел в стране. Это не отвергает того, что шансы либеральной революции время от времени значительно увеличивались (особенно сразу после событий 3 – 5 июля). Однако раз за разом следовали провалы и кризисы из-за неспособности революционных лидеров надолго сохранить компромисс и единство действий в отношении наведения порядка в армии и пресечения разрушительной деятельности экстремистов. По данной причине, как представляется, провал корниловского мятежа предрешил уход либералов от власти. Но это вовсе не означало, что политический курс обязательно должен был измениться и стать социалистически-большевистским.

Без переворота в конце октября 1917 г., вызванного, прежде всего, волей Ленина и еще нескольких харизматиков, неизбежно появилось бы многопартийное, созданное советами правительство. Его политика могла остаться нормальной (то есть в общем либеральной, без радикальных социальных экспериментов). Думается, предположение о неотвратимости краха демократического (либерального) курса в отечестве в 1917 г. исходит из преувеличения степени вызванного войной и анархией разрушения всех социальных структур. Автор этих строк полагает, что общество имело все шансы преодолеть состояние аномии, ибо его адаптационные способности были очень велики, и они недооценены исследователями.

Тотальной деградации российского социума, несовместимой с демократией и либерализмом, на протяжении 1917 г. не отмечалось. Общество в революционном году находилось очень и очень далеко от катастрофы, и налицо были все возможности ее миновать.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

С февраля по октябрь 1917 г. политическое развитие отечественного общества выражалось процессами радикализации. В качестве причины следует назвать нерешительность деятелей новой элиты. И все же: где первоисточник подобного уступчивого (прежде всего в отношении приверженцев экстремизма) поведения умеренных российских политиков? Как представляется, дело в том, что им противостоял совершенно особенный противник, а они этого не поняли и вели себя так, как будто действовали в более или менее нормальной парламентской обстановке. Между тем под оппозиционным флагом, с возвышенными социалистическими лозунгами выступали радикалы и экстремисты, не имевшие абсолютно ничего общего с национально ориентированными и отвечавшими за судьбу родины политиками. В самом деле, они были максимально последовательны в разрушении армии (в условиях войны!), в развале организованных аграрных хозяйств и организации голода, в разорении промышленных предприятий и в осуществлении тому подобных антинародных акций. Опасность со стороны авантюристов была настолько значительна, что требовалось незамедлительное проведение законных жестких мер. Осуществлять их следовало методично до тех пор, пока не удалось бы устранить экстремистов с политической арены.

Политическая воля руководителями Временного правительства в отношении экстремистов вполне могла быть проявлена, поскольку в данном случае закон (а не только целесообразность) требовал жестких мер, и либералы не могли ощущать противоречия со своими принципами. Как следствие, значительно укрепились бы позиции элиты, пришедшей к власти в феврале – марте 1917 г.

Общественное развитие в революционном году – это совокупность нескольких реальных альтернатив. Автор данного текста попытался выявить их. Он приходит к выводу о том, что в условиях максимальной социальной хаотизированности любой толчок мог стать фактором колоссальных полити-

ческих сдвигов. Как видим, революция 1917 г. представляла собой явление стохастического характера. Случайными и спонтанными были поступки влиятельных личностей. Между тем, беды, происходившие от нерешительности одних и экстремизма других исторических деятелей, усугублялись феноменом мировой войны. В подобных экстремальных обстоятельствах кумулятивный эффект усилий отдельных людей стал причиной изменения хода истории отечества. В результате были расшатаны опоры, поддерживавшие колоссальную глыбу, представлявшую российский социум. Эта глыба как раз по причине собственной громадности в своем падении приобрела такую безмерную инерцию движения, что на протяжении нескольких лет разрушила общественные структуры, уничтожила миллионы людей.

А. Дикинс (Великобритания)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

До 1914 г. произошли позитивные изменения, такие как модернизация российской системы коммуникаций и интеграция населения в общественные организации (особенно в кооперативы). Однако разногласия между классами, с одной стороны, и между обществом и правительством – с другой, означали, что положение царского режима было по-прежнему нестабильно. Из-за этого такое *позитивное развитие фактически способствовало развалу самодержавной власти*, поскольку социально-экономическая база России не позволяла правительству консолидировать и эксплуатировать ее в своих интересах.

There were positive developments before 1914, such as the modernization of Russia’s communications system and the integration of the population into public organizations (especially cooperatives). However, the divisions between classes, on the one hand, and between society and government, on the other hand, meant that the position of the Tsarist regime was still unstable. Because of this, such positive developments actually contributed to the breakdown of autocratic power, as the social and economic base of Russia did not allow the government to consolidate and exploit them to its advantage.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.1. Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти).

Благодаря участию «либералов» в правительстве царский режим мог бы протянуть руку многочисленным слоям населения России. Умеренные политики имели связи с бизнес-элитами (например, Гучков), но также с крестьянами и рабочими (например, Керенский). Таким образом, участвуя в правительстве, они могли бы обеспечить политический мост между государством и его населением.

Through the participation of «liberals» in government, the Tsarist regime could have reached out to multiple sections of the Russian population. Moderate politicians had links to the business elites (e.g. Guchkov), but also peasants and workers (e.g. Kerensky). As such, by participating in government, they could have provided a political bridge between the state and its population.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Хотя Российская революция не может считаться неизбежной до тех пор, пока она фактически не вспыхнула, Первая мировая война была, вероятно, самым важным фактором, который позволил этому случиться. Этому есть несколько причин. Во-первых, война вбила клин между государством и либеральными политиками, которые могли бы его поддержать. Она заставила образованные слои общества осознать, что правительственные круги не могут эффективно справляться с задачами военного времени. Во-вторых, война усугубляла положение рабочих и крестьян как в экономическом, так и в политическом смысле. В-третьих, она способствовала волнениям и росту стремлений к самостоятельности среди национальных меньшинств. В-четвертых, она усилила самостоятельность российских провинций, позволив им бросить вызов власти центрального правительства. Наконец, она привела к массовому недовольству в армии, которое охватило не только рядовых солдат, но офицеров и генералов. Все эти факторы были важными для того, чтобы Февральская революция произошла именно так, как она произошла.

Although the Russian revolution cannot be considered inevitable until it had actually broken out, the First World War was probably the most important factor

which allowed it to happen. This is for multiple reasons. Firstly, it drove a wedge between the state and liberal politicians who could have helped support it, by making educated society realise that governmental elites could not handle the pressures of war effectively. Secondly, it exacerbated the situation of workers and peasants, both in an economic and political sense. Thirdly, it encouraged unrest and autonomy amongst national minorities. Fourthly, it spread power to the Russian provinces, allowing them to challenge to rule of the government in the centre. Finally, it resulted in massive military unrest, which involved not only rank-and-file soldiers, but also officers and generals. All of these factors were critical in allowing the February revolution to break out in the way it did.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

В конечном счете, неспособность режима справиться с социальными и экономическими проблемами и адекватно реагировать на события в России означает, что царь и его правительство больше всего виноваты в собственном падении.

In the final analysis, the failure of the regime to address social and economic pressures and respond adequately to developments across Russia means that the Tsar and his government were most to blame for their own downfall.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

Революции не могут произойти без вооруженной силы. Если бы солдаты в Петрограде не встали на сторону революционеров, революционеры были бы сокрушены. В этом случае у либералов в Думе не было бы ни желания, ни возможности создать Временный комитет. Однако некоторые либералы, возможно, все же стремились бы к свержению режима путем военного переворота, как это предлагали Гучков и Терещенко в январе и феврале 1917 года.

Revolutions cannot happen without armed force. Had the soldiers in Petrograd not have sided with revolutionaries, the revolutionaries would have been crushed. In that case, liberals in the Duma would not have had either the desire or possibility to establish the Temporary Committee. However, some liberals may still have aspired to overthrow the regime by means of a military coup, as was proposed by Guchkov and Tereshchenko in January and February 1917.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.2. Думские лидеры и либеральные круги.

Российские либералы играли ключевую роль в окончательном свержении самодержавия, так как их действия в Февральской революции показали, что режим не имел какой-либо серьезной политической поддержки в борьбе против революции. Без участия либералов в событиях 27 февраля и последующих дней маловероятно, что генералы в армии поддержали бы отречение Николая II.

Russian liberals played the key role in the final overthrow of the autocracy, because their actions in the February revolution revealed that the regime did not have any major political support against the revolution. Without liberal intervention on February 27 and the following days, it seems unlikely that generals in the army would have supported the abdication of Nikolai II.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Февральская революция не была неизбежна, поскольку никакие исторические события не являются неизбежными. Ее также нельзя считать ненужной, так как события показали, что большое число жителей России были готовы поддержать ее и принять участие в революции. Это был, скорее всего, замечательный исторический момент, когда различные общественные и политические силы двигались – в течение очень короткого периода времени – в одном и том же направлении.

The February revolution was not inevitable, as no historical events are inevitable. It can also not be considered unnecessary, as the emergence of the political forces which made it happen shows how many Russians were willing to support and participate in revolution at this time. It was, rather, a remarkable historical moment in which social and political forces pushed – for a very short time – in the same direction.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.1. Не решили вопрос о мире.

Уклонение от решения вопроса о мире помешало либералам и умеренным социалистам добиться успеха в любой другой важной области политики: они согласились в том, что прежде надо завершить войну, а затем в полной мере вводить новый политический порядок и осуществлять социально-экономические реформы.

Not addressing the issue of peace prevented liberals and moderate socialists from succeeding in any other major policy area, since they agreed that the war would have to end before a new political order and socio-economic changes could be fully implemented.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

Классовые, культурные и национальные различия в российском обществе вели к тому, что после Февральской революции было очень трудно установить всеохватывающую и эффективную систему правления. Наиболее вероятно было то, что власть попадет в руки групп, каждая из которых будут стремиться решать свои собственные проблемы, такие как перераспределение земли, урегулирование условий труда для рабочих, и установление автономии (или независимости) национальных меньшинств.

The class, cultural, and national divisions between different groups in Russian society meant that any overarching system of government would have been very difficult to establish successfully after the February revolution. It was most likely that power would fall to groups seeking to implement sectional agendas in different parts of the empire, particularly the redistribution of land, resolution of working conditions, and establishment of autonomy (or independence) for national minorities.

В. С. Измозик (СПБГУТ, Санкт-Петербург)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

Мне представляется, что накануне Первой мировой войны процессы развития России были *противоречивы*. С одной стороны, были достаточно

высокие темпы экономического роста в промышленности, но одновременно не был решен аграрный вопрос. Развитие сельского хозяйства в Сибири и на Северном Кавказе не снимало проблем нечерноземных губерний, которые определяли социально-политическую температуру империи. Как писал А. В. Островский, «из девятнадцати предвоенных лет только двенадцать были урожайными, а семь по существу являлись голодными, так как в эти годы собранный урожай не мог обеспечить продовольственных потребностей населения». В итоге к 1914 г. количество губерний с продовольственным дефицитом выросло до 32-х, а «особенно сильно от товарного хлеба зависели Московская и Петербургская губернии». Похожий кризис переживало и животноводство. В 1912 г. 32% всех крестьянских хозяйств были безлошадными[9].

Столыпинские реформы вовсе не привели к ликвидации общины. Как известно, из общины вышло около 25 % крестьянских хозяйств. По подсчетам В. С. Дякина, на хутора и отруба до 1914 г. размежевалось примерно 1,5 млн. дворов или 10 % от общего числа крестьянских дворов в Европейской России.[10] Между тем, власть после 1905 – 1906 гг. справедливо видела в общине политическую опасность. По мнению П. А. Столыпина, «дикая, полуголодная деревня, не привыкшая уважать ни свою, ни чужую собственность, не боящаяся, действуя всем миром, никакой ответственности, всегда будет представлять горючий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу»[11]. После определенного спада набирало силу рабочее движение: события на Ленских приисках в апреле 1912 г., забастовки в Петрограде и других промышленных центрах, уличные баррикады летом 1914 г. в столице. Продолжали свою деятельность национальные движения в Финляндии, Прибалтике, Белоруссии, Украине, Закавказье. Наконец, предприниматели и интеллигенция были озабочены расширением своего участия в политической жизни, возможностью законным путем через Государственную Думу и органы местного самоуправления влиять на выработку решений. Таким образом, власти неизбежно пришлось бы столкнуться с серьезными социальными, экономическими, политическими и идеологическими проблемами. Но закономерность предпосылок к революции вовсе не означала ее неизбежности.

---

[9] Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. С. 119, 122, 249, 418.
[10] Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина. Сб. статей. СПб.: Лисс, 2002. С. 278–279.
[11] Там же. С. 276.

Без мировой войны Россия, возможно, имела шансы пройти через эти острые конфликты путем компромиссов, соглашений и реформ.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.5. Иное.

Представляется, что самым опасным для политической стабильности страны являлось *одновременное наличие всех четырех проблем* **(**проблема самодержавной власти и участия либералов во власти; рабочий вопрос, крестьянский вопрос, национальный вопрос) которые не существовали каждая в каких-то отдельных пространствах, а переплетались, подпитывая друг друга. Стремление либеральных партий (октябристов, кадетов, прогрессистов) к реальному участию прежде всего в законодательной власти, а также в органах местного самоуправления, вело к тому, что ряд крупных промышленников (П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, Н. В. Мешков и др.) оказывали поддержку, в том числе финансовую, социалистическим партиям, имевшим определенную опору в рабочей и крестьянской среде, рассматривая их как некий таран, средство, способное заставить власть пойти на уступки и политические реформы. Национальные движения, в частности, в Прибалтике, на Украине, в Закавказье, включали в себя и крестьянские выступления. Представители национальных движений тесно контактировали в Думе с депутатами либеральных партий. Но основным массовым движением, прежде всего, был, как мне кажется, крестьянский вопрос в силу его нерешенности, в силу огромной перенаселенности российской деревни и особенно вблизи крупнейших политических и экономических центров: Петербурга и Москвы.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.1. Весьма вероятной.

Опасность войны для внутренней стабильности империи в начале XX в. понимали наиболее дальновидные государственные деятели. Можно напомнить, что С. Ю. Витте был противником военного конфликта с Японией. Когда Австро-Венгрия в октябре 1908 г. аннексировала территорию Боснии и Герцеговины, премьер-министр П. А. Столыпин, понимая опасность вовлечения империи в большую общеевропейскую войну, выступил категорически

против прямого столкновения с немцами и австрийцами, указав, что «развязать войну – значит развязать силы революции». В результате в марте 1909 г. Россия ограничилась словесным протестом, что вызвало крайнее возмущение правых кругов, называвших это «дипломатической Цусимой». Столыпин же в интервью газете «Волга» 23 сентября 1909 г. заявил: «Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!».[12]

Наконец, необходимо вспомнить записку П. Н. Дурново Николаю II в феврале 1914 г., где бывший министр внутренних дел пытался убедить императора не участвовать в назревавшей войне с Германией, дав, в частности, великолепный прогностический анализ основных особенностей будущей большой европейской войны. П. Н. Дурново, например, справедливо считал, что «главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю», что будущая война «будет протекать» в «невиданных размерах», а военные запасы России недостаточны, как недостаточны и сеть железных дорог и подвижной состав, при этом «война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России». Относительно планов присоединения Галиции П. Н. Дурново предупреждал об опасности разрастания украинского движения, которое содержит «несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров». Наконец, в социальном отношении, по его мнению, «крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта», и «стоит только широко кинуть эти лозунги в население, … Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в период смуты 1905 – 1906 годов», а «война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации». Особенно же в случае неудач «законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»[13]. Практически все эти опасности оказались реальными в 1914 – 1917 гг.

---

[12] Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 133.

[13] Историческая психология и социология истории. Т. 7. Вып. 1. М., 2014. С. 177–179, 180, 186–190.

К этому следует добавить кризис управления, вполне наглядный к 1917 г. Т. н. «министерская чехарда» выглядела следующим образом: с 19 июля 1914 г. по 23 февраля 1917 г. сменилось 4 председателя Совета министров (все за 1916 г.), 4 обер-прокурора Святейшего Синода, 4 руководителя в министерствах военных, юстиции и земледелия. Около 90 персональных перемен произошло в МВД. Здесь сменились 6 министров, 15 товарищей министра, 4 директора Департамента полиции и т.д. При этом около половины всех крупных кадровых перемен относились к 1916 г.[14] Но одновременно шла и «губернаторская чехарда». С довоенного времени на своих местах находилось 38 губернаторов и вице-губернаторов. Из 88 новых назначений 43 из них пришлись на 1916 год.[15] Даже независимо от персональных качеств назначенцев любому из них требовалось определенное время для ознакомления с положением дел в своем ведомстве, для выработки необходимых решений и проведения их в жизнь. Поэтому все большее значение приобретал сам чиновничий аппарат, конечно, не склонный к принятию каких-то решительных мер.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство) и мировая война.

Главным виновником начала Второй российской революции 1917 – 1922 гг. (Февраль был лишь ее первым этапом) была *правительственная власть*, не умевшая «выпускать пар из котла», отказывавшаяся принимать во внимание многочисленные предупреждения с конца 1916 г. о нарастании общенационального кризиса, а в условиях России, в первую очередь, император. Даже попытки большинства великих князей, императрицы-матери Марии Федоровны убедить царя пойти на соглашение с Думой встречали решительный отказ. В декабре 1916 г. в беседе с великим князем Павлом Александровичем Николай II сказал: «В день своей коронации я присягал самодержавию, и я должен передать эту клятву нерушимой своему сыну»[16]. Даже 26 февраля 1917 г. в Царском Селе Александра Федоровна в ответ на слова принятого ею шталмейстера Н. Ф. Бурдукова, что положение в столице катастрофическое и императрице лучше уехать с детьми куда угодно, твер-

[14] Куликов С.В. «Министерская чехарда»//Первая мировая война и конец Российской империи. Т.1. Политическая история. СПб.: Лики России, 2014. С. 162–163.
[15] Дякин В.С. Указ. соч. С. 245.
[16] Там же. С. 311.

дым голосом сказала: «Я верю в русский народ. Верю в его здравый смысл. В его любовь и преданность государю. Все пройдет и все будет хорошо»[17].

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:
5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

Следует подчеркнуть, что противоборствующие силы, сами участники революции в момент ее начала далеко не всегда сознают значение происходящих событий. В ходе английской, американской, французской революций XVII – XVIII вв. на начальном этапе оппоненты королевской власти не выдвигали радикальных требований смены политического строя, а желали лишь определенных уступок от власти. 23 февраля 1917 г. власть и оппозиция еще не осознавали масштаба начавшихся событий, не ожидали краха режима в ближайшие дни.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):
6.4. Иное.

Думаю, что следует согласиться с мнением тех историков, которые считают события Февраля 1917 г. прежде всего стихийными. *Решающая роль в свержении самодержавия принадлежала, конечно, солдатским массам*. Никакие рабочие, революционеры или либералы были бы не страшны власти, если бы армия была готова выполнять приказы. Конечно, конкретные анархисты, большевики, внефракционные социал-демократы, межрайонцы, меньшевики, эсеры, беспартийные противники режима играли активную роль в ходе манифестаций 23 – 26 февраля, в будировании рабочих и студентов, но, как отмечал Р. Ш. Ганелин, «настоящие связи в массах у всех революционных организаций были крайне незначительны».[18] Государственная Дума лишь с 27 февраля достаточно активно, как показал, А. Б. Николаев, включилась в революционный процесс[19]. Без стихийного восстания 400 человек учебной команды Волынского полка утром 27 февраля и присоединения к ним десятков тысяч солдат других частей Петроградского гарнизона про-

[17] Ганелин Р.Ш. 26 февраля 1917 г. в Петрограде // Ганелин Р.Ш. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2014. С. 598–599.
[18] Там же. С. 584.
[19] Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2005.

исходившие на тот момент события не переросли бы в революцию. Восставшие, выплеснувшись на улицы, нуждались в лидерах и в коротких, понятных, привлекательных на тот момент лозунгах. Поэтому толпы в поисках руководителей двинулись к тюрьме «Кресты» освобождать заключенных и к Таврическому дворцу, где находилась Дума. Но одновременно в этих же толпах, особенно с 28 февраля, когда столица оказалась в руках восставших, неизбежно возросла доля полукриминального элемента. Свобода воспринималась особенно частью солдат как воля, как возможность почувствовать себя властью. Об этом говорят многочисленные воспоминания. В дневнике великого князя Андрея Владимировича, со слов депутата Государственной Думы М. А. Караулова, участника совещания общественных деятелей с великим князем Михаилом Александровичем 3 марта 1917 г. в квартире князя П. П. Путятина в доме № 12 по Миллионной улице, отмечена такая деталь: собравшиеся «все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всех прикончить, хотя поездка к Мише держалась в тайне»[20].

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Мне кажется, что в данном случае варианты ответа не вполне корректны. Думаю, что потомки вообще не вправе выносить подобную оценку.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

В любой стране широкие массы ждут от революции, от смены политической власти и политического строя каких-то конкретных, реальных результатов, облегчающих их существование. Ленин, большевики и левые эсеры, взяв власть 25 октября 1917 г., немедленно приняли декреты о мире и земле, а затем Декларацию прав народов России, увеличив число своих сторонников во много раз, что, на мой взгляд, позволило достаточно быстро распространить власть Советов почти на всю территорию бывшей империи. *Либералы и умеренные социалисты в 1917 г., по сути, не решили ни одной из проблем, сто-*

[20] Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915-1918. М.: Прозаик, 2012. С. 621.

явших перед страной: война; аграрный, рабочий, национальный вопросы; экономическое положение, создание работоспособного государственного механизма. В стране господствовало даже не двоевластие, а многовластие. В каждом сколько-нибудь крупном городе на практике имелось не менее пяти властных структур: комиссар Временного правительства, городская дума и уездное или губернское земство, Совет рабочих и солдатских депутатов, Совет крестьянских депутатов. Постепенно все слабее становился контроль над армией. Осуществить продразверстку (Закон «О хлебной монополии» от 25 марта 1917 г.), обеспечить выдачу продуктов по карточкам, защитить население хотя бы в некоторой степени от разгула уголовной преступности могла только власть, обладавшая необходимой силой. Этой силой Временное правительство не обладало. Поэтому уже к лету 1917 г. в основных политических и общественных кругах формируется убеждение в необходимости сильной власти, способной стабилизировать ситуацию и решать насущные вопросы. В этом истоки четвертого и пятого политических кризисов 1917 г.: выступления Корнилова в августе 1917 г. и Октябрьского вооруженного восстания. Таким образом, *либералы и умеренные социалисты в 1917 г. оказались политическими несостоятельными*.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.4. Иное.

Радикализация общества; рост влияния большевиков, левых эсеров, анархистов были закономерными процессами, но не неизбежными. Либералы и умеренные социалисты*, возможно, имели шансы удержать власть* в своих руках, но для этого следовало как можно быстрее созвать Учредительное собрание; начать аграрную реформу, хотя бы с отмены арендной платы; срочно сформировать надежные воинские части, разместив их в столице; попытаться, хотя бы частично, разгрузить Петроград (эвакуация части заводов на восток); воздержаться от наступательных операций на фронте. Но для этого была нужна жесткая политическая воля, которая у тогдашних российских политиков отсутствовала.

Ё. Икеда (Токийский университет, Япония)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

На поверхности российское общество в целом было стабильным, но это была такая стабильность, которая при чрезвычайных ситуациях (в особенности в период войны) становилась уязвимой из-за дисбаланса между различными частями системы (например, царь и правительство латентно противостояли Думе, крестьяне не имели достаточного понимания о «государственных делах», в особенности о целях войны).

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:
2.3. Крестьянский вопрос.

В эпоху мировой (тотальной) войны необходим был народ с высоким политическим сознанием (nation), чтобы всеобщая мобилизация общества шла удачно. А в Российской империи к началу XX века еще не было такого народа.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:
3.2. Весьма вероятной.

Если бы правительство успело заключить сепаратный мир вовремя, еще была возможность, хоть бы и очень маленькая, избежать революции.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:
4.1. Царь и его окружение (правительство).

Чтобы проводить удачно тотальную войну, нужен был гражданский мир с участием представителей «общественности» в правительстве. Но царь не выбрал этого пути и излишне провоцировал негодование общественных сил, помощь которых была необходима для победы.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:
5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

Если речь идет о ***начале*** революции, 23 февраля – естественный выбор. А что касается решительного момента, это 27 февраля – восстание солдат. Именно это подтолкнуло либералов к созданию Временного комитета Государственной Думы.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.2. Думские лидеры и либеральные круги.

Хотя давление со стороны демократии сыграло важную роль, именно либералы определили основное направление событий (и отречение царя, и отказ Михаила от престола).

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Исторически почти необходимое событие. Столь архаичной империи было весьма трудно выжить в тотальной войне образца XX века.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.1. Не решили вопрос о мире.

С Февральской революцией развалилась армия. Военный министр Гучков сразу это понял. Если бы Временное правительство заключило сепаратный мир, или, фактически перестало бы воевать, тогда Советы и вообще массы потеряли бы революционный пафос. В этом главная причина того, почему в 1918 – 1919 гг. в Германии революция закончилась лишь республиканской стадией, а не перешла на социалистическую стадию.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.4. Иное.

Чтобы Февральская революция удержалась в рамках либеральной революции, нужны были, во-первых, настоящий блок социалистов с буржуазией (как настаивал Потресов), и, во-вторых, жестокость по отношению к большевикам после июльских дней. Тогда у России была бы возможность стать такой же либеральной республикой, как Третья французская республика после по-

давления Парижской коммуны, или Веймарская республика после подавления восстания «спартаковцев».

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Какое влияние оказала Русская революция на мировую историю?

По отношению к Западу она (точнее, Октябрьская революция) поощряла идею о социальном равенстве, подтолкнув развитие системы социального обеспечения, то есть, она помогла тому, чтобы жестокий капитализм начала XX века стал капитализмом с человеческим лицом второй половины XX века. По отношению к Востоку и Февральская, и Октябрьская революции, оказались буревестником эпохи национального самоопределения. И Китай, и Корея, и Индонезия действительно вдохновились Русской революцией, и, по-моему, историческое значение этой стороны революции 1917 г. и истории Советской России остается и останется великим в настоящем смысле слова.

Г. З. Иоффе (Канада)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.2. Шел процесс нарастания социально-политической стабильности.

В указанный период (1907 – 1914) *стабилизационная тенденция в России превалировала*. Экономика быстро, особенно промышленность, развивалась по-капиталистически, жизненный уровень и условия труда постепенно улучшались. Массовое революционное движение сворачивалось, большинство его лидеров и активных деятелей находились в ссылках или в эмиграции. Либеральная оппозиция, хотя и оставалась активной, законодательствовала в Думе, а сама Дума становилась системным учреждением государства. Однако стабилизационная тенденция в России проходила в рамках модернизации, которая всегда и повсюду может создать и создает атмосферу социальной напряженности, что может проявиться в самый неожиданный момент.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.1. Проблема самодержавной власти

В начале XX в. наиболее *важной и острой проблемой являлось состояние государственной власти*. После отмены крепостничества и Манифеста 17 октября 1905-го г. власть либерализовалась. Возникла «думская монархия» – некое «полусамодержавие». Но такое «промежуточное» состояние долго продолжаться не могло. Что же дальше? Влево или вправо? По пути движения к конституционализму или укрепления начал самодержавия? Либеральная оппозиция требовала от власти «произнести слово "конституция"», т. е. продвижения к конституционной монархии. Однако царь считал, что конец самодержавия будет концом России как государства. В этом его полностью поддерживали правые. И он колебался, делал большие или меньшие уступки в обе стороны, но не предпринимал решающего шага. В старой России такое положение называли «меж двор». Тяжелое положение.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.3. Иное.

Участие России в мировой войне мало повлияло на приход революции. Призыв на войну и мобилизация прошли спокойно. Тяжкие поражения русских войск в 1914 и 1915 гг. не привели к срыву стабилизационной тенденции. А в конце лета 1915 г., когда царь взял верховное командование на себя, а начальником штаба Ставки назначил генерала М. Алексеева, ход войны стал поворачиваться в сторону России (успехи на Кавказском фронте, Брусиловский прорыв и др.). Россия вместе с союзниками вероятнее всего шла к победе.

Революционное движение во время войны, как рассчитывали многие революционные элементы, не всколыхнулось. Надежда на это таяла. Ленин в начале 1916 г. в выступлении перед швейцарской социалистической молодежью говорил, что такие старики, как он, уже не доживут до революции. Ему не было тогда и 46 лет.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.4. Иное.

Использование терминов «вина», «виновники» сразу ставится отрицательный знак на Февральской революции. Но ВИНУ могла определить

только царская власть (ее суд), в случае подавления революции, что не исключалось, не отрекись царь.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

Началом революции было 23 февраля, а поворотным моментом в ее ходе – бунт солдат запасных батальонов 27 февраля.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.2. Думские лидеры и либеральные круги.

В падении монархии главную роль сыграл Временный комитет IV Думы (либералы) и высший генералитет.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Февраль внезапно оборвал традиционное в России самодержавие и столь же внезапно установил в ней демократию. Но эта внезапность не могла уничтожить вековых корней и начал авторитаризма. Поэтому Февраль не уничтожил тенденции к «сильной», диктаторской власти. Попытка установить правую, военную диктатуру («корниловщина») не удалась. Но в октябре удалось установить левую, пролетарскую, большевистскую диктатуру, Октябрь нельзя оторвать от Февраля и историческое их значение следует оценивать совместно. Но Октябрьская революция не была единой. Она прошла несколько разных этапов: интернациональный (ленинский), государственно-бюрократический (сталинский), обывательски-мещанский (хрущевско-брежневский). На последнем своем этапе (ельцинском) переродившиеся потомки «октябристских» верхов откатились за некоторые не только октябрьские, но и февральские рамки.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное: ответ совмещен с ответом на 9 вопрос

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

Вряд ли. Беспредельная демократия вела к развалу армии и грозила распадом страны. Сам Ленин считал: в России может быть либо монархия, либо власть большевиков.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Истоком Первой мировой войны следует, пожалуй, считать объединение ряда германских государств в единую Германскую империю. В Европе появилась новая держава с быстро развивавшейся экономикой, нуждавшейся в территориях для получения сырья и рынках сбыта. И Германия встала на путь колониальных экспансий в Африке, на Ближнем Востоке. Но тут ее интересы столкнулись с «колониальной хозяйкой» того времени – Англией. И не с ней одной. Франция, уязвленная поражением от Пруссии, опасалась появления на ее границе могущественного экономического и военного соседа.

А что же Россия? В российских политических кругах (преимущественно правых) было немало деятелей, считавших, что интересы России и Германии нигде не сталкиваются, а война с ней может стать губительной (см., например, «Записку П. Дурново»). Для конца XIX – начала XX вв. такая точка зрения, возможно, имела основания. Но в перспективе растущая мощь Германии должна была привести ее к расширению экспансии, в том числе и на Восток, что угрожало бы русским территориям. Российские верхи встали на эту точку зрения. Опасаясь изоляции, они стали искать союзников на стороне, противостоявшей Германии и ее союзникам. В начале 1890-х гг. Россия заключила союз с Францией, а в 1904 – 1907 гг. сложилась Антанта – союз Англии, Франции и России. Как член этого союза остаться в стороне от приближавшейся войны Россия вряд ли могла.

Говоря о Февральской революции невозможно *обойти роль Г. Распутина*. Раздувавшаяся в некоторых либеральных кругах «распутиниада» была направлена на нравственную дискредитацию последних Романовых, и можно считать, что она достигла цели. Моральный престиж императорской четы пал, и это была одна из главных причин падения монархии в Феврале 1917 г.

В. В. Калашников (СПБГЭТУ «ЛЭТИ»)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности.

Социально-экономическое развитие России накануне мировой войны вело к усилению социально-политической нестабильности российского общества. Это было обусловлено тем, что к 1914 г. царское правительство не смогло решить ни одну из главных проблем, явившихся причинами революции 1905 г.

Не был решен крестьянский вопрос. Процессы социально-экономического развития деревни усиливали революционный потенциал большинства крестьян. Реформа П. Столыпина, инициированная царем, представляла собой попытку решить аграрный вопрос путем перераспределения земли среди крестьян, не затрагивая интересы помещиков. Такая реформа в принципе не могла замирить деревню, ибо никак не улучшала тяжелое экономическое положение большинства крестьян. Напротив, реформа усилила социальное расслоение внутри деревни и неприятие большинством крестьян права частной собственности на землю, поскольку в ходе реформы зажиточные крестьяне выводили из общины лучшую землю и превращали ее в инструмент эксплуатации бедноты. Накануне мировой войны деревня представляла собой пороховую бочку, которая не взрывалась до тех пор, пока власть была сильной: крестьянин помнил карательные экспедиции эпохи первой русской революции.

Не был решен и рабочий вопрос. Численный рост промышленного пролетариата, рост уровня образования среди рабочих, накопление опыта экономической и политической борьбы усиливали их протест против социально несправедливого общественного строя. Стремление властей ограничить политические и профессиональные права рабочих (минимальное представительство в Думе, ограничение профсоюзного движения и др.), готовность власти в любой момент прибегнуть к репрессиям («Ленский расстрел») порождали ответную реакцию. Отношение рабочих к самодержавию и общественному строю проявилось в результатах выборов в Государственную Думу всех созывов: рабочие всегда дружно голосовали за социалистов. На выборах 1912 г. в Думу IV созыва по рабочей курии во всех крупных промышленных центрах депутатами были избраны только большевики – представители партии, которая своей ближайшей целью ставила свержение самодержавия путем

революции. Рост рабочего недовольства проявился в забастовках, вспыхнувших летом 1914 г. Они грозили перерасти в новую революцию.

Национальный вопрос. Процессы социально-экономического развития закономерно вели к росту национального самосознания народов Российской империи, которые требовали, как минимум, той или иной формы культурной или территориальной автономии. Правительство ответило на эти требования политикой русификации. Ее результатом стало усиление враждебности по отношению к царскому правительству среди населения национальных окраин империи.

Рост численности и уровня образования средних слоев населения России также усиливали антимонархические настроения. Все большая часть народа не могла согласиться с политической системой, которая сохраняла реальную власть в руках монарха и лишала Думу возможности влиять на политику правительства. Иными словами, в стране шли социально-экономические и политические процессы, которые объективно подрывали существующий строй.

2. Какая из проблем предвоенной России была *самой острой* и опасной для политической стабильности страны:

2.3. Крестьянский вопрос.

Особый менталитет российского крестьянства, отрицавшего частную собственность на землю, был самой главной и самой острой проблемой предвоенной России. Как было отмечено выше, столыпинские реформы не смогли «замирить» крестьян. Община сохранилась, и сохранился ее революционный потенциал. Мир в деревне держался силой государственной власти. В любой кризисной ситуации крестьяне были готовы приступить к захвату помещичьих земель и доделать то, что они начали делать в годы первой революции. Тогда организованным нападениям со стороны крестьянских общин подверглась почти каждая десятая помещичья усадьба. Радикальные требования крестьян (уравнительный передел земли и ликвидация частной собственности на землю) могли быть реализованы только революционным путем и выводили любую революцию в России за рамки буржуазной. И царскому правительству, и либералам было крайне трудно найти решение крестьянского вопроса.

3. Считаете ли Вы Первую мировую войну фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

В истории всегда есть место для случайностей и альтернативных путей развития. Однако тяготы первой мировой войны закономерно привели к созданию в России революционной ситуации, и только очень умная политика власти могла бы предотвратить революцию. Верховная власть в лице Николая II накануне и в ходе войны делала все для того, чтобы усилить вероятность революционного взрыва.

4. Кто был главным виновником Февральской революции и в чем состоит вина:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Как было сказано выше, вина Николая II состоит в том, что после 1905 г. он не нашел адекватного решения аграрного, рабочего и национального вопросов, а также создал третьеиюньскую политическую систему, которая провоцировала кризис верхов. В 1914 г. он втянул России в ненужную ей войну, которая и привела к Февральской революции. Важно подчеркнуть, что революционный взрыв был непосредственно спровоцирован приказом царя стрелять в мирных демонстрантов. Этот преступный приказ привел к массовым расстрелам митингующих горожан в воскресный день 26 февраля (второе издание «Кровавого воскресенья»). Следствием расстрела стало восстание солдат, отказавшихся на следующее утро вновь стрелять в народ. Приказ о расстреле раскрывает роль Николая II как персонального непосредственного виновника Февральской революции.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

Мирные демонстрации, начавшиеся 23 февраля, не воспринимались ни их участниками, ни властью как начало революции. Вечером 26 февраля после стрельбы солдат по мирным демонстрантам лидеры левых партий были готовы свернуть революционную активность масс, боясь новых расстрелов. Восстание солдат утром 27 февраля было полной неожиданностью для всех политических сил. Если понимать революцию как открытую и сознательную борьбу за свержение старой власти и установление новой, то такая борьба началась только 27 февраля. Открытой ее сделало солдатское восстание, а задача свержения старой власти как реальная задача момента была осознана участниками событий только во второй половине этого дня после того, как

был создан Временный комитет Государственной Думы (ВКГД), воспринятый всеми как орган новой власти. Иными словами, момент превращения солдатского мятежа в революцию связан с решением думцев возглавить стихийное выступление масс. Лидеры Думы пошли на этот шаг под давлением восставшего народа и левых партий, но затем созданный ВКГД действовал как реальный штаб революции и обеспечил ее быструю победу. Без поддержки со стороны Думы восстание рабочих и солдат в столице могло остаться локальным и закончиться поражением.

6. Какая из политических сил сыграла главную роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.1. Левые партии, опиравшиеся на стихийное движение рабочих и солдат.

Отмеченная выше роль Думы не должна затемнять роль левых партий и восставших рабочих и солдат как главной движущей силы революции. Напомним, что думские лидеры считали достаточным ограничение, а не свержение монархии в России. Последовавшее утром 2 марта со стороны М. В. Родзянко требование об отречении Николая II было результатом давления со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов. В ходе переговоров с лидерами Петросовета П. Н. Милюков убедил их не требовать немедленного введения республики. Однако после второго «Кровавого воскресенья» рабочие и солдаты столицы не могли согласиться с пребыванием Николая на троне. Отсюда и родилось компромиссное требование об отречении Николая в пользу сына. Накануне революции такой вариант рассматривался частью либеральной оппозиции, но нет оснований утверждать, что 2 марта М. В. Родзянко готов был поставить эту цель и без давления со стороны Петросовета.

Страх перед восставшим народом стал главной причиной, которая побудила и царя решиться на отречение. Позиция главнокомандующих фронтов, предлагавших принять требование Петрограда, не лишала царя свободы действий. Он боялся не генералов, а солдат. Этот страх обусловил и отказ Михаила занять предложенный ему трон. Оба брата помнили о том, что случилось с монархами в ходе революций в Англии и во Франции. Решение всех вопросов о власти, ее форме и программе нового правительства, в конечном счете, зависело от того, насколько сильным будет давление на либералов со стороны лидеров социалистических партий, за которыми стоял народ.

7. Как Вы оцениваете историческое значение Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие.

Если в начале XVIII века в деятельности Петра I самодержавие проявило себя как сила, ускорившая экономическое, политическое и культурное развитие России, то в начале XX века самодержавный строй был очевидным тормозом. Этот строй охранял сословные привилегии дворянства и помещичье землевладение и тем самым способствовал сохранению глубокого социального разрыва между верхами и низами российского общества. Господствующие классы, присваивая непропорционально большую часть общественного богатства, тратили его эгоистично и неэффективно с точки зрения национальных интересов России. При такой системе в начале XX века Россия, несмотря на высокие темпы развития ряда отраслей, увеличивала свое отставание и впадала в возрастающую экономическую и политическую зависимость от развитых стран Запада. В условиях империалистической борьбы за передел мира это отставание было гибельным. Уже поэтому *самодержавие не имело исторического права на существование*.

8. Какие главные ошибки либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.2. Не решили аграрного вопроса.

История революции показала, что Временное правительство потеряло власть потому, что не решило вопросы о мире и земле. Главным являлся вопрос о земле. Выход из войны сам по себе не давал Временному правительству возможность сохранить власть, ибо сразу ставил его перед необходимостью проведения радикальной аграрной реформы. Напротив, проведение такой реформы открывало возможность удержать Россию в состоянии войны с Германией. Достаточно было принять закон о первоочередном наделении землей солдат-участников боевых действий, и льготном наделении землей солдат, особо отличившихся в боях. Такой закон сразу бы сделал солдат-фронтовиков сторонниками Временного правительства. Оно могло еще более укрепить лояльность фронтовиков демонстративными усилиями начать переговоры со всеми воюющими странами по вопросу о заключении всеобщего мира без аннексий и контрибуций, а также прекращением активных боевых действий на фронте и проведением частичной демобилизации раздутой армии. Весной 1917 г. в армии был популярен лозунг: «Фронт держать, в наступление

не идти». Антанта была бы вынуждена принять такую позицию Временного правительства, опасаясь худшего – сепаратного мира. На этом фоне Временное правительство могло быстро собрать Учредительное собрание и закрепить власть в руках коалиции умеренных социалистов с участием либералов (открытым или замаскированным). Однако для того, чтобы начать этот процесс консолидации власти, Временное правительство должно было пожертвовать помещичьим землевладением. Боязнь эсеров сделать это вопреки позиции кадетов открывали большевикам путь к власти. Итак, проведение аграрной реформы давало эсерам возможность сохранить власть и дотянуть до победы Антанты путем ведения вялотекущей войны ограниченными силами. Однако проблема была в том, что аграрная реформа выводила революцию за буржуазные рамки и делала открытым вопрос о ее дальнейшей судьбе. Рассмотрим эту проблему в рамках следующего вопроса.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках либеральной революции:

9.4. Иное.

Временное правительство не имело шансов удержать власть на базе либеральной программы революции. Мировая война вооружила миллионы рабочих и крестьян, которые не принимали эту программу. Провал корниловщины наглядно показал слабость плана кадетов установить военную диктатуру. Альтернативы «Ленин или Корнилов» реально не существовало. Реальной была альтернатива «Ленин либо Чернов (Авксентьев или даже Керенский)». Эсеры могли удержать власть, осуществив радикальную аграрную реформу. Эта акция закрывала большевикам путь к власти, но выводила революцию за чисто буржуазные рамки. И поэтому вопрос о судьбе и характере русской революции фактически превращается в вопрос о возможности не удержать, а вернуть в буржуазные рамки революцию, которая их уже преодолела. Для того чтобы вернуть ее в эти рамки, эсеры должны были убедить крестьян закрепить полученную землю в частную собственность. Убедить крестьян было трудно, но можно. Многие революции в истории пережили периоды откатного движения. Напомним, что в 1920-е годы НЭП рассматривался именно как такой откат, и большевики считали реальной опасность постепенной буржуазной реставрации. Они избежали ее потому, что смогли сохранить в своих руках политическую власть и командные высоты в экономике, опираясь на немногочисленный рабочий класс и вековой ан-

тибуржуазный менталитет большинства крестьян. Антибуржуазный менталитет рабочих и крестьян был весомым и долговременным фактором, который в любой ситуации осложнял утверждение в России «нормального» буржуазного строя, но не исключал полностью такой возможности. Реставрация капитализма в России в конце XX века подтверждает наличие такой возможности в длительной исторической перспективе.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Главный вопрос в трактовке истории Февральской революции – это не вопрос о том, была ли она неизбежной или случайной, имели или не имели шансы либералы и умеренные социалисты сохранить власть в своих руках. Главным является вопрос о том, мог ли буржуазный строй в конкретных условиях России начала XX века стать эффективным инструментом преодоления отсталости, гибельной для страны в эпоху войн за передел мира, или эту задачу мог решить только социализм, в своем особом «мобилизационном» российском варианте. Напомним, что осмысление уроков Второй мировой войны побудило ряд крупных западных историков признать плодотворным тезис об Октябре как революции против отсталости, обеспечившей коренные национальные интересы России в условиях XX века. Среди них были такие авторитеты как Э. Карр и Т. фон Лауэ. Последний подробно обосновал этот тезис в своей нашумевшей книге «Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка русской революции».

П. Кенез (Калифорнийский университет, США)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.4. Иное.

Для того чтобы Россия оставалась великой державой, она должна была принять экономические перемены, за которыми естественно следовали социальные изменения. На основе той идеологии, в которую двор в действительности верил, управлять страной было невозможно.

For Russia to remain a great power it had to accept economic changes. Social change naturally followed. On the basis of an ideology that the court really believed it was not possible to govern.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.1. Проблема самодержавной власти

Неспособность власти принять требования современного мира. Обеспечить развитие образования в стране, удовлетворить требования либеральной общественности.

An inability to accept the modern world. Education. Satisfying liberals.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Война показала, что царское правительство не способно мобилизовать страну для ведения мировой войны в условиях XX века.

The war made it evident that the tsarist government was incapable for mobilizing for a 20th century war.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство)

Известно высказывание царя о том, что «это народ должен заслужить мое доверие». Такой подход в XX веке не работал. Царь был тем, кем он был. Он не мог ничего с этим поделать.

The Tsar famously said "it was the people that must regain my confidence". This attitude will not work in the 20th c. He was what he was. He could not help it.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

27 февраля, солдаты не стреляли в народ.

27 February. The soldiers did not fire.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.3. Генералитет русской армии

Генералы верили в то, что отречение даст возможность продолжать войну, и они были правы.

The generals believed that the resignation would make it possible to continue to fight the war. They were correct.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие

Падение самодержавия было неизбежным.

Inevitable.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Либералы и социалисты не могли побороть анархию на основе своих взглядов. Самодержавие и либерализм были не подходящими идеологиями для того момента.

On the basis of their believes it was impossible to overcome anarchy. Самодержавие and liberalism were inappropriate ideologies for the moment.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

Не имели шансов с самого начала.

Hopeless from the first moment.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Ни самодержавие, ни либерализм не могли справиться с проблемами, стоявшими перед страной. Альтернативами им были либо диктатура правых, либо большевики.

Neither autocracy nor liberalism could deal with the problems. The alternatives were right wing dictatorship or the Bolsheviks.

Б. И. Колоницкий (СПБИИ РАН)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности.

Процессы развития были действительно противоречивы, но *определить доминирующую тенденцию все-таки можно*. Например, очевидный рост городского населения можно считать проявлением модернизации и прогресса. Но во многих странах быстрая урбанизация вела к социально-политическим конфликтам, первое-второе поколения горожан представляют собой весьма взрывчатую группу, ибо переселение в город для сельских жителей – колоссальный стресс, а интеграция новых горожан в городскую среду – сложная задача. Неудивительно, что в начале XX века многие новые горожане были носителями радикальной политической культуры, а это создавало предпосылки для успехов социалистов и анархистов. Показательно, что еще до начала Первой мировой войны именно жесткая конфронтационная тактика большевиков позволила им завоевать серьезные позиции в организованном рабочем движении, это признавали и их оппоненты.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.5. Иное.

Как раз КОМПЛЕКС переплетающихся сложных проблем делал ситуацию в России особенно взрывоопасной, технократическое решение одной проблемы неизбежно затрагивало другой вопрос. Даже рационализация местного управления, даже введение ограниченного самоуправления в форме земств по всей стране было невозможным: в одних губерниях их не вводили потому, что там практически не было дворян-землевладельцев, а в других губерниях преобладали среди дворян поляки, ненадежные с точки зрения властей. Как видим, в данном случае проблемы реформирования империи, аграрный и национальный вопрос, проблемы местного управления стягивались в узел, распутать который было невозможно.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.1. Неизбежной.

Большинство историков полагает, что с 1914 г. революция в России была неизбежной. Я полагаю, что даже если мы себе представим умозрительную ситуацию, в которой Россия не участвовала не в каком мировом конфликте, то вероятность революции была бы весьма велика: мы знаем много примеров, когда в XX в. революции случались в «мирное» время – Иран, Османская империя, Португалия, Китай, Мексика, Испания. Напротив, некоторые революции порождали войны, например, революция в Османской империи спровоцировала несколько локальных войн, которые создали условия для возникновения Первой мировой войны. Но в условиях «мира» революция была бы совершенно иной: во-первых, война обострила часть имевшихся проблем, во-вторых – появились проблемы новые, а качество управления ухудшилось (термин «двоевластие» возник до революции, он описывал противостояние военных и гражданских властей).

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.4. Иное.

Не уверен, что термин «виновник» – хороший аналитический инструмент. И вряд ли стоит противопоставлять одних акторов другим. Революции – и войны – можно сравнить со сложными симфониями, для исполнения которых нужен большой оркестр, где у разных музыкантов – своя партия. На одних ударных симфонию не сыграешь, хотя без партии «ударных» музыку революции представить невозможно. *Примитивный ответ – все*. Плюс к этому – военное командование разного уровня, беспартийные активисты, элементы гражданского общества. Тайные организации и секретные службы тоже не следует совсем забывать, хотя и не следует ставить их в центр повествования – как это делают многие «конспирологи».

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

23 февраля, ибо в этот день протестные акции стали событием городским, а не районным, локальным, и многие процессы конфронтации стали после этого необратимыми. Но я бы сопроводил это утверждение оговоркой: революцию невозможно точно датировать, поэтому споры по поводу датировки будут продолжаться. И тут очень важно определение понятия «революция» историком, который приводит свои аргументы.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Я уже высказал свое мнение, отвечая на вопрос № 4.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие.

Мне кажется, что *самодержавие как форму правления сохранить было невозможно* (и война продемонстрировала ее неэффективность). Теоретически можно представить преобразование государства в конституционную монархию, но это требовало, чтобы монархисты разных взглядов действовали очень слаженно и профессионально. Таких участников политического процесса в России не было. Республиканцы же разного толка были сильны и продемонстрировали способность вступать в тактические блоки, несмотря на все разногласия.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

И здесь не следует противопоставлять одну «ошибку» другой. *Важно «все», при этом один вопрос нельзя было разрешить без другого* (объявление радикальной аграрной реформы спровоцировало бы бегство солдат с фронта). *Главной же проблемой Временного правительства была неспособность создать эффективный механизм власти*. Правда, после Приказа № 1 сделать это было очень сложно, но все же неспособность умеренных социалистов и либералов достигать серьезного соглашения стала причиной скатывания страны к гражданской войне и краха Временного правительства, который проявился еще до того, как большевики взяли власть в Петрограде.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

С самого начала революция не была только либеральной. Если использовать термин Грамши о культурной гегемонии, то можно утверждать, что в

России доминировала социалистическая политическая культура. Язык социализма, социалистические символы и ритуалы использовались не только социалистами. Эта *культурная рамка существенно ограничивала возможность компромисса между либералами и умеренными социалистами*. Напротив, она благоприятствовала сторонникам углубления революции: большевикам и их союзникам – левым эсерам, максималистам, интернационалистам, анархистам.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Я бы добавил вопрос о пассивности. Мы обычно рассматриваем революцию как результат борьбы ее активных участников. Между тем эффективность мобилизации определяется и демобилизацией оппонентов. Пассивность многих сторонников монархии в Феврале, нежелание многих оппонентов большевиков поддерживать Керенского в Октябре – важные аспекты революционного процесса.

К. Б. Назаренко (СПБГУ, Санкт-Петербург)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности.

В России в начале XX в. шел *процесс нарастания нестабильности*, поскольку страна не решила проблем перехода в капиталистический этап развития. Это прежде всего выражалось в противоречиях между относительно развитой промышленностью и отсталым аграрным сектором.

Несмотря на относительную развитость промышленности в России, наша страна все же отставала от ведущих стран мира, как по объему валового внутреннего продукта, так и в особенности по уровню производства на душу населения. Для преодоления этого отставания был необходим скачкообразный рост мощностей промышленности – то есть индустриализация, необходимость которой осознавалась рядом ученых и государственных деятелей с конца XIX в.

Отсталость аграрного сектора проявлялась в сохранении помещичьих хозяйств, сохранении крестьянской общины, низком технологическом уровне земледелия в целом, недостатке сельскохозяйственного кредита.

Все эти проблемы приводили к росту аграрного перенаселения, которое окончательно заводило сельское хозяйство в тупик и крайне затрудняло

рост производительности труда в масштабах страны. Столыпинская реформа не решала проблемы избыточного сельского населения, поскольку решить ее можно было лишь скачкообразной индустриализацией, которая вызвала бы мощный отток населения из деревни в город. Переселенческая политика не была подкреплена должным финансированием, но в любом случае она откладывала проблему аграрного перенаселения, а не решала ее. Кроме того, Столыпинская реформа находилась в противоречии с условиями сельскохозяйственного производства в центральных районах России, поскольку в зоне рискованного земледелия при тогдашних технических средствах мелкое самостоятельное (не включенное в общину) крестьянское хозяйство имело слишком мало шансов на выживание.

Нерешенность проблем перехода к капитализму проявлялась в противоречиях между капиталистическим вектором экономического развития и политической надстройкой, в значительной степени унаследованной от эпохи феодализма: Россия оставалась страной самодержавной и сословной.

Еще одним фактором нестабильности было вступление мира в эпоху империализма, причем Россия оказалась втянута в войны за передел мира – русско-японскую и Первую мировую. Участие в этих войнах приводило к еще большему нарастанию нестабильности.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.5. Иное.

На наш взгляд *нельзя выделить один из вопросов* – самодержавия (о власти), рабочий, крестьянский или национальный как наиболее острый. Эти вопросы были *тесно переплетены* между собой, и не имелось возможности решения одного из них без решения другого.

Говоря о самодержавии, необходимо подчеркнуть, что дело было не в личных качествах Николая II, хотя его бездарность, несомненно, обострила ситуацию. Самодержавие само по себе было отживающим институтом. В условиях XX в. могла выжить лишь монархия, приспособившаяся к капиталистическим условиям, решившаяся на ряд стратегических уступок либералам и социалистам, «перетащившая» их на свою сторону. Для этого была абсолютно необходима смена взглядов на политический процесс со стороны придворных кругов («камарилья»), или смена самих этих кругов.

Попытка сохранить за монархом решающие рычаги влияния в таких условиях требовали крайнего напряжения сил самого монарха и его ближайшего окружения. Авторитетный монарх (наподобие Франца-Иосифа I) мог в этих условиях какое-то время поддерживать более-менее сильную монархическую власть. Монарх, потерявший авторитет (как Николай II), вовсе не мог этого делать. В любом случае, переход к подлинно конституционной монархии или ее свержение были вопросом сравнительно короткого по историческим меркам времени.

Символом глубины непонимания Николаем II остроты политического момента было его упорное нежелание дать не только ответственное министерство, но даже министерство общественного доверия. Важными симптомами нарастания исторической бесперспективности сильной монархической власти был нараставший кадровый кризис в верхах и неспособность монарха (несмотря на его огромные полномочия) заставить государственный аппарат работать с должной степенью самоотдачи.

Кардинальное решение рабочего, крестьянского и национального вопросов было возможно лишь при условии масштабной индустриализации и модернизации сельского хозяйства, о чем говорилось выше.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.1. Неизбежной.

Первая мировая война сделала революцию *почти неизбежной*. Монархия смогла продержаться 2 года 7 месяцев войны, а после падения монархии в России война продолжалась еще 1 год 8 месяцев. Невозможно представить, чтобы монархия продержалась бы еще так долго, тем более, что приближение победы в войне в странах Антанты не чувствовалось даже летом 1918 г., и существовали планы продолжения войны в течение всего 1919 г.; поэтому нельзя было рассчитывать на нарастание «победных» настроений к весне-лету 1918 г. Напротив, ощущение бесперспективности войны становилось бы все сильнее и сильнее, а кредит доверия к императору уменьшался бы все больше и больше.

Для того, чтобы успешно вести Первую мировую войну, русская монархия должна была коренным образом трансформироваться еще до войны (о чем говорилось выше). Напомним, что даже значительно более буржуазные

по своей сути монархии Гогенцоллернов в Германии и Габсбургов в Австро-Венгрии также не выдержали испытания Первой мировой войной.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.2. Дума и либералы.

Деятельность либералов и социалистов (как оборонцев, так и интернационалистов) была обусловлена всей ситуацией в стране и их собственным политическим лицом. Нелепо думать, что они могли бы отказаться от политической линии, которую они проводили, отказаться от расшатывания самодержавной монархии.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.3. Иное.

Началом революции стали начало выборов в Советы (25 февраля) и солдатское восстание (27 февраля). Эти два фактора обеспечили качественный переход от массовых волнений к революции.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

На наш взгляд, отвечая на вопрос о том, какая из политических сил сыграла главную роль в падении самодержавия (отречении царя и отказа Михаила принять трон), следует разделять отречение царя и отказ Михаила Александровича от принятия престола.

Отречение царя произошло в первую очередь под давлением *генералитета и либеральных кругов*. Даже при отсутствии массовых выступлений дворцовый переворот стоял на повестке дня. Поэтому отречение царя, вероятно, состоялось бы в течение 1917 г. даже в том случае, если бы революция не началась. Например, дневник офицера штаба Балтийского флота капитана 2 ранга И. И. Ренгартена ярко рисует настроения штабных кругов во время Февральской революции. Ренгартен и ряд его единомышленников утром 1 марта 1917 г. собирались оказать давление на командующего флотом вице-адмирал А. И. Непенина, чтобы не допустить поддержки силами флота «падающего режима». Если же в Ревеле или Гельсингфорсе «возникнут волне-

ния, манифестации сочувствия "революции во спасение"» следует не допустить их подавления, записал Ренгартен. Вечером того же дня в дневнике отмечено, что если бы царь «пошел на такое безумие, как протест и, например, смещение Непенина», то этот приказ исполнен офицерами штаба не будет[21]. Эта часть дневника заканчивается записью (утро 3 марта): «Было собрание флагманов, причем прочтен манифест – кричали «ура» новому государю. Ночь без сна, но какая великая, радостная, памят[ная] ночь счастливого завершения Великой Российской революции!»[22]

Следовательно, в высшем военном командовании уже полностью созрела мысль не только о допустимости, но и о необходимости выступления против Николая II, но, конечно, не против конституционной монархии.

В отличие от отречения Николая II отказ от престола Михаила Александровича произошел под давлением движения рабочих и солдат, вопреки мнению либералов и генералитета. Они смирились с этой мерой только под давлением «улицы».

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие.

На наш взгляд верной является мысль о том, что Февральская революция была *исторически обусловленным событием*. Весь ход исторического развития России в период после отмены крепостного права вел к ней. Различные случайные факторы исторического процесса могли изменить те или иные ее черты, но не отменить ее.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Несомненно, что всякая политическая сила, которая решила *бы аграрный вопрос и вопрос о мире, осталась бы у власти.* В том, что руководство партии эсеров отказалось в 1917 г. проводить в жизнь собственную аграрную программу, проявился фактор личности в истории. Большевики (преж-

---

[21] Ренгартен И.И. Февральская революция в Балтийском флоте // Красный архив. 1929. Т. 32. С. 100–102.

[22] Там же. С. 105.

де всего, благодаря позиции В. И. Ленина) не испугались взять эсеровскую аграрную программу и реализовать ее.

Нельзя не отметить, что по вопросу о мире в оборонческих кругах существовало убеждение, что заключение сепаратного мира абсолютно недопустимо. В этом проявилась особенность российского политического сознания – отсутствие привычки к пользованию двойными стандартами и политическими «хитростями». Например, теоретически Россия могла пойти по пути Румынии, которая подписала мир с Германией и ее союзниками 7 мая 1918 г., а 10 ноября 1918 г. вновь объявила Германии войну и в результате захвата Трансильвании и Бессарабии в два раза увеличила свою территорию. Это стало лучшим результатом среди всех стран-победительниц в Первой мировой войне. Страх перед тем, что в случае такого развития событий Россия будет исключена своими союзниками из числа стран-победительниц, представляется малообоснованным, поскольку вес страны в послевоенном мире определялся бы ее экономической и военной мощью, а не прежним поведением.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.4. Иное.

Умеренные социалисты *имели определенные шансы сохранить власть в своих руках*, однако это могло осуществиться только в том случае, если бы они начали радикальную аграрную реформу (раздача помещичьих земель крестьянам), пошли бы на большие уступки рабочему движению и применили серьезные меры государственного регулирования в промышленности и торговле. Очевидно, что эти меры выходят за рамки буржуазной революции и являются, по своей сути, социалистическими. Поэтому, в общем, ответ можно было бы сформулировать так: шансы сохранить власть имела та политическая сила, которая бы фактически перешла к социалистическим преобразованиям.

10. Открытый (дополнительный) вопрос.

Следует добавить вопрос о роли личности и фактора наличия верной теории. Если бы В. И. Ленин не обосновал мысль о закономерности перехода от революции буржуазной к социалистической без большого временного перерыва, политический процесс мог бы пойти по-другому. Появилась лич-

ность, которая обосновала новые теоретические взгляды и которая смогла повести за собой. У большевиков благодаря Апрельским тезисам В. И. Ленина было представление о том, куда идти и что делать, хотя бы в первом приближении. В Апрельских тезисах и в работе «Государство и революция» В. И. Ленин изложил далеко идущую, радикальную программу движения к социалистическому обществу.

Стихийное движение масс, революционное движение имеет собственную динамику, свои приливы и отливы. Политическая партия, политический лидер могут занять место на гребне волны этого движения, дать движению программу, дать четко сформулированные лозунги. Если эта программа идет дальше, чем может пройти революционная волна – то у партии, у лидера, который дал эту программу, появляются шансы прийти к власти и удержаться там и после того, как революционный процесс вступит в фазу отлива. Если же революционная волна «перехлестывает» через конкретную программу – у ее носителей нет шансов сохранить власть, они будут сметены революционной волной. Эту закономерность демонстрирует судьба различных политических партий в России в 1917 г.

О. Г. Назаров (Журнал «Историк», Москва)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.4. Иное.

Период с 1907 года и вплоть до начала Первой мировой войны можно назвать временем *относительной социально-политической стабильности*. Однако этот короткий отрезок *был затишьем перед бурей*, так как аграрно-крестьянский и рабочий вопросы решены не были, и хронически недовольными оставалась основная часть населения империи – крестьянство и рабочие.

В начале XX века население деревни стремительно росло. В условиях безземелья крестьяне с завистью смотрели на помещичьи земли. Аграрно-крестьянский вопрос требовал своего решения, однако *предложенный П. А. Столыпиным путь грозил лишь новыми потрясениями.* Столыпин, стремясь сохранить помещичье землевладение и умиротворить общество, своей реформой вносил раскол в крестьянство. В результате значительная часть крестьян, потеряв землю и не найдя хорошего заработка ни в деревне,

ни в городе (растущая промышленность не могла обеспечить работой избыточную часть), стала той многомиллионной группой населения, которой, по большому счету, терять было нечего. И переселенческая политика Столыпина обернулась жизненной катастрофой для немалой части крестьян. Разорившимся переселенцам терять также было нечего.

В последние годы расхожим стало утверждение, что накануне Первой мировой войны рабочим жилось совсем не плохо. На деле этот тезис справедлив только в отношении наиболее квалифицированной части рабочих. А как жилось другим рабочим, показало расследование причин Ленского расстрела. О жизни рабочих рассказывает шахтер А. Н. Шаханин: «Сушилок в бараках не было, не было и раздевалок при шахтах. Нам, шахтерам, приходилось в мокрой и грязной рабочей одежде идти в свои бараки при 40–50-градусном морозе, часто по нескольку верст. Поскольку было невозможно снять сразу замерзшую одежду и разуться, то предварительно около плиты оттаивали 10–15 минут». Рабочих штрафовали и обсчитывали. Не вынеся скотских условий жизни, они забастовали. Хотя забастовка носила мирный характер, 4(17) апреля 1912 г. рабочие были расстреляны. Это произошло накануне 300-летнего юбилея Дома Романовых, на пике промышленного подъема и после пяти лет столыпинских реформ.

Ситуация *в России оставалась взрывоопасной*. Любой крупный катаклизм грозил империи серьезнейшими потрясениями.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.5. Иное.

Главная опасность состояла в том, что проблем накопилось слишком много. При этом большинство назначавшихся Николаем II министров, как и весь чиновничий аппарат царской России, не были в должной степени готовы к их решению.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Первая мировая война сделала революцию *весьма вероятной*. Не только вождь большевиков Владимир Ленин, но и прозорливые политики из совсем иного политического лагеря понимали это еще до того, как пушки начали

стрелять. За полгода до начала мировой войны на эту тему ярко писал в своей Записке императору лидер правых в Государственном совете Пётр Дурново.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

По этому вопросу я разделяю точку зрения русского философа Николая Бердяева. Изгнанный в 1922 г. большевиками из России, уже за границей он написал книгу «Самопознание», в которой прямо признал: «Ответственны за революцию все, и более всего – реакционные силы старого режима».

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

В советское время начало Февральской революции было принято датировать 23 февраля. Большой надобности отказываться от этого не вижу. Вместе с тем *важнейшим днем революции было, безусловно, 27 февраля*. Кадет Владимир Набоков по горячим следам вспоминал, что «еще 26-го вечером мы были далеки от мысли, что ближайшие два – три дня принесут с собою такие колоссальные, решающие события всемирно-исторического значения». Показательно, что ряд мемуаристов прямо называют 27 февраля первым днем революции. Хотя в этот день возникли Временный комитет Государственной Думы и Петроградский Совет рабочих депутатов, важнейшим событием считаю начало солдатского восстания. Именно оно дало импульс к формированию новых органов власти в России.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Вклад *всех политических сил в свержение самодержавия в России оказался весомым.* В ходе Февральской революции на практике был реализован принцип «врозь идти, вместе бить» – каждая из партий, преследуя собственные политические цели, приложила руку к свержению самодержавия. Поэтому не вижу смысла искать ту силу, которая сыграла главную роль в падении самодержавия (отречении Николая II и отказе великого князя Михаила Александровича принять трон).

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие.

Философ Василий Розанов лаконично констатировал: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей». Принимая во внимание то, что, во-первых, монархия рухнула за считанные дни, и, во-вторых, то, что серьезные попытки восстановить ее не предпринимались ни в 1917 году, ни в ходе Гражданской войны, волей-неволей приходишь к выводу, *что Февральская революция являлась событием исторически необходимым.*

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.1. Не решили вопрос о мире.

Главными и первоочередными ошибками либералов и умеренных социалистов считаю две: *они не решили вопрос о мире* и не удосужились созвать Учредительное собрание. Также крайне важными оставались национальный и аграрно-крестьянский вопросы. Но они в первые месяцы правления Временного правительства стояли все-таки не так остро.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.1. Либералы имели хорошие шансы сохранить власть в своих руках.

Рассуждая теоретически, и либералы, и умеренные социалисты имели хорошие шансы сохранить власть в своих руках и обеспечить либеральный характер революции. Но для этого надо было быстро решать вопросы о мире, о земле и не тянуть с созывом Учредительного собрания. Ни в либеральном лагере, ни среди эсеров и меньшевиков не оказалось политиков, способных решить главные вопросы революции, и к концу бурного 1917 года лидеры либералов, эсеров и меньшевиков оказались у разбитого корыта.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Тема революции 1917 г. – безбрежная. Соответственно и добавить можно многое. Ограничусь одним замечанием – крайне важным и актуальным.

Жаль, что в анкете не был поставлен *вопрос об уроках революции*. На мой взгляд, главный урок состоит в том, что если политическая элита ведет себя своекорыстно и относится к народу как к рабочей скотине, не стоит удивляться тому, что доведенный до отчаяния народ однажды восстает и начинает убивать своих угнетателей. Умная и ответственная политическая элита должна не копить и приумножать проблемы, а заранее, если не решить, то хотя бы снимать их остроту.

А. Б. Николаев (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны.

1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

В период между Первой русской революцией и Первой мировой войной, несомненно, процессы развития были противоречивы и определить доминирующую тенденцию невозможно. С одной стороны, рост экономики и развитие финансов, достаточно успешная законодательная деятельность III Государственной Думы в сравнении с деятельностью I и II Дум: в частности, проведение мер, направленных на развитие начального образования (1908 г.), несомненные успехи в социальном законодательстве (1912 г.), – все это говорило в пользу развития социально-политической стабильности. С другой стороны, царизм проводил мероприятия, которые способствовали обострению, во-первых, противоречий между властью и обществом (т.н. «третьеиюньский государственный переворот»), во-вторых, национального вопроса (здесь достаточно вспомнить антипольское и антифинляндское законодательство, дело Бейлиса). Новый революционный подъем, начавшийся в 1910 г. тоже говорил о нарастании социально-политической нестабильности. Судя по всему, в предвоенный период *сложилось шаткое равновесие между стабильностью и нестабильностью.*

2. **Какая из проблем предвоенной России была самой острой и опасной для политической стабильности страны*:***

2.1. Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти).

Среди угроз политической стабильности России, несомненно, можно назвать противоречие между самодержавной властью и обществом, рабочий,

крестьянский и национальные вопросы – все они так или иначе, но подрывали ее. Осталось понять, *какие из причин являлись наибольшей угрозой, и ограничивались ли ими эти угрозы?* И еще: есть ли инструментарий для объективного формирования ответа на этот вопрос? На наш взгляд, такой инструмент имеется. Достаточно изучить ход Февральской революции, выделить ее этапы и определить степень участия тех или иных социальных/политических сил/групп в ней (революции).

Учитывая, что Февраль 1917 года начался с мощного женского движения на почве нехватки продовольствия («бабий голодный бунт»), то можно *расширить спектр угроз за счет женского и продовольственного вопросов*! Заметим, что женские демонстрации с требованием «Хлеба!», запустившие, как справедливо заметил В. П. Булдаков, в движение механизм революции, в марте превратились в борьбу женщин за равноправие. Ни женский «хлебный» бунт, ни борьба за женское равноправие не могли сами по себе подорвать и тем более уничтожить политическую стабильность. Вместе с тем вполне определенный интерес представляет вопрос о том, кто организовал женские демонстрации 23 февраля, кто «нажал на курок» Февральской революции? Или они, все-таки, были стихийными?

Что касается *продовольственного вопроса*, а точнее – трудностей снабжения Петрограда продовольствием, то известно, что они отчасти носили рукотворный характер. Так, А. И. Шингарев рассказывал 5 мая на Всероссийском съезде уполномоченных председателя Общегосударственного продовольственного Комитета, что в феврале 1917 г. «началось совершенно невероятное явление: подвоз шел не к ближним станциям, а к дальним, чтобы получить усиленную плату». Механизм получения дополнительной прибыли Шингарев не раскрыл, как и не назвал ее получателей, но было понятно, что в результате этого «невероятного явления» количество хлеба в столице уменьшилось. Вместе с тем говорить о том, что в Петрограде была угроза голода вряд ли можно.

Сыграл свою роль и национальный вопрос. Но проявился он в Петрограде в дни Февраля 1917 г. лишь в том, что среди офицеров, перешедших на сторону восставших, были представители различных национальных партий. После событий Февральской революции национальный вопрос обострился настолько, что Временному правительству пришлось принимать срочные меры для его решения, в результате чего и начался распад Российской империи.

Мощное движение петроградских рабочих в дни Февральской революции, несомненно, свидетельствовало в пользу того, что рабочий вопрос, кажется, являлся сильнейшей угрозой политической стабильности. Но, судя по имеющимся материалам, к вечеру 26 февраля в рабочей среде были сильны настроения на сворачивание забастовки и возвращение к станкам. И только внезапно начавшееся 27 февраля 1917 г. восстание солдат не дало рабочим вернуться на работу. Соединение рабочих и солдат в уличной борьбе против царского режима привело к тому, что движение перешло к следующему этапу, который можно назвать решающими днями революции. Вплоть до сегодняшнего дня толком не изучены причины и побудительные мотивы восстания солдат-волынцев. Связей руководителей восстания в запасном батальоне Лейб-гвардии Волынского полка с революционерами, или хотя бы оппозиционерами так и не выявлено. Судя по всему, побудительным мотивом к восстанию послужило то, что солдаты-волынцы, проведшие весь день вне казарм, принимавшие участие в разгоне демонстрантов на Знаменской площади, по возвращении в расположение полка, не были допущены в столовую другими солдатами-волынцами, которые обвиняли их в стрельбе в народ.

Несомненно, *что восстание солдат и рабочих было обречено на подавление в том случае, если бы оно оказалось без руководства*. Но уже днем 27 февраля 1917 г. в Таврическом дворце сложился центр революции и штаб восстания, главную роль в которых 27 февраля играли думские либералы. И уже 27 февраля Совет старейшин принял постановление, в котором указывалось, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой». В постановлении подчеркивалось, что в осуществлении этого Дума «примет живейшее участие». Справедливости ради, укажем, что подавляющее большинство историков отрицают факт принятия этого постановления, опираясь на свои представления о контрреволюционности Государственной думы или на убеждения в том, что думские либералы были нерешительными революционерами, а раз так, то и постановления, носившего революционный характер, Совет старейшин принять не мог. Вместе с тем с принятием этого постановления, а также и других революционных шагов, Государственная Дума превратилась в центр революции и революции, замечу, победоносной! Ход и результаты революции демонстрируют, что *важнейшей проблемой*, которая не просто подры-

вала политическую стабильность, а уничтожила ее, конвертировав в революцию, *было противоречие между властью и обществом: проблема самодержавной власти (участия либералов во власти)*.

3. Считаете ли Вы Первую мировую войну фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Установить прямую зависимость между Первой мировой войной и Революции 1917 г. означало бы признание за ней (мировой войной) характера решающего фактора, перевело бы ее в разряд причин, приведших к Февральской революции. Кстати, в связи со 100-летием начала Первой мировой войны такой взгляд встречался в ряде статей и является, на наш взгляд, ошибочным. Но можно признать, что *Первая мировая война делала революцию весьма вероятной*.

Война всего лишь обострила противоречия, которые существовали в предвоенный период и в должной мере тогда царским правительством разрешены не были. Хотя, некоторые шаги в смягчении основного противоречия – между властью и обществом – царское правительство предприняло, создав законодательный парламент, введя Основные государственные законы 1906 г. Вместе с тем Дума была создана в качестве ответа на Первую русскую революцию и поэтому несла в себе зародыш революции. В кризисные моменты *Государственная Дума неизбежно должна была стать не центром реформирования, а центром революции*. Любопытно, что даже третьеиюньское избирательное законодательство не смогло в полной мере разорвать связь Думы с ее революционным происхождением. Поэтому важнейшей задачей правительства являлось сохранение того шаткого равновесия между политической стабильностью и нестабильностью, которое существовало в стране в предвоенный период. Но война – не лучшее средство для этого. Во всяком случае, IV Государственная Дума в кратчайшие сроки прошла путь от оппозиционности в 1915 г. к революционности осенью 1916 г. – весной 1917 г.

4. Кто был главным виновником Февральской революции и в чем состоит вина:

4.4. Иное.

Вопрос о виновниках того или иного события – это вопрос о том, кто проиграл. Проигравшей стороной, конечно же, в первую очередь являлись царь и его окружение. Но революция не ограничилась событиями Февраля 1917 г., а, пройдя через расколы среди февралистов, завершилась Октябрем 1917 г., оставив победителем только одну политическую силу из числа февралистов – партию большевиков, которая, кстати, в Феврале 1917 г. не сыграла сколько-нибудь значительной роли. Но и этот подход не в полной мере решает *вопрос о виновниках революции, к которым, несомненно, необходимо отнести все противоборствующие стороны, т.е. и царизм с его окружением, и всех февралистов, включая и самые слабые их группы (отряды)*. Безответственное поведение и первых, и вторых, привело к распаду Империи и кровопролитной гражданской войне.

5. Каким моментом Вы датируете начало Русской революции:
5.3. Иное.

В событиях Февраля 1917 г. необходимо выделить *два периода – начальный (23 – 26 февраля) и заключительный* – решающие дни Февральской революции (27 февраля – 3 марта). Можно ли вести начало периода решающих дней Февраля 1917 г. с солдатского восстания 27 февраля? Конечно, солдатское восстание привело к тому, что рабочие и солдаты теперь уже вместе боролись со старой властью на улицах столицы. Но движение это было плохо управляемым, сопровождалось разгромом тюрем, полицейских участков, магазинов, лавок и т.п. и т.д. И *только с того момента, когда Государственная дума решила встать во главе движения, ситуация существенно изменилась*. Днем 27 февраля Совет старейшин принял постановление об упразднении старой власти, которое могло быть воспринято восставшими как решение Государственной думы встать во главе революции. Иначе говоря, именно с принятия Советом старейшин своих первых революционных постановлений и необходимо вести начало периода решающих дней Февральской революции.

6. Какая из политических сил сыграла главную роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):
6.2 и 6.3. Думские лидеры и генералитет

Важную роль в отречении императора Николая II от престола, несомненно, сыграли *думские лидеры и генералитет русской армии*. Председатель Гос-

ударственной думы и ее Временного комитета М. В. Родзянко не только добился от императора согласия на создание ответственного министерства, но сумел затем убедить генералитет в необходимости отречения Николая II. В свою очередь генералы убедили императора отречься от престола. М. В. Родзянко, кроме этого, руководил охотой за царским поездом. И хотя император сохранил контроль над передвижением своего поезда, но, в конечном счете, оказался в Пскове. Здесь располагался штаб Северного фронта под командованием генерала Н. В. Рузского, в настроении которого думские лидеры Февральской революции были уверены. И Рузский не подвел их. Участники переговоров 3 марта 1917 г. с великим князем Михаилом Александровичем из числа думских лидеров и членов Временного правительства сумели убедить его отказаться от восприятия верховной власти, запугав угрозами кровавой расправы над всей царской фамилией. Но *главную роль в победе революции в целом и отречении царя*, а также и в отказе великого князя Михаила от принятия верховной власти сыграл факт формирования в решающие дни Февральской революции *«думско-советской власти»* как особой формы сотрудничества либеральных и социалистических партий, Петросовета и Временного комитета Государственной Думы в период с 27 февраля по 3 марта 1917 г.

7. Как Вы оцениваете историческое значение Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие (?).

Февральская революция привела к созданию Временного правительства, которое подвергло реформированию практически все сферы общественной и государственной жизни: политическую, национальную, конфессиональную, социально-экономическую и внешнеполитическую. Проводя реформирование страны, Временное правительство стремилось держаться курса на создание буржуазно-демократического государства, ценности которого были озвучены уже в первой его Декларации от 3 марта 1917 г., носившей характер конституционного акта; находили свое подтверждение и в последующих программных заявлениях. Несомненно, что Россия после Февраля 1917 г. и до Июльского кризиса была, пожалуй, самой свободной страной в Европе. *Падение самодержавия было закономерным этапом.*

8. Какие главные ошибки либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Авторитету Временного правительства был нанесен ущерб тем, что ряд обещаний, заявленных в его программных документах, так и не был им выполнен. В частности, не были изданы законы об отмене сословных ограничений, о свободе стачек, о восьмичасовом рабочем дне и некоторые другие. Вместе с тем некорректно обвинять Временное правительство в том, что оно не решило земельный, национальный, конфессиональный и др. вопросы. Напомним, что все важнейшие вопросы должно было разрешить Учредительное собрание, созыв которого затягивался. Правда, Временное правительство обходило принцип непредрешения (пусть и на временной основе!) тогда, когда этого требовали обстоятельства. В частности, не дожидаясь Учредительного собрания, Временное правительство дало согласие на создание независимого польского государства, ввело временную форму управления 5 губерний на Украине, а 1 сентября Россия была провозглашена республикой.

Необходимо также учитывать, что процесс реформирования шел в условиях продолжавшейся мировой войны и развития революционного движения, что не могло не сказываться на его результативности. Так, под влиянием провала наступления на Юго-Западном фронте, роста революционной агитации на фронте и в тыловых частях, разъедающей дисциплину в армии и на флоте, а также под влиянием Июльского политического кризиса Временное правительство было вынуждено проводить репрессии и ограничивать свободу слова, печати и собраний. Тем самым оно наносило удар по завоеваниям Февральской революции.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках либеральной революции:

9.1. Либералы имели хорошие шансы сохранить власть в своих руках.

Февраль 1917 г., несомненно, мог удержаться в рамках либерально-демократической революции. Для этого нужно было всего лишь завершить запуск *третьемартовской* политической системы и поддерживать в дальнейшем ее жизнеспособность. В частности, в апреле 1917 г. необходимо было реализовать конструкцию власти, согласно которой верховная власть вплоть до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного комитета Государ-

ственной думы при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного перед ними министерства. Заметим также, что М. В. Родзянко в дни Февральской революции пользовался огромнейшим авторитетом не только в цензовых, но и в демократических кругах. Именно он, опираясь на принцип сотрудничества либеральных и демократических сил, проявившийся в формировании и функционировании *думско-советской власти* в решающие дни Февраля 1917 г., смог бы довести Россию до Учредительного собрания.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Надеемся, что 100-летие Февральской революции станет толчком к развитию исследовательского интереса к ней. Несомненно, что необходимо продолжить изучение роли Государственной думы в подготовке Февраля 1917 г. Пора, наконец, прекратить игнорировать роль Думы как руководителя и активного участника истории Февральской революции, следуя тем самым установкам П. Н. Милюкова и «Краткого курса истории ВКП (б)». Напомню, что по Милюкову в дни Февральской революции Дума стала победителем как «помещение», а не как «учреждение». Согласно же «Краткому курсу», в дни Февраля Дума оказалась на вторых ролях как инструмент соглашательской политики лидеров эсеро-меньшевиков в вопросе о передаче власти буржуазии и не более. Критически следует относиться и к словам И. В. Сталина, написанным им в статье «Победа контрреволюции», об «упраздненной (видимо, революцией – А. Н.) Государственной думе».

Необходимо исследовать вопросы о причинах, возникновении и ходе солдатского восстания в Петрограде, об участии полиции в революционных событиях и разгроме полицейских участков в столице. Вплоть до сегодняшнего дня так и не выяснена цена Февральской революции в Петрограде. Настало время составить справочник жертв Февраля 1917 года в столице.

С. Н. Полторак (СПБГУТ, Санкт-Петербург)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.4. Иное.

Печальной ошибкой самодержавной власти было то, что у нее не было четко сформулированной стратегии государственного развития. Политические деятели Российской империи не рассматривали процесс развития своего государства с точки зрения обострения конкурентной борьбы на мировой арене.

Государственным руководителям разного уровня не хватало масштабности мышления. Николай II и его единомышленники не понимали природы капитализма и сущности его развития; не осознавали того, что капитализм порождает двух бескомпромиссных конкурентов самодержавию: капиталистов и пролетариев.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.2. Рабочий вопрос.

В любой стране мира и в любые исторические времена существуют многочисленные проблемы, которые в той или иной мере влияют на политическую стабильность государства. Целесообразней всего было бы решать проблемы комплексно, понимая, что все проблемы – большие и малые – прочно взаимосвязаны и осуществляют взаимовлияние. В то же время, из бесчисленного числа проблем предвоенной России следовало бы выделить те, которые нуждались в первоочередной реализации. Представляется, что это, *в первую очередь, вопрос повышения благосостояния (в самом широком смысле этого слова) рабочего класса*, особенно работников фабрик и заводов в крупных городах. Именно они играли решающую роль в поддержке власти или в противостоянии с ней. Государство пыталось решить эту проблему. Так, например, выделялись средства на развитие начальных учебных заведений для рабочих, на издание учебной и просветительской литературы. Однако эта работа была организована плохо. Многие отчеты чиновников разного уровня о выполнении планов по культурному обеспечению рабочих были не объективными, прикрывали многочисленные факты казнокрадства. В результате попытка обеспечения материальных и культурных потребностей городского населения, в особенности рабочих, оказалась неудачной, что создало инфраструктуру, способствовавшую развитию революционной деятельности среди рабочих.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.1. Неизбежной.

Нет сомнения в том, что Первая мировая война стала фактором, который *сделал Русскую революцию неизбежной*. Война привела к большим потерям. По разным оценкам примерно миллион россиян к 1917 г. погибли, а более 3 миллионов получили увечья. Обусловленная мобилизацией нехватка рабочих рук во всех сферах общества усугубилась мощными моральными издержками: в обществе резко упала ценность человеческой жизни, но существенно возросла цена пары портянок. Без мировой войны Россия, несомненно, справилась бы с проблемами экономического характера: государство в 1917 г. не процветало бы, но и не было бы оснований для складывания острой революционной ситуации.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.4. Иное.

Пытаться искать виновников в возникновении февральских событий 1917 г. – означает неправильно поставить вопрос о происходившем. Виновников не было. Были три главных политических конкурента – самодержавие, буржуазно-либеральные силы и революционные партии, которые вели между собой бескомпромиссную борьбу. Разница состояла лишь в том, что самодержавие вело борьбу за сохранение власти, а две другие силы – за ее захват. То обстоятельство, что в февральские дни к власти пришли буржуазно-либеральные силы, говорит лишь о том, что к началу 1917 г. они были наиболее конкурентоспособными. Царские институты власти за более чем трехсотлетний период своего функционирования привыкли действовать по инерции. Революция 1905 – 1907 гг. не только ничему их не научила, но и значительно ослабила принятием Манифеста от 17 октября 1905 г. На этом фоне два других политических конкурента приобрели колоссальный опыт борьбы за завоевание власти. В России действовало более 200 «разнокалиберных» политических партий и движений, для которых борьба за власть стала по существу образом жизни и способом зарабатывания средств. Императорская власть не видела динамики происходивших политических процессов.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:
5.3. Иное.

Известные некогда слова песни «Нет у революции начала, нет у революции конца» – это не только поэтические строки, но и хорошо подмеченная тенденция. *Момент зарождения революции, как и момент ее полного завершения или затухания проследить очень сложно, практически невозможно*. Очень важно понять, какой смысл вкладывается в термин «революция». Важно понимать, какие качественные характеристики ей присущи. Условно говоря: участие в беспорядках 100 тысяч человек – это революция? А участие в ней, предположим, на 1 человека меньше – это еще не революция? Вероятно, признаками революции должны быть не только количественные, но и качественные показатели. На улицу может выйти определенное количество людей, которые участвовали в беспорядках. Но мотивация у них очень разная. Кто-то выходит для сознательной борьбы с существующей властью, а кто-то просто для того, чтобы похулиганить, «пошалить» или просто поглазеть на происходящее. Историку очень трудно дифференцировать подобные процессы. Я бы не *рискнул с точностью до дня назвать начало и окончание февральских событий.*

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):
6.4. Иное.

Разумеется, в падении самодержавия сыграли роль многочисленные политические силы и разные факторы. Протекавшие до февраля 1917 г. события всегда были многовекторными, нередко носили взаимоисключающий характер. Однако результирующий вектор политических событий в целом был направлен в сторону антицаристских сил, так что отречение Николая II от престола не носило случайный характер. Оно стало *закономерным итогом бессилия существовавшей власти в решении накопившихся проблем* как внутриполитического, так и внешнеполитического характера. Свою роль сыграли и субъективные факторы: в частности, стремление представителей политической оппозиции к захвату власти. Имея относительно четкий план восхождения на российский политический Олимп, оппозиционные лидеры совершенно не имели реальных планов управления огромным государством в экстремальных условиях войны и разрухи. Кроме того, никто из них не обладал опытом созидательной политической деятельности. Одно дело критиковать недостат-

ки монархических институтов управления страной, другое дело – самим встать у руля государственного управления. Буржуазно-либеральные силы к февралю 1917 г. вполне созрели для низвержения самодержавия, но явно были не готовы перехватить эстафету управления державой.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие.

Падение монархии в России – событие во многом трагическое, поскольку мгновенно и коренным образом повлияло на судьбы миллионов людей. Те, кто еще вчера относились в той или иной мере к государственной элите, в одночасье превратились в изгоев, лишившихся не просто стабильной жизни и имевшихся привилегий, а потерявших вместе с властью свое имущество, работу и право на личную безопасность и безопасность своих близких. Речь идет не о нескольких сотнях придворных, а о сотнях тысяч людей, имевших надежную и вполне понятную социальную перспективу. Это дворянство, чиновничество и многочисленные члены их семей. Февраль не только начал сметать их физически, но и разрушил их привычный духовный мир, веками складывавшиеся нравственные ценности.

Политики, добившиеся власти в феврале 1917 г., разумеется, были убеждены, что достигли высшей точки политического кипения. Представители многочисленных революционных партий при всем своем политическом многоголосии все же понимали, что приход к власти буржуазно-либеральных сил – это лишь прелюдия более значительных социальных перемен. Деятельность персонажей, находившихся в России на политической сцене в феврале – октябре 1917 г., чем-то напоминает фестиваль современной музыки, когда в начале концерта «для разогрева» выступают молодые или не очень «раскрученные» музыканты, и только после них на сцену выходят те, ради кого устраивалось все действо. Октябрь был порожден Февралем. Я не сторонник совмещения февральских и октябрьских событий воедино, поскольку Октябрьский переворот – это победа иных политических сил, нежели те, которые захватили власть в феврале. Но по мере удаления истории от событий 1917 г. противоречия, казавшиеся прежде антагонистическими, со временем во многом стираются и превращаются в мощный монолит. Так что, наверно,

скоро и я дозрею до того, чтобы видеть события 1917 г. как единую российскую революцию, внутри которой были два качественно разных этапа.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Я бы не ставил вопрос таким образом, что политические силы, пришедшие к власти в России в феврале 1917 г., совершали те или иные ошибки. Разумеется, совершали. Но дело не в ошибках. Ошибки были, есть и будут у любой политической власти. Главная беда буржуазно-либеральных сил состояла в том, что они, свергнув монархию, не сумели внутри страны осуществить заметные качественные изменения социального характера. Проще говоря, они не улучшили жизнь населения, а наоборот, довели ее до еще более тяжелого состояния. Не удалось справиться и с разваливавшейся экономикой страны. VI съезд большевистской партии совершенно справедливо отметил в августе 1917 г., что Россия падала в экономическую пропасть.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

Февральская революция вполне могла бы не перерасти в Октябрьский переворот. Для этого ей нужно было реализовать хотя бы половину своих внутриполитических и внешнеполитических планов. Вместо этого пришедшие к власти политики устроили состязание собственных амбиций, совершенно не желая приходить к компромиссу мнений и действий. В результате, как сказали бы мы сейчас, Временное правительство при всех его обновлениях не стало «единой командой». Знаменитая басня И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука» наверняка была хорошо известна образованным умеренным социалистам, но осталась для них лишь литературным произведением, а не поучением. Сложилась парадоксальная ситуация: обладавшие талантом, опытом политической борьбы, профессионализмом в различных сферах профессиональной деятельности чиновники А. Ф. Керенского не смогли работать сообща. Каждый из них имел собственный взгляд на пути преодоления проблем, стоявших перед Временным правительством, и число таких точек зре-

ния равнялось количеству самих чиновников. Удивительно, но они спорили о судьбах России практически до последнего часа своего пребывания у власти. Неправда, что в споре рождается истина. В споре рождаются новые споры.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Среди многочисленных просчетов Временного правительства – неверная стратегия взаимоотношений с революционными партиями. По существу, умеренные социалисты наступили на те же грабли, что и монархические партии в борьбе со своими «сменщиками». Временное правительство поставило сохранение своей власти как самоцель. Если бы они начали сотрудничество с революционными партиями, «дозируя» его в соответствии со своими интересами, они бы получили в итоге другую конфигурацию собственной власти, но имели шанс сохранить власть как таковую. Начав бескомпромиссную борьбу против революционных партий, они не только не сумели приобрести союзников в рамках государственного развития, но и нажили себе злейших врагов, свергнувших их в Октябре.

А. С. Пученков (СПБГУ, Санкт-Петербург)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

Развитие предвоенной России было исключительно противоречиво. Налицо присутствовало несколько конфликтов, выражаясь языком Станиславского: 1) искусственно созданное неучастие буржуазии в органах власти и, как следствие, неприемлемая для них невозможность влиять на решения Короны; 2) в центральной России, несмотря на пресловутое пореформенное «оскудение дворянства», существовал острый земельный голод, усугубляемый такой положительной тенденцией, как резкий прирост народонаселения Империи; как следствие, в крестьянской массе присутствовало радикальное неприятие помещичьего класса: при малейшей встряске и ослаблении традиционно сложившейся в стране системы государственного управления – самодержавия – все это могло перерасти в «помещичьи иллюминации» и осуществление на практике «черного передела»; власть же не была готова на разрешение зе-

мельного вопроса в интересах крестьянства за счет ликвидации или выкупа частновладельческих земель, принадлежащих помещикам, по-своему логично воспринимая помещиков как свою самую надежную опору – этот конфликт тлел десятилетиями, грозя в любую минуту трансформироваться в новую пугачевщину; 3) наконец, национальный вопрос: надо признать, что на окраинах происходил постепенный рост национального самосознания. Революция привела к тому, что прежние «культурнические» устремления национальной интеллигенции сначала переродились в требования широкой автономии, а затем и вовсе в процесс отделения от России. Россия могла, вероятно, пойти по эволюционному пути развития, если бы сошлось воедино несколько факторов, *ключевым из которых должен был стать персональный фактор, иначе говоря, искреннее желание монарха пойти по пути серьезных и глубоких реформ*, несмотря на оппозицию этим реформам со стороны аппарата.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.5. Иное.

Полагаю, что следует говорить о *совокупности вышеназванных факторов*, прибавив к этому, конечно, *личный фактор* – Николай II, несчастный русский государь, по масштабу своей личности не был готов справиться с небывалыми потрясениями, обрушившимися на Россию в «проклятом», по выражению поэта Д. Самойлова, двадцатом столетии. По точному замечанию философа Г. Федотова, «в русской революции только два человека сыграли роковую, решающую роль, не сводимую к типическим факторам, к воздействию групп. Эти два человека – Николай II и Ленин. Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути». Нельзя, однако, и гиперболизировать роль императора: все русское общество было **нездорово** накануне Февраля, занимаясь несвойственным им делом: интеллигенция, считавшая, что обладает готовыми рецептами, способными «спасти» Россию – быстро и безболезненно; высший генералитет, который вскоре, подобно генералу Эверту, будет раскаиваться в том, что «предал» царя в февральские дни. Власть, император, общество, как и вся Россия, оказались неготовыми к немыслимо трудному для России началу XX века. Объективные трудности усугублялись традиционной для русской интеллигенции хандрой и глубоко пессимистическим настроем.

Все вышесказанное обусловило и масштаб революции, и легкость падения самодержавной власти – в те дни казалось, что с падением Романовых все проблемы России будут решены раз и навсегда.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.1. Неизбежной.

Полагаю, что Первая мировая война *сделала неизбежной трансформацию политического строя в России* во что-то иное, отличное от самодержавия. Вместе с тем говорить о том, что Великая война предопределила то, что Россия станет социалистической, нельзя. Нет и не может быть, применительно к истории России, чего-либо напоминающего методу доказательства геометрической теоремы: из первого вытекает второе и т. д. События развивались по исключительно сложному сценарию, в котором зачастую иррациональность доминировала над более логичным процессом.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Мне кажется, что *главным и непосредственным виновником* не Февральской революции, а того, что события в столице империи привели сначала к трансформации уличных беспорядков в революцию, а затем и к удивительно быстрому падению монархии, *следует считать Николая II*, упустившего контроль над ситуацией и достаточно легкомысленно отнесшегося к известиям о восстании в Петрограде. Не вдаваясь в подробности, замечу, что даже в Февральские дни царь допустил несколько поистине роковых ошибок. Можно сколь угодно долго говорить о «заговорах» с целью свержению императора, готовившихся, дескать, самыми разными силами, включая представителей Дома Романовых, однако, подчеркну еще раз: как сама революция, так и характер развития событий и их финал стали неожиданностью для **всех без исключения** лиц, оппозиционно настроенных по отношению к царю.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

Полагаю, что «точкой невозврата», пройденной революцией, стало убийство унтер-офицером Кирпичниковым штабс-капитана Лашкевича и по-

следовавшее за этим присоединение Волынского полка, а вслед за ним и других частей к восстанию. Восставшие солдаты понимали, что пути назад для них уже нет, и были готовы защищать свои устремления с оружием в руках. После этого подавить революцию можно было только ценой большой крови. За годы, прошедшие с момента Первой русской революции, утекло много воды, солдаты уже не желали видеть себя в роли опричников ни при каких обстоятельствах, сочувствуя лозунгам противников самодержавной власти. Восприятие власти царя как исторически необходимой для России, понемногу, абсолютно незаметно для самой монархии, ушло в область истории.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Думаю, что говорить о том, кто именно сыграл главную роль в отречении монарха, крайне трудно. Тут как раз таки *все взаимозависимо*: левые партии выдвигали лозунги, привлекательные для рабочих и солдат; Родзянко, больше всего опасавшийся того, что его будут воспринимать как «красного» и «бунтовщика», поневоле согласился на привлечение авторитета Думы в качестве формального «возглавителя» восстания, став во главе ВКГД; авторитет Думы и персонально Родзянко в немалой степени повлиял на позицию генералитета, оказавшего, несмотря на свою верноподданническую риторику, определяющее воздействие на решение царя об отречении. Мне кажется, что именно «рекомендация» командующих фронтами царю отречься от престола, надломила Николая II, всю жизнь считавшего себя военным человеком, и убежденного в том, что военные, генералитет не могут не поддерживать монарха, взвалившего на себя тяжкий крест Верховного Главнокомандования в годы войны. Личные качества императора роковым образом проявили себя именно в Февральские дни: нерешительность, убежденность в собственной неудачливости, усталость от монаршего служения.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Мне кажется, что Февраль надо понимать многолико. С одной стороны, следует признать, что к моменту революции в глазах значительной части ин-

теллигенции самодержавие выглядело как исторический реликт, а Романовы воспринимались как властители, утратившие свой созидательный потенциал и неспособные отныне быть вожаками российской нации, бурная радость при известии о падении монархии у большей части общества и безразличие и апатия – у меньшей – свидетельствовали о том, что в сознании россиян наследственная монархия изжила себя; с этой точки зрения Февраль *был закономерным и исторически необходимым событием.* С другой стороны, нельзя не признать и того, что в конкретных исторических условиях события развивались по худшему из возможных для России сценарию: только за один семнадцатый год страна пережила два распада государственности – Февраль и Октябрь, – и обрекла себя на поражение в войне, уже стоившей к тому моменту для России бесчисленных жертв. Мне кажется, что *в этом аспекте России Февраль был для России бедой; нелегитимный переворот вверг страну в небывалый кризис*, предопределив не только поражение в войне внешней, но и последующую, еще более страшную, – войну гражданскую.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.1. Не решили вопрос о мире.

После своего бегства из России Александр Федорович Керенский написал бесчисленное количество всевозможных публицистических работ, воспоминаний, дал огромное количество интервью, все они, по мысли бывшего министра-председателя Временного правительства и главковерха, должны были доказать одно: Керенский всегда и во всем поступал правильно, выбранный им путь развития страны был верен, его оборвала лишь нелепая череда случайностей. Понятное дело, что это лишний раз доказывает во многом случайное попадание Керенского на роль властителя России (впрочем, кто из проигравших государственных деятелей был способен к критическому самоанализу). Вместе с тем «разговорчивость» Керенского неизбежно приводила его и к точным, во всяком случае, близким к истине, наблюдениям. Примером подобного, на мой взгляд, может служить фраза Керенского, произнесенная им в беседе, состоявшейся у экс-премьера с британским разведчиком и дипломатом Р. Б. Локкартом летом 1931 г. в «Карлтон Грилл Рум» в Лондоне. К разговору хорошо знакомых Локкарта и Керенского присоединился и лорд Бивербрук, спросивший Керенского о

причинах его «провала». «Удалось бы вам победить большевиков, если бы вы заключили сепаратный мир? – спросил лорд Бивербрук.

– Ну конечно, – возразил Керенский, – мы были бы теперь в Москве.

– Так почему же, – поинтересовался лорд Бивербрук, – вы не сделали этого?

– Мы были слишком наивны, – последовал ответ».

«Наивность – лучшая эпитафия на могилу Керенского», – иронизирует Локкарт.

Не вдаваясь в полемику о «наивности» или же каких-то других качествах Керенского, *я готов присоединиться к одному его высказыванию, а именно о сепаратном мире; выражусь точнее: в случае начала сепаратных переговоров у России появлялся шанс* если не выйти из перманентного политического кризиса, то избежать радикальной революции, которая произошла в Октябре.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.4. Иное.

Полагаю, что шансы на удержание революции в либеральных рамках были у либералов и умеренных социалистов лишь в том случае, если бы они выступили в роли ускорителей революции, начав сепаратные переговоры, постаравшись как можно скорее созвать Всероссийское Учредительное собрание и пойдя на радикальное разрешение крестьянского вопроса.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Думаю, что к числу вопросов можно добавить следующий: была ли в России возможной и осуществимой, после отречения царя, правая военная диктатура, сродни корниловской, и могла ли она быть альтернативой Октябрю.

А. Е. Рабинович (Индианский университет, США)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:
2.1. Проблема самодержавной власти ~~(участия либералов во власти).~~

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:
3.2. Весьма вероятной.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:
4.1. Царь и его окружение (правительство).
Не принимали нужных реформ.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:
5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):
6.2. Думские лидеры и либеральные круги.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):
7.1. Исторически необходимое событие.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:
8.3. Иное.

Не решили вопрос о мире; не справились с коренными экономическими проблемами и не созвали Учредительное собрание.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:
9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

10. Открытый (дополнительный) вопрос:
Каким образом лучше всего рассматривать Февральскую революцию в рамках революционного процесса в России?

How does the «February revolution» best fit into the Russian revolutionary process?

10.1. Как отдельную революцию. As a separate revolution (traditional);

10.2. Как важный этап фундаментального политического и социального процесса, который включает и Октябрьскую революцию, т.е. как Великую Русскую революцию. As an important phase in a fundamental political and social process which includes the October revolution (the Great Russian Revolution);

Выбор автора:

10.2. Как важный этап фундаментального политического и социального процесса, который включает и Октябрьскую революцию, т. е. как Великую Русскую революцию.

Дж. Санборн (Колледж Лафайет, США)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

В целом, я думаю, что реформы государственного устройства, армии и экономики (в особенности, но не исключительно, под руководством Столыпина) вели к большей стабильности, но однозначно мощное радикальное направление революционного и рабочего движений означало, что революция всегда была более вероятной в России, чем где-либо еще в Европе. Это были определенно противоречивые процессы.

In general, I think that the measures of building the state, the military, and the economy (in particular, but not solely, under Stolypin's direction) were leading toward greater stability, but the uniquely powerful radical direction of the revolutionary and labor movements meant that revolution was always more likely to occur in Russia than elsewhere in Europe. These were definitely contradictory processes.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.4. Национальный вопрос.

Все эти проблемы были реальными и значимыми в довоенной России, но сама война показала, что одних либеральных, национальных и крестьянских оппозиционных сил были недостаточно, чтобы свергнуть царский режим. Городские беспорядки, однако, были очень опасны, как показали события. Хотя события 1917 г. изменили эту динамику.

All of these problems were real and significant in prewar Russia, but the war itself would show that the liberal, national, and peasant oppositional forces were insufficient to dislodge the tsarist order. Urban unrest, however, was very dangerous, as events would prove. The events of 1917 would change these dynamics, however.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Война не сделала Российскую Революцию неизбежной, но её значение состояло в том, что, когда революция началась, она приняла иную форму, чем могла бы иметь в 1913 г. Имперские вопросы были гораздо более значительными, а участие вооруженных сил более решающим. В любом случае, сложно представить самодержавие, не изменившееся после войны, вне зависимости от результата на поле битвы.

The war did not make the Russian Revolution inevitable, but the war did mean that when revolution came, it would take a different form than it would have in 1913. Imperial questions were more significant, and military participation was more decisive. In any case, it is difficult to imagine the autocracy emerging from the war unchanged, regardless of the outcome on the battlefield.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Я не уверен, что «вина» – это правильный термин для Февральской революции, но я считаю очевидным, что это был результат полной потери веры в правительство практически всеми слоями российского общества. В этом смысле просчеты правительства были решающим фактором происхождения и развития революции.

I am not sure that «guilt» is the correct term to use for the February Revolution, but I think it is evident that it was the result of a complete loss of faith in the

government on the part of virtually all sectors of Russian society. In that sense the failures of the government were the decisive factor in its origins and development.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

Восстание солдат решило исход Февральской Революции, однако совершенно ясно, что оно не было ее началом. Массовые демонстрации создали кризисную ситуацию, которая привела к концу монархии.

The soldiers' revolt decided the outcome of the February Revolution, but it plainly did not begin it. The mass demonstrations created the crisis situation that resulted in the end of the monarchy.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.3. Генералитет русской армии.

Я бы добавил «солдаты Русской армии» к этому ответу, не только Петроградский гарнизон, но и те, чье брожение убедило Ставку вывести войска, скажем, из Царского Села. Думаю, что, если бы генералы (и их солдаты) всецело поддерживали восстановление «порядка» в Петрограде силой, Николай выбрал бы этот вариант, а не отречение от престола. Даже Николай понимал, что его положение было шатким без военной поддержки. Это было удачей, что его генералы поняли, что его положение было шатким даже с военной поддержкой.

I would add «soldiers of the Russian army» to this answer too, not only the Petrograd garrison, but also those whose rumblings convinced the general staff to withdraw, say, from Tsarskoe Selo. I think if the generals (and their soldiers) had wholeheartedly supported the restoration of «order» in Petrograd by force, Nicholas would have chosen that option instead of abdication. Even Nicholas realized that his position was untenable without military support. It is fortunate that his generals realized that his position was untenable even with military support.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Я думаю, что Февральская Революция была предсказуемой, но не неизбежной. Я полагаю, что «*необходимость» революции зависит от точки зрения на социальную и политическую справедливость*. Я бы сказал, что нахожу

массовые демонстрации и призывы к отречению вполне обоснованными в том плане, что они требовали, чтобы власти, ответственные за общественную и политическую трагедию военных лет, ответили за свои провалы.

I think the February Revolution was predictable, but not unavoidable or inevitable. I suppose the «necessity» of the revolution depends on one's view of social and political justice. I would say that I find the street demonstrations and the calls for abdication entirely reasonable in that they demanded that the authorities responsible for the social and political disaster of the war years be held accountable for their failures.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.1. Не решили вопрос о мире.

Неготовность заключить перемирие с Центральными Державами на базе «мира без аннексий или контрибуций» была главной ошибкой Временного правительства. Вполне возможно, что Центральные Державы приняли бы это соглашение, особенно если бы оно состоялось весной, до развала военных сил. Такое перемирие создало бы много новых проблем (например, поддерживать военные силы в надлежащем порядке на случай нарушения соглашения Центральными Державами), но оно сделало бы возможным более ранний созыв Учредительного Собрания и позволило бы либералам и умеренным социалистам более эффективным образом принять участие в построении новой России.

The failure to sign an armistice with the Central Powers on the basis of «peace without annexations or indemnities» was the main mistake of the Provisional Government. It seems very probable that the Central Powers would have accepted such an agreement, in particular if it had happened in the spring, before the disintegration of the armed forces. Such an armistice would have created many new problems (such as how to maintain the armed forces in good order in case of a violation by the Central Powers), but it would have made an early convening of the Constituent Assembly possible and would have allowed liberals and moderate socialists to take part in the building of a new Russia in more productive ways.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.2. Умеренные социалисты имели хорошие шансы сохранить власть в своих руках и обеспечить либеральный характер революции.

Многое зависит от понимания слова «либеральный» в данном контексте. Существование стабильного государственного устройства любого типа было крайне маловероятно в условиях 1917 г., и либеральные порядки обычно не процветают во времена кризиса. Тем не менее, я считаю вполне возможным, что могла быть заложена очень хорошая основа для строительства правового государства, которое бы базировалось скорее на социалистических, а не на буржуазных понятиях «о праве собственности». Опять же, это зависит от того как определить значение понятия «либеральный»: понимается ли это как происходящее в «либеральных рамках».

Much depends on how one defines «liberal» here. A stable government of any kind was highly unlikely in the conditions of 1917, and liberal orders normally do not prosper in times of crisis. However, I think it entirely possible that the building blocks of a rule of law state that had more socialist than bourgeois ideas about «property rights» could very well have been laid. Again, it depends on one's definition of «liberal» as to whether this would qualify as occurring within «liberal parameters».

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

За многими из этих вопросов скрывается *вопрос об «империи»*. Либералы и умеренные социалисты с трудом представляли себе «новую Россию», которая не была бы имперской, хотя они считали себя «прогрессивными» во многих других смыслах (Милюков и Керенский были особенно заметны в этом отношении). К 1917 г., после трех лет этнополитики и изменений в большей части западных границ в результате военной оккупации (и также после событий 1916 г. в Средней Азии), возвращение к довоенному статус-кво было политически невозможно. Поскольку империализм был также связан с войной, неспособность творчески переосмыслить российское государственное устройство была губительна – сначала для кадетов (с апреля по июнь), а затем для умеренных социалистов (с июня по октябрь).

Lurking behind many of these questions is the question of «empire». Liberals and moderate socialists had a difficult time imagining a «new Russia» that was not imperial, even when they considered themselves «progressive» in many other ways (Miliukov and Kerenskii were both notable in this regard). By 1917, after three years of ethnopolitics and shifting military occupations in much of the

western borderlands (and since 1916 in Central Asia as well), returning to the status quo ante bellum was politically impossible. Since imperialism was linked to the war as well, this failure to creatively re-envision a new Russian state order was fatal, first for the Kadets (from April-June), and then for the moderate socialists (from June-October).

Л. Сигельбаум (Мичиганский университет, США)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

Конечно, процессы развития были противоречивы (ибо они почти всегда таковы). С одной стороны, шли процессы формирования гражданского общества и рост правового сознания. С другой стороны, нарастали противоречия между рабочим классом и буржуазией, все более осознающей свои интересы и влияние.

Of course there were contradictory tendencies (as there almost always are), e.g., the burgeoning of civil society and a growing legal consciousness on the one hand; more striking antagonisms between working-class based politics and increasingly self-conscious bourgeois assertiveness on the other.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.2. Рабочий вопрос.

Концентрация в столице крупных заводов и непримиримая антисамодержавная и антибуржуазная позиция, по крайней мере, квалифицированных рабочих, наряду со стратегической важностью этих производств, создавали взрывоопасную ситуацию.

The concentration of large factories in the capital city, the implacable anti-autocratic and anti-bourgeois orientation of at least skilled workers and the strategic significance of these industries made for an explosive situation.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

В истории нет ничего неизбежного, но Первая мировая война несомненно увеличила вероятность революции в России.

Nothing in history is inevitable, but the First World War certainly enhanced the possibilities of revolution in Russia.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Плохо скоординированные, неуклюжие и жестокие действия правительства лишь разжигали гнев народа и решимость восставших сил.

Disorganized, hamfisted, violent tendencies exacerbated popular wrath and the determination of rebellious elements.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

Самих по себе демонстраций было недостаточно для свержения царизма, но они определенно начали процесс.

In and of themselves the demonstrations would not have been sufficient to overthrow tsarism; but they definitely began the process.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.1. Левые партии, опиравшиеся на стихийное движение рабочих и солдат.

Если бы не левые партии и народные восстания, то либералы и лидеры Думы заключили бы сделку с царем.

Had it not been for the left parties and popular revolts, the liberals and Duma leaders would have made a deal with the tsar.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие.

России было что «наверстать», если говорить о современных требованиях, предъявляемых к политической власти. Февральская революция поставила ее на путь, который позволял сократить отставание от других европейских держав.

Russia had some «catching up» to do when it came to political authority in a modern context. The February Revolution put it on the path of making up some distance separating Russia from other European powers.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.1. Не решили вопрос о мире.

Это самый легкий вопрос из всех.

This is the easiest question to answer of them all.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

Классовые противоречия и экономическое неравенство были слишком велики, чтобы их можно было преодолеть в рамках либерально-демократической политики.

Class antagonisms and economic inequalities were too great to overcome via liberal-democratic politics.

10. Открытый вопрос: что считаете важным добавить к первым девяти вопросам?

Вопрос о влиянии войны и особенно о сложностях, возникающих в результате мобилизации ресурсов, людей и настроений в поддержку войны.

A question about the effect of the war and particularly complications arising from mobilization of resources, people, and sentiment in support of the war.

М. Стокдейл (Оклахомский университет, США)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.3. Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно.

Накануне войны экономика России процветала, шло развитие начального образования, а принятая в 1912 г. военная программа означала, что

царский режим мог и далее опираться на армию и большую часть элиты (за исключением интеллигенции). Однако углубляющиеся социальные противоречия, наиболее явно проявившиеся в забастовочном движении 1912–1914 гг., показывали, что не все так хорошо.

The Russian economy was booming on the eve of the war, primary education was expanding, and the military rebuilding program adopted in 1912 meant the regime could continue to command the support of the army and most of the elite (outside of the intelligentsia). But deepening social tensions – expressed most obviously in the strike movement of 1912–1914 – showed all was not well.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.5. Иное.

Хотя рост числа рабочих забастовок накануне войны представлял угрозу политической стабильности, я думаю, что власть, опираясь на армию, могла справиться с этим, *не будь других проблем*. Однако серьезный спад в экономике или военное поражение могли лишить режим поддержки элиты, критически важной для того, чтобы справиться с недовольством и разочарованием умеренных политических лидеров и представителей деловых кругов, рабочих, крестьян и национальных меньшинств.

While intensifying workers' strikes posed a threat to political stability on the eve of the war, I believe military support could have been counted on to deal with them, *absent other problems*. But a serious economic recession or a military defeat would potentially deprive the regime of crucial elite support in efforts to deal with the anger and frustration of moderate political and business leaders, urban workers, peasants, and national minorities.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Если бы война оказалась непродолжительной, как думали почти все ее участники, и если бы Антанта победила, то революции, возможно, удалось бы избежать. И положение царского режима могло бы даже упрочиться, по меньшей мере, временно. Однако затяжная и дорогостоящая война, даже если бы Россия ее выиграла, скорее всего, привела бы к революции. По

моему мнению, война была как катализатором, так и плавильным котлом Русской революции.

If the war had been a short war – as virtually all combatants expected – and if the Entente powers had been victorious, revolution would probably have been averted. Indeed, the Tsarist regime would probably have been bolstered, at least temporarily. But a protracted and costly war – even had Russia been victorious – *would have been very likely to result in revolution.* In my opinion, the war was both catalyst and crucible of the Russian revolution.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Решение Николая II проигнорировать программу Прогрессивного блока и досрочно прекратить заседания Государственной Думы летом 1915 г. было серьезной ошибкой. Отказ царя в конце 1916 – начале 1917 гг. пойти на какие-либо уступки Думе или уступить требованиям общества был фатальным.

Nicholas II's decision to ignore the program of the Progressive Bloc and prorogue the State Duma in summer 1915 was a serious mistake. In late 1916 – early 1917, the Tsar's refusal to grant any concessions to the Duma or to popular demands was fatal.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

Поддержка Думы легитимизировала революцию. Если бы думский комитет немедленно и публично поддержал прежнюю власть и призвал жителей Петрограда сохранять верность царю, то генералы Николая II не посоветовали бы ему отречься, а в столицу были бы отправлены надежные войска. Хотя неизвестно смогли ли они и захотели ли бы они восстановить порядок, но я думаю, что Дума все еще имела немалый моральный авторитет, и ее решение в тот момент было бы определяющим. И если бы Николай не распустил Думу 26 февраля, а пообещал бы работать с ней для восстановления порядка, то Дума не присоединилась бы к восстанию низов.

The Duma's support legitimized the revolt. If the Duma Committee had immediately and publicly sided with the authorities and appealed to citizens of Petrograd to remain loyal, Nicholas's generals would not have counseled him to abdi-

cate, and loyalist troops would have been sent to the capital. Then, it is anyone's guess as to whether they could and would have restored order. But I believe the Duma still had considerable moral authority in February, so its decision was the final turning point. And if Nicholas had NOT prorogued the Duma on February 26, instead making promises to work with it to restore order, the Duma would not have sided with the revolt.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Действия солдат и рабочих в Петрограде, решение Думы создать Временный комитет и поддержать восстание, а также последующее решение генералитета не поддерживать монарха – все они сыграли исключительно важную роль. Несколько менее важным фактором были действия революционных партий: они не запустили события и не вызвали восстание гарнизона. Однако они дали солдатам и рабочим возможность выражать свое мнение, организовав Петроградский Совет, хотя роль этого органа в отречении Николая II не была решающей.

The actions of solders and urban workers in Petrograd, the decision of the Duma to form a Temporary Committee and side with the revolt, and the consequent decision of the generals not to support the monarch *all played extremely important roles*. A slightly less important factor was the behavior of the revolutionary parties: they did not initiate events, and did not cause the revolt of the garrison. They did help give soldiers and urban workers a voice by organizing the Petrograd Soviet, but this body's role was not the crucial one in causing Nicholas's abdication.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Сомнительно, чтобы монархия могла быть спасена после того, как генералитет согласился, что царь должен отречься, а Николай II решил отречься и за Алексея. Однако отсутствие даже номинального монарха, который бы мог придать новому Временному правительству большую законность, однозначно делало ее шансы сохраниться еще меньше.

It is doubtful whether monarchy could have been saved, once the generals agreed that Nicholas must abdicate and Nicholas decided to abdicate for Alexei. But the absence of even a figurehead monarch to give the new Provisional Government greater legitimacy certainly made its prospects of success even slimmer.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Хотя перспективы Временного правительства были с самого начала исключительно плохими, я думаю, что серьезнейшей ошибкой было откладывание выборов в Учредительное собрание. Если бы, например, выборы в Учредительное собрание прошли в апреле, то оно могло бы получить настоящий мандат доверия народа, немедленно провести некоторые популярные реформы (8-часовой рабочий день, закон об образовании для крестьян, расширение национальной автономии) и попробовать продолжить войну (быстрое заключение мира было нереально).

Although the prospects for the Provisional Government were exceedingly poor from the outset, I believe that delaying elections to the Constituent Assembly was a grave mistake. An Assembly elected in April, for example, could have claimed a genuine popular mandate, immediately passed certain popular reforms (8 hour workday, a peasant «education bill», greater autonomy for national minorities) and tried to hang on in the war (speedily making peace was not a realistic option.)

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

Попытки после свержения монархии проводить демократическую, «либеральную» политику в условиях экономического кризиса и тяжелой войны были практически обречены на провал. Власть должна была перейти в руки какой-либо авторитарной силы («либо Ленин, либо Корнилов», как позже заметил Милюков). А невозможность получить быстрый и удовлетворительный выход из мировой войны, практически гарантировано порождала вооруженное сопротивление новому авторитарному режиму, т. е. гражданскую войну.

Once the monarchy ended, trying to carry out democratic, «liberal» regime change in the midst of economic hardship and a massive war effort was virtually doomed to fail. Some kind of authoritarian governing body («either Lenin or Kornilov», as Miliukov later put it) would have taken power. And the impossibility of finding a speedy and satisfactory exit from the war would virtually guarantee armed resistance to this new, authoritarian regime: that is, civil war.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Важность войны как причины революции не может быть переоценена. Даже более способному правителю, нежели Николай II, было бы трудно провести свою неравномерно развитую страну сквозь несколько лет опустошающей тотальной войны.

The importance of the war in causing the revolution cannot be overstated. Even a far more competent ruler than Nicholas would have been hard pressed to shepherd his unevenly developed country through years of devastating total war.

Р. Суни (Мичиганский университет, США)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности.

Накануне Первой мировой войны царская Россия была развивающимся обществом и, в результате этого развития, одновременно страдающим от социального, политического, даже культурного кризисов. После 1905 г., в России установилось «конституционное самодержавие» – противоречивая система, которая вероятно была неустойчивой. Страна должна была двигаться или в направлении к реально ограниченной конституционной монархии, или назад, к обанкротившейся системе самодержавия а-ля Александр III. Царь сопротивлялся дальнейшим либеральным изменениям, в то время как общество было более не готово принимать старые формы правления. В этом смысле Ленин был прав, что правящие классы больше не могли управлять по-старому, а управляемые не желали быть больше управляемы как прежде. В обществе росло недовольство рабочих, и они выражали его в демонстрациях, забастовках, политической деятельности и с помощью своих представи-

телей в IV Государственной Думе. В самый канун войны страна сотрясалась от крупномасштабных стачек и протестов, которые свидетельствовали, что режим не может справиться с социальным кризисом в данный момент. Война дала правительству короткий период передышки.

Tsarist Russia on the eve of the First World War was a society that was both developing and as a result of that development was afflicted with deep social and political, even cultural, crises. After 1905 Russia was a kind of «constitutional autocracy», a contradictory system that was probably unsustainable. The country either had to move toward true limited, constitutional monarchy or backwards to the failed system of autocracy, a la Alexander III. The tsar was resistant to further liberal changes, and society was no longer prepared to accept the old ways of ruling. In this sense, Lenin was correct that the ruling classes could no longer rule as they had, and the ruled classes were no longer willing to be ruled as they had been before. In society more generally workers were increasingly discontented, and they were finding their voices in demonstrations, strikes, political activity, and through their representatives in the Fourth Duma. On the very eve of the war the country was shaken by large-scale strikes and protests, evidence that the regime could not handle the social crisis of the moment. The war gave the government a short period of respite.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.2. Рабочий вопрос.

Наиболее острой проблемой был рабочий вопрос, потому что миллионы рабочих становились политически активными и враждебными к существующему режиму. Они тяготели к самой радикальной социалистической партии, к большевикам, и отказывались от компромисса с умеренными социалистами (меньшевиками), либералами и капиталистами. Их стратегическое нахождение в двух столицах и в таких крупных экономических центрах, как Баку давало им больше силы, чем дала бы их численность, если бы они были разбросаны далеко от центров политической власти.

The most acute problem was the workers' question because millions of workers were becoming politically active and hostile to the regime. They were gravitating toward the most radical socialist party, the Bolsheviks, and abandoning compromise with moderate socialists (Mensheviks), liberals and capitalists. Their strategic location in the two capitals and large economic centers like Baku gave them

greater power than their numbers would have if they had been scattered far from the centers of political power.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Первая мировая война окончательно радикализировала население и оттолкнула его от существующего режима. Она привела к вооружению миллионов простых людей, введя в политический расклад новую и мощную группу: вооруженных крестьян и рабочих. Военные поражения, понесенные армией, ее скудное снабжение и непонимание солдатами того, за что ведется война, вызывали разочарование, отчуждение и позже «голосование ногами» за то, чтобы покинуть фронт.

World War I eventually radicalized the population and alienated it from the regime. It led to the arming of millions of ordinary people, introducing a new and powerful group into the political equation – armed peasants and workers. The military defeats suffered by the army, the poor supplying of the military, and the confusion about why the war was being fought led to soldiers being discouraged, alienated, and later voting with their feet to leave the front.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.4. Иное.

Никто не был виновен в совершении революции. Февраль 1917 г. стал кульминацией множества факторов, большинство из которых были вне контроля отдельных личностей и партий: тяготы войны, экономические трудности, рост стоимости жизни, сбой поставок, недовольство царем и его семьей, желания либералов создать конституционное, даже демократическое, правительство и амбиции влиятельных социалистических партий.

No one was guilty of making the revolution. February 1917 was the culmination of many factors, most of which were beyond the control of individuals or parties: the pressures of the war, economic difficulties, the rising cost of living, supply failures, discontent with the tsar and his family, liberals' desires for a more constitutional, even democratic, government; and the ambitions of the influential socialist parties.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:
5.2. 27 февраля – начало солдатского восстания.

Бунт, протест, восстание в Петрограде началось 23 февраля, однако реальной революцией всё это стало 27 февраля, когда к антиправительственным протестам женщин, рабочих и прочих обыкновенных людей присоединились вооруженные солдаты.

Insurrection, protests, a revolt in Petrograd began on February 23, but that revolt became an effective revolution on February 27 when men with guns joined the women, workers, and other ordinary people in the streets against the government.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):
6.4. Иное.

Царь уступил свою власть, в первую очередь, под давлением армейских командующих и лидеров Думы. После того как его ближайшие сторонники покинули его, Николаю II, изолированному в своем поезде, ничего не оставалось, кроме как отречься от престола. С учётом настроения масс не было никакой возможности остановить революцию на конституционной монархии, и республика была объявлена против желаний ведущих либеральных и консервативных политиков.

The tsar gave up his power primarily at the insistence of the army commanders and the Duma leaders. Once his closest supporters left him, Nicholas II, isolated on his train, had no choice but to abdicate. Given the mood of the masses there was no opportunity to stop the revolution at constitutional monarchy, and a republic was declared against the wishes of leading liberal and conservative politicians.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):
7.3. Иное.

Как только началась война, царская власть оказалась в опасности. Если бы в войне удавалось побеждать, монархия могла выжить, однако из-за постоянных кризисов военных лет, вероятность Февральской революции значительно возросла. Исторически Февраль предвещал начало демократической России, но из-за глубокого социального разделения, продолжающейся

и развивающейся поляризации общества в контексте войны возможности демократического развития, в конечном счёте, исчезли.

Once the war began, tsarism was in danger. Had it succeeded in the war, it may have survived, but with the repeated crises of the war years, the February Revolution became increasingly likely. Historically February promised a democratic Russia, but with the deep social divisions and the ongoing and increasing social polarization, in the context of war, democratic possibilities eventually eroded.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Либералы представляли слишком узкий слой в России в 1917 г. У них не было столь массовой поддержки, какая была у социалистов и Советов. Если бы они заняли более разумную позицию по вопросу о войне, возможно они могли бы выжить немного дольше, но поляризация общества, которая настроила рабочих, крестьян и солдат против старого порядка – собственности помещиков, капиталистической промышленности, старых командиров в армии – сделали практически невозможным объединить общество, как того хотели либералы и умеренные социалисты. Большевики, предложившие правительство исключительно из низших классов, пожали плоды бури 1917 г.

The liberals represented too narrow a constituency in Russia in 1917. They did not have mass support as the socialists and the soviets had. Had they taken a more sensible position on the war, perhaps they could have survived a little longer, but the social polarization that pitted workers, peasants, and soldiers against the old order – landlord property, capitalist industry, the old commanders in the army – made it nearly impossible to bring society together as liberals and moderate socialists wished. The Bolsheviks, who proposed a government exclusively of the lower classes, reaped the whirlwind of 1917.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

Глубокое социальное расслоение, очевидное еще в царской России, просто не могло быть преодолёно после Февральской революции, так как

война только усилила поляризацию между «цензовым обществом» и самопровозглашенной «демократией». Не надо было быть марксистом, чтобы понять, что классовый конфликт был реальным и интенсивным до и после Февраля. Либералы также это осознали и, придя в отчаяние от решения, которое избрали, в итоге повернули вправо и оставили идею демократии.

The deep social divisions already evident in tsarist society simply could not be overcome in the period after the February Revolution as the war only intensified the polarization between the tsenzovoe obshchestvo and the self-styled demokratiia. One did not have to be a Marxist to realize that class conflict was real and intense before and after February. Liberals saw that as well and despaired about the solution that they preferred, eventually turning to the Right and away from democracy.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Интересно отметить, что национальный вопрос и феномен национализма не были так важны в феврале 1917 г. Он будет стоять гораздо острее позже в этом году, и в особенности в 1918 г., и в годы Гражданской войны. Исследователи должны попытаться ответить на вопрос: почему именно классовая принадлежность стала основной формой социального самоопределения и причиной конфликтов в России в 1917 г, а не национальная, которая в XX веке могла бы гораздо сильнее проявить себя в социальных и гражданские войнах?

Interestingly enough, the national question and the phenomenon of nationalism was not particularly important in February 1917. It would arise more potently later in the year and particularly in 1918 and through the civil war years. Scholars must attempt to answer the question: why was class the principal form of social identity and conflict in Russia in 1917 and not nationality, which in the twentieth century would emerge as far more powerful in social and civil wars?

Ц. Хасегава (Калифорнийский университет, США)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:

1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности.

Я соглашаюсь с первым вариантом ответа. Россия проходила процесс быстрой модернизации и индустриализации. Этот процесс усиливал внутренние противоречия между тем, что оставалось старым, и новыми соци-

ально-экономическими изменениями, которые уже начали происходить. Политическая система не приспосабливалась к этим изменениям. Я согласен с интерпретацией Леопольда Хаймсона, который утверждал, что Россия страдала от двух процессов поляризации: первый – усиление разрыва между верхами и низами, и второй – между обществом и государством.

Вдобавок, в конце XIX в. и начале XX в. у разных народов Российской империи стало пробуждаться национальное самосознание. Российская многонациональная империя во главе с самодержцем, который начал политику русификации, сконцентрированную на самодержавии, православии и единстве империи, не могла не спровоцировать центробежные силы этнических движений на периферии. На деле, в дополнение к двум вышеупомянутым поляризациям, национальный вопрос составлял третий дестабилизирующий элемент в российской политической системе.

Я хочу добавить, что в отличие от Японской империи, где император выступал как символический глава государства и был непричастен к процессу принятия политических решений, самодержец в России был стержнем процесса формирования политики. Это означает, что правление самодержца, такого как Николай II, лишенного интеллекта, качеств лидера и сильной воли, должно было иметь катастрофические последствия для всей системы.

I agree with the first answer. Russia was going through rapid modernization and industrialization. This process magnified the inherent contradictions between what remained old and what new socio-economic changes were taking place. The political system did not adjust to these changes. I agree with Leopold Haimson's interpretation that the Russia was suffering two polarizations: the first, polarization between nizy and verkhi and the second, polarization between obshchestvo and gosudarstvo. In addition, the period at the end of the 19-th century and the 20-th century was the period when awakening of national consciousness emerged. Russia's multi-ethnic empire was cohered with the autocrat at the top, and the autocrat at the top was implementing Russification, centering on autocracy, nationality, and orthodoxy, it was destined to provoke centrifugal movements for ethnic movement in the peripheries. In fact, in addition to two polarizations I mentioned, the nationality question constituted the third destabilizing element in the Russian political system.

I would like to add that unlike the Japanese emperor system, where the emperor was merely a figurehead without involving himself in policy-making, the autocrat in Russia was a linchpin in decision-making. This means that an autocrat

without intelligence, leadership, and strong will-power, like Nicholas was destined to have catastrophic consequences to the entire system.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.1. Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти).

Как я уже объяснял выше, все эти элементы были важны. Но система *самодержавия, при которой царь играл ведущую роль, была главной ахиллесовой пятой*. Трагедией для России стало правление Николая II, чья приверженность устаревшим идеям самодержавия не только положила конец его правлению, но также разрушила монархическую систему как таковую.

Если бы Николай осуществил реформу государственного строя, «увенчав» его конституцией в начале своего правления или создал настоящую конституционную монархию в 1905–1906 гг., новая система, возможно, привела бы к смягчению проблем, перечисленных выше. Хотя политические разногласия между различными партиями, возможно, породили бы огромные трудности при проведении земельной реформы и более всего – при разрешении этнических конфликтов.

As I explained above, all these elements were important. But the system of autocracy, with the Tsar playing the pivotal role, was the most important Achilles's heel. The tragedy for Russia was headed by Nicholas II, whose obsolete idea of autocracy, was not only destined to end his rule, but also to destroy the monarchical system itself. Had Nicholas implemented the reform of the state structure by «crowning edifice» at the beginning of his reign or instituted a genuine constitutional monarchy in 1905–1906, the new system might have led to amelioration of other problems listed here, although political divisions among various parties might have encountered tremendous difficulties in carrying out land reforms, and above all, resolving ethnic conflicts.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

Я бы выбрал второй вариант. Во время первой мировой войны либералы и общество были тесно вовлечены в военные усилия. Организации, которые Питер Холквист называет «парастатическими» (полугосударственными), иг-

рали важную роль и обеспечивали сотрудничество с бюрократией. Речь идет о таких общественных организациях, как Союз земств, Союз городов, военно-промышленные комитеты, а также о различных специальных советах (по обороне, по снабжению продовольствием, топливом и по транспорту). Для оценки роли «парастатических» организаций важны следующие четыре фактора.

Во-первых, сотрудничество между обществом и бюрократией было уже настолько тесным и взаимосвязанным, что для правительства стало невозможным продолжать войну без сотрудничества с этими организациями. Во-вторых, через это сотрудничество, либеральные идеи до такой степени глубоко проникли в бюрократическую систему, что некоторые влиятельные министры в правительстве, такие как Кривошеин, Поливанов, Сазонов в 1915 г., и даже Барк, Покровский, Риттих, Григорьев в последнем кабинете Голицына, выступали сторонниками формирования «министерства доверия». Создание такого министерства в 1915 г., или даже 26 – 27 февраля, возможно, изменило бы ход событий. В-третьих, это сделало раскол внутри бюрократии и консервативного лагеря настолько глубоким, что правительство оказалось неработоспособным. Николай II получал плохие советы от упрямых реакционеров, таких как Горемыкин, Штюрмер и Протопопов, и, хотя часто колебался, в конечном итоге поддерживал мнения, высказанные ими. Интересно задать гипотетический вопрос: какой совет могли бы дать в этой ситуации Витте, Столыпин или даже Дурново? Здесь мы можем говорить о пагубном влиянии Распутина и императрицы Александры. Показательно, что такой убежденный монархист и реакционер как Пуришкевич был главным участником заговора для убийства Распутина. Здесь мы также могли бы учесть фактор того, что Ричард Пайпс называет «вотчинным» характером российского самодержавного государства, когда Николай II не делал четкого различия между личным / семейным и государственным делами.

В-четвертых, непримиримость Николая II вела к радикализации либералов, которые открыто говорили о возможности дворцового переворота, чтобы удалить императрицу от политического процесса. Планы дворцового переворота были не просто слухами. По крайней мере, два из них были серьезными. Один во главе с князем Г. Е. Львовым, другой во главе с Гучковым. Попытки Львова привлечь генерала Алексеева и великого князя Николая Николаевича не увенчались успехом, но важно помнить, что и Алексеев, и Николай Николаевич воспринимали идею дворцового переворота. План Гучкова был более

серьезным и был частично реализован в ходе Февральской революции. Это объясняет согласие верховного командования с политикой Думского комитета, которая эволюционировала от требования «министерства доверия» к требованию «ответственного министерства», а потом появилось требование отстранения Николая II от престола и конца монархии. Кстати, родственники Николая были тоже склонны к идее дворцового переворота.

I would opt for the second option. During the war, the liberals and obshchestvo were integrally involved in the war efforts. The role of what Peter Holquist calls «parastatal» organizations played an important role, involving cooperation between bureaucracy and obshestvennye organizations such as the Union of Zemstvos, the Union of Towns, the VPK, and the various special councils (defense, food supply, fuel, and transport). Four factors are important in the role of parastatal organizations.

First, the cooperation between society and bureaucracy became so close and interlocking that it would become impossible for the government to conduct war without the cooperation of parastatal organizations.

Second, through their collaborations, liberal ideas deeply permeated into bureaucracy to the extent that some influential ministers in the government such as Krivoshein, Polivanov, Sazonov in 1915, and even Bark, Pokrovsky, Rittikh, Grigoriev in the last Golitsyn cabinet, favored the formation of a ministry of confidence. The formation of a ministry of confidence in 1915, or even February 26, 27, may have changed the course of events.

Third, this made the division within the bureaucracy and the conservatives more in tense to the extent that the government found itself dysfunctional. Nicholas II, though often wavering, was ill advised by intransigent reactionaries such as Goremykin, Stürmer, and Protopopov, and always ended up supporting the views expressed by these reactionary ministers. It is interesting to pose a counterfactual question: what advice might Witte, Stolypin, even Durnovo have made? Here we can talk about the pernicious influence of Rasputin and Empress Alexandra. It is indicative that the full-fledged monarchist reactionary like Purishkevich was the major conspirators of Rasputin's assassination. Here also we might consider the factor of what Richard Pipes calls «patrimonial» concept of autocracy, where Nicholas had no clear distinction between personal/family affair and the state affair.

Fourth, Nicholas II's intransigence radicalized the liberals, who openly talked about the possibility of a palace coup to remove either the Empress, or the imperial

couple from the political process. Conspiracies for a palace coup were not merely idle chatters, but at least two, one led by Prince G. E. L'vov and another led by Guchkov, were serious. L'vov's attempts to involve General Alekseev and Grand Duke Nikolai Nikolaevich were unsuccessful, but it is important to remember that both Alekseev and Nikolai Nikolaevich were receptive to the idea of a palace coup. Guchkov's plot was more serious, and partially implemented during the February Revolution. This explains the High Command's acceptance of the Duma Committee's policy that changed from the ministry of confidence, to the responsible ministry, Nicholas' abdication, and the end of monarchy. By the way, Nicholas' own relatives became receptive to the idea of a palace coup.

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Все указанные варианты сыграли важную роль. Что касается *царя и правительства, я уже указывал на важность их непримиримой политики* отказа от какой-либо политической реформы, в частности дарования «министерства доверия» до 27 февраля. Кроме того, я хотел бы указать на *некомпетентность правительства* в борьбе с забастовками и демонстрациями, а также солдатскими восстаниями с 23 февраля по 27 февраля. Хабалов, Балк, Беляев и Протопопов продемонстрировали невероятную некомпетентность в борьбе с беспорядками, отсутствие лидерских качеств, сильной воли, уверенности в себе и в своих подчиненных, и, прежде всего, им не удалось отправить точный отчет о ситуации в Ставку.

Февральская революция была комбинацией двух революций: восстанием низов против верхов, и революцией либералов против правительства.

Что касается восстания рабочих и солдат, здесь есть сложный вопрос о «стихийности» и «организованности». Хотя теперь мы можем отказаться от того, что было когда-то среди советских историков общепринятым мнением, согласно которому восстание возглавляли большевики, я до сих пор утверждаю, что восстание было сочетанием стихийности и организации. Широкий сегмент рабочего класса, официально не связанный ни с революционными партиями, ни с их целью провести социалистическую революцию, разделял недовольство правительством и был готов принять участие в событиях. Но мы не можем не учитывать роль идейных революционеров, организующих забастовки, возглавляющих демонстрации, создававших подпольную сеть активистов.

Большевики в Выборгском районе, эсеры, межрайонцы, меньшевики-интернационалисты имели широкую совместную сеть организаций, а также играли важную роль в поддержании и расширении забастовочного движения, принимая лидерство на демонстрациях, и привлекая солдат. Также важную роль играли трудовики и умеренные социалисты. Несмотря на их оценку советскими учеными как «соглашателей», они играли активную и важную роль в продвижении забастовочного движения и демонстраций в радикальном направлении. «Информационная» группа Керенского, собиравшаяся во время восстания каждый день, лидеры различных революционных партий – в том числе большевиков – также сыграли ключевую роль. На самом деле, именно от этих умеренных социалистов исходила инициатива по формированию Петросовета.

Следующий этап революции начался с восстания солдат 27 февраля. Хотя массовое восстание образовывало фон революции, как основной цвет на большом полотне, драма революции сместились к высокой политике. Переговоры Думского комитета с Верховным командованием, создавали на полотне четкую картину, запечатлевая ясные цвета и контуры изображения.

Each played an important role. As for the Tsar and the government, I have already pointed out the importance of their intransigent policy in rejecting any political reform, especially granting a ministry of confidence before February 27. Also I would like to point out the incompetency of the government in dealing with the strikes and demonstrations, and the soldiers' insurrections from February 23 to February 27. Khabalov, Balk, Beliaev, and Protopopov demonstrated incredible incompetence in dealing with the disturbances, without leadership, strong will, confidence from their subordinates, and above all, they failed send accurate report of the situation to the Stavka.

The February Revolution was a combination of two revolutions: the insurrection of nizy against the verkhi, and the revolution of the liberals against the government.

As for the insurrection of the workers and soldiers, there is a complicated question of "organization" vs "spontaneity." Although we can now discard what was once the accepted view among the Soviet historians that the insurrection was led by the Bolsheviks, I would still argue that the insurrection was the combination of spontaneity and organization. A wide segment of the working class, though not officially affiliated with any revolutionary parties or their goals of making socialist revolution, shared the discontent against the government, and ready to take action.

But we cannot dismiss the *role* of the committed revolutionaries, organizing strikes, leading demonstrations, creating underground network of activists.

The Bolsheviks in the Vyborg District, the Socialist Revolutionaries, the Mezhraiontsy, the Menshevik internationalists had a loose collaborative network of organizations, and played an important role in sustaining and expanding the strike movement, and taking the leadership in leading demonstrations, and appealing the soldiers. Also important was the role of the Labor group and the moderate socialists. Despite the Soviet historians characterization of their being «collaborators», they played an active, and important role in pushing the strike movement and demonstration in a radical direction. Kerensky's «Information» Group, assembling every day during the insurrection, leaders of various revolutionary parties, including the Bolsheviks, also played a crucial role. In fact, it was from these moderate socialists from which the first initiative to form the Petrograd Soviet came.

The second stage of the revolution began with the soldiers' insurrection on February 27. Although the mass insurrection provided the background, like the background color in the big canvass, the drama of the revolution now shifted to the high politics, the Duma Committee's negotiations with the High Command, making a clear picture on the canvas, imprinting clear colors and contours of images.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

Я объяснял выше. *Первым этапом революции было восстание с 23 февраля* по 27 февраля. Солдатское восстание начало второй этап – высокой политики, касающийся монархии. В этом процессе 1 марта стало важным поворотным моментом. С другой стороны, приказ Родзянко подтолкнул солдатское движение, кульминацией которого стал выпуск Приказа № 1, сделав невозможным полноценную поддержку Петроградским Советом формирующегося Временного правительства. Кроме того, этот инцидент поколебал авторитет Родзянко. Кстати, решение о создании Временного правительства было принято не 27 февраля, а 1 марта. До этого дня, Родзянко был у штурвала, но после Милюков как наиболее влиятельный игрок среди либералов взял управление на себя. Соперничество между Милюковым и Родзянко продолжалось и оказало существенное влияние на события, которые привели к падению монархии 3 марта. Кстати, 1 марта также имеет большое значение, так как в этот день Думский комитет при-

нял решение добиваться отречения Николая, отказавшись от прежнего стремления создать ответственное министерство.

I explained above. The first stage was the insurrection state from February 23 to February 27. The soldiers' insurrection touched off the second stage, high politics dealing with the monarchy. In this process, March 1 was an important turning point. On the other hand, Rodziankos' order touched off the soldiers' movement, culminating in the issuance Order No. 1, eliminating the possibility of the Petrograd Soviet's full fledged support of the Provisional Government that was being formed. Also this incident damaged the authority of Rodzianko. By the way, the decision to form the Provisional Government was not made on February 27, but on March 1. Until that day, Rodzianko' was in the driver's seat, and after that day, Miliukov took over as the most influential player among the liberals. But the rivalry between Miliukov and Rodzianko continued, and this rivalry had significant influence in the drama that led to the end of the monarchy on March 3. By the way, March 1 was also important, since on that day the Duma Committee decided to seek Nicholas' abdication, abandoning the previous policy of seeking the establishment of a responsible ministry.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Левые партии играли незначительную роль. Так, Скобелев свидетельствует о том, что левые социалисты намеренно воздерживались от вовлечения себя в политический процесс, ведущий к концу монархии из-за страха, что их участие может спровоцировать негативную реакцию со стороны высшего командования. Они были счастливы, что думские либералы вели переговоры с верховным командованием, чтобы положить конец монархии. Я хотел бы отметить, однако, что восставшие выдвигали два требования: конец монархии и созыв Учредительного собрания. Я считаю, что даже конституционная монархия, за которую выступал Милюков, встретила бы серьезное сопротивление со стороны восставших масс и, следовательно, со стороны руководителей Петроградского Совета, в том числе умеренных социалистов. Я думаю, *что непримиримость Николая II, таким образом, не только определила судьбу и жизнь его самого и его семьи, но и отравила саму монархическую систему как институт*. Ненависть к Николаю II слилась с ненавистью к самой монархии.

The left-wing parties played little role. In fact, Skobelev testifies that the left-wing socialists intentionally refrained from involving themselves in the political process leading to the end of the monarchy for fear that their involvement might provoke a backlash from the High Command. They were happy to let their Duma liberals negotiate with the High Command to end the monarchy. I would point out, however, that among the insurgents, there were two consistent demands: end of the monarchy and the convocation of the Constituent Assembly. I believe even the constitutional monarchy, advocated by Miliukov, would have met serious opposition from the insurgent masses and hence, from the leaders of the Petrograd Soviet, including the moderate socialists. I think Nicholas II's intransigence, thus, not only sealed the fate and life of himself and his family, but also poisoned the monarchical system itself as the institution. Hatred toward Nicholas II was merged with hatred toward the monarchy itself.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

Альтернатива конституционной монархии была доступна, как я уже говорил, когда Николай взошел на трон, в 1905–1906 годах, в 1915 году, и даже перед Февральской революцией. Но его архаичное понимание идеи самодержавия и приверженность этой устаревшей идее не давали Николаю возможности принять эту альтернативу. Не сама система, а ее глава принес конец монархии.

The alternative of a constitutionary monarchy was available, as I mentioned, when Nicholas came to throne, 1905–1906, and 1915, and even before the February Revolution. But given his archaic notion of autocracy and his role to uphold this outmoded notion, there was not possibility of Nicholas accepting this alternative. It was not system, but the leadership that brought the end of monarchy.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Главная ошибка, совершенная либералами, берет начало с самого рождения Временного правительства. На своем первом заседании, 3 марта, Временное правительство приняло решение об унаследовании всей полно-

ты власти, которая принадлежала императору, и заявило, что Основные законы империи являются недействительными. Это было равносильно объявлению себя диктаторской властью, объединяющей исполнительную, законодательную и судебную ветви. Это решение исключало готовность Правительства действовать в качестве исполнительной власти, ответственной перед Государственной Думой, ставшей в свою очередь законодательной властью. Это решение лишило Временное правительство легитимности.

Умеренные лидеры Исполнительного комитета Петроградского Совета также сделали ошибку, отказавшись войти в состав Временного правительства (кроме Керенского, который сманеврировал для получения одобрения общего собрания депутатов Петросовета, непосредственно обратившись к массам с целью обхода решения Исполнительного Комитета). В отличие от широко распространенного суждения, Петроградский Совет никогда не был революционной властью, а его лидеры по ряду веских причин не имели никакого намерения взять власть. Если бы некоторые из этих лидеров, такие как Чхеидзе, Скобелев, Пешехонов, Рафес, Богданов и т. д., участвовали во Временном Правительстве и работали с либералами, чтобы расширить представительство в Думе и ускорить выборы в Учредительное собрание, сценарий Российской революции был бы иным. Само собой разумеется, вопрос о войне и мире, аграрный вопрос и национальный вопрос рано или поздно разделили бы руководство. Но траектория революции двигалась бы по другим путям.

The major mistake committed by the liberals stemmed from the very birth of the Provisional Government. At its first meeting on March 3, the Provisional Government made a decision to inherit all the plenitude of power that belonged to the emperor, and declared that the Fundamental Laws to be null and void. This was the decision tantamount to declaring itself as a dictatorial power combining the executive, legislative, and judicial powers. This decision ruled out the possibility of limiting its power as the executive power responsible to the State Duma, which served as the legislative power. This decision thus deprived the Provisional Government of legitimacy.

Also the moderate leaders of the Petrograd Soviet Executive Committee, made a mistake not to participate in the Provisional Government (except Kerensky, who maneuvered to obtain the approval of the general session directly appealing to the masses to skirt around the Ex. Committee's decision). Contrary to the widely believed assertion, the Petrograd Soviet was never a revolutionary power, and its leaders had no intention to take power for good reason. Had some of the leaders

such as Chkheidze, Skobelev Peshekhonov, Rafes, Bogdanov, etc, participated in the Provisional Government, and worked with the liberals to expand the representations to the Duma, and manage to speed up the elections of the Constituent Assembly, the scenario of the Russian Revolution would have been different. Needless to say, the question of war and peace, agrarian question, and nationality question would have divided the leadership sooner or later. But the trajectory of the revolution would have moved along different paths.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.1. Либералы имели хорошие шансы сохранить власть в своих руках.

Как я уже объяснял выше (вопрос 8), возможность либеральной революции существовала в комбинации первого и второго варианта. Однако я не считаю, что любая социалистическая власть в форме Петроградского Совета имела бы шанс реального проведения либеральных реформ.

As I explained above (question 8), the possibility of the liberal revolution existed in the combination of the first and the second option. I, however, do not believe that any socialist power in the form of the Petrograd Soviet would have any chance of realistically carrying out liberal reforms.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Несмотря на то, что новые материалы стали доступными, есть так много факторов, которые остаются неясными. Я буду перечислять эти вопросы ниже в случайном порядке.

– Как либералы оценивали шансы Львова и Родзянко занять пост главы потенциального «ответственного министерства» до Февральской революции? Как это было связано с конкуренцией между Милюковым и Родзянко?

– В какой степени генерал Маниковский участвовал в заговоре Гучкова? Почему Некрасов предлагал установить военную диктатуру Маниковского на закрытом заседании думских депутатов во второй половине дня 27 февраля? Когда генерал встретил Терещенко и Гучкова, почему он отказался занять пост диктатора?

– Роль Керенского имеет решающее значение в главных поворотных точках. Ключевых документальных свидетельств не хватает, чтобы понять, в ка-

кое время дня он встречался, где и с кем. Мы знаем, что Некрасов и Керенский связались, прежде чем они отправились в Таврический дворец 27 февраля, но почему наблюдаются такие разногласия между ними на частном совещании? Когда Керенский встретил Милюкова и в какое точно время? Встречались ли они до 1 марта, до того, как Думский комитет / Временное правительство провело переговоры с Сухановым и Стекловым об условиях поддержки Петроградским Советом Временного правительства? Мы знаем, что Керенский поспешил к Скобелеву, чтобы остановить попытку Петроградского Совета помешать поезду Родзянко отправиться к царю. Встречался ли он перед этим с Родзянко или с Милюковым? Какова была позиция Керенского 1 марта по вопросу о монархии? Поддерживал ли он требование Думского комитета об отречении Николая? Мы знаем, что это Керенский связался с великим князем Михаилом Александровичем насчет встречи 3 марта. Встретил ли он своих сторонников – Некрасова, Терещенко, Коновалова – перед встречей?

– Почему Гучков и Шульгин приняли двойное отречение Николая, несмотря на то, что это нарушало первоначальное решение Думского Комитета добиваться отречения Николая в пользу сына под регентством Михаила. Возможно, они опасались, что, если бы они настояли на исходной формулировке, Николай изменил бы свое решение? Знали ли они, что предложение Николая было нарушением закона о престолонаследовании?

– Согласно Гучкову, его идея организовать дополнительные выборы в Думу встретила оппозицию со стороны кадетов. Ее поддержали только два члена Думского Комитета (Родзянко и Маклаков). Почему Савич и Шульгин не поддержали его идею? В любом случае, члены Думского Комитета, кажется, не оказали достаточной поддержки Родзянко в том, чтобы сохранить Думу и Думский комитет в качестве независимых институтов помимо Временного правительства. Почему они не поддерживали Родзянко с большей силой?

– Какую роль играл князь Львов? Мы знаем, что он был с Родзянко, когда председатель Думы разговаривал с генералом Рузским, а затем с Алексеевым. Но почему он был там? Что Львов делал, на каких встречах он присутствовал, где и когда, покрыто тайной. Встречался ли он вообще с Милюковым до первого заседания Временного правительства 1 марта?

– Когда Верховное командование узнало о требовании Думского комитета принять отречение Михаила от престола, это должно было стать большим

шоком для них, так как это было не только отречение царя, но и конец монархии. Почему Верховное командование, прежде всего, Алексеев, так пассивно приняло свершившийся факт? Были ли генералы обмануты Родзянко? Или они были осведомлены о манипуляциях Родзянко и легко позволили себе присоединиться? Моя интерпретация заключается в том, что важное значение имеет *психологическая трансформация в ходе войны.* Это была, прежде всего, война за национальное выживание, и понятие «нация» глубоко проникло в среду офицерства. И долг верности царю был тогда заменен на долг верности нации. Если это так, то было бы интересно, как произошла такая трансформация.

Although new materials have become available, there are so many factors that remain unclear. I will list these issues at random below.

– How did the liberals view L'vov vs Rodzianko to head the potential ministry of confidence prior to the February Revolution? How was it connected with the rivalry between Miliukkov and Rodzianko?

– To what extent was General Manikovskii involved in Guchkov's plot? Why did Nekrasov propose a military dictatorship under Manikovskii at the private meeting of the Duma deputies in the afternoon of February 27? When the general met Tereshchenko and Guchkov, why did he refuse to assume the post of dictator?

– Kerenskii's role is crucial at major turning points. Crucial documentary evidence is lacking on at what time of the day he met where and with whom. We know that Nekrasov and Kerenskii were in touch before they went to Tauride Palace on February 27, but why discrepancies between Nekrasov and Kerenskii at the private meeting? When did Kerenskii meet Miliukov and when and what time? Did they meet before March 1 before the Duma Committee/Provisional Government had negotiations with Sukhanov and Steklov on the conditions for the Petrograd Soviet's support for the Provisional Government? We know Kerenskii rushed to see Skobelev to stop the Petrograd Soviet's meddling in Rodzianko's train to see the Tsar. Did he meet Roezianko prior to this or Miliukov? What was Kerenskii's position on March 1 on the monarchy? Did he support the Duma Committee's policy to demand Nicholas' abdication? We know that it was Kerenskii who contacted Grand Duke Mikhail Aleksandrovich for the March 3 meeting. Did he meet his supporters – Nekrasov, Tereshchenko, Konovalov – before the meeting?

– Why did Guchkov and Shul'gin accept Nicholas' double abdications, even though that violated the original Duma Committee's policy to seek Nicholas' abdication in favor of his son under Mikhail's regency. Did they fear that if they had

insisted the original formula, Nicholas would have changed his mind? Did they know that Nicholas' proposal was the violation of the Succession Law?

– According to Guchkov, his idea to have supplementary elections to the Duma were opposed by the Kadets, but he met only two supporters from the Duma Committee (Rodzianko and Maklakov). Why didn't Savich and Shul'gin support his idea? In any case, the Duma Committee members seem to have little support for Rodzianko to maintain the Duma and the Duma Committee as independent institutions apart from the Provisional Government. Why didn't they support Rodianko more forcefully?

– What role did Prince L'vov play? We know that he was with Rodzianko when the Chairman of the Duma talked with Ruzskii and then Alekseev, but why was he there with Rodezianko. What L'vov did, what meetings he attended, where and when is shrouded in mystery. Did he meet with Miliukov at all before the first Provisional Government's meeting on March 1?

– When the High Command learned of the Duma Committee's demand for accepting Mikhail's refusal to assume the throne, it should have been a great shock to them, since it was not merely the abdication of the tsar, but the end of the monarchy. Why did the High Command, above all, Alekseev so passively accepted the fait accompli? Were the generals deceived by Rodzianko? Or were they aware of Rodzianko's manipulations, and let themselves willingly go along? My interpretation is that there was important psychological transformation in the course of the war. It was after all the war for national survival, and the concept of the «nation» penetrated deeply among military officers. The oath to the Tsar was by then replaced by the oath to the nation. If so, it would be interesting how that transformation took place.

В. Ж. Цветков (МПГУ, Москва)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.4. Иное.

Нельзя игнорировать того, что в стране происходил стремительный экономический рост, связанный с проведением реформ П. А. Столыпина. Росла урожайность ведущих сельскохозяйственных культур, увеличивался экспорт зерна, масла, льна, стало развиваться машиностроение, прежде всего сельскохозяйственное. Российские банки выходили на мировые финансовые рынки.

Параллельно с этим возросла и политическая активность населения. Всерьез обсуждались перспективы введения в стране волостного земства и всеобщего начального образования. Выборы в IV Государственную Думу продемонстрировали убедительное превосходство тех политических сил, которые выступали за реформы, но против революции. Можно сказать, *что «третьеиюньская система» подтверждала свою жизнеспособность*, несмотря на критику «слева» и «справа». Однако, как нередко бывает в истории, слишком бурный рост и стремительные перемены увеличивали риск принятия решений несвоевременных и, наоборот, замедления принятия решений очевидно необходимых. Нередко проявлялся соблазн решить «все и сразу», действия власти вызывали подчас необоснованную критику. Это особенно относилось к социальным реформам, к решению национального вопроса.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.3. Крестьянский вопрос.

Если вопрос поставлен так, что необходимо выделить какую-либо одну, единственную проблему, то, на мой взгляд, особое внимание следовало бы уделить *крестьянскому вопросу*. Дело не только в том, что крестьянство составляло большинство населения России. Дело и в том, что первоначально достаточно консервативное и сдержанное в своем протестном потенциале (на него влияли даже сезоны, времена года) по мере усиления революционных ожиданий «земли и воли» крестьянство все сильнее, все активнее втягивалось в самостоятельное движение по решению собственных земельных проблем. В гораздо большем масштабе стали повторяться 1905–1906 гг.: «красный петух» запущенный на имения и хозяйства зажиточных крестьян, убийства местных помещиков, милиционеров и стражников, самовольные «захваты» земли, порубки леса и т. д. Протестный потенциал, хотя и скрытый «до времени», начинал проявляться все в больших масштабах, пока не стал частью гражданской войны.

Вероятно, что в случае хотя бы официальных обещаний разрешить «земельный вопрос» так, чтобы крестьянство было удовлетворено (активная, доступная для масс пропаганда со стороны власти, например, проекта о дополнительном наделении землей солдат – Георгиевских кавалеров), можно было бы избежать многих эксцессов на селе.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.2. Весьма вероятной.

В случае победоносного окончания войны Россия, конечно, стала бы другой страной. «Земельный вопрос», очевидно, продолжался бы в направлении, определенном реформами П. А. Столыпина. Могли бы расшириться полномочия Государственной Думы и Государственного Совета. Но и во время войны «царский режим» предпринимал неоднократные попытки сближения с думскими кругами (можно вспомнить заявления и выступления Николая II перед членами законодательных палат, отставки «непопулярных» министров, попытки «сближения с общественностью»).

Так что победоносная война, безусловно, укрепила бы власть и доверие к ней. Но с тем же основанием, можно утверждать, *что неудачи в войне, не говоря уже о поражении в войне, о последствиях сепаратного Брестского мира, усиливали «революционный фактор».*

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.4. Иное.

Здесь я позволю процитировать Ленина, который, на мой взгляд, весьма точно определил «виновников» революции: «…Если революция победила так скоро и так – по внешности, на первый поверхностный взгляд – радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англофранцузских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это, с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

Было бы просто глупо говорить о «поддержке» революционным пролетариатом России кадетско-октябристского, английскими денежками «сметанного», столь же омерзительного, как и царский, империализма. Революционные рабочие разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К° за смену одного монарха другим монархом и тоже предпочтительно Романовым!

Так и только так было дело. Так и только так может смотреть политик, не боящийся правды, трезво взвешивающий соотношение общественных сил в революции, оценивающий всякий «текущий момент» не только с точки зрения всей его данной, сегодняшней, оригинальности, но и с точки зрения более глубоких пружин, более глубоких соотношений интересов пролетариата и буржуазии как в России, так и во всем мире…».

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.3. Иное.

Можно говорить о начале серьезного политического кризиса уже 14 февраля. В этот день произошло открытие сессии Государственной Думы и, если понимать революцию как массовое движение, то именно в этот день в Петрограде прошла демонстрация в поддержку Государственной Думы (правда, немногочисленная) и состоялись забастовки. События 23 февраля (Международный день работницы) стали реакцией на увольнения рабочих, на перебои в снабжении хлебом, на угрозу сокращения заработной платы. Но очень быстро экономические требования переросли в политические. После массового перехода частей Петроградского гарнизона на сторону восставших говорить о быстром и эффективном «подавлении беспорядков» было уже невозможно.

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Отречение государя от престола и отказ великого князя Михаила Александровича принять престол – это их сознательные добровольные решения. Их роднит стремление избежать возможной гражданской войны, немысли-

мой во время войны с внешним врагом. Хотя, конечно, невозможно отрицать того, что при принятии решений они учитывали и наличие революционных органов власти в лице Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда, в котором господствовали левые партии. Учитывались и заверения думских деятелей в том, что им удастся сохранить «ситуацию под контролем», если Николай и Михаил Александровичи Романовы примут те решения, которые им предлагали. В наименьшей степени следует считать неким «виновником» событий командный состав русской армии. Шла война и от ее исхода, как считали многие, зависело будущее России. Поэтому приходилось считаться с необходимостью политических уступок.

Только, к сожалению, никто не предполагал, насколько далеко могут завести подобные уступки.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.3. Иное.

С одной стороны, можно заметить мощный «рывок» с точки зрения демократизации общества и общественных отношений, с другой стороны – не менее мощное анархическое начало сделало невозможным последовательное, постепенное преобразование политической системы и, тем более, сделало невозможным скорое победоносное окончание войны. Нельзя недооценивать результатов революции, однако сводить все к тезису, что «только благодаря революции стал возможен полет человека в космос» – чересчур смелое заявление.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

Самая существенная ошибка – невозможность создания устойчивой политико-правовой системы, без которой невозможно ни решение вопроса о мире, ни решение вопроса о земле, ни, вообще, решение любого другого, важного для нашего государства в то время вопроса.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.4. Иное.

Я бы сформулировал ответ так: либералы и умеренные социалисты могли сохранить власть в своих руках. Но для этого, необходимо было идти на компромиссы, добиваться согласия. К сожалению, очень слабым оказалось влияние Русской Православной Церкви, хотя, безусловно, никак нельзя отрицать значение созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Хотелось бы только высказать пожелание – не ограничиваться в изучении истории Великой Российской революции каким-либо одним фактором. Нельзя забывать, например, участие в февральских событиях представителей низовых структур большевистской партии. Не нужно преуменьшать значение корпоративных политических групп (иногда они определяются термином «масонские связи», хотя тут много спорного). Не стоит преувеличивать роль иностранных государств или иностранных разведок. Должен быть взвешенный, объективный анализ прошедшего, анализ всех факторов прошлого.

Д. О. Чураков (МПГУ, Москва)

1. Как Вы оцениваете направленность процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности;

2. Какая из проблем предвоенной России была самой острой и опасной для политической стабильности страны:
2.5. Иное.

Рост отставания от важнейших геостратегических противников и рост зависимости от них.

3. Считаете ли Вы Первую мировую войну фактором, который сделал Русскую революцию:
3.1 Неизбежной.

4. Кто был главным виновником Февральской революции и в чем состоит вина:
4.4.Иное.

Историческая неизбежность.

5. Каким моментом Вы датируете начало Русской революции:
5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

6. Какая из политических сил сыграла главную роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):
6.2. Думские лидеры и либеральные круги.
6.3. Генералитет русской армии.

7. Как Вы оцениваете историческое значение Февральской революции (падения самодержавия):
7.1. Исторически необходимое событие.

8. Какие главные ошибки либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:
8.3. Иное.

Не решили ни одного важного вопроса, но, видимо, думали, что смогут, ничего не сделали для укрепления независимости страны на международной арене.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках либеральной революции:
9.3. Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

Нужно прояснить, сколько в 1917 г. было революций, государственных переворотов (удачных и неудачных), сколько революций (и каких) было собственно в феврале 1917 г.

В. В. Шелохаев (Институт истории РАН, Москва)

1. Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны:
1.1. Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности.

В ответах на этот и последующие вопросы анкеты я буду исходить из следующего методологического положения. Исторический процесс (будь он

мирового или локального масштаба) в зависимости от совокупности факторов объективного и субъективного характера, их переплетения и наложения друг на друга реализуется неоднозначно. Наличие противоречий является непременным фактором реализации исторического процесса.

Намечаемые после Первой российской революции масштабные преобразования, касающиеся всех сфер жизнедеятельности и жизнеобеспечения страны*, несли в себе противоречия политического, правового, социального, экономического, национального, конфессионального, культурного характера.* Носитель верховной власти в России так до конца не мог определиться с оценкой сущности и характера политического режима, зафиксированного в им же утвержденных Основных законах 1906 г. С одной стороны, Николай II (в дневнике и письмах) не раз заявлял о даровании им конституции, а с другой – выражал сомнения в целесообразности данного акта, на который был вынужден пойти под давлением обстоятельств, а не по зову сердца. Начиная с 1909 г., он не раз сетовал на опрометчивость принятого им тогда решения и прямо заявлял о несовершенстве законодательного народного представительства и возможной его трансформации в законосовещательное учреждение. Общеизвестна корректировка монархом избирательного закона и объема полномочий Государственной думы и неоднократная перетасовка назначаемых членов Государственного совета. Переменчивость настроений монарха чутко улавливалась представителями господствующей элиты, что, в свою очередь, нашло отражение в существенной коррекции системных реформ, разработанных кабинетом П. А. Столыпина и внесенных на рассмотрение Думы. Под давлением Совета по делам местного хозяйства правительственные проекты изымались из Думы, неоднократно перерабатывались, причем не в сторону улучшения. Недопустимо затягивался процесс принятия законодательных актов и самими представительными учреждениями. Набирало силу указное законодательство по 87 статье Основных законов. Это касается вопросов правового, социального, экономического, национального, конфессионального и культурного характера. Например, хорошо известны поползновения в адрес Польши и особенно Финляндии, выделении Холмской губернии, еврейского вопроса. Все это свидетельствовало о том, что правительство затрачивало огромное время на непродуктивную работу, *постепенно сокращая свои шансы на возможность мирной и эволюционной трансформации страны после Первой российской революции.* Достигнутые успехи в области экономики,

финансовой и бюджетной сферы, инфраструктуры, военных преобразований не могли компенсировать упущения в политической, правовой, социальной областях. Так, например, потребовалось около пяти лет на проведение через представительные учреждения аграрных и рабочих законопроектов, не удалось провести налоговую реформу. Многие правительственные законопроекты, пройдя через Думу, «зависли» в комиссиях Государственного совета.

По сути, к кануну Первой мировой войны власть и общество в России так и не могли достигнуть реального, долговременного и устойчивого компромисса. *Нерешенность многих проблем в течение ряда лет внутренней стабильности и благоприятной международной конъюнктуры в экстремальных условиях Первой мировой войны с логической неизбежностью дала о себе незамедлительно знать.* Если бы царь проявил настойчивость, а не ограничился разовым и формальным визитом в Таврический дворец, то наверняка дело законотворчества пошло более быстрыми темпами.

2. Какая из *проблем* предвоенной России была *самой острой и опасной* для политической стабильности страны:

2.1. Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти).

Мировой исторический опыт убеждает в том, что *самой опасной для судеб любой страны была и остается проблема противостояния власти и общества, борьба политических элит за управление государством*. В этом отношении Россия не представляла собой исключение. Более того, в России вообще не было глубинных традиций политической культуры, в частности, культуры поиска политического компромисса между властью и обществом. *Традиции российской конфронтационной политической культуры* по наследству перешли от средневековья в новое время. Начиная с середины XVIII века, в процесс противостояния власти и общества *свою лепту внесла российская интеллигенция*.

В этой уже устоявшейся исторической традиции было трудно предположить, что представители российской интеллигенции, составляющие ядро всех без исключения политических партий, и власть с укоренившимися за века представлениями о своем божественном происхождении и предназначении творить благо, могут найти общий язык в переговорном процессе друг с другом. Напомню о безрезультатном исходе переговоров между правительством и либералами в 1905 – 1906 гг. и о формировании ответственного министерства

в 1915 – 1916 гг., о конфликте между властью и I и II Государственной Думой. Вынужденно согласившись на уступки в октябре 1905 г. и апреле 1906 г. на внесение коррекции в старую самодержавную политическую систему, *царь был непреклонным и решительным противником передачи в руки политических конкурентов рычагов управления страной*. Допуская и контролируя переговорный процесс министров с либеральной оппозицией, царь, скорее всего, хотел «прощупать» их позицию, лично познакомиться с ее отдельными представителями. Одновременно он успокаивал взволновавшихся сановников в том, что он ни в коем случае не допустит передачу власти в руки либеральной оппозиции, представители которой у него не вызывали доверия.

Со своей стороны, оппозиционные силы, допущенные к осуществлению законодательных процедур, прекрасно осознавали их недостаточность без наличия в их руках управленческих рычагов. Теория разделения властей не ограничивалась рамками законодательства, а логически смыкалась с проблемой управления. *Нерешенность этой проблемы кардинальной важности являлась Ахиллесовой пятой монархического режима. Именно эта проблема порождала перманентную конфликтогенность и провоцировала политическую нестабильность в стране*.

3. Считаете ли Вы Первую *мировую войну* фактором, который сделал Русскую революцию:

3.1. Неизбежной.

Первая мировая война подобно скальпелю хирурга *вскрыла совокупность уже имеющихся противоречий, а не была их порождением*. Если бы власть искренне и пошагово реализовывала инициированный ею же самой «конституционный эксперимент», то она имела бы в своем распоряжении достаточно времени, чтобы более основательно подготовиться к встрече неизбежных в то время мировых военных конфликтов. Общественное сознание того времени не только не исключало, но и предполагало неизбежность возникновения вооруженных международных конфликтов. *Если бы власть целенаправленно и без каких-либо изъятий реализовывала системные реформы, включая и масштабные преобразования оборонного характера, то готовность России к войне была бы иной*. Именно отсюда во многом проистекали поражения русской армии на фронтах Первой мировой войны, существенные промахи в организации снабжения армии вооружением, боеприпасами, про-

довольствием, медицинским обслуживанием. То же можно сказать относительно и решения проблем эвакуации производственных мощностей из прифронтовой зоны, миллионов беженцев и их трудоустройства и материального обеспечения, продовольственного снабжения населения и т.д. Нагромождение проблем на фронте и в тылу обусловило смену патриотических надежд и настроений первых месяцев войны нарастающим накалом политических и социальных противоречий в стране. *Война, образно говоря, расшевелила тлеющий костер уже существующих противоречий, подбросив в него дополнительный запас горючего материала.*

4. Кто был главным *виновником* Февральской революции и в чем *состоит вина*:

4.1. Царь и его окружение (правительство).

Николай II в 1897 г. образно называл себя «Хозяином земли русской». *В этом его самоопределении и самооценке и заключается ответ на вопрос о его виновности или не виновности*. Делая свой выбор 2 марта 1917 г., царь актом своего добровольного отречения от престола *признал свою неспособность справиться с вызовами военного времени.* Одновременно в своем дневнике он сделал нелицеприятную оценку собственному окружению, включая не только царедворцев, министров, но и военных, которые также не справились со своими обязанностями. *Не подозревая о последствиях, свою лепту в крушение трехсотлетней монархии внесли и оппозиционные силы*, рассчитывавшие, что, придя к власти, им удастся довести войну до победного конца и осуществить в стране масштабные либеральные преобразования. Не дано было предвидеть свою судьбу и лидерам умеренных социалистических партий. Абстрактные представления одних о своей божественной природе и не менее абстрактные представления о закономерностях развития исторического процесса сыграли с теми и другими злую шутку. В контексте этой посылки *виноватыми были все, кто уверовал либо в силу предопределения, либо в собственные прогностические возможности*.

5. Каким моментом Вы датируете *начало* Русской революции:

5.1. 23 февраля – начало массовых демонстраций.

С моей точки зрения датировку Русской революции следует условно разделить на *духовную и материальную. Первая началась с момента осмыс-*

ления русской интеллектуальной элитой событий Французской революции 1789 г. Вторая началась в 1905 г. Февральская революция продолжила незавершившуюся Первую российскую революцию. Следует иметь в виду, что Первую и Вторую российскую революции делало и готовило одно и то же поколение интеллигенции.

Другое дело, что, как уже не раз имело место в истории мировых революций, они начинались со стихийных массовых движений, которые в силу непредсказуемости развития событий трансформировали цели и задачи, формы и методы, которые теоретически выстраивались в умах интеллектуалов. Революционная практика своей повседневностью корректировала революционную теорию. С этой точки зрения Февральская революция действительно *началась массовыми стихийными выступлениями 23 февраля*, которые затем 27 февраля дополнились и расширились влившимися в них солдатскими выступлениями. После того, как ситуация в Петрограде более или менее прояснилась, и началось формирование Временного комитета Государственной Думы. Все это лишний раз доказывает, что лидеры Прогрессивного блока, несмотря на резкие выступления некоторых из них в адрес правительства, *не спешили предпринимать каких-либо опрометчивых конкретных практических действий для насильственного свержения монархической власти*. По сути, созревший плод революции упал к ногам либеральной оппозиции, и ей ничего не оставалось делать, как поднять его с земли. Отсюда медлительность в принятии решения о создании думского Временного комитета Государственной Думы. *Поэтому это запоздалое решение лидеров Прогрессивного блока ни в коей мере нельзя считать днем начала революции 1917 г.*

6. Какая из политических сил сыграла *главную* роль в падении самодержавия (отречении царя и отказе Михаила принять трон):

6.4. Иное.

Падение монархии в России стало результатом слияния разнородных политических и социальных сил, которые в той или иной степени были недовольны политическим курсом правительства. Частая смена глав кабинета министров, «министерская чехарда» демонстрировали неспособность правящей элиты принимать решения, адекватные требованиям экстремальной военной ситуации. Все это вызывало раздражение и озлобление всех без исключения акторов политического процесса, разделявших диаметрально противоположные модели преобразования России. Даже определенная часть крайних кон-

сервативных сил стала выступать с довольно острой критикой правительства, требуя от него решительных действий, включая применение насильственных методов подавления массовых выступлений. Вместе с тем правые консерваторы не мыслили себе Россию без монархии. Поэтому отречение царя от трона было для них не просто шоком, но и актом, лишавшим их дальнейших перспектив политического существования. Тем не менее, определенная часть правых консервативных лидеров, проявив чудеса политической эквилибристики, признали «общенациональный» характер Февральской революции, не забыв при этом, как и многие великие князья, нацепить на лацканы сюртуков и мундиров красные банты.

Либеральная оппозиция с нарастающей интенсивностью продолжала обсуждать различные варианты формирования правительства из общественных деятелей. В принципе, не возражая против замены одного монарха другим, лидеры либералов до последней возможности отстаивали кандидатуру Михаила Александровича на российский престол. Более того, они не исключали теоретическую возможность, что Учредительное собрание альтернативно подойдет к решению вопроса о будущей форме правления. *Лишь под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов и в связи с отказом Михаила Романова от престола лидеры кадетской партии пошли на изменение 13 параграфа своей программы о форме политического устройства в России*. На своем *мартовском партийном съезде кадеты трансформировались из конституционных монархистов в конституционных республиканцев*.

Как известно, революционные партии с момента своего зарождения настаивали на насильственном свержении правительства и ликвидации монархической формы правления.

В февральско-мартовские дни 1917 г. политическую ситуацию в стране определило стихийное массовое движение. Восставшие массы еще задолго до созыва Учредительного собрания сделали собственный выбор – Россия должна стать демократической республикой. Шансы консерваторов и части правых либералов на возрождение монархии были сведены к минимуму. Ожидаемого ими чуда не произошло.

7. Как Вы оцениваете историческое *значение* Февральской революции (падения самодержавия):

7.1. Исторически необходимое событие.

Февральская революция 1917 г., как собственно и западноевропейские революции, *являлась вполне закономерным и исторически значимым событием*. Февральская революция 1917 г. завершила собой цикл демократических революций на европейском континенте. В результате победы Февральской революции Россия стала одной из самых передовых демократических стран, начавших масштабные преобразования во всех сферах жизни. Если попытаться кратко оценить модель преобразований, которые были намечены всеми составами Временного правительства, то можно с полным основанием утверждать, что она представляла собой образец обеспечения гражданских и политических социальных прав и свобод личности. Были предприняты конкретные шаги в деле разрешения национальных и конфессиональных проблем, в совершенствовании всех ступеней образования, в развитии науки и культуры. Если принять во внимание, что эта программа принималась и начала реализовываться в экстремальных условиях продолжающейся Первой мировой войны, то она заслуживает гораздо большего внимания исследователей, чем это имело и имеет место в отечественной историографии. В этом контексте исследовательского внимания заслуживает цикл работ петербургского историка А. Б. Николаева.

8. Какие главные *ошибки* либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период:

8.3. Иное.

На мой взгляд, главная ошибка либералов и умеренных социалистов состояла в нежелании, *а точнее в неспособности тех и других пойти на компромисс во имя сохранения целостности российского государства и выработки рациональной программы преобразований на обозримый исторический период*. Как известно, в представлении не только либеральных, но и умеренных социалистических теоретиков и политиков Февральская революция представляла собой общенациональную исторически обусловленную буржуазно-демократическую революцию. Именно поэтому умеренные социалистические лидеры Совета рабочих и солдатских депутатов оказали поддержку первому составу правительства, а затем приняли активное и непосредственное участие в формировании коалиционных правительств.

Однако умеренные лидеры социалистических партий оказались наиболее подвержены и влиянию стихийного массового движения, так и не сумев

идеологически и политически убедить массы в бессмысленности выдвижения ими максималистских требований и неприменимости анархических методов разрешения конфликтов между помещиками и крестьянами, между предпринимателями и рабочими. Находясь под давлением низов, лидеры умеренных социалистов в свою очередь вынуждены были «давить» на Временное правительство, требуя от него уступок. Более того, умеренные социалисты оказались неспособными противостоять натиску левых социалистических элементов, особенно большевиков. В результате либеральные политики кадетского толка выдавливались из состава Временного правительства, а на ключевые министерские посты назначались все более радикальные элементы из лагеря социалистической оппозиции. В результате единого фронта либералов и умеренных социалистов так и не сложилось, что с логической неизбежностью вело к усилению конфронтации между ними. Впоследствии такая же судьба постигла умеренных социалистов, вынужденных под давлением крайних радикальных элементов социалистических и социал-демократических партий капитулировать перед натиском большевиков, сделавших в политической борьбе ставку на маргинальные слои населения.

9. Могла ли Февральская революция удержаться в рамках *либеральной* революции:

9.4. Иное.

Думаю, что *это было возможно* при условии соблюдения «правил игры» со стороны умеренных социалистических лидеров Совета рабочих и солдатских депутатов. По мнению умеренных социалистических теоретиков и политиков, Временное правительство, находясь под контролем Советов рабочих и солдатских депутатов, а в случае необходимости и под непосредственным давлением массового движения, в общем и целом было способно реализовать серьезные демократические преобразования в стране, которые ни в коей мере не противоречили программам-минимум социалистических партий. «Правила игры» нарушили именно умеренные социалисты, которые шаг за шагом сдавали свои позиции под давлением левых социалистов и социал-демократов большевистского толка. Боясь утратить свое влияние в массах, умеренные социалисты усиливали свое давление на либералов, вынуждая последних ориентироваться на более умеренные политические элементы. В свою очередь последние требовали от Временного правительства принятия

насильственных мер против «расползания» по стране максимализма и анархизма. Так постепенно затягивался тугой узел неразрешимых противоречий, который уже нельзя было развязать путем компромиссов, а требовалось его насильственно разрубить. Мастерами «развязывать Гордиевы» узы оказались российские большевики.

10. Открытый вопрос: напишите о том, что считаете важным добавить к первым девяти вопросам.

На мой взгляд, Февральская революция 1917 г. продолжает заслуживать самого пристального исследовательского внимания. При этом крайне актуально сравнить Февральскую революцию 1917 г. с европейскими революциями XVIII – XIX вв. Представляется также важным по-новому осмыслить расстановку политических и социальных сил. Причем в основу этого анализа следовало бы положить сравнительное сопоставление моделей преобразования страны, которые были предложены обществу представителями общероссийских и национальных партий.

Одновременно следовало больше внимания уделить процессу переформатирования всего спектра политических с партий на протяжении 1917 г. Далеко не исчерпаны возможности в изучении состояния массового сознания как в общем, так и в его структурных составляющих. Не исчерпаны источниковые ресурсы исследования процесса создания и деятельности массовых политических и общественных организаций, отразивших стихийный порыв большинства народа к самостоятельному историческому творчеству. Не менее актуальным представляется изучить национальную и конфессиональную компоненту Февральской революции 1917 г., ее культурную и международную составляющие.

Однако, главное, что, на мой взгляд, следует сделать исследователям – это освободиться от вновь возникающих идеологических клише, которые в последние 25 лет стали заполнять публичное пространство. Отказавшись от разного рода «измов» марксистской историографии, исследователям не следует впадать в очередную череду мифотворчества о «коварных либералах», о «масонах», «иностранных денежных вливаний в осуществление русской революции» и т. д. и т. п.

II. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ

(В.В. Калашников)

1. Предварительные замечания

Анализ основан на материале, полученном в ходе реализации специального Проекта по истории Февральской революции, осуществленного в рамках межвузовской конференции, которая ежегодно проводится в Санкт-Петербурге под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»[1].

Оргкомитетом был заранее разослан Вопросник и получены ответы от 25 историков, специалистов по истории революционного 1917 г. Из них 11 ответов прислали зарубежные авторы, 14 – российские авторы.

Большинство авторов приняли достаточно жесткие «правила игры», заложенные в вопросах, понимая их условность. Жесткость и условность заключались в том, что предложенные варианты предполагали определенную однозначность ответов, что было трудно сделать при анализе сложного многофакторного и меняющегося на разных стадиях процесса революции. В то же время такая жесткость заставляла каждого участника проекта определять именно главный из нескольких факторов, и таким образом позволяла выявить концепцию революции, которой придерживался тот или иной автор.

Полученные ответы обработаны методом контент-анализа и отражены в Сводной таблице. Как и любая иная методика, контент-анализ имеет свои ограничения. В данном случае они связаны с тем, что многие авторы, выбирая тот или иной вариант ответа, в своих комментариях стремились смягчить заданную однозначность. Некоторые участники проекта избрали другой путь: выбирая пункт «иное», они предлагали учесть совокупность предложенных факторов, не выявляя главного из них. Порой авторы давали ответ, который порождал возможность разного понимания позиции автора читателем, а, следовательно, и разной классификации в ячейках Сводной таблицы. Понимая условный характер проведенной классификации, мы считаем ее полезной для того, чтобы выявить некоторую доминирующую тенденцию в

[1] Подробнее о замысле Проекта см. на страницах 5–6 настоящего сборника.

трактовке ключевых вопросов революции. Понятно, что речь идет о выявлении доминирующей тенденции только в рамках данной группы авторов.

Отметим, что в ряде случаев имя одного и того же историка занесено в разные ячейки Сводной таблицы. Это происходит тогда, когда он выбирает два варианта из предложенных ответов и не отдает предпочтение ни одному из них.

В ячейках таблицы все фамилии авторов размещены в алфавитном порядке по правилам русского алфавита. В таблице отсутствуют ответы на десятый, так называемый «открытый» вопрос, поскольку авторы предлагали очень разные, практически не совпадающие, варианты этого вопроса.

Подчеркнем, что позиция каждого автора по каждому вопросу может быть сложнее, чем узкие рамки предложенных вариантов ответа, и для того, чтобы более точно с ней ознакомиться, надо обратиться непосредственно к его ответам на вопросы Вопросника. При этом надо учесть ответы автора на все вопросы, т.е. поставить каждый ответ в общий авторский контекст. Это важно сделать и потому, что многие авторы, отвечая на один вопрос, давали оценки, относящиеся к другим вопросам. Иными словами, их ответы переплетались, отражая взаимную связь разных вопросов. Взаимное переплетение и «наложение» вопросов было специально задумано составителем Вопросника с тем, чтобы с максимальной точностью выявить позицию авторов, побуждая их освещать один и тот же вопрос с разных углов зрения.

Классификация позиций авторов, предложенная в таблице, носит не только условный, но и субъективный характер. В том случае, когда ответ был сформулирован недостаточно ясно, составитель таблицы руководствовался своим пониманием представленного текста. В некоторых случаях в ячейках таблицы он ставил после фамилии автора в скобках знак вопроса (?) с тем, чтобы подчеркнуть свою неуверенность в правильной классификации ответа. Все возможные неточности, связанные с проведенной классификацией, являются неумышленной виной составителя, за которую он заранее просит у своих коллег снисхождения.

2. Сводная таблица ответов на вопросы по истории Февральской революции

1.	**Как Вы оцениваете *направленность* процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны?**	
1.1.	Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности	Х. Вада, В. Калашников, П. Кенез, Б. Колоницкий, К. Назаренко, Р. Суни, Ц. Хасегава, Д. Чураков, В. Шелохаев
1.2	Шел процесс нарастания социально-политической стабильности	Г. Иоффе
1.3.	Процессы развития были противоречивы, и определить доминирующую тенденцию невозможно	Р. Гагкуев, Ф. Гайда, А. Давыдов, А. Дикинс, В. Измозик, Ё. Икеда, А. Николаев, А. Пученков, А. Рабинович, Дж. Санборн, Л. Сигельбаум; М. Стокдейл
1.4.	Иное	О. Назаров, С. Полторак, В. Цветков
2	**Какая из проблем предвоенной России была самой острой и опасной для политической стабильности страны?**	
2.1.	Проблема самодержавной власти (участия либералов во власти)	Х. Вада, А. Давыдов, А. Дикинс, Г. Иоффе, П. Кенез, О. Назаров, А. Николаев, А. Рабинович, Ц. Хасегава, В. Шелохаев
2.2.	Рабочий вопрос	С. Полторак, Дж. Санборн, Л. Сигельбаум, Р. Суни
2.3.	Крестьянский вопрос	Ё. Икеда, В. Калашников, В. Цветков
2.4.	Национальный вопрос	
2.5	Иное (как правило, указание на комплекс причин)	Р. Гагкуев, Ф. Гайда, В. Измозик, Б. Колоницкий, К. Назаренко, А. Пученков, М. Стокдейл; Д. Чураков (особая позиция)

3	**Считаете ли Вы Первую мировую войну фактором, который сделал Русскую революцию:**	
3.1	Неизбежной	Х. Вада, Б. Колоницкий, К. Назаренко, С. Полторак, А. Пученков, Д. Чураков, В. Шелохаев (?)
3.2.	Весьма вероятной	Р. Гагкуев, Ф. Гайда, А. Давыдов, А. Дикинс, В. Измозик, Ё. Икеда, В. Калашников, П. Кенез, О. Назаров, А. Николаев, А. Рабинович, Дж. Санборн, Л. Сигельбаум, М. Стокдейл, Р. Суни, В. Цветков, Ц. Хасегава
3.3.	Иное	Г. Иоффе
4	**Кто был главным виновником Февральской революции и в чем состоит вина?**	
4.1.	Царь и его окружение (правительство)	Х. Вада, Р. Гагкуев, А. Дикинс, В. Измозик, Ё. Икеда, В. Калашников, П. Кенез, О. Назаров, А. Николаев, А. Пученков, А. Рабинович, Дж. Санборн, Л. Сигельбаум, М. Стокдейл, Ц. Хасегава, В. Шелохаев
4.2.	Дума и либералы	Ф. Гайда, А. Давыдов, К. Назаренко
4.3.	Революционные партии социалистического толка	К. Назаренко
4.4.	Иное (как правило: совокупность факторов)	Г. Иоффе, Б. Колоницкий, О.Назаров, А. Николаев, С. Полторак, Р. Суни, Ц. Хасегава, В. Цветков, Д. Чураков, В. Шелохаев
5.	**Каким моментом Вы датируете начало Русской революции?**	
5.1.	23 февраля – начало массовых демонстраций	В. Измозик, Ё. Икеда, Г. Иоффе, Б. Колоницкий, О. Назаров, А. Рабинович, Дж. Санборн, Л. Сигельбаум, Ц. Хасегава, Д. Чураков, В. Шелохаев

5.2.	27 февраля – начало солдатского восстания	Р. Гагкуев, Ф. Гайда, А. Дикинс, В. Калашников, П. Кенез, А. Пученков, Р. Суни
5.3.	27 февраля – решение лидеров Думы создать Временный комитет	Р. Гагкуев, А. Давыдов В. Калашников, М. Стокдейл, А. Николаев
5.4	Иное	Х. Вада, К. Назаренко, С. Полторак, В. Цветков
6.	**Какая из политических сил сыграла главную роль в падении самодержавия (отречении царя и отказа Михаила принять трон)?**	
6.1.	Левые партии, опиравшиеся на стихийное движение рабочих и солдат	В. Измозик, В. Калашников, Л. Сигельбаум, В. Шелохаев
6.2.	Думские лидеры и либеральные круги	Ф. Гайда, А. Давыдов, А. Дикинс, Ё. Икеда, Г. Иоффе, Д. Чураков
6.3	Генералитет русской армии	Г. Иоффе, П. Кенез, Дж. Санборн, Д. Чураков
6.4.	Иное: (как правило: совокупность вышеназванных факторов, но и другие факторы)	Х. Вада, Р. Гагкуев, Б. Колоницкий, О. Назаров, К. Назаренко, А. Николаев, С. Полторак, А. Пученков, А. Рабинович, Дж. Санборн, М. Стокдейл, Р. Суни, Ц. Хасегава, В. Цветков
7.	**Как Вы оцениваете историческое значение Февральской революции (падения самодержавия)?**	
7.1.	Исторически необходимое событие	Х. Вада, Ё. Икеда, В. Калашников, П. Кенез, Б. Колоницкий (?), К. Назаренко, О. Назаров, А. Николаев (?), С. Полторак, А. Рабинович, Л. Сигельбаум, Д. Чураков, В. Шелохаев (?)
7.2.	Исторически ненужное событие	А. Давыдов
7.3.	Иное (как правило: отказ от определенного ответа)	Р. Гагкуев, Ф. Гайда, А. Дикинс, В. Измозик, Г. Иоффе, А. Пученков, Дж. Санборн (?), М. Стокдейл, Р. Суни,

		Ц. Хасегава, В. Цветков
8.	**Какие главные ошибки либералы и умеренные социалисты совершили в постфевральский период?**	
8.1.	Не решили вопрос о мире	Х. Вада, А. Дикинс, Ё. Икеда, О. Назаров, А. Пученков, Дж. Санборн, Л. Сигельбаум
8.2.	Не решили аграрного вопроса	В. Калашников
8.3.	Иное (как правило, указание на комплекс причин)	Р. Гагкуев, Ф Гайда, А. Давыдов, В. Измозик, П. Кенез, Б. Колоницкий, К. Назаренко, О. Назаров, А. Николаев, С. Полторак, А. Рабинович, М. Стокдейл, Р. Суни, Ц. Хасегава, В. Цветков, Д. Чураков, В. Шелохаев
9.	**Могла ли Февральская революция удержаться в рамках либеральной революции?**	
9.1.	Либералы имели хорошие шансы сохранить власть	А. Давыдов, Ё. Икеда, А. Николаев, Ц. Хасегава
9.2.	Умеренные социалисты имели хорошие шансы сохранить власть и обеспечить либеральный характер революции	А. Давыдов, Ё. Икеда, А. Николаев, Ц. Хасегава
9.3.	Либералы и умеренные социалисты не имели шансов удержать революцию в либеральных рамках	Ф. Гайда, А. Дикинс, Г. Иоффе, П. Кенез, Б. Колоницкий, С. Полторак, А. Рабинович, Л. Сигельбаум, М. Стокдейл, Р. Суни
9.4.	Иное (как правило: шансы были, но малые)	Х. Вада, Р. Гагкуев, В. Измозик, Ё. Икеда, В. Калашников, К. Назаренко, О. Назаров, А. Пученков, Дж. Санборн (?), В. Цветков, В. Шелохаев

3. Контент-анализ

Далее предлагаем экспресс-анализ ответов участников проекта, который призван наметить некоторые основные тенденции в интерпретации ключевых вопросов истории Февральской революции, а также обратить внимание читателей на отдельные интересные мысли и оценки. При этом автор анализа отнюдь не претендует на то, чтобы выносить какой-либо вердикт по поводу позиции того или иного историка. Цель – создать более удобную платформу для дальнейших размышлений и обсуждения богатого материала, представленного участниками проекта.

***

Первый вопрос предлагает участникам оценить *направленность процессов социально-экономического развития* России накануне Первой мировой войны[2]. При этом задача состояла в том, чтобы оценить эти процессы с точки зрения их влияния на социально-политическую стабильность российского общества.

В основном ответы распределились по двум большим группам.

Вариант 1.1. Десять авторов с той или иной степенью категоричности полагают, что в стране шел процесс *нарастания социально-политической нестабильности*. В этой связи проф. Ц. Хасегава прямо сослался и выразил свое согласие с позицией проф. Л. Хаймсона, который еще в середине 1960-х годов поставил на обсуждение проблему социальной стабильности в предвоенной России. Хаймсон пришел к выводу о том, что ход социально-экономического развития порождал два процесса поляризации: 1) усиление социально-экономического разрыва между верхами и низами; 2) усиление политического разрыва между обществом и государством[3].

Причины нарастающей нестабильности многие авторы видят в несоответствии между объективными процессами социально-экономического развития, с одной стороны, и политикой и идеологией правящих кругов, с другой. Политический результат этого несоответствия кратко, но емко сформу-

[2] Все выделения в тексте, за исключением особо оговоренных, сделаны автором данного очерка.

[3] Настоящий сборник. С. 108. См. также: Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review. 1964. Dec, P. 621–629.

лировал проф. П. Кенез: «На основе той идеологии, в которую двор в действительности верил, управлять страной было невозможно»[4].

Проф. Р. Суни отметил, что «В. И. Ленин в определенном смысле был прав, говоря о том, что правящие классы больше не могли управлять по-старому, а управляемые не желали быть больше управляемы, как раньше»[5].

Проф. В. Шелохаев, проанализировав политику монарха и правительства после революции 1905 г., сделал следующий вывод: «правительство затрачивало огромное время на непродуктивную работу, постепенно *сокращая свои шансы на возможность мирной и эволюционной трансформации* страны после Первой российской революции. Достигнутые успехи в области экономики, финансовой и бюджетной сферы, инфраструктуры, военных преобразований не могли компенсировать упущения в политической, правовой, социальной областях»[6].

Вариант 1.3. В свою очередь двенадцать авторов, признавая *противоречивость социально-политических процессов,* отказываются определить доминирующую тенденцию. При этом и они согласны с тем, что конфликт между старым и новым порождал сам ход социально-экономического развития предвоенной России. Характерна позиция А. Дикинса, который отметил, что «позитивное развитие фактически *способствовало развалу самодержавной власти*, поскольку социально-экономическая база России не позволяла правительству консолидировать и эксплуатировать ее в своих интересах»[7].

По мнению Ё. Икеды, процессы развития порождали дисбаланс системы, и хотя «на поверхности российское общество в целом было стабильным, но это была такая стабильность, которая при чрезвычайных ситуациях (в особенности в период войны) становилась уязвимой»[8].

Проф. А. Николаев так определяет ситуацию: «в предвоенный период сложилось *шаткое равновесие* между стабильностью и нестабильностью»[9].

Иную позицию занимает проф. А. Давыдов, который, хотя и не считает возможным определить «в какую сторону направлялось развитие – к анархии или к порядку», полагает, что первая русская революция «стала победой про-

[4] Настоящий сборник. С. 54.
[5] Там же. С. 102.
[6] Там же. С. 128–129.
[7] Там же. С. 30.
[8] Там же. С. 42.
[9] Там же. С. 70.

грессивной общественности и *содействовала разрешению* целого ряда социальных конфликтов»[10]. Эту же позицию разделяет и Ф. Гайда: «К началу войны снизилась степень политизации общества, все политические партии находились в глубокой стагнации, их всероссийская структура, по сути, развалилась. Рабочие забастовки в столице накануне войны не сопровождались крестьянскими волнениями, движением среди студентов или в армии»[11]. Тем не менее, и Ф. Гайда, и А. Давыдов выбрали вариант ответа 1.3., т. е. их «оптимизм» в отношении позитивной направленности процессов предвоенного развития носит ограниченный и осторожный характер. К ним близок проф. В. Цветков, который заявил о том, что «третьеиюньская система» подтверждала свою жизнеспособность[12].

Вариант 1.2. Только проф. Г. Иоффе однозначно определил предвоенное развитие России как *процесс усиления социальной стабильности*[13].

Итоговый расклад ответов на первый вопрос позволяет сделать вывод о том, что большинство участников проекта без оптимизма оценивают перспективы развития предвоенной России с точки зрения роста социальной стабильности, а значительная часть определенно зачисляет себя в группу «пессимистов»[14].

Обращаясь к аргументам, выдвинутым в защиту той или иной позиции по первому вопросу, отметим внимание, которое уделили авторы оценке влияния левых партий. По мнению одних, в довоенной России шел процесс падения популярности социалистов (сокращение численности, эмиграция лидеров). Другие полагают, что популярность росла и выразилась в результатах выборов в IV Государственную Думу, когда во всех крупных промышленных центрах по рабочим куриям депутатами были избраны большевики. Обе позиции подтверждаются фактическим материалом.

---

[10] Настоящий сборник. С. 20.
[11] Там же. С. 15.
[12] Там же. С. 122.
[13] Там же. С. 44.
[14] Напомним, что деление на «пессимистов» и «оптимистов» сложилось в исторической науке еще в 1960-е гг. в ходе спора, инициированного статьями упомянутого проф. Л. Хаймсона. Проф. Т. фон Лауэ оценил «пессимистов» как более многочисленную, но менее «громкоголосую» группу в зарубежной историографии. (См.: Laue T.von. The Chances for Liberal Constitutionalism // Slavic Review. 1965, March. P. 34). По нашему мнению, эта оценка, с ее понятным подтекстом, сохраняет свою верность и для современной историографии, как зарубежной, так и российской.

Понятно, что надо найти методологические инструменты, позволяющие надежно интерпретировать противоречивый фактический материал. В этой связи проф. Б. Колоницкий предложил поставить российские процессы в международный контекст и обратил внимание на проблемы, возникающие в ходе быстрой урбанизации: «во многих странах быстрая урбанизация вела к социально-политическим конфликтам, первое-второе поколения горожан представляют собой весьма взрывчатую группу»[15].

С нашей точки зрения важно определить *характер и глубину* стоявших перед страной проблем и *возможности их эволюционного* решения в конкретно исторической обстановке начала XX века (как внутрироссийской, так и международной). Второй и третий вопросы предложенного Вопросника призваны помочь в решении этих задач.

***

Второй вопрос предлагал историкам назвать *самую острую и опасную* из проблем *предвоенной России* для политической стабильности страны.

Вариант 2.1. При ответе на этот вопрос десять авторов главной проблемой назвали политику самодержавной власти. С полной определенностью выбрал этот вариант А. Рабинович, самый авторитетный западный специалист по истории русской революции. В своем ответе он счел необходимым вычеркнуть из формулы вопроса фразу «(участия либералов во власти)», полагая, вероятно, что она сужает проблему ответственности самодержавной власти за нарастание нестабильности только вопросом о взаимоотношениях правительства и либералов[16].

Проф. Х. Вада, патриарх японской русистики, так же сделал акцент на самодержавии и оценил его положение и перспективы следующим образом: «Самодержавие, которое дожило до трехсотлетия династии, оказалось *окончательно безнадежным* в современной истории»[17].

Иной угол зрения выбрал проф. В. Шелохаев, один из самых авторитетных отечественных исследователей истории России начала XX века. Возложив на власть главную ответственность за нарастание нестабильности, В. Шелохаев отметил, что «в процесс противостояния власти и общества *свою лепту внесла российская интеллигенция*». Он явно склонен считать самой

[15] Настоящий сборник. С. 57
[16] Там же. С. 89.
[17] Там же. С. 10.

острой именно проблему взаимных отношений власти и либеральной оппозиции и рассматривает ее как проблему раскола элит: «*самой опасной* для судеб любой страны была и остается проблема противостояния власти и общества*, борьба политических элит за управление государством»*[18].

Аналогичную позицию занимает и А. Николаев: «*важнейшей проблемой*, которая не просто подрывала политическую стабильность, а уничтожила ее, конвертировав в революцию, *было противоречие между властью и обществом: проблема самодержавной власти (участия либералов во власти*)»[19].

А. Давыдов также назвал самой масштабной проблемой предвоенной России «*раскол элит»*[20]. Близкую позицию занимает и Ф. Гайда: «Самой острой проблемой для политической стабильности в перспективе был укоренившийся со времен Александра III *раскол* между правительством и образованным обществом» [21]. Однако (в отличие от В. Шелохаева и А. Николаева) А. Давыдов и Ф. Гайда возлагают основную ответственность за этот раскол на либералов. В дальнейшем они прямо назовут либералов главными виновниками революции.

Следует отметить, что ряд авторов, выбравших Вариант 2.1., исходят из того, что при проведении властью правильной политики все проблемы можно было бы решить или смягчить настолько, чтобы предотвратить нарастание социальной нестабильности. Иными словами, они считают, что в период 1907 – 1914 гг. перед Россией были открыты разные альтернативы, и реформистская альтернатива не была реализована *главным образом* по вине властных структур. Эта позиция четко проявится при ответе на четвертый вопрос Вопросника, который напрямую ставит вопрос о «виновниках революции».

Вариант 2.5. Семь авторов отказались выделять какую-то одну проблему в качестве самой острой и говорили о необходимости комплексного подхода, подчеркивая взаимосвязанность всех проблем. Весьма категорично эту точку зрения сформулировал Р. Гагкуев: «Выделять какой-либо один вопрос – не правильно. Опасной была сама совокупность нерешенных вопросов, что и показали последующие события»[22].

---

[18] Настоящий сборник. С. 129.
[19] Там же. С. 72–73.
[20] Там же. С. 21.
[21] Там же. С. 16.
[22] Там же. С. 12.

А. Пученков также считает необходимым «говорить о совокупности вышеназванных факторов, *прибавив к этому, конечно, личный фактор*», и отмечает личную неготовность Николая II «справиться с небывалыми потрясениями»[23].

К. Назаренко делает другой акцент: «Говоря о самодержавии, необходимо подчеркнуть, что дело было не в личных качествах Николая II, хотя его бездарность, несомненно, обострила ситуацию. Самодержавие само по себе было отживающим институтом»[24].

В рамках этого варианта ответов особняком стоит ответ Д. Чуракова. В качестве самой острой проблемы предвоенной России он назвал геополитическую: «рост отставания от важнейших геостратегических противников и рост зависимости от них»[25]. Соглашаясь с этой оценкой, отметим, что предложенный автором подход существенно раздвигает рамки поставленного вопроса (выводит его на иной уровень), хотя формально не противоречит ему.

Вариант 2.2. Четыре автора в качестве самой острой проблемы назвали *рабочий вопрос*, отмечая концентрацию рабочих в экономических и политических центрах страны, их политическую активность и менталитет, враждебный самодержавию и буржуазии. Проф. Л. Сигельбаум так сформулировал эту позицию: «Концентрация в столице крупных заводов и непримиримая антисамодержавная и антибуржуазная ориентация, по крайней мере, квалифицированных рабочих, наряду со стратегической важностью этих производств, создавали взрывоопасную ситуацию»[26]. Проф. Р. Суни отметил, что рабочие «тяготели к самой радикальной социалистической партии, к большевикам, и отказывались от компромисса с умеренными социалистами (меньшевиками), либералами и капиталистами. Их стратегическое нахождение в двух столицах и в таких крупных экономических центрах, как Баку, давало им больше силы, чем дала бы их численность, если бы они были разбросаны далеко от центров политической власти»[27].

Вариант 2.3. Три автора назвали самым острым и опасным для власти *крестьянский вопрос*. Однако видение этой проблемы у них очень разное. Ё. Икеда сделал акцент на то, что в эпоху мировых войн «необходим был

---

[23] Настоящий сборник. С. 84.
[24] Там же. С. 61.
[25] Там же. С. 126.
[26] Там же. С. 95.
[27] Там же. С. 103.

народ с высоким политическим сознанием (nation)», т.е. народ, который осознавал себя единой нацией с едиными национальными интересами, а русское крестьянство, которое составляло большинство населения России, таким сознанием не обладало[28].

В. Калашников и В. Цветков указали на то, что в начале века аграрный вопрос обострялся, и крестьянство встало на путь его силового решения, что и должно было привести к взрыву в любой кризисной ситуации. В. Калашников подчеркнул, что столыпинские реформы не усилили социальной стабильности в деревне. Аграрные требования крестьян оставались настолько радикальными, что их удовлетворение было возможно только революционным путем. «Особый менталитет российского крестьянства, отрицавшего частную собственность на землю, был самой главной и самой острой проблемой предвоенной России»[29].

Отметим, что никто из историков не назвал в качестве самой острой предвоенной проблемы *национальный вопрос*. Однако ряд авторов, перечисляя наиболее острые проблемы, включили в свой перечень и его (Р. Гагкуев, А. Николаев и др.). Проф. Дж. Санборн специально вынес национальную проблему в 10-й дополнительный (открытый) вопрос, указав, что после падения самодержавия «неспособность творчески переосмыслить» государственное устройство многонациональной империи стало губительным, в первую очередь для кадетов, а затем и для умеренных социалистов[30]. К этой позиции присоединился и проф. Р. Суни, который расставил такие акценты: «национальный вопрос и феномен национализма не были так важны в феврале 1917 г.», но встали «гораздо острее позже в этом году и в особенности в 1918 г. и прошли через все годы Гражданской войны». Автор предлагает коллегам подумать и ответить на вопрос: почему именно классовая, а не национальная, принадлежность «стала основной формой общественного самоопределения и причиной конфликтов в России в 1917 г.»[31]

Краткий анализ ответов на второй вопрос позволяет говорить о *преобладании* точки зрения, согласно которой именно *тип государственной власти и политика ее носителя были главной проблемой предвоенной России*.

---

[28] Настоящий сборник. С 42.
[29] Там же. С. 49.
[30] Там же. С. 94.
[31] Там же. С. 107.

Эта точка зрения была прямо либо косвенно выражена в ответах большинства сторонников варианта 2.1. и варианта 2.5.

***

Анализ ответов на **третий вопрос,** связанный с определением ***роли мировой войны*** как фактора Русской революции, показывает преобладание тех, кто посчитал, что война сделала революцию *весьма вероятной* (17 ответов).

Вариант 3.2. Наиболее кратко и точно эту позицию выразил проф. Л. Сигельбаум: «В истории нет ничего неизбежного, но первая мировая война, конечно же, увеличила вероятность революции в России»[32]. Проф. М. Стокдейл подчеркнула, что «затяжная и дорогостоящая война – *даже если бы Россия ее выиграла* – скорее всего привела бы к революции. … Война была как катализатором, так и плавильным котлом Русской революции»[33].

О. Назаров особо отметил, что «не только вождь большевиков Владимир Ленин, но и прозорливые политики из совсем иного политического лагеря понимали это еще до того, как пушки начали стрелять»[34].

Вариант 3.1. Существенное число авторов (7 ответов) определенно заявили о *неизбежности революции* в условиях мировой войны. Наиболее категорично этот тезис сформулировал проф. С. Полторак: «Нет сомнения в том, что Первая мировая война стала фактором, который сделал Русскую революцию *неизбежной»*[35]. Отметим и историографическую оценку, которую дал Б. Колоницкий: «*Большинство* историков полагает, что с 1914 года революция в России *была неизбежной».* При этом он склоняется к выводу о том, что и без мировой войны Россия пережила бы революцию, хотя и в более мягкой форме[36].

В эту ячейку со знаком вопроса был занесен и ответ В. Шелохаева, поскольку при ответе на первый вопрос он дал и такую оценку: «Нерешенность многих проблем в течение ряда лет внутренней стабильности и благоприятной международной конъюнктуры в экстремальных условиях Первой мировой войны *с логической неизбежностью* дала о себе незамедлительно знать»[37]. Знак вопроса появился потому, что эту фразу можно трактовать

---

[32] Настоящий сборник. С. 96.
[33] Там же. С. 98–99.
[34] Там же. С. 67.
[35] Там же. С. 79
[36] Там же. С. 58.
[37] Там же. С. 129.

по-разному: и как признание неизбежности революции, и как признание только неизбежности формирования острой революционной ситуации, которая могла и не превратиться в революцию.

Следует отметить, что указание на «неизбежность революции» у многих авторов в общем контексте их ответов выглядит скорее как признание *наибольшей вероятности* именно такого развития событий в сложившейся обстановке. Это сближает их с группой историков, выбравших более мягкий вариант 3.2.: революция стала «весьма вероятной».

***

Четвертый вопрос о *«главном виновнике»* Февральской революции сформулирован нарочито резко, поскольку термин «виновник» носит явно обличительную негативную окраску. Первоначально рассматривалась другая формулировка вопроса: кто несет основную *ответственность* за февральские события (и даже такая: кто сыграл главную роль в том, что эти события произошли). Однако с учетом того, что в российском обществе идет давний спор по вопросу о том, «кто виноват», составитель посчитал правильным задать вопрос, используя именно эти термины, а затем в другом вопросе рассмотреть проблему движущих сил или «акторов» революции.

Вариант 4.1. Большинство участников проекта (15 ответов) приняли этот подход и однозначно указали на Николая II, сделав акцент на его отказ пойти на уступки Думе.

М. Стокдейл: «Отказ царя пойти на какие-либо уступки Думе или уступить народным требованиям в конце 1916 – начале 1917 гг. был фатальным»[38].

Ц. Хасегава также подчеркнул роль субъективного фактора: «Не сама система, а ее глава принес конец монархии». Вот еще одна его оценка: «Ненависть к Николаю II слилась с ненавистью к самой монархии»[39].

В. Измозик: «Главным виновником начала Второй российской революции 1917 – 1922 гг. … была правительственная власть, не умевшая «выпускать пар из котла», отказывавшаяся принимать во внимание многочисленные предупреждения с конца 1916 г. о нарастании общенационального кризиса, а в условиях России, в первую очередь, император»[40].

---

[38] Настоящий сборник. С. 99.
[39] Там же. С. 112, 115, 116. Эти четкие формулы Ц. Хасегава дал при ответе на 6 и 7 вопросы. Ответ на 4 вопрос содержит указание на ряд факторов.
[40] Там же. С. 38.

О. Назаров отвечает на вопрос ссылкой на Н. Бердяева: «Ответственны за революцию все*, и более всего* реакционные силы старого режима»[41].

Признание царя главным виновником (вариант 4.1.) корреспондирует с вариантом ответа 2.1., согласно которому десять авторов назвали главной проблемой *предвоенной* России политику самодержавной власти. Иными словами, если подвести итог по ответам на первые четыре вопроса, то следует сделать вывод о доминировании точки зрения, согласно которой в революции *более всего была виновата власть*. Она вовремя не увидела опасный характер идущих социальных процессов и не приняла мер для устранения нараставшей опасности. Такой подход подчеркивает признание авторами решающей роли субъективного фактора в развитии конкретно-исторического процесса.

Вариант 4.2. Три участника проекта возлагают *главную вину за революцию на Думу и либералов.* Акцент на роль Думы сделал Ф. Гайда: «Дума и либералы спровоцировали революцию, борясь за собственную политическую самостоятельность». Автор отмечает, что либералы не ценили готовность власти идти на определенные уступки и «раздували мифы о темных силах, сепаратном мире и т. п.». В итоге именно их усилиями, считает автор, власть «из виновника … постепенно превращалась в жертву»[42]. Близок к этой позиции и А. Давыдов.

Отметим, что и авторы, возлагающие вину на царя, и авторы, возлагающие ее на Думу, употребляют понятие «вина» в прямом смысле (с осуждением). К. Назаренко предлагает другое понимание этого вопроса. Поставив в категорию «виновников» революции либералов и социалистов, он не осуждает их действия, превращая понятие «вины» в понятие «ответственности» и даже движущей силы революции: «Деятельность либералов и социалистов (как оборонцев, так и интернационалистов) была обусловлена всей ситуацией в стране и их собственным политическим лицом. Нелепо думать, что они могли …отказаться от расшатывания самодержавной монархии»[43].

Таким образом, там, где один историк может видеть «вину», другой может видеть заслугу. В этой связи ряд историков вообще посчитали вопрос о «вине» некорректным. На наш взгляд, вопрос о «вине» все же имеет право на

[41] Настоящий сборник. С. 68.
[42] Там же. С. 16–17.
[43] Там же. С. 63.

существование. Однако для того, чтобы разобраться в том, кто и в чем виноват, надо провести сравнительный анализ позиций всех участников событий с точки зрения их соответствия коренным национальным интересам России. Кто выражал эти интересы: Царь? Либералы? Социалисты? Ясно, что при таком подходе неизбежно возникает спор о том, в чем заключались действительные национальные интересы России накануне и в годы мировой войны. Учитывая особую остроту этого вопроса, составитель не включил его в Вопросник. Это отдельный сюжет, который требует разработки особой методики проведения анализа. Однако косвенные ответы на этот вопрос вытекают из ответов на 7-й, 8-й и 9-й вопросы Вопросника.

Вариант 4.4. Возвращаясь к вопросу о «главном виновнике», отметим, что восемь участников проекта предпочитают говорить *о совокупности факторов*.

Характерна позиция А. Николаева, который предлагает рассматривать вопрос о «вине» за Февраль в единстве с «виной» за Октябрь и делает такой вывод: к числу виновников «необходимо отнести все противоборствующие стороны, т.е. и царизм с его окружением, и всех февралистов, включая и самые слабые их группы (отряды). Безответственное поведение и первых, и вторых, привело к распаду Империи и кровопролитной гражданской войне»[44].

Особую позицию занимает Д. Чураков, который отказался определять виновника революции и оценил ее как «*историческую неизбежность*» в конкретных условиях России того времени[45]. Эту позицию мы прокомментируем позже.

***

Пятый вопрос касается датировки *начала* Февральской революции. Здесь мы видим преобладание ответов, относящих это начало на 23 февраля (11 ответов). В то же время, 7 ответов указывают на 27 февраля (солдатское восстание). Популярен и вариант, который связывает эти даты. Так, по мнению Г. Иоффе, «началом революции было 23 февраля, а поворотным моментом в ее ходе – бунт солдат запасных батальонов 27 февраля»[46].

С ним согласен О. Назаров: *«важнейшим днем революции был, безусловно, 27 февраля…* важнейшим и поворотным событием считаю начало солдат-

[44] Настоящий сборник. С. 74.
[45] Там же. С. 126.
[46] Там же. С. 46.

ского восстания. Оно дало решающий импульс к формированию новых органов власти в России». Автор приводит важное свидетельство кадета В. Набокова: «еще 26-го вечером мы были далеки от мысли, что ближайшие два-три дня принесут с собою такие колоссальные, решающие события всемирно-исторического значения»[47].

Эту же позицию разделяет А. Николаев, который выделяет два периода революции: начальный (23 – 26 февраля) и заключительный – решающие дни Февральской революции (27 февраля – 3 марта). Признавая роль солдатского восстания как начала борьбы за власть, он делает главный акцент на роль Думы, поддержавшей это восстание: «только с того момента, когда *Государственная дума решила встать во главе движения, ситуация существенно изменилась»*[48].

М. Стокдейл относит начало революции на 27 февраля, связывает его с солдатским восстанием, но также делает главный акцент на роль Думы: «Поддержка со стороны Думы легимитизировала восстание … Это решение стало окончательным поворотным моментом революции»[49].

Близок к этой позиции В. Калашников: «Если понимать революцию как *открытую и осознанную борьбу* за свержение старой власти и установление новой, то такая борьба началась только 27 февраля. Открытой ее сделало солдатское восстание, а задача свержения старой власти как реальная задача момента была осознана участниками событий во второй половине этого дня после того, как был создан Временный комитет Государственной Думы, воспринятый всеми как новый орган власти. Иными словами, момент превращения солдатского мятежа в революцию связан с решением думцев возглавить стихийное выступление масс»[50].

Х. Вада и В. Цветков предложили считать началом революции 14 февраля, имея в виду массовые рабочие забастовки, приуроченные ко дню возобновления работы Государственной Думы, ранее отправленной царем на долгие новогодние каникулы. С. Полторак полагает, что «момент зарождения революции, как и момент ее полного завершения или затухания проследить очень

[47] Настоящий сборник. С. 68.
[48] Там же. С. 74.
[49] Там же. С. 99.
[50] Там же. С. 50–51.

сложно, практически невозможно. … Я бы не *рискнул с точностью до дня назвать начало и окончание февральских событий»*[51].

Подводя итоги ответам на этот вопрос, отметим сделанный авторами акцент на роль Думы в придании стихийному локальному восстанию характера общенациональной революции. Иными словами ответ на вопрос о дате начала революции потребовал оценки ее ключевых моментов и привел к выявлению роли различных сил в ее осуществлении, переплетаясь с очередным вопросом Вопросника.

***

Шестой вопрос преследует цель определить ту политическую силу, которая сыграла *главную роль* в падении самодержавия. Этот вопрос перекликается с четвертым вопросом о главном виновнике революции, но не совпадает с ним. Вопрос «Кто виноват в революции?» меняется на вопрос «Кто сделал это? Кто привел революцию к такому итогу?». Не отрицая роли всех «акторов» революции, составитель предлагал расставить приоритеты.

Вариант 6.2. Шесть из участников Проекта считают, что главную роль в отречении ***сыграли Дума и либеральные круги.*** «Николай II, – пишет Ф. Гайда, – не мог бы отречься в ответ на стихийное движение. Генералитет не пошел бы на компромисс с левыми радикалами. Именно думские лидеры и либеральные круги обеспечили отречение, представив его как основу для политического примирения»[52]. А. Дикинс также сделал акцент на роль либералов в победе революции: «Без вмешательства либералов в события 27 февраля и последующих дней маловероятно, что генералы в армии поддержали бы отречение Николая II»[53].

В этих высказываниях явно присутствует характерная тенденция объединить либералов и генералов как непосредственных «акторов» отречения, отдавая приоритет думцам. Об этом прямо говорят в своих ответах Д. Чураков и Г. Иоффе. Последний дал такую формулу: «В падении монархии главную роль сыграл Временный комитет VI Думы (либералы) и высший генералитет»[54].

Вариант 6.3. П. Кенез и Дж. Санборн главную роль отвели *генералитету*. При этом Кенез так сформулировал главный мотив в действиях военa-

[51] Настоящий сборник. С. 80.
[52] Там же. С. 17.
[53] Там же. С. 33.
[54] Там же. С. 46.

чальников: «Генералы верили в то, что отречение сделает возможным продолжение войны, и они были правы»[55]. Дж. Санборн отметил зависимость позиции генералов от позиции солдат фронтовых частей, чье «брожение» убедило Ставку отказаться от применения силы против восставшего Петрограда: «Думаю, что если бы генералы (и их солдаты) всецело поддерживали восстановление «порядка» в Петрограде силой, Николай выбрал бы этот вариант, а не отречение от престола»[56]. При этом оба автора не называют генералов инициаторами отречения, отдавая ведущую роль думским либералам.

Вариант 6.1. Указание на роль солдат в определении позиции генералов сближает позицию Дж. Санборна с теми, кто главную роль в отречении отдал *левым партиям,* опирающимся ***на стихийное движение масс.*** Эта группа участников проекта делает акцент *не на том, чьими руками* было осуществлено отречение, поскольку очевидно, что это сделали думские лидеры и генералитет, а на том, *почему они это сделали*: был ли это собственный почин или акция, предпринятая под давлением иных сил?

Роль солдат в падении самодержавия особо подчеркнута в ответе В. Измозика: «*Решающая роль в свержении самодержавия принадлежала, конечно, солдатским массам*. Никакие рабочие, революционеры или либералы были бы не страшны власти, если бы армия была бы готова выполнять приказы». По мнению В. Измозика, боязнь восставшего народа была главной причиной отречения как Николая, так и Михаила. Описывая сцену отречения Михаила в квартире князя П. П. Путятина на Миллионной улице, автор приводит свидетельство очевидца: собравшиеся «все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всех прикончить»[57]. Сравним эту позицию с позицией Ф. Гайды: «*решение Михаила зависело от настроения либералов*, а не от народного движения»[58].

В. Шелохаев, отмечая, что «падение монархии в России стало результатом слияния разнородных политических и социальных сил, тем не менее, делает следующий вывод: «В февральско-мартовские дни 1917 г. политическую ситуацию в стране *определило стихийное массовое движение*. Восставшие массы еще задолго до созыва Учредительного собрания сделали собственный

[55] Настоящий сборник. С. 55.
[56] Там же. С. 92.
[57] Там же. С. 40.
[58] Там же. С. 17.

выбор – Россия должна стать демократической республикой. Шансы консерваторов и части правых либералов на возрождение монархии были сведены к минимуму»[59]. Эту точку зрения разделяет и проф. Л. Сигельбаум: «Если бы не левые партии и народные восстания, то либералы и думские лидеры заключили бы сделку с царем»[60].

Вариант 6.4. Большинство участников проекта (14 ответов) предпочли не определять главную силу, обусловившую падение монархии, и, как правило, указывают на совокупность факторов. Однако в их рядах явно просматриваются разные позиции и акценты. Так, А. Рабинович объединил варианты ответов 6.1. и 6.2., видя тем самым главную силу, обусловившую падение монархии, в совместных действиях либералов, социалистов и народных масс. Проф. Х. Вада, по сути, близок к позиции А. Рабиновича, но счел необходимым персонифицировать главных действующих лиц и выделить «тройку сторонников буржуазно-гражданской революции: Коновалов, Некрасов и Керенский», отметив их масонскую принадлежность[61]. Близок в этой позиции и Р. Гагкуев, который отметил важность давления либералов на монарха, но тут же признал, что «без массовых забастовок и начавшегося в Петрограде восстания, в чем велика роль левых партий, давление на императора едва ли имело бы успех»[62]. К. Назаренко различает причины отречения царя и Михаила: «Отречение царя произошло в первую очередь под давлением *генералитета и либеральных кругов* ... В отличие от отречения Николая II, отказ от престола Михаила Александровича произошел под давлением движения *рабочих и солдат*, вопреки мнению либералов и генералитета. Они смирились с этой мерой только под давлением "улицы"»[63]. Однако по общему контексту ответов видно, что К. Назаренко не отрицает того, что готовность либералов пожертвовать царем также была результатом давления восставшего народа и левых партий.

Особо следует отметить позицию А. Николаева, который, признавая важную роль думцев и генералитета в осуществлении отречения Николая II, делает акцент на вводимое им в научный оборот понятие «думско-советская власть». По его мнению, именно такая по своей политической сути власть

---

[59] Настоящий сборник. С. 133.
[60] Там же. С. 96.
[61] Там же. С. 11.
[62] Там же. С.13.
[63] Там же. С. 64.

сформировалась в первые дни Февральской революции и сыграла главную роль в победе революции в целом и падении монархии в частности[64].

Тезис о *«думско-советской власти»,* появившийся в работах А. Николаева, является серьезной новацией, которая позволяет более адекватно описать *механизмы и динамику взаимодействия* либеральных и социалистических партий, Петросовета и Временного комитета Государственной Думы в период с 27 февраля по 3 марта 1917 года[65].

Отметим, что многие замечания сторонников варианта 6.4. фактически усиливают позиции сторонников варианта 6.1., которые считают главным фактором, обеспечившим падение монархии не позицию либералов и генералов, а позицию восставших масс и их социалистических лидеров. В то же время не следует игнорировать и тот факт, что в ходе революции шел быстрый процесс радикализации позиций либералов, многие из которых также стремились к установлению в России республиканского строя.

***

Седьмой вопрос предлагает участникам оценить *историческое значение* Февральской революции с акцентом на ее главный политический итог – *падение самодержавия*.

Вариант 7.1. Одиннадцать участников Проекта оценили ее как *исторически необходимое событие*. Эта оценка логично вытекает из всех предыдущих ответов, данных такими авторитетными историками как Х. Вада и А. Рабинович[66]. Ряд историков раскрывают свою позицию с акцентом на геополитический контекст. Так, Л. Сигельбаум видит в свержении монархии путь к преодолению отставания России от западных стран[67].

Геополитический аспект доминирует и в оценке В. Калашникова: «в начале XX века Россия, несмотря на высокие темпы развития ряда отраслей, в целом увеличивала свое отставание и впадала в возрастающую экономическую и политическую зависимость от развитых стран Запада. В условиях империалистической борьбы за передел мира это отставание было гибельным. Уже поэтому самодержавие не имело исторического права на существование»[68].

---

[64] Настоящий сборник. С. 75.
[65] См.: Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб. 2005. С. 540, 590, 591, 592
[66] Настоящий сборник. С. 11, 89.
[67] Там же. С. 96.
[68] Там же. С. 52.

Д. Чураков, как было отмечено выше, уже при ответе на второй вопрос (о самой острой проблеме в довоенной России) высказал практически ту же точку зрения, определив эту проблему как «рост отставания от важнейших геостратегических противников и рост зависимости от них». При ответе на седьмой вопрос Д. Чураков оценил Февраль как исторически необходимое событие[69].

Солидарен с геополитическим подходом и Ё. Икеда: «Исторически *почти* необходимое событие. Столь архаичной империи было весьма трудно выжить в тотальной войне образца XX века»[70]. Это «*почти*» отражает стремление ряда участников проекта предложить более мягкие формулы ответа.

Некоторые из ответов не содержат термина «историческая необходимость». «Самодержавие, – пишет Б. Колоницкий, – *как форму правления сохранить было невозможно* (и война *продемонстрировала ее неэффективность*)»[71]. Из тезиса о неэффективности самодержавия в период мировой войны вытекает вывод о необходимости революции, но впрямую автор такого вывода не делает. Именно поэтому позиция автора дана нами со знаком вопроса (?).

К. Назаренко определяет Февральскую революцию как «*исторически обусловленное событие»:* к ней вел «весь ход исторического развития России»[72].

В. Шелохаев предложил такую формулу: «Февральская революция 1917 г., как собственно и западноевропейские революции, являлась *вполне закономерным и исторически значимым* событием». Формула показывает, что термин «необходимость» автор заменяет на термин «закономерность», и далее раскрывает тезис о закономерности Февральской революции, ставя ее в один ряд с западноевропейскими революциями[73]. Это сильный аргумент, поскольку трудно всерьез считать, что все буржуазные революции в Европе были результатом случайности и не отражали фундаментальной закономерности в смене одного общественного строя другим.

Обратим внимание на то, что В. Шелохаев использовал термин «*закономерность*», редко встречающийся в работах отечественных историков в постсоветский период, хотя он был весьма популярным в советской историографии. Потеря прежней популярности была обусловлена комплексом причин. Укажем только на одну: протест против отождествления понятия «законо-

---

[69] Настоящий сборник. С. 127.
[70] Там же. С. 43.
[71] Там же. С. 59.
[72] Там же. С. 64.
[73] Там же. С. 134.

мерность» с понятием «историческая неизбежность», которое практиковали некоторые советские историки. Однако, следует помнить, что такое отождествление не принимали другие советские историки, отрицая фаталистический взгляд на ход конкретно-исторического процесса[74]. Признание закономерности Февральской революции не рассматривалось ими как признание неизбежности падения монархии в феврале 1917 г. На наш взгляд, это правильная позиция. А. Николаев также использует термин «закономерность», оставляя в стороне термин «необходимость»: *«Падение самодержавия было закономерным этапом»*[75].

Возвращаясь к аргументу, предложенному В. Шелохаевым, повторим: Февральская демократическая революция в России была закономерным завершением целого ряда демократических революций в других странах Европы. Усилим этот аргумент указанием на то, что все европейские революции *были вызваны сходными в своей основе причинами*.

Признание рядом авторов *закономерности* революции и отказ признать ее *необходимость* ставят вопрос о соотношении этих терминов. Понятно, что решение этого вопроса выходит за рамки нашего контент-анализа, и поэтому мы лишь обозначим его как *актуальную историографическую проблему.*

Отметим, что П. Кенез и Д. Чураков использовали термин «*неизбежность*» применительно к Февральской революции, однако общий контекст ответов показывает, что они понимают его именно как закономерное и исторически необходимое событие, обусловленное целым рядом объективных и субъективных факторов, сложившихся в России в февральские дни[76].

Свое понимание этой проблемы приводит Дж. Санборн: «Я думаю, что Февральская революция была *предсказуемой, но не неизбежной*». Я полагаю, что «*необходимость*» революции зависит от точки зрения на социальную и политическую справедливость. Я бы сказал, что нахожу массовые демонстрации и призывы к отречению вполне обоснованными в том плане, что они требовали, чтобы власти, ответственные за общественную и политическую

---

[74] О том, какие подспудные баталии разыгрывались в советской историографии на эту тему см.: Калашников В.В. Историография Русской революции 1917 года // Политическая история России XX века: к 85-летию проф. В.И. Старцева. СПб.: Изд-во РГПУ, 2016. С. 11–19.

[75] Настоящий сборник. С. 75.

[76] Там же. С. 56, 127.

трагедию военных лет, ответили за свои провалы»[77]. Дж. Санборн обозначил свою позицию как «Иное», выбрав вариант ответа 7.3, хотя, на наш взгляд, она соответствует варианту 7.1.

Вариант 7.3. Большое число историков (11 ответов), выбравших Вариант 7.3., отражает высокую степень сложности поставленного вопроса и противоречивый характер феномена «Февральская революция». С одной стороны все историки понимают, что революция имела глубокие причины и нелепо считать ее «случайным» событием. С другой стороны, они не могут игнорировать те тяжелые последствия (экономические, социальные, политические, геополитические), которые проявились после свержения самодержавия. Именно последствия революции побуждают многих историков воздерживаться от того, чтобы оценить свержение монархии как исторически необходимое событие. А очевидная связь (хотя и не тождество) между понятиями «необходимость» и «закономерность» побуждает их отказываться и от признания революции закономерной или трактовать эту закономерность нарочито узко: как следствие субъективных ошибок.

Ситуацию хорошо иллюстрирует ответ Ф. Гайды, который считает Февральскую революцию «закономерным результатом целого ряда политических ошибок и иллюзий» и предлагает оценить ее значение «в контексте последующих революционных и послереволюционных событий»[78].

Р. Гагкуев раскрывает этот контекст: «приход к власти революционеров в момент тяжелейшей войны привел к развалу государства и началу национальной трагедии продолжительностью в несколько лет»[79].

Ответ, предложенный А. Пученковым, также иллюстрирует двойственность той позиции, которую порождает у историков противоречивость феномена Февральской революции. С одной стороны, автор делает акцент на последствиях революции: «за один семнадцатый год страна пережила два распада государственности – Февраль и Октябрь, – и обрекла себя на поражение в войне, уже стоившей к тому моменту для России бесчисленных жертв. Мне кажется, что *в этом аспекте России Февраль был для России бедой*». С другой стороны, А. Пученков отмечает, что в *сознании россиян* наследственная монархия изжила себя; с этой точки зрения Февраль *был закономерным и ис-*

[77] Настоящий сборник. С. 92–93.
[78] Там же. С. 17.
[79] Там же. С. 13–14.

торически необходимым событием». Очевидно, что в такой трактовке тезис о необходимости Февраля выглядит слабым, ибо автор пишет, что монархия изжила себя только *в сознании* россиян. А как на самом деле: была ли она тормозом развития или нет? Этот вопрос автор оставил открытым[80].

Г. Иоффе также говорит о том, что «Октябрь нельзя оторвать от Февраля и историческое их значение следует оценивать совместно», и предлагает свой взгляд на этот вопрос: «Февраль внезапно оборвал традиционное в России самодержавие и столь же внезапно установил в ней демократию. Но эта внезапность не могла уничтожить вековых корней и начал авторитаризма. Поэтому Февраль не уничтожил тенденции к «сильной», диктаторской власти. Попытка установить правую, военную диктатуру («корниловщина») не удалась. Но в Октябре удалось установить левую, пролетарскую, большевистскую диктатуру»[81]. Однако Г. Иоффе тоже не дает ясного ответа на вопрос о том, надо ли было сохранять «традиционное самодержавие», и нужна ли была большевистская диктатура в условиях России, втянутой в мировую войну?

Вариант 7.2. Исторически *ненужным* событием Февральскую революцию назвал лишь один автор – А. Давыдов, выдвинув такой аргумент: «В условиях связанного с мировой войной перенапряжения народных сил смена верховной власти была чревата разрушением государственности и катастрофическими последствиями»[82]. Этот вывод логически вытекает из всех ответов, данных А. Давыдовым (позитивная оценка процессов предвоенного развития, осуждение либералов как главных виновников революции, осуждение рабочего протеста и солдатского бунта в февральские дни).

Отметим, что А. Давыдов акцент делает не на вопросе о необходимости *сохранения или устранения* самодержавия, а на вопросе о *ненужности, несвоевременности* революции для решения этой проблемы в конкретной ситуации первой мировой войны.

Позицию А. Давыдова с позициями Ф. Гайды и ряда других историков, выбравших вариант 7.3., объединяет высказанное или подразумеваемое положение о том, что именно свержение монархии стало причиной всех последующих бед, включая военное поражение и гражданскую войну. Наиболее четко этот тезис сформулировал А. Пученков: «нелегитимный переворот ввергнул

---

[80] Настоящий сборник. С. 87.
[81] Там же. С. 46.
[82] Там же. С. 25.

страну в небывалый кризис, *предопределив* не только поражение в войне внешней, но и последующую, еще более страшную, войну гражданскую»[83]. Иными словами, Февральская революция, по логике этих рассуждений, неизбежно должна была вызвать катастрофические последствия. Это очень не слабый аргумент, поскольку он подтвержден последующей историей. Однако можно ли его признать верным? Всегда ли то, что произошло раньше, является причиной того, что произошло потом? Восьмой и девятый вопросы нашего Вопросника предназначены для того, чтобы рассмотреть эту проблему.

***

Восьмой вопрос предлагал участникам проекта назвать главные ошибки, которые совершили либералы и умеренные социалисты в постфевральский период. Отметим, что в этом вопросе (в отличие от других) либералы и умеренные социалисты объединены в единое целое, что отражает факт их изначального сотрудничества уже в первые дни революции, поддержку социалистами Временного правительства первого состава, а затем создание коалиционного правительства, которое и управляло Россией до Октябрьской революции.

Вариант 8.1. При ответе на этот вопрос семь авторов главной ошибкой Временного правительства назвали ***отказ от решения вопроса о мире***. Л. Сигельбаум назвал этот вопрос «самым легким для ответа» из всех других вопросов[84].

А. Дикинс так сформулировал свою позицию: «Уклонение от решения вопроса о мире помешало либералам и умеренным социалистам добиться успеха в любой другой важной области политики»[85].

Дж. Санборн: «Неготовность заключить перемирие с Центральными Державами на базе «мира без аннексий или контрибуций» была главной ошибкой Временного правительства»[86].

Ё. Икеда: «Если бы Временное правительство заключило сепаратный мир, или фактически перестало воевать, Советы и вообще массы потеряли бы революционный пафос. В этом главная причина того, почему в 1918–1919 гг.

[83] Настоящий сборник. С. 87.
[84] Там же. С. 97.
[85] Там же. С. 34.
[86] Там же. С. 93.

в Германии революция закончилась лишь республиканской стадией, а не перешла на социалистическую стадию»[87].

Близок к этой позиции А. Пученков: «*в случае начала сепаратных переговоров у России появлялся шанс,* если не выйти из перманентного политического кризиса, то избежать радикальной революции, которая произошла в Октябре»[88].

Вариант 8.2. В. Калашников, отмечая взаимосвязь вопросов о земле и мире, считает аграрный вопрос более важным, чем военный. С его точки зрения сепаратный мир сам по себе не гарантировал Временному правительству сохранения власти, ибо сразу ставил в повестку дня аграрный вопрос: выход России из войны без радикального решения аграрного вопроса открывал большевикам путь к власти. А радикальное, но «грамотное» решение аграрного вопроса, напротив, позволяло Временному правительству удержать власть и создавало возможность продолжать вялотекущее участие России в войне. В качестве «грамотного» решения рассматривается вариант издания закона о первоочередном наделении землей солдат-участников боевых действий, и льготном наделении землей солдат, особо отличившихся в боях на фронте. Автор указывает на возможность сопроводить такой закон еще целым спектром действий, но отмечает: «для того, чтобы начать процесс консолидации власти, Временное правительство должно было пожертвовать помещичьим землевладением. Неготовность кадетов уступить в этом вопросе и боязнь эсеров сделать это вопреки позиции кадетов открывали большевикам путь к власти»[89].

Вариант 8.3. Большое число авторов, выбравших вариант ответа ***«Иное»,*** считают необходимым говорить о комплексе ошибок Временного правительства, но видят их по-разному.

А. Рабинович: «Не решили вопрос о мире; не справились с коренными экономическими проблемами и не созвали Учредительное собрание»[90].

М. Стокдейл называет грубой ошибкой отказ от срочного созыва Учредительного собрания и проведения некоторых не слишком кардинальных, но популярных реформ, полагая, это могло помочь продолжать войну, поскольку *быстрое заключение мира было нереальным*[91].

---

[87] Настоящий сборник. С. 43.
[88] Там же. С. 88.
[89] Там же. С. 53.
[90] Там же. С. 89.
[91] Там же. С. 101.

Ц. Хасегава поднимает вопрос о правовой основе новой власти: «Главная ошибка, совершенная либералами, берет начало с самого рождения Временного правительства». Он видит эту ошибку в отказе правительства «действовать в качестве исполнительной власти, ответственной перед Государственной Думой, ставшей в свою очередь законодательной властью. Это решение лишило Временное правительство *легитимности*»[92].

В. Цветков также затрагивает вопрос о правовой основе и видит самую существенную ошибку в неспособности Временного правительства создать *«устойчивую политико-правовую систему»*[93].

В. Шелохаев рассматривает проблему под другим углом зрения: «главная ошибка либералов и умеренных социалистов состояла в нежелании, а точнее в неспособности тех и других *пойти на компромисс* во имя сохранения целостности российского государства и выработки рациональной программы преобразований на обозримый исторический период». Однако он оставляет открытым вопрос о том, какая рациональная программа могла быть ими разработана с тем, чтобы получить доверие масс. Автор явно не имеет в виду быстрое решение вопросов о земле и мире. Напротив, он сожалеет о том, что умеренные лидеры социалистических партий не сумели «идеологически и политически убедить массы в *бессмысленности выдвижения ими максималистских требований* и в неприменимости ими анархических методов разрешения конфликтов между помещиками и крестьянами, между предпринимателями и рабочими»[94].

Особняком стоит позиция А. Давыдова, который полагает, что «радикальные преобразования институционального свойства в воюющей стране в рассматриваемое время были недопустимы» и считает «главной ошибкой либералов и умеренных социалистов … попустительство нарушителям дисциплины в армии … потакание руководителям радикалов (большевикам, анархистам), индифферентность в отношении их антивоенной и противоправительственной агитации в войсках». Автор верит в возможность силового подавления радикалов: «применение уголовного преследования к лидерам экстремистов, нейтрализация их воздействия на солдат существенно притормозили бы революционный процесс до завершения войны». При этом речь идет

[92] Настоящий сборник. С. 117.
[93] Там же. С. 125.
[94] Там же. С. 134–135.

о «нейтрализации экстремистов-агитаторов в соответствии с законами военного времени». Возможность силового подавления он связывает с тем, что «основная часть солдатских комитетов осенью 1917 г. относилась к числу небольшевизированных». Однако А. Давыдов никак не комментирует тот факт, что в августе и «небольшевизированные» комитеты дружно выступили против попытки Л. Корнилова установить военную диктатуру, целью которой как раз и было восстановление дисциплины в армии[95].

Проведенный анализ ответов на вопрос об ошибках показал, что целый ряд авторов полагает, что Временное правительство сохранило бы власть и предотвратило бы гражданскую войну, если бы оно решило вопрос о мире или аграрный вопрос, либо сделало еще какие-то «грамотные» шаги. *Эта позиция говорит о том, что свержение самодержавия само по себе не влекло за собой тех драматических последствий*, которые побуждали А. Давыдова, Ф. Гайду и ряд других авторов выступать против признания Февральской революции закономерным и исторически необходимым событием.

Отметим, что Ф. Гайда осознал эту логическую проблему и устранил ее путем полного отрицания возможности у Временного правительства найти приемлемые для страны решения основных вопросов революции: «Вопрос о мире в одностороннем порядке не мог быть решен без последующей международной изоляции и интервенции (что и показал Брестский мир). Для решения аграрного вопроса необходим был эффективный властный механизм. … Временное правительство не в состоянии было решить насущные задачи в силу отсутствия рычагов управления и самого желания их создавать»[96]. Не оценивая степень обоснованности позиции Ф. Гайды, отметим ее логичность: Февраль был не нужен потому, что после падения самодержавия либералы и умеренные социалисты были обречены на поражение, а страна – на катастрофу. Эту позицию автор озвучил и при ответе на девятый вопрос.

Полученные результаты анализа ответов на восьмой вопрос закономерно подводят нас к рассмотрению девятого вопроса. Этот вопрос и был задуман для того, чтобы напрямую определить мнения историков о шансах Временного правительства сохранить либеральный характер Русской революции.

---

[95] Настоящий сборник. С. 25–26.
[96] Там же. С. 18.

***

Девятый вопрос предлагал участникам проекта оценить шансы либералов и умеренных социалистов удержать власть и сохранить буржуазно-демократический (либеральный) характер Русской революции.

Вариант 9.3. По мнению десяти участников проекта *либералы и умеренные социалисты не имели таких шансов.* Эту позицию вновь четко формулирует Ф. Гайда: «либералы и умеренные социалисты *не имели шансов*. Февраль *неизбежно* положил начало масштабному революционному кризису»[97].

Столь же категоричен П. Кенез, оценивший шансы Временного правительства как безнадежные с самого начала. Ранее он пояснил свою позицию так: «Самодержавие и либерализм были неподходящими идеологиями для данного момента». В ответе на 10-й вопрос П. Кенез вновь затронул эту тему: «Ни автократия, ни либерализм не могли справиться с проблемами. Альтернативами были диктатура правых сил или диктатура большевиков»[98].

М. Стокдейл также считает, что либеральный режим в условиях экономического кризиса и тяжелой войны был практически обречен на поражение, и «власть должна была перейти к какой-либо авторитарной силе ("либо Ленин, либо Корнилов", как позже заметил Милюков)». «А невозможность получить быстрый и удовлетворительный выход из мировой войны, – продолжает автор, – практически гарантированно порождала вооруженное сопротивление новому авторитарному режиму, т. е. гражданскую войну»[99].

Л. Сигельбаум не просто констатирует, но и объясняет причины обреченности Временного правительства: «классовые противоречия и экономическое неравенство были слишком велики, чтобы можно было их преодолеть в рамках либерально-демократической политики»[100].

Р. Суни также обращается к социальным причинам краха либеральной стратегии: «Глубокое социальное расслоение, очевидное еще в царской России, просто не могло быть преодолёно после Февральской революции, поскольку война только усилила поляризацию между «цензовым обществом» и самопровозглашенной демократией»[101].

---

[97] Настоящий сборник. С. 18.
[98] Там же. С. 56.
[99] Там же. С. 101.
[100] Там же. С. 97.
[101] Там же. С. 106–107.

Отметим, что ряд авторов говорит о возможности установления некой правой диктатуры как альтернативе либерализму и большевизму. При этом под «либерализмом» понимается скорее политический режим, а не социально-экономический строй. Правая диктатура противопоставляется либерализму как политический инструмент сохранения капиталистического строя.

Вариант 9.4. *Самая* большая по численности группа участников проекта (11 ответов) не готовы утверждать, что у Временного правительства не было возможности сохранить либеральный характер революции, но шансы на это оцениваются невысоко.

Характерной является позиция Х. Вады: «Либералы и умеренные социалисты имели бы шансы удержать революцию в либеральных рамках, если они могли прекратить войну, хотя это было очень трудно сделать»[102].

С ним солидарен Р. Гагкуев, который пишет, что удержаться у власти лидерам Временного правительства могли помочь два фактора: либо «победа в мировой войне», которой не случилось, либо «заключение сепаратного мира, на что Временное правительство, провозгласившее верность союзническим обязательствам, пойти не могло»[103].

В. Цветков и В. Шелохаев считают, что шанс был, если бы либералы и социалисты смогли добиться согласия. При этом В. Шелохаев склонен больше винить умеренных социалистов за то, что они «шаг за шагом сдавали свои позиции под давлением левых социалистов и социал-демократов большевистского толка». По мнению автора, «так *постепенно затягивался тугой узел неразрешимых противоречий*»[104].

Б. Колоницкий предлагает посмотреть на эту проблему с точки зрения доминирующей в стране политической культуры: «Если использовать термин Грамши о культурной гегемонии, то можно утверждать, что в России доминировала социалистическая политическая культура … Эта *культурная рамка существенно ограничивала возможность компромисса между либералами и умеренными социалистами*. Напротив, она благоприятствовала сторонникам углубления революции – большевикам и их союзникам»[105].

---

[102] Настоящий сборник. С. 11.
[103] Там же. С. 14.
[104] Там же. С. 136.
[105] Там же. С. 60.

В. Калашников подчеркивает, что силой удержать революцию в либеральных рамках было невозможно (миллионы вооруженных рабочих и крестьян), что и показал провал корниловского мятежа. Он отрицает реальность альтернативы «Ленин или Корнилов», указывая, что эсеры имели шансы удержать власть, осуществив радикальную аграрную реформу. Эта акция закрывала большевикам путь к власти, но выводила революцию за чисто буржуазные рамки. Автор отмечает, что «вопрос о судьбе и характере русской революции фактически превращался в вопрос о возможности не удержать, а вернуть в буржуазные рамки революцию, которая их уже преодолела». Для этого эсеры должны были убедить крестьян закрепить полученную землю в частную собственность. Автор напоминает, что многие революции в истории пережили периоды откатного движения, что в 1920-е годы многие видели в НЭПе именно такой откат, и большевики признавали опасность постепенной буржуазной реставрации [106].

Близок к этой позиции К. Назаренко, который связывает возможность для умеренных социалистов удержать власть с их готовностью осуществить аграрную реформу и другие требования масс и подчеркивает, что такие шаги, по своей сути, выходили за рамки буржуазной революции. В итоге автор делает вывод: «шансы сохранить власть имела та политическая сила, которая бы фактически перешла к социалистическим преобразованиям»[107].

Более осторожно сходные мысли высказывает и Дж. Санборн: «я считаю вполне возможным, что могла быть заложена очень хорошая основа для строительства правового государства, которое бы базировалось скорее на социалистических, а не на буржуазных понятиях о "праве собственности"»[108].

Варианты 9.1. и 9.2. оказались объединены в ответах большинства авторов, что опять же отражает реальный факт существования того союза умеренных социалистов и либералов, на который опиралось Временное правительство в условиях революционного 1917 года.

О хороших шансах либералов и умеренных социалистов сохранить власть пишет А. Давыдов, который, как и при ответе на восьмой вопрос, связывает их с «решимостью сообща преодолевать смуту». Отметим, что акцент на важность прочного союза либералов и умеренных социалистов сближает в

[106] Настоящий сборник. С. 53.
[107] Там же. С. 65.
[108] Там же. С. 94.

этом аспекте позицию А. Давыдова с позицией В. Шелохаева, однако при этом А. Давыдов делает главный акцент не на реформы, а на тезис о возможности силового подавления радикалов, который отсутствует у В. Шелохаева. Провал корниловского мятежа А. Давыдов объясняет «неспособностью революционных лидеров … сохранить … единство действий в отношении наведения порядка в армии и пресечения разрушительной деятельности экстремистов». Но и этот провал А. Давыдов не рассматривает как окончательное поражение: «Без переворота в конце октября 1917 г., вызванного, прежде всего, волей Ленина и еще нескольких харизматиков, неизбежно появилось бы многопартийное, созданное Советами правительство. Его политика могла остаться нормальной (то есть в общем либеральной, без радикальных социальных экспериментов)»[109]. Вопрос о том, как правительство, созданное Советами, могло в условиях осени 1917 г. «нерадикально» решить вопрос о земле, т.е. удержать крестьян от черного передела, автор не рассматривает.

Ё. Икеда также говорит о необходимости «настоящего блока социалистов с буржуазией» и указывает на необходимость жестких мер по отношению к большевикам после июльских дней. «Тогда у России, – считает автор, – была бы возможность стать такой же либеральной республикой, как Третья французская республика после подавления Парижской коммуны, или Веймарская республика после подавления восстания «спартаковцев»[110].

А. Николаев не рассматривает тезис о силовом подавлении революции и полагает, что «Февраль 1917 года, несомненно, мог удержаться в рамках либерально-демократической революции. Для этого нужно было всего лишь завершить запуск *третьемартовской* политической системы и поддерживать в дальнейшем ее жизнеспособность». Объясняя суть «третьемартовской» системы, автор говорит о «конструкции власти, согласно которой верховная власть вплоть до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного комитета Государственной думы при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного перед ними министерства». А. Николаев отмечает, что «М. В. Родзянко в дни Февральской революции пользовался огромнейшим авторитетом не только в цензовых, но и в демократических кругах» и полагает, что председатель Думы, «опираясь на принцип сотрудничества либераль-

[109] Настоящий сборник. С. 27–28.
[110] Там же. С. 43–44.

ных и демократических сил, проявившийся в формировании и функционировании *думско-советской власти* в решающие дни Февраля 1917 года, смог бы довести Россию до Учредительного собрания»[111]. Однако А. Николаев оставляет открытым вопрос о том, согласны ли были бы такие либералы как М. В. Родзянко принять волю Учредительного собрания, которое неизбежно бы потребовало радикально разрешить вопросы о земле и мире. Хотели ли либералы собрать Учредительное собрание?

Может быть, все-таки прав Р. Суни, который так оценил позицию либералов в ходе революции: «Не надо было быть марксистом, чтобы понять, что классовый конфликт был реальным и интенсивным до и после Февраля. Либералы это осознали и, придя в отчаяние от решения, которое в итоге избрали, повернули вправо и оставили идею демократии»[112]. Как известно, вправо повернули даже кадеты, не говоря об октябристах, к которым принадлежал М. В. Родзянко. Тезис А. Николаева о «думско-советской власти» отлично подходит для объяснения событий февральских дней – быстрой победы над монархией. Однако уже Приказ № 1 по Петроградскому гарнизону показал, что Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство представляют очень разные социально-политические силы. Авторитет Родзянко был недостаточным для их примирения.

Подводя итоги краткому анализу ответов участников проекта на девятый вопрос, отметим, что и в данном случае преобладает точка зрения тех, кто отрицает фатальную неизбежность поражения либералов и умеренных социалистов, но в то же время понимает ограниченность их шансов удержать власть, не вступая на путь радикального решения главных вопросов революции: о земле и мире.

***

Десятый вопрос задумывался как открытый дополнительный вопрос и был призван выявить проблемы, которые участники Проекта посчитали важным добавить к первым девяти вопросам.

Из наиболее общих выделим предложение проф. А. Рабиновича рассматривать Февральскую революцию как важную фазу (этап) фундаментального социально-политического процесса, который включает и Октябрьскую рево-

[111] Настоящий сборник. С. 76–77.
[112] Там же. С. 107.

люцию и охватывается понятием «Великая Русская революция»[113]. Эта точка зрения разделяется многими авторами, и большинство из них солидарны с А. Рабиновичем в сохранении понятий «Февральская революция» и «Октябрьская революция». Иными словами, признавая единство революционного процесса, участники Проекта не игнорируют разное социальное содержание его этапов и не отбрасывают прежние термины, которые фиксируют это различие.

Важным представляется предложение Ф. Гайды обсудить характер Февральской революции: «Революция не была буржуазной. … Революцию нельзя назвать собственно либеральной, хотя либералы и стояли в авангарде революции. Она имела общедемократический характер»[114].

Ё. Икеда поставил вопрос о значении Русской революции как «буревестника эпохи национального самоопределения» для стран Востока[115].

Г. Иоффе подчеркнул важность рассмотрения характера первой мировой войны, на фоне которой и развернулась Русская революция[116].

В. Калашников отметил, что в трактовке истории Февральской революции главным является не вопрос о том, была ли она неизбежной или случайной, имели или не имели шансы либералы и умеренные социалисты сохранить власть в своих руках. Главным является вопрос о том, мог ли буржуазный строй в условиях России начала XX века стать эффективным инструментом преодоления отсталости, гибельной для страны в эпоху империализма – эпоху войн за передел мира»[117].

Б. Колоницкий предлагает добавить «вопрос о пассивности», отметив, что эффективность мобилизации сил революции определяется и степенью демобилизации оппонентов: «пассивность многих сторонников монархии в Феврале, нежелание многих оппонентов большевиков поддерживать Керенского в Октябре – важные аспекты революционного процесса»[118].

К. Назаренко предлагает добавить «вопрос о роли личности и фактора наличия верной теории» революции, явно имея в виду под теорией стратегическую концепцию революции [119].

---

[113] Настоящий сборник. С. 90.
[114] Там же. С. 18.
[115] Там же. С. 44.
[116] Там же. С. 47.
[117] Там же. С. 54.
[118] Там же. С. 60.
[119] Там же. С. 65

О. Назаров сожалеет о том, что обойден «вопрос об уроках революции». Автор видит главный урок в том, что революция порождается поведением элиты: «если политическая элита ведет себя своекорыстно и относится к народу как … к рабочей скотине, то не стоит удивляться тому, что доведенный до отчаяния народ однажды восстает»[120].

А. Николаев предлагает целую программу дальнейших исследований по истории Февральской революции и призывает «прекратить выкидывать Государственную думу из истории Февральской революции как ее руководителя и активного участника»[121].

А. Пученков предлагает поставить вопрос о том, была ли в России после отречения царя возможной правая военная диктатура и могла ли она стать альтернативой Октябрю[122].

Дж. Санборн и Р. Суни обращают внимание на важность национального вопроса и видят одну из причин поражения либералов и умеренных социалистов в неспособности найти его решение[123].

Л. Сигельбаум и М. Стокдэйл предлагают рассмотреть вопрос о влиянии войны на ситуацию в стране с точки зрения тех сложностей, которые возникали в процессе мобилизации огромных материальных и людских ресурсов[124].

Ц. Хасегава предлагает подробную программу дальнейшего детального изучения конкретной истории февральских дней и ставит интересный вопрос о значении «психологической трансформации», которая происходит в ходе войны: «Это была, прежде всего, война за национальное выживание, и понятие «нация» глубоко проникало в среду офицерства. И долг верности царю был тогда заменен на долг верности нации»[125].

В. Цветков делает акцент на необходимость изучать все факторы революции, отмечая что нельзя «забывать об участии в февральских событиях представителей низовых структур большевистской партии», и «преуменьшать значение корпоративных политических групп (иногда они определяются термином «масонские связи», хотя тут много спорного)»[126].

---

[120] Настоящий сборник. С. 70.
[121] Там же. С. 77.
[122] Там же. С. 88.
[123] Там же. С. 94, 107.
[124] Там же. С. 97,102
[125] Там же. С. 120.
[126] Там же. С. 126.

Д. Чураков обращается к известному тезису о том, что Русская революция была суммой ряда революций, и предлагает «прояснить, сколько в 1917 году было революций, государственных переворотов, … сколько революций (и каких) было собственно в феврале 1917 года» [127].

В. Шелохаев также предлагает программу дальнейших исследований по истории Февральской революции, отмечая актуальность ее сравнения с европейскими революциями XVIII–XIX веков, нового осмысления расстановки политических и социальных сил, сопоставления моделей преобразования страны, которые были предложены представителями разных партий и др.

Важным является призыв этого авторитетного ученого «освободится от вновь возникающих идеологических клише, которые в последние 25 лет стали заполнять публичное пространство. Отказавшись от разного рода «измов» марксистской историографии, исследователям не следует впадать в очередную череду мифотворчества о «коварных либералах», о «масонах», «иностранных денежных вливаний в осуществление русской революции» и т. д. и т. п.»[128].

Этим призывом мы и завершим ту большую работу, которую проделали все участники Проекта по истории Февральской революции.

[127] Настоящий сборник. С. 127.
[128] Там же. С. 136.

III. СТАТЬИ

Д. А. Бажанов

Балтийский флот в дни Февральской революции

Позиция военных в решающие дни борьбы за власть является важнейшим условием достижения успеха или провала. Падение монархии в России в феврале 1917 г. продемонстрировало это со всей очевидностью. Именно переход частей Петроградского гарнизона на сторону восставших внес перелом в столице. В этой связи рассмотрение и оценка роли военных моряков, их вклада в события февраля – марта 1917 г. позволяют наметить их место и первоначальную позицию в дальнейшем развитии революции.

Вопрос участия моряков-балтийцев неоднократно затрагивался исследователями. Идейную направленность развития отечественной историографии по данной проблематике заложили работы В. И. Ленина, написанные в ходе революционных событий 1917 г. Так, в статье «Советы постороннего» лидер большевистской партии обозначил тезис, ставший весьма важным для освещения событий 1917 г.: обосновывая мнение о необходимости проведения вооруженного захвата власти у Временного правительства, В. И. Ленин одной из главных революционных сил видел матросов Балтийского флота. Таким образом, моряки, по его мнению, в результате целенаправленной работы партии еще в предреволюционный период за годы войны к осени 1917 г. превратились в политическую силу, готовую сознательно идти за большевиками[1]. Аналогичные идеи прозвучали в написанном в те же дни «Письме к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области»[2].

Однако интерес к февральским дням в то время обозначился далеко не сразу. В начале 1920-х гг. авторы уделяли основное внимание событиям лета – осени 1917 г.: создание Центрального комитета Балтийского флота, июльский кризис Временного правительства, роль моряков-балтийцев в подавлении

---

[1] Ленин В.И. Советы постороннего // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. С. 383–384.

[2] Он же. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области // Там же. С. 385.

корниловского выступления[3]. Лишь во второй половине 1920-х гг. стали выходить статьи, затрагивавшие события первых революционных дней[4]. Выступления на флоте авторами представлялись как «неизбежные», ввиду отношений между командным составом и рядовыми матросами. А. К. Дрезен в своих работах[5] впервые бегло рассмотрел условия жизни матросов накануне революции, отметив, что они являлись стимулом для «создания и выращивания определенных элементов крайнего недовольства», а затем и для «революционизирования матросской массы». Выражением этого процесса он считал выступления еще в 1915 г., которые понимал исключительно как антивоенные[6].

В 1940-х гг. начался новый этап в изучении событий 1917 гг. на Балтике. Нужно отметить две его характерные черты. Во-первых, отношение к событиям февраля – марта 1917 г. как к предшествующим Великой Октябрьской социалистической революции. По этой причине в работах 1940-х – 1970-х гг. анализу этого периода уделялось второстепенное значение. Во-вторых, важное место занимал анализ деятельности большевиков накануне и в дни свержения монархии[7].

Монография В. В. Петраша «Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября»[8] ознаменовала корректировку подхода к рассмотрению и анализу революционного процесса, протекавшего в 1917 г. Анализируя причины столь радикального противостояния на многих военно-морских базах Балтики, автор описал, хотя и довольно бегло, материальное положение нижних чинов к марту 1917 г. Такой подход был продолжен Д. А. Гаркавенко[9]. Он подробно проанализировал первые мартовские дни на Балтике, уделил более пристальное внимание деятельности командного состава, оценив роль

---

[3] Силин Г.[И.] Первый революционный штаб Балтфлота // Красный Балтийский флот. 1918–1923. Пг., 1923. С. 19–22; Автухов В.П. 1) Июльские дни // Морской сборник. 1924. №6. С. 6-28; 2) Корниловщина // Там же. №8. С. 1–16.

[4] Ховрин Н.А. 1917 год во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. №5(20). С. 55–75; Ильин-Женевский А.Ф. От Февраля к захвату власти. Л., 1927.

[5] Дрезен. А.К. 1) Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году // Красная летопись. 1929. № 3. С. 43–104; 2) Армия и флот в Февральской революции // Красная летопись. 1932. № 1–2. С. 86–114.

[6] Дрезен. А.К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году // Красная летопись. 1929. № 3. С. 47.

[7] Богданов А.В. Моряки – балтийцы в 1917 году. М., 1955; Столяренко М.А. Сыны партии-балтийцы. М., 1969; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

[8] Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л., 1966.

[9] Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. М., 1972.

одного из ключевых факторов радикализации настроений – информационного. При этом он едва ли не впервые возложил на думцев часть косвенной вины за кровопролитие в Гельсингфорсе в ночь с 3 на 4 марта. С. С. Хесин затронул психологическую проблему падения авторитета офицеров у подчиненных в связи с падением царского режима[10].

В конце 1970-х гг. интерес к этой проблематике был подхвачен и зарубежными исследователями. Вопросам взаимоотношений командного и рядового состава посвятил свою статью Д. Лонгли. Воспринимая дореволюционную систему взаимоотношений как архаичную, он полагал, что шаги нового командующего могли снять противоречия. При этом, уделяя внимание особенностям моделей взаимодействия рядового и командного состава, он не затронул тех дисциплинарных основ, которые их и определяли[11]. Как инструмент политической борьбы рассмотрели моряков Балтийского флота Э. Модсли и Н. Саул[12]. Стоит отметить, что оба автора акцент делали на политизации матросских масс в 1917 г., не углубляясь в военный период. Одним из определяющих факторов авторы, как и ряд советских ученых, считали отношения, сложившиеся в дореволюционный период. Запоминаясь и стереотипизируясь, они формировали как сиюминутные запросы, так и влияли на их общие, в том числе и политические, взгляды.

В 1990-е гг. спектр выходивших работ значительно расширился. Вопросы победы Февральской революции в столице, а также в крупнейших военно-морских базах Балтийского флота были затронуты в ряде работ. Значительное место февральско-мартовским событиям в своих работах уделила Е. Ю. Дубровская.[13] Подробно исследуя процесс образования и становления органов революционной власти в Финляндии, автор впервые провела подробную реконструкцию обстоятельств восстания в ночь с 3 на 4 марта в Гельсингфорсе. А. Б. Николаев рассмотрел участие военных моряков в революционных событиях в Петрограде, отметил противоречивую позицию высшего военно-морского командования в эти дни, акцентируя внимание на его пас-

---

[10] Хесин С.С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977. С. 43.

[11] Longley D. Officers and men: a study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // Soviet Studies XXV. 1973.

[12] Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics: February 1917 – April 1918. London, 1978; Saul N. Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence; Kansas, 1978.

[13] Дубровская Е.Ю. 1) Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март – октябрь). Петрозаводск, 1992; 2) Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008.

сивности[14]. Он же показал роль военных комиссаров Временного комитета Государственной думы в установлении новой власти и восстановлении порядка в отдельных базах флота[15]. Подробный анализ обстоятельств восстания в Кронштадте в ночь с 28 февраля на 1 марта провел П. Н. Гордеев[16]. Он также показал его истоки в той системе взаимоотношений между командным и рядовым составом, которая сложилась к началу революции. Показаны им и попытки реагирования администрации города и командования крепости на нарастание революции в Петрограде. В то же время, не сумев создать информационную блокаду Кронштадта, Р. Н. Вирен только подготовил радикальный всплеск. Аспектам строительства революционной власти в Ревеле уделила внимание Е. А. Козлова[17]. Восстание в Гельсингфорсе, а также политика командования Балтийским флотом в эти дни оказались в центре внимания А. В. Смолина[18]. Подробно реконструируя положение командования в непростых меняющихся политических условиях, решающим фактором он назвал затягивание сообщения об отречении Николая II. Аналогичной точки зрения придерживается и Д. А. Бажанов[19]. Таким образом, несмотря на значительные успехи в вопросе изучения роли моряков Балтийского флота в дни падения монархии, представляется, что обобщение материалов изу-

---

[14] Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

[15] Николаев А.Б. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года) // Новый Часовой. 1996. №4. С. 72–83.

[16] Гордеев П.Н. 1) К вопросу о численности и составе гарнизона Кронштадта в 1917 году // Герценовские чтения 2005. Актуальные проблемы социальных наук: Сб. науч. и уч.-метод. тр. СПб., 2005. С. 92–95; 2) Первые часы Февральской революции в Кронштадте // 90 лет Февральской революции в России. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. С. 21–26; 3) Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2007.

[17] Козлова Е.А. Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. (по материалам русскоязычных газет) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2015. С. 224–229.

[18] Смолин А.В. 1) Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной меж. науч. конф. (13–14 апреля 2006 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2007. С. 22–34; 2) Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012.

[19] Бажанов Д.А. 1) Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб, 2007; 2) Убийство командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина 4 марта 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 30–40.

чения, анализ факторов, влиявших на настроения моряков, стратегий их поведения сохраняют актуальность.

Революционные события в Петрограде поначалу никак не затронули военно-морские части, расквартированные в столице. В это время там располагались Гвардейский и 2-й Балтийский флотский экипажи и Отдельные гардемаринские классы. Отдельный батальон Гвардейского экипажа, отправленный в 1914 г. на фронт, с 15 февраля располагался в Александровском дворце и окрестностях для охраны царской семьи. Моряков, судя по воспоминаниям градоначальника А. П. Балка, не использовали в качестве постовых на улицах столицы[20]. Морское командование также проявляло пассивность. Морской министр адмирал И. К. Григорович, будучи болен, фактически не пытался влиять на личный состав и действия частей, находившихся в столице, предоставив их собственной участи. Связь с командованием Балтийского флота поддерживалась в основном через Морской генеральный штаб, особенно через капитана I ранга графа А. П. Капниста.

Лишь 27 февраля, когда группы рабочих и солдат стали появляться вблизи Крюковских казарм, где располагался 2-го Балтийский флотский экипаж, по приказу командира экипажа генерал-майора по Адмиралтейству А. К. Гирса было выведено 4 роты для охраны казарм[21]. Однако спустя несколько часов, согласно его же письменному распоряжению, матросы были возвращены в казармы. Б. В. Бьеркелунд полагал, что это было сделано в результате переговоров с командиром Гвардейского экипажа великим князем Кириллом Владимировичем, который, якобы, собирался еще в тот же день выдвинуть подчиненных к Таврическому дворцу[22]. В результате этих действий в ночь с 27 на 28 февраля восставшие части при поддержке бронеавтомобилей заняли казармы, где размещались моряки.

В тот же день восставшие вплотную подошли к Дерябинским казармам (Большой пр. Васильевского острова, 102), где находились роты 2-го Балтийского флотского экипажа и Отдельные гардемаринские классы. Матросы-

---

[20] Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка / Вступ. ст. В.Ю. Черняева. Русское прошлое. 1991. №1. С. 25.

[21] Бьеркелунд Б.В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 23.

[22] Там же. С. 25. Необходимо отметить, что Гвардейский флотский экипаж придет к Таврическому дворцу 1 марта. Однако, согласно воспоминаниям Н. Веретинова, приводимых А.Б. Николаевым, автор видел, как великий князь Кирилл Владимирович вел экипаж еще 27 февраля – см.: Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. С. 358. Возможно, имели место две попытки?

новобранцы, судя по воспоминаниям Ф. Ф. Раскольникова, заняли оборону[23]. Около 5 часов утра 28 февраля отрядами революционных солдат и рабочих были смяты части правительственных войск, оборонявшие Тучков и Биржевой мосты. Около 6 часов через Благовещенский мост на Васильевский остров перешли также моряки из Крюковских казарм, однако после перестрелки они отступили обратно. Тем не менее, несмотря на локальное сопротивление, утром того же дня части, находившиеся на Васильевском, перешли на сторону революции. Не стали исключением и те, кто находился в Дерябинских казармах. Вероятно, сдача произошла после «снятия» 180 пехотного полка, т. к. очевидец, описывая это событие, отметил, что к зданию «подошла несметная, многотысячная толпа, среди которой больше пестрели солдатские шинели цвета хаки». При этом толпа шла со стороны Гаванской ул.[24] Далее события развивались по сценарию аналогичному со взятием Крюковских казарм. Ф. Ф. Раскольников вспоминал, что «представители толпы тем временем храбро вошли в ротное помещение, беспрепятственно захватили винтовки и потребовали ключи от цейхгауза […] В общем, все прошло чинно и мирно…»[25].

Единственными оказавшими некоторое сопротивление были кадеты и гардемарины Морского корпуса (наб. Лейтенанта Шмидта, 17). Занятия в нем продолжались по расписанию и 27 февраля, хотя с 25 февраля были прекращены отпуска. Около 18 час. директор корпуса вице-адмирал В. А. Карцов, собрав воспитанников, объявил о введении осадного положения. Были расставлены караулы, куда, помимо немногочисленных матросов-дневальных, были назначены 150 кадет и гардемарин. Около 1 часа ночи, согласно воспоминаниям Г. Г. Фуса, «нерешительно маячила и исчезла» на набережной толпа матросов. По мнению автора, это была «часть 2-го Балтийского флотского экипажа, не пожелавшая примкнуть к взбунтовавшимся матросам и пришедшая искать убежища в корпусе»[26]. Однако помощи они друг другу по неизвестной причине не оказали.

К 10 часам утра около корпуса вновь собралась толпа, куда входили как рабочие, так и солдаты запасных батальонов Финляндского и 180-го полков. Они пытались попасть на территорию со стороны сада и так называемого Са-

---

[23] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году // Он же. О времени и о себе / Сост. И.П. Коссаковский, науч. ред. В.Д. Поликарпов. Л., 1989. С. 65.
[24] Там же.
[25] Там же. С. 66.
[26] Фус Г.Г. Последние дни корпуса // Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. СПб., 2003. С. 199–200.

харного двора (на углу набережной и 11-й линии). По-видимому, прозвучали и первые выстрелы. По воспоминаниям инспектора классов А. М. Бригера, адъютанту В. А. Карцова мичману В. Дориану с трудом удалось уговорить напиравших на ворота идти к парадному входу на набережной. Там и должны были состояться переговоры. В. А. Карцов дал согласие войти трем выборным в помещения и осмотреть их на предмет наличия оружия. С ними отправился и А. М. Бригер[27]. В это время директор корпуса был схвачен, арестован и увезен в Таврический дворец, а солдаты-финляндцы хлынули внутрь. В Столовом зале они были встречены гардемаринами, которые пытались их удержать с помощью незаряженных винтовок. Возможную рукопашную предотвратило появление А. М. Бригера. После этого солдатам дали возможность осмотреть все помещения. Они изъяли некоторое количество винтовок и продовольствие[28].

В тот же день произошел инцидент на крейсере «Аврора», завершившийся кровопролитием. Еще накануне вечером на крейсер, ремонтировавшийся возле стенки Франко-Русского завода, караулом запасного батальона Кексгольмского полка было доставлены три человека, пытавшиеся вести агитацию. По решению командира корабля, капитана I ранга М. И. Никольского, арестованных разместили в корабельном карцере. Это вызвало недовольство экипажа, в том числе и офицеров. Решение М. И. Никольского уступить и отпустить арестованных вечером того же дня привело к взрыву энтузиазма, но он продолжался недолго, так как командир и старший офицер крейсера старший лейтенант П. П. Огранович открыли огонь из револьверов по нескольким матросам, пытавшихся перейти на стенку. В результате трое были ранены, один из них – П. Осипенко – смертельно. Утром 28 февраля на территории завода собралась толпа, ее представители были самовольно допущены на крейсер вахтенными матросами, которым не попытались воспрепятствовать офицеры. М. И. Никольского и П. П. Ограновича вывели на стенку и после отказа нести красный флаг, что было только предлогом, на них набросились. Старший офицер получил удар штыком в шею, что спасло ему жизнь,

[27] Бригер А.М. День 28 февраля 1917 года в Морском е.и.в. наследника цесаревича корпусе // Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников. С. 205–207.
[28] Там же. С. 207; Фус Г.Г. Последние дни корпуса // Там же. С. 201–202; Шульц С.С. 1917 год // Там же. С. 192.

т.к. его приняли за убитого, а в М. И. Никольского выстрелили и несколько раз ударили штыками. После этого большая часть команды ушла в город[29].

Таким образом, в Петрограде военные моряки приняли участие в революционных событиях на завершающем этапе, т.е. начиная с вечера 27 февраля. Морские части не использовались для наведения порядка в столице, поэтому сохраняли спокойствие и находились в руках командования. Однако с переходом войск на сторону революции их положение стало непростым. Прежде всего, это связано с отсутствием представлений у командования о способах и возможностях действия. Части, расквартированные в Петрограде, должны были подчиняться командованию Балтийским флотом. Однако из-за удаленности от основных военно-морских баз и недостаточной связи вице-адмирала А. И. Непенина со столицей они фактически находились в распоряжении морского министра И. К. Григоровича. Он, в свою очередь, в февральские дни проявил пассивность. Поэтому командиры оказались предоставлены сами себе. Они оказались не в состоянии обеспечить неучастие своих подчиненных и защитить территорию, где находились вверенные им части. К тому же численный перевес оказывался на стороне революционных частей. Отдельные попытки противодействия были пресечены, а их участникам грозила опасность быть арестованными или убитыми. Уже через сутки моряки присоединились к антиправительственным силам.

Далее революционные события из Петрограда стали распространяться по стране. Наиболее географически близкой к столице базой был Кронштадт. Здесь размещались 1-й Балтийский флотский экипаж, а также учебные команды для подготовки специалистов. Информация о событиях в Петрограде достигала военных моряков, судя по воспоминаниям очевидцев, уже с первых дней. Однако она не была вполне ясной, доказательством чему является утверждение того же автора, что о восстании частей Петроградского гарнизона стало известно утром 28 февраля[30]. В тот же день командование флотом разослало по всем основным базам телеграмму № 228/оп за подписью вице-адмирала А. И. Непенина: «Предписываю объявить командам: последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета Министров, который

[29] Подробнее см.: Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л., 1987. С. 178-179; Он же. Трагедия каперанга Никольского // Гангут. 1995. № 8. С. 98–120.
[30] Колбин И.Н. Кронштадт организуется, готовится к бою // Октябрьский шквал. Л., 1927. С. 26.

принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов. Объявляю об этом командам, чтобы они узнали об этом от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путем воспользоваться положением»[31]. Однако, судя по отсутствию упоминаний в личных источниках, обоснованной представляется точка зрения А. Б. Николаева, выражавшего сомнения, что телеграмма была объявлена[32]. На сегодняшний день известен лишь текст объявления коменданта Кронштадтской крепости вице-адмирала А. П. Куроша, опубликованного 28 февраля[33]. Однако в нем нет ни слова о тех изменениях, про которые сообщала телеграмма А. И. Непенина. Это может объясняться более ранним временем его напечатания. Что же касается военного губернатора Кронштадта Р. Н. Вирена, то он после 15 часов вынужден был отправиться в порт, где началась забастовка рабочих, ставшая грозным предзнаменованием дальнейших событий. К вечеру волнения среди рабочих затихли, хотя на другой день они должны были собраться на Якорной площади для продолжения переговоров с Р. Н. Вирeном. Внешнее спокойствие в городе было восстановлено, о чем А. П. Курош сообщил в телеграмме на имя И. К. Григоровича и А. И. Непенина в 16 часов 20 мин.[34] Однако спустя несколько часов все изменилось.

Вечером, по мнению П. Н. Гордеева – в период с 20 до 23 часов 30 мин., началось восстание в 3-м Кронштадтском крепостном пехотном полку. Вероятным поводом представляются как слухи о возможном использовании этой части для похода на Петроград, так и отказ менять роту, стоявшую в карауле на заставах со стороны Ораниенбаума[35]. После этого к выдвинувшимся из казарм солдатам присоединились матросы Учебно-минного отряда. С одной стороны, это могло быть сделано по предварительному сговору, на чем настаивали многие участники выступления. Однако нельзя исключать и элемент спонтанности, так как в ротах возникло недовольство, связанное с необ-

[31] РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 27.
[32] Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. С. 383.
[33] РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 175. Л. 60; Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. Дисс. … канд. ист. наук. С. 69.
[34] РГАВМФ. Ф. р – 92. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
[35] Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. Дисс. … канд. ист. наук. С. 76.

ходимостью после вечерней молитвы исполнить «Боже, царя храни»[36]. После этого и те, и другие отправились к 1-му Балтийскому флотскому экипажу.

Первая попытка присоединить матросов оказалась, по-видимому, неудачной, т.к. несколько представителей караульной роты или офицеров выстрелили в двигавшуюся толпу[37]. Однако затем солдаты и матросы возвратились и присоединили к себе личный состав экипажа. С этого момента события полностью вышли из-под контроля командования.

Восставшими частями были выпущены арестанты, многие из них отправились в порт, где находились военные корабли. Очевидцы сообщали о восстании на кораблях по-разному. Одни утверждали, что восстание экипажей началось параллельно и что к 0 часов 30 мин. 1 марта экипаж учебного судна «Африка», захватив корабль и арестовав офицеров, ушел в город. При этом «со стороны кораблей «Океан», «Азия», «Рында» слышались выстрелы»[38]. Однако чаще авторы относили выступление к более позднему времени и связывали с появившимися революционно настроенными частями. Представляется более вероятным второй сценарий, так как в противном случае это свидетельствовало бы о длительной подготовке выступления. Скорее всего, сработал тот же механизм «снятия» экипажей, что и на крейсере «Аврора». Члены команды открывали доступ на корабли, а дальше начинали репрессии против командного состава. Затем большая часть нижних чинов уходила на берег «делать революцию». В Кронштадте это, впрочем, не исключало возвращения части своих матросов или захода чужих и сведения счетов позднее. Про многих офицеров невозможно точно сказать, кем и при каких обстоятельствах они были убиты.

В результате согласно подсчетам П. Н. Гордеева в ночь с 28 февраля на 1 марта погибло около 30 морских офицеров и не меньше 10 старших унтер-офицеров (боцманов и кондукторов)[39]. Среди них были Р. Н. Вирен, начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал А. Г. Бутаков, командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор по Адмиралтейству Н. В. Стронский, начальник Школы юнг капитан 1 ранга К. И. Степанов. Еще около 100

---

[36] Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. Дисс. … канд. ист. наук. С. 77.

[37] Подробнее см.: Там же. С. 79.

[38] Точеный Н. Кронштадтцы и временное правительство. // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 315.

[39] Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года. Дисс. … канд. ист. наук. С. 108–110.

человек было арестовано. Со стороны восставших погибших было значительно меньше – торжественно захоронено 7 марта 1917 г. было два матроса.

Кровопролитие в Кронштадте в ночь с 28 февраля на 1 марта стало результатом действия двух основных факторов. Во-первых, речь должна идти о безуспешных попытках военного командования сохранить город и базу в относительной информационной изоляции. Несмотря на все усилия, эти меры реализовать не удалось в силу близости Петрограда, а также доступности Кронштадта по льду из Ораниенбаума. Сами по себе эти меры настраивали нижних чинов против командного состава. Во-вторых, это меры поддержания дисциплины среди нижних чинов и даже офицерства, практиковавшиеся Р. Н. Вирeном. В то же время не стоит отказываться и от тех мотивов, которые указывались Э. Модсли – неопределенность положения, а также противодействие со стороны представителей командного состава[40].

В отличие от Петрограда военные моряки сыграли значительную роль в победе революции в Кронштадте, что объясняется значительно большим процентным составом военных. В ходе восстания, начавшегося среди береговых частей, экипажи кораблей примкнули к нему. Вероятно, здесь сработал «эффект толпы», т.е. происходило эмоциональное заражение, приводившее к восприятию лозунгов и идей восставших примерно так, как это произошло с командой крейсера «Аврора». В то же время нельзя исключать и предварительного сговора, сыгравшего свою роль в увлечении команд судов, базировавшихся в Кронштадте.

Сходным образом развивались и события в Ревеле. Там базировались 1-я бригада линейных кораблей, бригады подводных лодок. 1 марта началась забастовка рабочих на судостроительном заводе, которая на следующий день перекинулась и на другие предприятия. В этот же день группы бастующих появились в порту, призывая команды стоявших кораблей присоединиться. В этих непростых условиях начальник 1-й бригады крейсеров контр-адмирал В. К. Пилкин и начальник дивизии подводных лодок контр-адмирал Д. Н. Вердеревский приняли решение разрешить желающим, кроме стоявших на вахте, сойти на берег. Однако в то же время было предложено отправить на берег обходы для защиты гавани и военных кораблей. О результатах В. К. Пилкин сообщил в штаб флота в 0 часов 10 мин. 3 марта, что «на бригаде за исключением

[40] Mawdsley E. The Russian Revolution And The Baltic Fleet. P. 14.

нескольких нетчиков вся команда на местах». Поэтому на другой день он предполагал вновь выслать обходы «без оружия с офицерами»[41].

В самом же городе обстановка была тревожная. С участием присоединившихся к рабочим матросов крейсера «Олег» была разгромлена тюрьма «Толстая Маргарита». Комендант Морской крепости императора Петра Великого вице-адмирал А. М. Герасимов, пытавшийся уговорить их разойтись, был, по выражению участника, «прибит своими матросами»[42]. В самом городе вспыхнуло, по сообщению В. К. Пилкина, несколько пожаров, «кое-где раздавалась хулиганская стрельба»[43]. Положение несколько успокоилось после создания первого, по-видимому, революционного органа власти – Обывательского комитета из 12 чел.[44] Тогда же в ратуше началось обсуждение вопроса о создании милиции. Тем не менее, В. К. Пилкин был настроен скорее мрачно: «имею сведения: [завтра – Д. Б.] толпа потребует присоединения к манифестации офицеров». В связи с этим он сообщал, что собирается это разрешить.

На следующий день команды кораблей Балтийского флота, сосредоточенных в Ревеле, действительно приняли участие в демонстрациях, посвященных прибытию комиссаров Временного комитета Государственной Думы И. Т. Евсеева и И. Н. Манькова. Именно при их непосредственном участии в Ревеле был создан Совет рабочих и воинских депутатов[45]. Это своевременное вмешательство разрядило ситуацию.

Однако не менее важной причиной представляется другая. В ночь на 3 марта в штабе был получен текст манифеста Николая II об отречении. К 8 часам он уже был отпечатан и расклеен по городу[46]. Около полудня начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Н. М. Григоров в ответ на запрос начальника Морского генерального штаба капитана I ранга А. П. Капниста сообщал, что в Ревеле наступило «полное успокоение».[47] Благодаря умелым

---

[41] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[42] Анянчиков Н. Матросы! // Ревельское слово. 1917. № 51. 3 марта; Козлова Е.А. Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. (по материалам русскоязычных газет) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. С. 225.

[43] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[44] Козлова Е.А. Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. (по материалам русскоязычных газет) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. С. 225.

[45] Подробнее см.: Николаев А.Б. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года) // Новый Часовой. 1996. №4. С. 73–75; Козлова Е.А. Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. (по материалам русскоязычных газет) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. С. 226.

[46] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

[47] Там же. Л. 35.

действиям командования, помощи комиссаров ВКГД, а также опубликованию манифеста об отречении кровопролития в Ревеле удалось избежать. У нижних чинов не появилось ни малейшего повода в эти дни обвинить командный состав в контрреволюционности. Это и обеспечило мирное развитие событий.

Однако ситуация вокруг манифеста стала спусковым крючком для вспышки агрессии в главной базе флота – столице Финляндии, Гельсингфорсе. До этого времени командующему флотом удавалось удерживать ситуацию под контролем. Начиная с 28 февраля, А. И. Непенин предпринимал объезды крупных кораблей, где выступал перед экипажами с краткими сообщениями о происходивших событиях. Утром он посетил «Петропавловск». Затем А. И. Непенин отправился на «Россию», флагманский крейсер 2-й бригады. Вечером командующий флотом разослал телеграмму № 228/оп[48]. 2 марта на кораблях был объявлен приказ №258/оп: «Приказываю поддерживать Исполнительный Комитет Государственной Думы, о чем донес в Ставку для доклада Государю Императору. Это же приказываю объявить населению и рабочим»[49].

3 марта рано утром в штабе получили текст манифеста Николая II о передаче прав на трон Михаилу Александровичу и о назначении великого князя Николая Николаевича главнокомандующим. А. И. Непенин, верный своему принципу сообщать командам кораблей все новости незамедлительно, собирался поступить аналогичным образом и в данном случае. Согласно данным А. В. Смолина, сразу после получения текста манифеста в штабе флота был подготовлен соответствующий приказ[50]. Но из Петрограда пришло указание обождать. Остается только гадать, чем руководствовались те, кто его отдал. Д. А. Гаркавенко, например, полагал, что думцы «просто струсили». А. Б. Николаев, исходя из общего контекста деятельности ВКГД в это время, а в особенности М. В. Родзянко, считает, что все действия направлялись на недопущение воцарения Михаила Александровича. При этом сам Комитет мог превратиться в верховный орган управления Россией[51]. В любом случае это решение имело политические основания и оказало большое влияние на даль-

[48] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 215–216.
[49] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 38б.
[50] Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3-4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13-14 апреля 2006 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2007. С. 22.
[51] Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 150; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. С. 555–561.

нейший ход событий. В ответ А. И. Непенин телеграфировал: «В Гельсингфорсе задержал, пытаюсь задержать в Абозиции и Монзиции [Або-Оландской и Моонзундской укрепленных позициях – *Д. Б.*]…»[52]. В то же время полностью изолировать приказ не удалось. В 8 часов 45 мин. командующий сообщил в Петроград, что «части войск, человекам 50, [манифест – Д. Б.] уже объявлен»[53].

В городе это вызвало, по характеристике Н. М. Григорова, «некоторую ревность»[54]. Около 13 часов сделала попытку выйти на демонстрацию береговая рота Минной обороны, расквартированная в казармах Свеаборгского порта. После переговоров, в которых участвовали командующий и начальник Минной обороны вице-адмирал А. С. Максимов, матросы отказались от первоначального намерения и вернулись в казармы. В то же время часть моряков ушла в город[55]. По-видимому, собрания нижних чинов продолжились. Об одном из них сообщал его участник, машинный унтер-офицер миноносца №215 П. Свистулев: «В 5 час. был на митинге за Петроградским мостом, на котором вынесено решение о восстании флота ввиду неосведомленности о происходящих событиях в Петрограде... Восстание назначено в 7 час утра 4 марта»[56]. Решение А. И. Непенина около 16 час. на свой страх и риск объявить на кораблях об отречении Николая и о назначении нового главнокомандующего мало что изменило – матросы знали об этом. Своеобразная самоподготовка, имеющая место перед всяким проявлением неповиновения, произошла именно в этот период.

За ней и последовал взрыв. Около 19 часов началось восстание на «Императоре Павле I». Единственные известные описания его первых минут принадлежат Н. А. Ховрину и Г. К. Графу. Н. А. Ховрин считал, что поводом к началу событий стала попытка старшего офицера «Павла» старшего лейтенанта В. А. Яновского разогнать матросов, стоявших на баке и переговари-

---

[52] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 35; Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. С.156. В отношении кораблей, находившихся в Моонзунде, эта тактика отчасти имела успех. На линейном корабле «Цесаревич» и крейсере «Адмирал Макаров» об отречении узнали утром 4 марта. Столкновений между матросами и офицерами на этих кораблях не было. Подробнее см.: Бажанов Д.А. События Февральской революции на линейном корабле «Цесаревич» по данным вахтенного журнала // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1999. С. 75–77.

[53] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

[54] Там же. Л. 55.

[55] Смолин А.В. 1) Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С. 23; 2) Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 84.

[56] Цит. по: Дубровская Е.Ю. Гельсингфорсский Совет армии, флота и рабочих в 1917 г. (март – октябрь) Петрозаводск, 1992. С. 24.

вавшихся с матросами соседнего «Андрея Первозванного». Учитывая, что расстояния между кораблями на рейде составляли несколько десятков метров, а сами эти «переговоры» должны были походить скорее на громкие крики, подобного поведения старший офицер допустить не мог. Далее Н. А. Ховрин сообщал: «На корабле "Андрей Первозванный" закричали что-то, у нас подхватили, не то ура, не то что-то вроде этого. Старший офицер бросился бежать в жилую палубу, матросы за ним. В жилой палубе его схватили и повалили, но он был очень сильный и все вырывался. Тогда кто-то из кочегаров схватил из стоящей рядом пожарной пирамиды кувалду и ударил ею Яновского по голове. С этого и началось»[57]. По мнению Г.К. Графа «бунт вспыхнул с того, что в [жилой – Д. Б.] палубе был поднят на штыки штурманский офицер лейтенант В. К. Ланге»[58]. В это же время погибли лейтенант Н. Н. Савинский, мичманы М. Р. Шиманский и А. Г. Булич. После этого, по-видимому, офицеры оказались фактически под арестом в своих каютах. Командир, капитан I ранга С. Н. Дмитриев, находился в кают-компании[59].

На флагманском линкоре 2-й бригады «Андрее Первозванном» бунт начался с «сильного волнения» в команде. Можно полностью согласиться с выводом Р. М. Мельникова, что вернувшийся в Гельсингфорс в тот же день из Петрограда начальник бригады контр-адмирал А. К. Небольсин «ничем не помог»[60]. Более того, никак не отреагировав на сообщение командира корабля капитана I ранга Г. О. Гадда, он отправился в штаб флота. Но стоило ему сойти на лед, как с борта «Андрея Первозванного» раздались выстрелы. Таким образом, уже в это время команда сумела вооружиться. Когда же начальник бригады попытался вернуться на корабль, то на сходне был застрелен. Следующей жертвой стал вахтенный офицер лейтенант Г. А. Бубнов. По данным В. В. Лобыцына, он погиб из-за того, что не давал матросам зажечь красный огонь или поднять красный флаг. Когда же он попытался с помощью вызванного караула разогнать их, то «был застрелен кем-то с кормового мостика»[61]. Офицеры вместе с командиром вооружились револьвера-

---

[57] Ховрин Н. В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. №5 (20). С. 59; Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С. 24.
[58] Там же.
[59] Граф Г.К. На «Новике». СПб, 1996. С. 280.
[60] Мельников Р.М. Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906–1925). СПб., 2003. С. 78.
[61] Лобыцын В.В. «Я русской крови не пролью…» // Вокруг света. №1(2688). Январь 1998. С.24; Граф Г.К. На «Новике». С. 274–275.

ми и оборонялись в кают-компании. Матросы стреляли через выходной на палубу люк, ранив мичмана Т. Т. Воробьева. В эти же минуты погиб один из вестовых. Возможно, речь идет о матросе I статьи З. Х. Хуссаинове[62]. В 19 часов 10 мин. «Император Павел I» и «Андрей Первозванный» подняли красные боевые флаги, на обоих кораблях башни с орудиями главного калибра развернулись в сторону линкоров 1-й бригады. Вскоре подняла боевой флаг и «Слава». На всех кораблях зажглись красные клотиковые огни[63].

Наиболее близко к зачинщикам стояла 1-я бригада линейных кораблей. Поэтому следом бунт перекинулся на нее. Командиры дредноутов везде действовали практически одинаково: вместе с офицерами выходили на верхнюю палубу к команде и пытались ее урезонивать. Командир «Гангута» капитан I ранга П. П. Палецкий пошел еще дальше, произнеся следующее: «Матросы! Вам известно, что император Николай II отрекся от престола... Революция, о которой мечтал народ, свершилась. Разрешаю поднять боевой флаг и зажечь красные огни. Предлагаю разойтись поротно и приступить к выборам ротных и судовых комитетов, на которые возлагается наведение дисциплины и порядка на корабле. Имейте в виду, что это очень ответственное дело»[64]. Этим он «охладил революционный пыл команды и спас офицеров от ареста, а некоторых – от расправы»[65]. Команда разошлась на собрания, и возгласы об арестах и бунте больше не раздавались.

На «Петропавловске», «Полтаве» и «Севастополе» ограничились уговорами «поберечься». Когда с «Павла» стали сигналить на корабли 1-й бригады «Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы», сигнал возымел свое действие. На «Петропавловске» сброшенным на них тяжелым грузом были ранены в голову лейтенанты С. П. Славинский и Н. И. Римский-Корсаков[66]. Команда стала вести себя угрожающе. Подобным образом события развивались и на «Севастополе», где лейтенант С. П. Ставицкий, вместе с матросами принял участие в разоружении сослуживцев[67]. На «Полтаве»

---

[62] Граф Г.К. На «Новике». С. 269–270, 274–275, 279; Мельников Р.М. Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906–1925). С. 79; Он же. Линейный корабль «Император Павел I» (1906 - 1925). Самара, 2005. С.49-50; Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С. 24–25.

[63] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 226.

[64] Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! М., 1987. С. 78.

[65] Там же. С. 79.

[66] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.

[67] ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 124.

матросы также разоружили всех офицеров. Четверо оказавших сопротивление были заперты в своих каютах[68].

По схожему сценарию развивались события на 2-й бригаде крейсеров. В первые полчаса после начала бунта по требованию экипажей были включены красные клотиковые огни на «Громобое», «Диане» и «России»[69]. Далее, по воспоминаниям матроса крейсера «Громобой» П. Кононова, на корабле «выделилась группа людей, к которой присоединился и я, мы организовали моряков и сейчас же постановили произвести арест офицеров». Последним «после долгого воздействия на него» был обезоружен командир, капитан I ранга В. С. Вечеслов[70]. На «Диане», по воспоминаниям П. Д. Малькова, служившего санитаром, матрос Манаенко зажег клотиковый огонь, а затем «мы разоружили всех офицеров и загнали их в кают-компанию, где и заперли… Ни один из офицеров не рискнул оказать сопротивления». При этом старший офицер, капитан II ранга Б. Н. Рыбкин, и старший штурман, лейтенант П. П. Любимов, «сущие изверги», по определению П. Д. Малькова, были заперты в каютах под охраной часовых[71]. Об аресте офицеров на крейсере «Россия» ничего не известно.

Таким образом, к 20 часам на большинстве крупных кораблей, оказавшихся под властью команд, были арестованы, за некоторыми исключениями, все офицеры. Возможно, именно в это время информация о начале выступления стала доходить и до экипажей небольших кораблей, находившихся в Гельсингфорсе: заградителей, миноносцев, тральщиков. Согласно дневнику П. Свистулева, на миноносце № 215, входившего в состав дивизии траления, «в 8 час. вечера 3 марта получено сообщение о вспыхнувшем восстании на броненосце "Андрей Первозванный"». Это же время указал и Г. К. Граф, находившийся на ремонтировавшемся на Сандвикской верфи «Новике». Флагманский исторический журнал минной дивизии отметил, что с 20 часов 30 мин. и на кораблях этого соединения загорелись топовые красные огни «в знак присоединения к новому правительству»[72].

Каким же образом информация доходила до них? Где-то, как в случае с «Новиком», об этом узнали по телефону из штаба флота. Однако главным источником информации были, по-видимому, матросы крупных кораблей.

---

[68] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 43.
[69] Там же. Ф. 719. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.
[70] ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 101.
[71] Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 13 -14; Граф Г.К. На «Новике». С. 280.
[72] Граф Г.К. На «Новике». С. 255.; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорсский Совет… С. 24.

Контр-адмирал М. А. Кедров, командовавший минной дивизией, отметил в своей «Автобиографии», что после убийств и арестов на крупных кораблях «толпы с ружьями по льду идут к малым судам и миноносцам, стоявшим у стенки и пристаней у берега»[73].

В этих условиях инициатива командованием флота была упущена полностью. Так, в ответ на телефонограмму из штаба 1-й бригады линейных кораблей о событиях на линкорах А. И. Непенин предложил действовать по усмотрению. По воспоминаниям Б. П. Дудорова, командующий флотом именно в эти минуты, узнав о бунте на линейных кораблях 2-й бригады, приказал дать диспозицию флота на рейде. «Адмирал смотрел углы обстрела. Задумался и произнес: "Нет, я русской крови не пролью"»[74]. Вряд ли это была только слабость. Вероятнее всего, командующий отлично осознавал, что 1-я бригада линейных кораблей – единственная сила, способная подавить бунт – могла и не подчиниться. А тогда могли пролиться реки крови и на дредноутах. Поэтому через некоторое время на все корабли по телефону был передан его приказ: выбрать по два человека и направить к нему[75]. Тем самым А. И. Непенин, по всей вероятности, собирался получить хоть какие-то сведения о положении дел на судах, наметить вместе с делегатами дальнейший план действий и через них попытаться снова как-то овладеть ситуацией. С этой же целью в Петроград была направлена юзограмма с просьбой о разговоре с кем-нибудь из министров Временного правительства, желательно с А. Ф. Керенским[76]. Делегаты прибыли к командующему флотом после 21 часа. А. И. Непенин выступил перед ними, «описал все события последних дней и необходимость продолжать войну», предложив в заключение посовещаться и предложить какие-либо меры по «изменению положения команд». Кроме того, состоялся разговор машиниста I статьи линкора «Полтава» А. Ф. Сакмана с А. Ф. Керенским. Министр юстиции потребовал дать слово, что кровь офицеров перестанет литься, говорил об офицерах как о борцах за свободу наравне с матросами. Около полуночи переговоры с Керенским окончились, и командующий фло-

[73] ГАРФ. Ф. Р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 20об.
[74] Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 224.
[75] Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 222; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорсский Совет… С. 25.
[76] Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! С. 78.

том велел депутатам возвращаться, сказав, что переговоры будут продолжены на другой день в столярной мастерской Свеаборгского порта[77].

Казалось, что ситуацию удалось поставить под контроль, и кровь перестанет литься. Так полагают и некоторые современные исследователи[78]. В отношении линкоров и крейсеров этот вывод отчасти справедлив: прекратилась стрельба на «Андрее Первозванном» и «Императоре Павле I», утихомирилась команда «Дианы». Но до спокойствия было еще очень далеко. Уже во время переговоров на «Кречете» на льду возле него начался митинг. Толпы ходили между кораблями, провоцируя зачастую новые конфликты. Так, большая группа матросов «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I» двинулась к «Петропавловску» и «Севастополю». И команды этих линейных кораблей впустили к себе вооруженных матросов[79]. После этого антиофицерская агитация на дредноутах усилилась, и, как следствие, вскоре офицеры сначала «Севастополя», а затем и «Петропавловска» были собраны в кают-компаниях и заперты там, оказавшись фактически на положении арестованных.[80] На «Полтаве» их и вовсе развели по каютам, приставив часовых. Лишь на «Гангуте» агитация не имела успеха, так как его командир действовал в согласии с судовым комитетом, выборы которого он санкционировал. Таким образом, дальновидные меры командира «Гангута» и в этом случае сыграли положительную роль. На остальных дредноутах на свободе остались лишь командиры, штаб начальника 1-й бригады и сам М. К. Бахирев. Такое положение сохранялось до утра 4 марта[81].

Наиболее драматичные события развернулись в это время на кораблях дивизии траления и дивизии сторожевых судов, входивших в состав минной обороны Балтийского моря. Вероятно, что здесь активность проявили матросы Береговой роты Минной обороны. Некоторые корабли оказались блокированы. Начальник минной дивизии контр-адмирал М. А. Кедров так описывал положение своего флагманского эскадренного миноносца «Азард»: «я нашел всю команду на стенке [часть пристани у борта корабля – *Д.Б.*] с ружьями, не

---

[77] Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 222; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорсский Совет… С. 26.; Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С. 25.

[78] См., например: Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С. 25.

[79] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 42–42об.

[80] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 227.

[81] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 45.

пускающую и уговаривающую бунтующую команду с больших кораблей, которая требовала "адмирала" и "офицеров", шла перестрелка, пули так и свистели»[82]. Вероятно, подобные перестрелки вспыхивали неоднократно. Так, в результате выстрела с берега погиб командир эскадренного миноносца «Меткий» старший лейтенант П. Г. фон Витт.[83] «Никому не известными лицами в матросской форме» были убиты командир транспорта «Тральщик "Взрыв"» капитан II ранга К. П. Гильдебрандт, командир миноносца № 218 старший лейтенант Л. К. Львов и командир тральщика «Минреп» лейтенант А. Г. Бойе[84]. По-видимому, на части кораблей команды стали так же, как это было ранее на линкорах, расправляться со своими начальниками. По данным Г. К Графа, именно так погибли командир эскадренного миноносца «Ретивый» лейтенант А. Н. Репнинский и вахтенный начальник мичман Д. Н. Чайковский, фельдфебель П. Бабич с эскадренного миноносца «Боевой», а также командир заградителя «Зея» лейтенант граф В. П. Подгоричани-Петрович[85]. Наконец, жертвы были и на кораблях минной дивизии. Особенно это коснулось 5-го дивизиона. Мемуаристы однозначно связывали это с тем обстоятельством, что дивизион стоял возле самых бонов Северной гавани Гельсингфорса. Тем самым, появлялась возможность не только дойти до кораблей по льду, но и по самим бонам. Ночью 3–4 марта на эскадренном миноносце «Уссуриец» погибли командир, капитан II ранга М. М. Поливанов и инженер-механик, старший лейтенант А. Н. Плешков.[86] Тогда же, по всей видимости, смертельную рану получил и мичман Г. В. Биттенбиндер с эскадренного миноносца «Гайдамак»[87].

---

[82] ГАРФ. Ф. Р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.
[83] Граф Г.К. На «Новике». С. 282.
[84] Там же. С. 283.
[85] Там же. С. 281; РГАВМФ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
[86] Граф Г.К. На «Новике». С. 283. По данным, приводимым в воспоминаниях А.А. Завьялова, мичмана, окончившего в феврале 1917 г., Минный офицерский класс в Кронштадте и затем служившего на эскадренном миноносце «Новик», А.Н. Плешков был убит неизвестными на эскадренном миноносце «Эмир Бухарский» днем 4 марта вместе с другими офицерами – см.: РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 171. Л. 65.
[87] Так, Г.К. Граф отметил, что в мичмана, едва он взошел на палубу «Уссурийца» «было выпущено несколько пуль из нагана». Тяжело раненый, Г.В. Биттенбиндер был перенесен на эскадренный миноносец «Всадник», где и скончался. А.А. Завьялов связывал его смерть с убийствами офицеров на «Эмире Бухарском» около 12 ч. 4 марта: «Они [убийцы офицеров на «Эмире Бухарском» – Д.Б.], конечно, стреляют в него как единственного свидетеля и быстро бегут на берег». Однако вахтенный журнал «Гайдамака» подтвердил версию Г.К. Графа: «20.45. На миноносец доставили тяжело раненого ревизора мичмана Г. Биттенбиндера с "Уссурийца"…» – РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 52. Л. 38об.

Утром 4 марта в Гельсингфорсе началась демонстрация, поэтому с 9 часов в город потянулись кучки матросов с красными флагами. Это были, главным образом, экипажи с линкоров 2-й бригады. Матросы с «Андрея», «Павла» и «Славы» звали команды судов 1-й бригады линейных кораблей присоединиться, но офицеры, освобожденные под утро, уговорами и просьбами добились у них согласия без разрешения командующего флотом кораблей не покидать.

Около 11 часов из штаба флота пришло сообщение об ожидаемом в 13 часов прибытии в Гельсингфорс поезда с депутатами Государственной думы Ф. И. Родичевым и М. И. Скобелевым. Также командующий известил, что считает «желательным и, более того, необходимым присутствие офицеров на митинге», посвященном прибытию этих депутатов. После этого многие матросы и офицеры с линейных кораблей 1-й бригады также ушли в город. Митинг начался на Вокзальной площади Гельсингфорса в 12 часов. Именно там, по мнению А. В. Смолина, и начали разыгрываться последние драматические события этих дней. Ссылаясь на свидетельство некоего очевидца (вероятно, матроса Т. Липпика), исследователь утверждает, что «на нем… начался суд над Непениным. Общее настроение собравшихся сводилось к тому, чтобы выбрать командующим кого угодно, только убрать Непенина. Митинг сначала постановил казнить адмирала, затем решили арестовать и привести на площадь, чтобы судить»[88]. Однако остается неясным, почему при этом не были привлечены воспоминания другого очевидца, старшего офицера «Новика» капитана II ранга Г. К. Графа, который также присутствовал на площади, но ни словом не упомянул об этом, указав лишь, что «поезд с депутатами сильно запоздал, и мы все продолжали ждать»[89]. Ничего не было им сказано и о карауле, который якобы отправили за командующим.

Зато он привел любопытный факт об «избрании» тем временем вице-адмирала А. С. Максимова командующим флотом: «при помощи того же флаг-офицера [старшего лейтенанта К. Василевского – *Д. Б.*] была собрана толпа матросов так называемой "береговой роты", которой заведовал все тот же флаг-офицер. К толпе присоединились случайные солдаты и просто всякий сброд… она-то и приступила к выборам нового командующего флотом… Тотчас же после них он и его главные помощники…сели в автомобиль»[90]. Воз-

[88] Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С. 27–28.
[89] Граф Г.К. На «Новике». С. 261.
[90] Там же. С. 262.

можно, именно этот автомобиль с тремя вооруженными матросами подъехал примерно в 12 часов (еще до окончания «выборов»?) к «Петропавловску». Сидевшие в нем заявили, что они приехали за М. К. Бахиревым. Его, якобы, приглашал на манифестацию вице-адмирал А. С. Максимов, чтобы «назначить его начальником Минной обороны»[91]. Начальник бригады вышел к ним и ответил, что без приказания министра Временного правительства А. И. Гучкова и А. И. Непенина он никуда не поедет[92]. По сообщению А. С. Штарева, ранее матросы «Петропавловска» «чрезвычайно упорно настаивали и даже прямо взяли на себя инициативу выставить кандидатуру [на должность командующего флотом – Д. Б.] адмирала Бахирева»[93]. Однако о распоряжении назначить М. К. Бахирева на другую должность со стороны вице-адмирала А. С. Максимова ничего не известно. Отказ начальника 1-й бригады линейных кораблей идти с прибывшими в тот день, вероятно, спас ему жизнь. Через некоторое время, по-видимому, эти же люди вместе с другими матросами отправились на штабное судно «Кречет» и вынудили А. И. Непенина, опасавшегося, что в противном случае матросы ворвутся и растащат шифры, карты и бумаги, идти с ними якобы на Вокзальную площадь[94]. В воротах Свеаборгского порта командующий флотом был застрелен неизвестными матросами. Одним из предполагаемых участников был матрос той самой Береговой роты, представители которой «выбирали» А. С. Максимова, П. А. Грудачев[95].

Сторожевой обход с дежурившего в тот день линейного корабля «Полтава» лишь чуть-чуть опоздал. Вот как описал это происшествие его командир, инженер-механик «Полтавы» лейтенант В. П. Волхонский: «Подходя к берегу, но, к несчастью, находясь еще в 10 минутах ходьбы от берега, я услышал выстрелы и увидел заминку в воротах порта. Это было убийство незабвенного Адриана Ивановича. Не зная еще об этом, мы все тут же ускорили шаг, но помешать уже не могли. Приди мы на несколько минут раньше, мы помешали бы этому убийству...»[96]. Всего, согласно подсчетам историков, в Гельсингфорсе погибло 45 офицеров и не менее 5 боцманов и кондукторов. «Жертв революции», т.е. матросов, торжественно захороненных 17 марта, оказалось

[91] РГАВМФ Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 43–44.
[92] Там же. Л. 46.
[93] ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп.1. Д. 108. Л. 124.
[94] Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 227–228.
[95] Грудачев П.А. Багряным путем гражданской. Симферополь, 1974. С. 3–4.
[96] Цит. по: Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 226.

двое, причем один из них – вестовой, погибший на «Андрее Первозванном» при обороне кают-компании от восставших.

Таким образом, благодаря быстрому сообщению обо всех происшествиях в Петрограде, адмиралу А. И. Непенину удавалось удерживать ситуацию под контролем. Затягивание сообщения об отречении Николая II, которое было санкционировано из Петрограда, привело к недоверию экипажей командованию и к восстанию, также отличавшемуся кровопролитием. Эпицентрами его стали крупные корабли, а также Свеаборгский порт, где находилась Береговая рота Минной обороны. Результатом стала утрата контроля командованием флота над личным составом. Подобное положение продолжалось до второй половины дня 4 марта, т.е. до образования Совета и приезда представителей правительства и Петроградского совета.

В условиях свержения монархии военные моряки сыграли заметную роль. В наибольшей степени это касалось мест сосредоточения флота. Степень участия зависела от ряда факторов. Одним из основных являлось получение информации рядовым составом о происходящих событиях. Там, где оно происходило достаточно оперативно (Ревель, Гельсингфорс до 3 марта, Моонзундская укрепленная позиция), всплеска насилия удавалось избежать. В противном случае выступления нижних чинов приобретали весьма радикальный характер (Кронштадт, Гельсингфорс 3–4 марта). Характерным мотивом являлось выражение недоверия к офицерам, обвинения их в контрреволюционности, что связано с сохранявшимися правовыми различиями, воспринимавшихся как следствие разных социальных статусов.

Также важную роль играло окружение мест дислокации военных моряков. В условиях нарастания революционной активности нижние чины были склонны следовать за массами, поддаваясь их влиянию и лозунгам (Петроград, Кронштадт). В таких случаях командование и офицеры, как правило, оказывались бессильны противопоставить что-либо в силу своей ограниченной численности, слабой организованности и подготовки к публичным выступлениям, зависимости от вышестоящего командования. Все это облегчало переход морских частей на сторону революции.

Ф. А. Гайда

Власть и общественность в России накануне Февраля 1917 г.

Российский «обновленный строй» образца 1905–1907 гг. формально был вполне сравним с политическими системами большинства европейских стран, однако при этом базировался на гораздо менее прочном социально-экономическом фундаменте. Низкий уровень благосостояния и грамотности населения, слабые традиции самоуправления, ускоренная экономическая трансформация и связанный с этим рост социальных проблем, ярко выраженная полиэтничность становились основными факторами риска Российской империи в мирное время. Мировая война лишь усугубляла их. На этом фоне развивался конфликт внутри российской политической элиты, между двумя основными ее составляющими – бюрократией и классом профессиональных политиков. На протяжении войны оппозиция постепенно наращивала силы, но этот процесс сопровождался важными обстоятельствами: во-первых, она преимущественно опиралась на государственные учреждения (в первую очередь, на Государственную думу) или организации, имевшие мощную государственную поддержку (львиная доля бюджетов Земгора и военно-промышленных комитетов формировалась из казенных ассигнований); во-вторых, широкий антиправительственный фронт объединялся отрицательными лозунгами, а позитивная программа имела второстепенное значение.

Провозглашенное в 1914 г. «священное единение» стало попыткой сплотить общество вокруг власти под национальными, а не социальными лозунгами. Однако, будучи тактическим приемом как правительства, так и, в еще большей степени, оппозиции, «священное единение» не было рассчитано на срок более нескольких месяцев. Первоначально правительство поощряло общественную инициативу: созданные на базе местного самоуправления общественные организации получили доступ к обеспечению тыла. Однако они почти сразу включились в политическую борьбу. Развивавшийся с 1915 г. внутриполитический кризис привел к смещению центра тяжести в Думе от правых октябристов к кадетам, что, в свою очередь, блокировало любой последовательный законодательный процесс и создавало непреодолимый кризис Третьеиюньской системы. Прогрессивный блок требовал создания «министерства доверия», однако этот лозунг так и остался сугубо

декларативным. Летом 1915 г. власть оказалась под давлением оппозиции и вплоть до революции так не нашла сил для того, чтобы полностью вернуть себе стратегическую инициативу.

С осени 1915 г. в правительственной среде происходили серьезные изменения: вместо «либералов» и «консерваторов» на сцену вышли прагматики-технократы и политиканы. Первые стремились к политическому соглашению правительства и общества на «деловой» платформе. Вторые пытались заключить с оппозицией тактический сговор на конъюнктурной почве. Одним из следствий и признаков кризиса управления стало вмешательство в большую политику императрицы Александры Федоровны (хотя его не следует преувеличивать: оно никогда не было решающим[1]). По мере нарастания кризиса усиливалось и внутреннее противостояние в правительственном аппарате, росла неспособность справиться с все более сложными задачами управления и развития. При этом и оппозиция осенью 1915 г. оказалась перед дилеммой дальнейшей радикализации или политической гибели (соглашательство привело бы к резкому ослаблению влияния). Прогрессивный блок, неспособный провести через Думу даже те законопроекты, которые вошли в его августовскую декларацию, существовал в состоянии перманентного внутреннего кризиса, что подталкивало к резким шагам. Оппозиция также не смогла согласовать единого списка «министерство доверия»[2].

Политический кризис осени 1916 г. развивался на фоне продовольственного вопроса, однако непосредственными причинами последующих событий стали внутреннее состояние оппозиции и назначение А. Д. Протопопова главой МВД. Пожалуй, такое назначение было самым необычным кадровым решением подобного уровня за весь период последнего царствования: ключевой пост в правительстве получал высокопоставленный представитель оппозиции (товарищ председателя Думы), да еще и не имевший никакого административного опыта. Кандидатуру Протопопова активно лоббировал М. В. Родзянко[3], умеренные думские круги и банки[4]. Сам Александр Дмитриевич давно меч-

---

[1] Гайда Ф.А. К вопросу о политическом влиянии императрицы Александры Федоровны // Русский сборник: Исследования по истории России. № 18. М., 2015. С. 378–387.

[2] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 188-190, 207-219, 246–248.

[3] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Пг. (Л.), 1927. С. 18.

[4] Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 106.

тал занять какой-нибудь министерский пост[5]. Директор департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Н. П. Харламов впоследствии не сомневался «в том, что если бы Протопопов не попал в министры в сентябре 16-го года, то он оказался бы таковым в марте 17-го года, в составе Временного правительства, в первом кабинете общественного доверия»[6]. Императрица заинтересовалась Протопоповым всего за 9 дней до его назначения, но быстро стала его сторонницей. По ее мнению, назначение депутата сорвало бы Думе предстоявшую критику власти. Сам кандидат в министры поддерживался Г. Е. Распутиным (они были знакомы 4 года) и выражал личную лояльность. В ответ на подобную инициативу Николай II писал жене: «Протопопов – хороший человек, него у него много дел с заводами и т. п. <…> Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь – поэтому надо быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности»[7]. Тем не менее, 16 сентября Протопопов уже был назначен управляющим МВД.

Как вспоминал министр финансов П. Л. Барк, премьер Б. В. Штюрмер посчитал назначение Протопопова удобным способом наладить отношения с Думой[8]. Но Штюрмер ошибся в расчетах. 3 октября собралось совещание Прогрессивного блока. Его неформальный лидер П. Н. Милюков констатировал «ужас положения внутри и вне» думского большинства. Назначение думца было изображено им как провокация и серьезный удар по престижу Думы. «Назначение Протопопова – признак разложения Думы: наш разврат, который надо заклеймить», – соглашался земец-октябрист (соратник Протопопова по фракции) гр. Д. П. Капнист[9]. Бывшие соратники нового главы МВД теперь считали его предателем. При этом сам Протопопов первоначально вовсе не собирался портить с ними отношения. Сразу после назначения он отправился к Штюрмеру передать желание депутатов собраться ранее

---

[5] Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 79–81, 88–89, 178.

[6] Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания. Последний министр последнего самодержца (А.Д. Протопопов) // НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Л. 1.

[7] Переписка Николая и Александры Романовых. С. 11-12, 16-18, 51, 58, 79.

[8] Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179. С. 103–104.

[9] Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 82–83.

1 ноября (хотя и получил отказ)[10]. Однако обвинения в предательстве даром не прошли. 19 октября думское руководство и актив блока встретились с новым управляющим МВД по его просьбе. Протопопов демонстративно явился в жандармской форме (до него последним публично носившим ее министром был В. К. Плеве). Милюков заявил ему, что вхождение думца в правительство компрометируют всю Думу. Однако попытки уговорить Протопопова покинуть занятый пост ни к чему не привели[11].

Вступив в конфликт с оппозицией, Протопопов проявил при этом полную некомпетентность в делах министерства. Будучи сторонником либеральных реформ в сфере печати и местного самоуправления, а также национальном вопросе[12], Протопопов при своих деловых качествах вряд ли смог чего-либо добиться[13]. Министерскую работу за него вел начальник Управления по делам воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский, в октябре назначенный товарищем министра. Свое основное внимание Протопопов решил уделить печати и общественным организациям. Он выражал уверенность, что именно печать разложила верхи и низы общества[14]. 16 октября управляющий издал секретный циркуляр губернаторам и градоначальникам, в котором отмечал нежелание «некоторых губернаторов» контролировать деятельность общественных организаций и напоминал им об их «широких полномочиях» в сфере общественной безопасности и надзора за всеми отраслями местного управления. В секретном циркуляре от 9 января 1917 г. Протопопов вынужден был повторить свою мысль о «широких полномочиях» губернаторов[15]. По поводу оппозиционной резолюции дворянского съезда на рубеже ноября – декабря 1916 г. на полях обзора печати Протопопов написал: «Вся эта оппозиция выросла на почве расстройства продовольственной части и тягот военных. Число ее вожаков невелико. Выразители ее – Дума, частица Государственного совета и группа дворян (далеко не все, не купечество, не капитал и

---

[10] А.Д. Протопопов у Б.В. Штюрмера // Русское слово, 17 сентября 1916 г.
[11] Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 314–320; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–12.
[12] Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань, 2004. С. 281.
[13] Харламов Н.П. Ук. соч. // ОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Л. 14–14об.; Путилов А.С. Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 28.
[14] Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 111–113.
[15] РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133. Л. 5, 10, 23–23об.

не деревня). Ошибки самого правительства, взрастившие не общественность, а лже-таковую в виде союзов (существующих до сих пор даже без государственного контроля), дают оппозиции видимость основания и составляют декорацию «земли Русской». Власть сильнее оппозиции и должна в это верить, тогда поверят и другие»[16]. Протопопов любил говорить, что «кровью зальет Россию» в случае подавления революции. Н. П. Харламов вспоминал слова министра: «В России некому революцию делать, <…> что же вы думаете, ее думские болтуны сделают? Вы их не знаете и потому переоцениваете. А я знаю их хорошо. Всем им – ломаный грош цена. И какие они революционеры?!! На словах только»[17]. При этом Протопопов быстро и на глазах у всей страны продемонстрировал слабость как в администрировании, так и в ведомственной борьбе. Он не смог добиться передачи в ведение МВД продовольственного дела[18]. Пресса открыто писала о внутриправительственном конфликте в этом вопросе[19].

Парламентский блок собирался сделать продовольственный вопрос основным средством борьбы на предстоящей сессии. Единого плана решения проблемы выработано не было, поскольку у правого и левого крыла блока были прямо противоположные рецепты. Однако было решено не вступать в сотрудничество с правительством и разоблачать правительственный план с думской трибуны[20]. «Это – такая подлая вещь, что мы перегрыземся и устроим кавардак, а с другой стороны, нет более сильного средства против Штюрмера», – признавал В. В. Шульгин на заседаниях бюро блока[21]. Кадеты связывали свои политические надежды именно с продовольственным вопросом. И. И. Петрункевич писал Милюкову: «Для этого, временно, Дума должна превратиться в своего рода конвент. Не думайте, чтобы этот план был утопичен только потому, что он сейчас неисполним: завтра, когда стихия разразится полной анархией, он станет неизбежен. В Германии назначили диктатора продовольственной части и потерпели крушение, потому что какой же ав-

[16] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 450. Л. 46–46об.
[17] НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Л. 12об.
[18] Игнатьев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 9. С. 278–279; Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. М.-Л., 1925–1927. Т. 4. С. 71–78.
[19] Напр.: Продовольственная борьба // Русское слово, 29 октября 1916 г.
[20] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция. С. 224–225.
[21] Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 178. С. 85.

торитет в стране может иметь назначенный чиновник. Но диктатор-Дума – это авторитет всенародного решения»[22].

В проекте декларации блока, написанном Милюковым к предстоявшей сессии, власть обвинялась в измене и развязывании гражданской войны, а Государственная дума призывалась к решительной борьбе за власть, облеченную народным доверием. Если блок отказался бы принять проект, кадетская фракция намеревалась выступить самостоятельно с еще более резкими призывами к свержению правительства. Прогрессисты посчитали проект Милюкова слишком вялым, а правое крыло блока – слишком радикальным. После отвержения на заседании бюро умеренного проекта Шульгина лидер фракции центра П. Н. Крупенский секретно передал милюковский проект правительству. В результате правое крыло настояло на переработке документа, снятии обвинений в измене и гражданской войне, замене требования «народного доверия» на лозунг «доверия думского большинства». Тем самым, декларация теряла всю новизну и ударную силу. После этого прогрессисты заявили о выходе из блока[23].

Декларация вышла бледной, и Милюкову пришлось спасать остатки парламентского большинства. В конце первого дня сессии 1 ноября он выступил со своей знаменитой речью, содержавшей обвинения императрицы и премьера в государственной измене. Единственным ответным шагом правительства на выступление Милюкова и, впоследствии, других депутатов было то, что речи не были опубликованы. Совет министров предложил Штюрмеру выступить с ответом, но премьер, будучи совершенно деморализованным, отказался[24]. 3 ноября правительство приняло решение о привлечении Милюкова к суду за клевету[25], но делать это на практике не торопилось. Протопопов также предложил распустить Думу, но не получил поддержки. В результате по негласному поручению правительства в Думе выступили военный министр Д. С. Шуваев и морской министр Григорович[26]. Однако эти выступления были восприняты как раскол правительства[27]. Вскоре Милюков был

---

[22] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 699–699об. 5 октября 1916 г.
[23] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция. С. 225–227.
[24] Игнатьев П.Н. Указ. соч. // Новый журнал. 1944. № 9. С. 282.
[25] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 544–545.
[26] Игнатьев П.Н. Указ. соч. // Новый журнал. 1944. № 9. С. 282–284.
[27] Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 135–136.

демонстративно приглашен на обед французским послом М. Палеологом; там также присутствовал британский посол Дж. Бьюкенен, и не было ни одного представителя российской власти. Речь шла о послевоенной судьбе Германии и Австро-Венгрии. В российском МИД встречу посчитали «примериванием» Милюкова на пост главы ведомства[28].

10 ноября Штюрмер получил отставку, на его место назначался наиболее активный член Совета министров – Трепов. Он сразу попытался сформулировать новую политику в отношении общественности. Сразу по назначении премьер поехал к Родзянко и сообщил, что ему было указано «работать в мире» с Думой. Родзянко потребовал «полного разрыва с политикой Штюрмера». Трепов предполагал добиться отставки наиболее непопулярных министров и, в первую очередь, Протопопова. Уже 10 ноября Николай II был намерен это сделать: «Мне жаль *Прот.* – хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. <...> Рискованно оставлять в руках такого человека мин. внутр. дел в такие времена!»[29]. Только личное вмешательство императрицы, срочно прибывшей в Ставку 13 ноября и остававшейся там до 4 декабря, сохранило Протопопову его пост[30]. При этом фигура Протопопова оказалась крайне важна и для оппозиции. Корреспондент кадетской газеты «Русские ведомости» Н. В. Аркадакский писал в частном письме: «Если А. Д. Протопопов останется <...>, у Гос. думы <...> будет определенный объект для решительных нападок, так как без этого она рисковала снова затянуться в совершенно несвоевременную теперь будничную работу»[31].

Думская декларация Трепова, выступившего в Думе 19 ноября, содержала обещания срочно подготовить реформу городского самоуправления, ввести волостное земство и снять национальные ограничения на получение образования. Премьер также сообщил о соглашении с союзниками, по которому Россия по окончании войны получала Проливы. Однако договориться не удалось. Милюков заявил: «Увы, гг., мы перед прежними маленькими,

---

[28] Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Т. 1. С. 217–219.

[29] Переписка Николая и Александры Романовых. С. 146.

[30] Падение царского режима. С. 30; Переписка Николая и Александры Романовых. С. 147–153, 163–164, 171–173.

[31] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1047. Л. 56. Н.В. Аркадакский – Н.М. Михайлову, 15 ноября 1916 г.

чужими народу людьми. В их среде по-прежнему нет никого, кого бы народ знал и кому бы он верил». Борьба блока, по его словам, должна была продолжаться до удовлетворения всех его требований. Дума потребовала устранения влияния «темных безответственных сил» и создания кабинета, готового «в своей деятельности опираться на Государственную думу и провести в жизнь программу ее большинства»[32]. Через несколько дней громкую резолюцию об устранении от власти «темных сил» и создании правительства, опирающегося на «доверие страны», принял Государственный совет[33]. 1 декабря была принята резолюция дворянского съезда с призывом «решительно устранить влияние темных сил на дела государственные»[34]. В то же время усилились слухи о подготовке дворцового переворота. Председатель Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков, особенно подогревавший их, заявлял в прессе: «Что будет дальше – для меня ясно, но что именно – пока я не считаю возможным высказать в печати»[35]. Однако активность на этом направлении имела преимущественно имитационный характер с целью давления на власть и усиления собственного образа значимой политической силы. Кроме того, генералитет тем самым убеждался в патриотическом настрое оппозиции и ее готовности довести страну до победы, в отличие от «темных сил, окруживших трон[36]. После выступления Милюкова свою деятельность резко активизировала и Рабочая группа ЦВПК[37]. Дума оказывалась непререкаемым центром борьбы.

В результате деятельность Трепова приобрела более правый характер. 26 ноября в докладе императору премьер инициировал чистку состава Государственного совета. Состав палаты был изменен, что привело к преобладанию в ней правых[38]; председателем на 1917 г. назначался И. Г. Щегловитов. 13 декабря Трепов предложил императору прекратить сессию Думы до 19 января 1917 г., но в случае ее оппозиционного поведения через 2–3 дня

---

[32] Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Пг., 1916. Стб. 240–259, 314, 347, 396.
[33] Бородин А.П. Государственный совет России (1906-1917). Киров, 1999. С. 159–160.
[34] Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг. В 3 т. М., 2001–2002. Т. 3. С. 713–715.
[35] А.И. Гучков о текущем моменте // Русское слово, 23 декабря 1916 г.
[36] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция. С. 252–257.
[37] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция. С. 257, 262–263.
[38] Бородин А.П. Указ. соч. С. 163–165.

распустить окончательно[39]. Премьер также инициировал запрет съездов Земгора и продовольственного совещания, поскольку они не имели сведений для деловой работы и собирались принять политические резолюции[40]. При этом Трепов не оставлял настойчивых попыток избавиться от Протопопова. В результате премьер решился на отчаянный шаг: он предложил Распутину полное содержание и 200 тыс. руб. за отставку Протопопова или перемещение его на пост министра торговли и промышленности. Когда об этом стало известно императрице: в письме Николаю II она прямо обвинила премьера в сговоре с Думой[41].

Убийство Распутина стало символическим завершением полуторамесячной кампании по «штурму власти». Министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев предрекал военную революцию: «Вспомните те средства разрушения, которые есть теперь на руках у нашей молодежи, якобы офицерского звания!.. Вот чего я теперь опасаюсь… и начало показано!»[42] Однако верховная власть не предпринимала ответных мер – ни в одном, ни в другом направлении. Занявший после отставки Трепова 22 декабря пост премьера лично преданный монарху кандидат – князь Н. Д. Голицын – также пытался добиться отставки Протопопова для установления более гладких отношений с Думой, но столь же безуспешно[43]. При этом не состоялся и разгон Думы. 21 декабря, бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков написал царю письмо, в котором призывал, во избежание новой революции, призвать Думу к порядку. Он напоминал, что в 1905 г. внутренняя смута оказалась более грозным врагом, чем Япония[44]. 8 февраля 1917 г. Маклакову было передано желание императора о составлении текста манифеста о роспуске Думы, проект был составлен[45], но дальнейшего хода не получил.

О настроениях думцев писал 24 февраля (9 марта) 1917 г. участник французской военной миссии в Петрограде генерал Н. де Кастельно (он, по собственным словам, активно общался с депутатами и особенно долго говорил с

---

[39] Переписка Николая и Александры Романовых. С. 173, 186–187, 192.
[40] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 6–6об., 12–13об., 16–16об., 49–50.
[41] Переписка Николая и Александры Романовых. С. 153, 188–191; Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 237–240.
[42] РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Л. 33-34об. Гр. П.Н. Игнатьев – А.В. Кривошеину, 1 января 1917 г.
[43] РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 258об. Дневник С.Д. Протопопова. 24 февраля 1917 г.
[44] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 10–11об.
[45] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 19–20.

Родзянко): «Члены Думы легко впадают в жесткую критику Правительства Императора и вредного влияния, которое они приписывают Императрице; они страстно желают глубоких реформ конституционных законов их страны. <…> Союзники, говорят они, не должны опасаться революционных беспорядков, которые нанесли бы большой ущерб военным усилиям против внешнего врага. Все будет подчинено в России необходимости победить»[46]. Думская сессия, начавшись весьма вяло, с началом рабочих забастовок в Петрограде приобрела бурный характер. В речах, как социалистов, так и либералов звучали призывы к революции. Князь Голицын попытался получить от Родзянко стенограмму заседания для привлечения к суду депутата – меньшевика Н. С. Чхеидзе, но после отказа премьер решил не обострять ситуацию[47].

Поздним вечером 26 февраля, когда в Петрограде уже начался военный бунт, Совет министров от имени императора решил приостановить думскую сессию до апреля. На следующий день военный министр М. А. Беляев призвал без ведома монарха оправить в отставку Протопопова, поскольку он, как полагали, был главной причиной волнений. После заседания «бледный, дрожащий» Протопопов подошел к министру торговли и промышленности князю В. Н. Шаховскому и «спросил, не следует ли ему застрелиться». В тот же день в Мариинском дворце Шаховской увидел бывшего соратника Протопопова по партии октябристов А. И. Гучкова: «Вид его был торжествующий, глаза горели: революция началась!..»[48]

Таким образом, «штурм власти» стал свидетельством общего коллапса правительства и оппозиции. Вместе с тем, в развитии революционных тенденций роль «штурма власти» оказалась крайне важной. Именно с этого времени революция стала вполне возможной и близкой перспективой. Либералы оказались во главе этой революции и сформировали правительство «общественного доверия». Теперь ответственность за судьбы страны возлагалась на них. Но ближайшее будущее показало, что либералам пришлось разделить судьбу свергнутого самодержавия.

---

[46] Рапорт Начальника Военной миссии в России генерала де Кастельно (март 1917 г.) // Военно-исторический вестник [Париж]. 1974. № 42-43. С. 18.
[47] Путилов А.С. Ук. соч. // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 27об.–28.
[48] Шаховской В.Н. Ук. соч. С. 186–187, 199–202.

А. В. Ганин

Генштабисты и Февральская революция

Февральская революция произошла в разгар Первой мировой войны и была бы невозможна без поддержки и пассивного наблюдения со стороны армии. И если нижние чины выступили в качестве движущей силы революционных событий в Петрограде, то ключевое решение об отречении императора Николая II от престола принималось вне сферы их прямого воздействия, но под давлением армейского руководства. Исключительную роль в падении российской монархии в Ставке, фронтовых штабах и Петрограде сыграл Генеральный штаб. И хотя недостатка в исследованиях самой революции не наблюдается, роль корпорации генштабистов в этот переломный момент отечественной истории до сих пор специально не исследовалась, и акцент на роли генштабистов в событиях конца 1916 – начала 1917 г. не делался. Между тем привлечение неизвестных архивных документов наряду со сравнительным анализом широкого массива опубликованных источников позволяет реконструировать целостную картину участия кадров Генштаба в смене власти в стране в феврале – марте 1917 г.

Императора Николая II, по многочисленным свидетельствам лично знавших его современников, трудно было отнести к интеллектуалам или волевым, сильным и последовательным правителям[1]. Подобный багаж верховного вождя русской армии в военное время неизбежно вступал в противоречие с набиравшей обороты профессионализацией военного дела и с интеллектуальной частью офицерского корпуса в лице наиболее развитых представителей Генерального штаба. В том числе в силу этих причин выпускники Императорской Николаевской военной академии сыграли такую заметную роль в февральско-мартовской смене власти.

Одним из базовых принципов устройства корпуса офицеров Генерального штаба считалось единство доктрины, то есть взглядов на специальные военные вопросы, тактику и стратегию, единство работы штабов[2]. Этот принцип был необходим для того, чтобы в любых сложных ситуациях на войне даже незнако-

---

[1] Юдин Е.Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 99–132.

[2] См., напр.: Головин Н. Н. Служба Генерального штаба. СПб., 1912. Вып. 1. С. 44.

мые друг с другом офицеры разных штабов, разделенные сотнями километров, могли бы независимо друг от друга вырабатывать взаимоприемлемые планы действий, которые бы приводили к успеху. В этих целях генштабисты получали одинаковую подготовку, проходили схожий служебный путь и, как следствие, обладали схожим корпоративным мировоззрением. В условиях политического кризиса 1916–1917 гг. подобное корпоративное единство взглядов приобрело черты политической программы наиболее активной части Генштаба.

Несмотря на то, что кадровые офицеры в массе своей традиционно находились вне политики, к 1916–1917 гг. в военно-политической элите страны накопилось серьезное недовольство неспособным эффективно управлять воюющей державой императором и его окружением. Империя с трудом справлялась с напряжением, вызванным войной, тыл разъедали острейшие проблемы, которые практически невозможно было решить в рамках устоявшейся системы управления. Императорская семья стала объектом дискредитирующих слухов, которым верили даже представители военного руководства страны. «Распутинщина» лишь усугубила циркулировавшие слухи. В силу политической наивности офицерства и традиционной чувствительности фронта к любым, даже косвенным, проявлениям неустойчивости тыла (тем более, к слухам о прямой измене в высших эшелонах власти), все, даже самые нелепые слухи, воспринимались офицерством (в том числе высшим генералитетом) очень болезненно и с огромной тревогой. Солидарное неприятие сложившейся при дворе обстановки демонстрируют представители самых разных по своему должностному положению и политическим взглядам групп генштабистов.

В армии вследствие насаждавшейся самой властью атмосферы шпиономании получили широчайшее распространение слухи о том, что императрица Александра Федоровна являлась германской шпионкой. Слухам об этом был склонен придавать значение генерал В. И. Селивачев[3]. Генерал С. Г. Лукирский отмечал впоследствии, что «накануне революции февральской 1917 года в среде офицеров Генерального штаба старой армии определенно сложилось недовольство монархическим строем: крайняя неудачливость войны; экономический развал страны; внутренние волнения; призыв на высшие посты в

[3] РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 50об.–51. Опубл. в: Из дневника ген. В.И. Селивачева / публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 108, 110–111; Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 114.

государственном аппарате лиц явно несостоятельных, не заслуживающих общественного доверия; наконец, крайне возмутительное подпадание царя под влияние проходимца (Григ. Распутина) и разрастание интриг при дворе и в высших государственных сферах. Поэтому февральская революция была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства вообще»[4]. Аналогичные чувства испытывал и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А. А. Брусилов (не генштабист)[5].

Генерал Г. Е. Янушевский – однокашник генерала М. В. Алексеева по академии – вспоминал их доверительный разговор в первой половине февраля 1916 г.: «Тут произошел между нами разговор, которого я никогда не забуду. Почти без предисловия А. взволнованным голосом задал мне такой вопрос: "От меня требуют, чтобы я переговорил с государем относительно царицы и Распутина. Что ты скажешь на это?" Как ни был я озадачен такой неожиданностью, но тотчас же ответил: "Я не верю этой гнусной сплетне. Это подлая клевета!"

– "А все же?"

– "Я никогда не сделал бы этого. Подумай только, что бы ты сказал тому, кто осмелился бы обратиться к тебе с подобным относительно твоей жены. А ведь это не генеральская жена, а русская царица, на которую устремлены глаза всего мира: жена цезаря должна быть вне всякого упрека!"

А-в обнял меня и произнес: "Ты прав!"»[6].

Своему сподвижнику генералу А. И. Деникину Алексеев весной 1917 г. рассказывал: «При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах – для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею»[7].

В неопубликованных «Заметках, дополнениях и разъяснениях к "Очеркам Русской Смуты"» Деникин написал об этом эпизоде подробнее: «В письмах императрицы есть указание, что она вскрыла пакет, отправленный из Ставки, в котором была карта фронта, в отсутствие государя. Было это, кажется в последние дни. Про этот ли случай говорил Алексеев или про

---

[4] Цит. по: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 44.
[5] Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 200.
[6] ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 329. Л. 34об.
[7] Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 115.

другой – не знаю. Но слышал я от него про это дважды: в Могилеве – один, и в станице Мечетинской, во время встречи дроздовцев – за завтраком у меня в большом обществе. Видимо, этому эпизоду он придавал значение»[8]. И хотя разбор бумаг императрицы, очевидно, производился после революции, высказывание Алексеева свидетельствует о его отношении к влиянию Александры Федоровны на государственные дела и до февраля – марта 1917 г. Подтверждают это и решительно пресеченные Алексеевым попытки императрицы привезти в Ставку Распутина.

Подполковник (впоследствии – генерал) А. И. Верховский отмечал 24 февраля 1917 г. в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава»[9].

Полковник (впоследствии – генерал) С. А. Щепихин оставил любопытное позднейшее свидетельство о приближении падения монархии и ощущениях генштабистов в ту пору: «Последний мой отпуск из штаба армии открыл мне глаза на общее внутреннее положение в России. Начинался третий год войны. Естественно, что до армии доходили отголоски тех событий, что происходили по всей России, и мы, штабные работники, вели по этому поводу нескончаемые разговоры. Питались мы, конечно, только слухами, хотя при штабе фронта и штабе армии и выходили листки-газеты, но они носили строго официальный характер. В них искать ответа на мучившие нас вопросы не приходилось. Редко, очень редко до нас доходили так называемые оппозиционные газеты, вроде "Речи" милюковской или "Русского слова", да кто-нибудь из проезжавших через штаб лиц "освежал" наши впечатления рассказами очевидца, причем мы, как слепые, не могли относиться критически к этим повествованиям. Одни брали их на веру, другие, пряча, как страус свою голову под крыло, отметали все те "инсинуации", что гуляли по всей России, не оставляя своим разлагающим вниманием даже и членов царского дома… Мы даже склонны были иногда шутить, не изжив еще впечатлений от сознания могущества всего государственного строя: поговорят, поговорят наши либеральные круги, да тем дело и кончится, – рассуждали некоторые из

[8] Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (BAR). Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12.
[9] Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914-1918 г.). Пг., 1918. С. 66.

нас… Мы верили в Алексеева и радовались, что все, прибывающие с тыла лица называли его "временщиком": чем больше власти даст царь этому умному человеку, тем для дела будет только лучше… Хотя в рассказах и сквозили иногда недовольные таким положением, военной по существу своему, диктатуры, нотки. Нас нисколько не поражало и то, что говорилось совершенно откровенно: в военных, де, кругах нарастает конституционное настроение: что же и это и не худо, по крайней мере, с головы нашего монарха снимут тяжелое бремя ответственности за всякую мелочь, и это может только укрепить его авторитет. Мы и слухи о готовящемся военном перевороте встречали совершенно спокойно: знали и были убеждены, что при подобном выходе из положения (а выход надо было найти, – так идти дальше невозможно) особа государя останется в полной неприкосновенности… Мы ведь совершенно не знали внутренних отношений в самой царской семье: нам казалось нормальным положение, при котором царь продолжает царствовать, хотя и на положении ограниченного монарха, по образцу, например, английского его брата, а государыня будет удалена совершенно… Говорили даже о заключении ее в монастырь… Как плохо мы знали Николая II-го.

Да и кто хорошо знал его внутренний характер: он подобен морской поверхности – зеркальная чистота и голубой блеск ласкают посторонний взгляд, но под этим тихим омутом всегда чувствуется глубина… и чужое (лунное) влияние, производящее приливы и отливы: исчезнет или ослабнет это влияние, и поверхность, уровень воды сильно опадает.

Однако самое наличие подобных пересудов на фронте (о готовящемся перевороте и т. п.) уже знаменательно и симптоматично: мы все, как завороженные, прислушивались к столь откровенным, по нашему мнению, и смелым излияниям, но нам обычно собеседник из глубокого тыла сообщал: "Да, господа, что вы на другой планете что ли проживаете и не знаете, что творится у нас в России? Ведь война-то кончится не у вас, здесь на фронте, а ее закончит тыл, поверьте нам… мы лучше вашего осведомлены". И мы, как это ни обидно было для самолюбия военного и фронтового в особенности, должны были признаться, что так в действительности и было… Мы по существу махали саблями перед пустым местом, а там позади фронта шла какая-то, может быть и плодотворная для фронта, работа, но одновременно и разъедающая его тело и душу.

Один из приезжих в Россию иностранцев, знатных конечно (незнатные по тому времени в счет не шли) воскликнул, что Россия – величайшая в мире

демократия, но управляемая, к сожалению, скверно и под влиянием кучки немцев… С улыбкой снисходительности мы выслушивали все эти поклепы на нас, верных и безответных союзников наших западных соратников, но мы упустили из внимания, что теперь, после двух лет тяжелой бойни, влияния переместились, и произошел величайший сдвиг, в результате которого народ всей своей массой давил не только на волю правителей государства, но и на полководца. И подобное, по-нашему, весьма ограниченному, мнению "вмешательство" в наши фронтовые дела постороннего элемента (это народ-то, средствами которого до кровавого налога включительно мы и держимся) было несовместимо с нашими… понятиями о власти. А между тем все твердые опоры из-под трона Романовых были давно уже выбиты, и он, если еще и держался, то скорее в силу инерции и традиции, не больше. Но понимать подобные катаклизмы, их положение и ближайшие результаты не дано рядовому члену государственного организма, да еще и военному по профессии, – этому худшему элементу в делах чисто политических и профану.

К сожалению, по-видимому, таким же профаном был и наш возглавитель, наш умный Алексеев. Иначе он должен был или прекратить все то, что происходило на его глазах и не без его попустительства, или же взять в твердые собственные руки кормило власти, заслонив совершенно особу царя.

Ни того, ни другого он не сделал, и дал себя провести на "мякине", хотя и был старым, опытным воробьем: мякиной оказался тот почет и уважение, которым его окружали и то внимание, с которым прислушивались к словам этого случайного человека. Он был нужен, как лежащее на пути бревно, его оставляли до поры до времени, чтобы сбросить, как ненужный хлам, когда он будет лишь мешать пассивно. В данный момент Алексеев еще мог "угрожать", а потому с ним заигрывали, и его щадили… В лучшем случае, когда его влияние падет, через него перешагнут и только; и он скоро прозреет, на практике уяснив, что слава мирская – это дым… проходит и уходит он без следа… Все эти разговоры и слухи так нас всех нервили (так в тексте. – А. Г.), что было до физической боли обидно слушать все эти "бредни": хотелось кричать, что опасность здесь, уже у порога и надо принимать какие-то меры. Однако действовать в подобные, переломные периоды дано не всякому: самое лучшее, что мог предпринять средний человек, это постараться забыть и забыться; наиболее "беспокойный" среди нас элемент постарался быть ближе к поверхности, откуда виднее и лучше всегда в такие моменты быть ближе к центру

события. Мы начали замечать беспокойство некоторых из наших сотоварищей: они выехали, временно якобы, но с прочным намерением никогда не возвращаться. К числу последних принадлежал и некто, кап. Генштаба Васильев, – заместитель покойного Звягинцева… Другие откровенно хлопотали, и достигли своего: о переводе в тыл или наверх, в ставку. "Крысы всегда первые начинают бегство с корабля", – шутили над подобными типами… но ведь нельзя отказать в здравом рассудке или инстинкте этим маленьким грызунам»[10].

При заметном консенсусе в отношении необходимости перемен вокруг трона у части генералитета, в ней не могло быть единства взглядов относительно путей выхода из кризиса и способов устранения «темных сил». В общественном мнении альтернативу власти представляли боровшиеся с ней общественные деятели, одним из лидеров которых был председатель Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков.

Можно согласиться с утверждением о том, что отдельные представители высшего командного состава под влиянием Гучкова выступили в качестве группы давления на императора[11]. Это сотрудничество привело к их вовлечению в заговор против императора и последовавший переворот. Сам Гучков, рассуждая впоследствии о Ставке и возможном участии ее работников в предполагавшемся захвате императора, отмечал: «Не хотелось вводить этих лиц в состав заговора по многим причинам. Не только потому, что мы не были совсем уверены, найдем ли там сотрудников, но мы не хотели, чтобы эти лица, которые после переворота будут возглавлять русскую армию, чтобы они участвовали в самом перевороте»[12]. Позднее, очевидно, сложилась иная комбинация, в результате чего некоторые руководящие работники Ставки (генералы П. К. Кондзеровский, А. С. Лукомский) и главнокомандующие фронтами (генералы великий князь Николай Николаевич (младший), Н. В. Рузский, В. В. Сахаров, А. Е. Эверт) после переворота лишились своих постов.

Складывание заговоров в высших армейских и иных кругах не являлось большим секретом. Генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Мы полагали, что достаточно заменить последнего царя кем-либо из его многочисленных родственников… и династия обретет былую силу… По многим намекам и вы-

[10] ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 211–213.
[11] Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 266.
[12] Александр Иванович Гучков рассказывает… Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 18.

сказываниям я мог догадываться, что к заговорщикам против последнего царя или по крайней мере к людям, сочувствующим заговору, принадлежат даже такие видные генералы, как Алексеев, Брусилов и Рузский. В связи с этими заговорами называли и генерала Крымова… Поговаривали, что к заговорщикам примыкают члены Государственной Думы»[13]. Служивший в Ставке подполковник В. М. Пронин в эмиграции свидетельствовал, что Ставка была в курсе заговорщической деятельности Гучкова и не препятствовала ей[14]. О том, что одним из центров заговора являлся штаб Петроградского военного округа и фронтовые штабы писал впоследствии со ссылкой на неназванного видного военного деятеля отставной генерал А. В. Герасимов[15].

Начальник штаба Верховного главнокомандующего и фактически человек, руководивший всей русской армией, генерал М. В. Алексеев примерно за полтора года совместной работы смог близко узнать императора Николая II. Знакомство сопровождалось сильнейшим разочарованием в умственных способностях императора. Чего стоит эпизод с докладом Алексеева Николаю II в конце декабря 1915 г. о потерях в десятки тысяч человек в результате неудачного наступления на реке Стрыпе, когда «Алексеев докладывал эти цифры Николаю со слезами на глазах и дрожью в голосе, а идиот рассматривал в это время какую-то карикатуру и затем, как ни в чем не бывало, стал расспрашивать о всяком вздоре»[16]. Вполне естественно, у Алексеева сложилось стойкое убеждение в неспособности императора руководить воюющей страной. По одному из свидетельств, Алексеев говорил: «Я не монархист, я слишком хорошо знаю монархию, чтобы быть монархистом»[17]. Подтверждает это свидетельство и введенная в научный оборот О. Р. Айрапетовым уничтожающая характеристика, данная Алексеевым императору Николаю II весной – летом 1917 г., в которой есть и такие строки: «N человек пассивных качеств и лишенный энергии… неискрен[ность] развивалась все больше, пока не сделалась господствующей чертой [его] характера… Ему не хватает силы ума… Его доброта вырождается в слабость… Он был лишен и характера и настоящего темперамента… Душевные силы охотно устремляет

[13] Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 107.
[14] Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах Русской императорской армии: генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 439.
[15] Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 187.
[16] Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Мн., 2003. С. 432.
[17] BAR. Memoirs of V.N. Kasatkin. Folder 1.

на мелкое… Любил лесть, помнил зло и обиды»[18]. Схожие оценки в разговоре с Алексеевым 30 октября 1916 г. услышал протопресвитер Г. Шавельский: «Знаете, о. Георгий, я хочу уйти со службы! Нет смысла служить: ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну, что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и… спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим… На днях я говорил с ним, решительно все высказал ему.

– Ваше, – говорю, – дряхлое, дряблое, неразумное и нечестное правительство ведет Россию к погибели…

Кончил я, – он, улыбаясь, обращается ко мне: "Вы пойдете сегодня ко мне завтракать?"»[19] Неприязнь Алексеева к Распутину, Вырубовой, императрице и другим лицам того же круга, проявившуюся в разговоре весной 1916 г., подтверждал и генерал Н. И. Иванов[20].

Еще 1 апреля 1916 г. находившийся в Ставке М. К. Лемке записал: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем здесь заговоре… Я все время так веду разговор с Пустовойтенко[21], чтобы заставить его проговориться, если он хоть что-нибудь знает. Но ни разу не слышал от него ни одного звука, кроме уже многократного указания на возможную роль Алексеева в качестве диктатора…Что касается возможности осуществления прежде всего какого-либо акта в отношении самого Николая, то, разумеется, кратковременное лишение его свободы очень несложно… при авторитете и роли начальника штаба арест и прочее могут быть сделаны совершенно бесшумно, но властно и решительно. Николай, прежде всего – трус… По-моему, достаточно властно предъявить ему определенное требование, чтобы он понял, что роли переменились, и исполнил бы все»[22]. В другом месте Лемке назвал участников заговора: от политических деятелей – А. И. Гучков и А. И. Коновалов, от военных – М. В. Алексеев и А. М. Крымов[23].

---

[18] Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 201–203. Сверено с рукописью: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 855. Картон 1. Д. 10. Л. 1об.–2.

[19] Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 201.

[20] Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 329.

[21] Генерал-майор М.С. Пустовойтенко в тот период занимал должность и. д. генерал-квартирмейстера Ставки.

[22] Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 485–486.

[23] Там же. С. 278.

На весну 1917 г. Алексеев намечал проведение наступления на Юго-Западном фронте, которое должно было привести к перелому в войне[24]. Для обеспечения этой задумки необходимо было устранение помех в тылу, которые ассоциировались с императором и его окружением. Политический кризис подстегнул действия генералитета.

Алексеев посчитал возможным пойти на сотрудничество с представителями либеральной оппозиции, хотя любые контакты с ними чрезвычайно компрометировали генерала. С осени 1916 г. он участвовал в переговорах с Гучковым, которого знал с довоенного времени. К январю и августу 1916 г. относятся свидетельства о наличии между Алексеевым, Гучковым и М. В. Родзянко переписки[25], хотя отношения между Алексеевым и Гучковым не были близкими. 21, 22 и 28 сентября о переписке Гучкова с Алексеевым Николаю II писала императрица, получившая копии писем Гучкова. Александра Федоровна отмечала, что Гучков настраивал Алексеева против министров, причем не гнушался искажением фактов. Сам факт подобной переписки между Алексеевым «и этой скотиной Гучковым» (как писала императрица) вызывал беспокойство Александры Федоровны[26]. Возмущение императрицы вызывал и старый друг Гучкова бывший военный министр генерал А. А. Поливанов[27]. 9 октября 1916 г. письмо Гучкова Алексееву было представлено императору, причем он уже имел копию этого письма, а Алексеев ранее заверил монарха, что в переписке с Гучковым не состоял[28]. При этом Алексеев отрицал и получение писем Гучкова. Николай II указал генералу на недопустимость подобной переписки «с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к монархии и к династии»[29].

Думается, едва ли дело заключалось в попытках компрометации Алексеева всеми враждующими лагерями, как иногда утверждается[30]. Свидетельствовал о не доложенных императору контактах думских кругов с Алексеевым в период лечения генерала в Севастополе и соратник последнего генерал

---

[24] Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 216.
[25] Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 177; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 31.
[26] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 97.
[27] Там же. С. 101.
[28] Ген. Алексеев и Гучков // Монархия перед крушением 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 277.
[29] Там же.
[30] Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах Русской императорской армии. С. 449–450.

А. И. Деникин[31]. По оценке Деникина, борьба Государственной Думы (прогрессивного блока) с правительством находила «несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава»[32]. Дворцовый комендант В. Н. Воейков также обратил внимание на то, что «общественные деятели выказывали большую симпатию офицерам Генерального штаба»[33].

По свидетельству А. Ф. Керенского, получившего эти сведения от своего друга В. В. Вырубова, родственника князя Г. Е. Львова, Львов совместно с генералом М. В. Алексеевым осенью 1916 г. планировали добиться от императора высылки императрицы в Крым или Великобританию[34]. Алексеев был человеком чрезвычайно осторожным, на письма оппозиционеров к нему старался не отвечать[35] и даже дату намеченной операции продемонстрировал без слов на отрывном календаре. Помешала реализации плана болезнь Алексеева в ноябре 1916 г. Об аналогичных слухах писал и генерал А. А. Брусилов[36]. Насколько можно судить, при этом планировалось сохранить власть прежнего императора. Если подобные слухи соответствовали действительности, они не свидетельствовали о дальновидности Алексеева.

В закулисные комбинации оказался вовлечен и замещавший Алексеева в период его болезни либерально настроенный генерал В. И. Гурко, знавший Гучкова на протяжении полутора десятилетий и тесно с ним сотрудничавший. Кандидатуру Гурко предложил Алексеев. Именно при Гурко по Ставке поползли слухи о возможности принятия каких-либо решительных мер в отношении императора[37]. Сам император и его приближенные считали, что Гурко подпал под влияние Гучкова[38]. Предполагалось, что страна может быть выведена из кризиса и придет к победоносному завершению войны при установлении диктатуры Алексеева в контакте с представителями Государственной Думы[39].

По всей видимости, взгляды видных работников Ставки в отношении необходимости политических перемен были похожи. Служивший в Ставке

---

[31] Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 139.
[32] Там же. С. 137.
[33] Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 189.
[34] Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 153.
[35] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 9.
[36] Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 204–205.
[37] Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 202.
[38] Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 213.
[39] Подробнее см.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 191–226.

контр-адмирал А. Д. Бубнов вспоминал о себе и других работниках штаба Верховного главнокомандующего: «Мы, опасаясь за судьбу дорогого нам отечества, с неодобрением и тревогой относились к внутренней политике верховной власти»[40]. Далее мемуарист прямо отмечал, что проводником гибельной для страны внутренней политики являлся император.

Одним из потенциальных технических исполнителей переворота мог стать генерал А. М. Крымов, о чем говорил Гучков, да и другие участники событий[41]. Крымов сдружился с Гучковым еще в предвоенные годы и выступал в качестве его негласного консультанта по военным вопросам[42]. По своим взглядам еще до Первой мировой войны Крымов придерживался программы партии октябристов. Генштабист Ю. П. Апрелев, встретивший Крымова в те дни, позднее вспоминал: «Я очень обрадовался этой встрече, так как мы были под командой Крымова во время отступления 1915 г., и за этот период полк имел несколько славных дел, все мы Крымова прямо обожали. Я утверждаю, что это был один из самых лучших, доблестнейших и способных генералов русской армии. С громадной силой воли и прямо гениальным умом он соединял выдающуюся храбрость, задор молодого кавалериста и необыкновенное уменье разбираться в обстановке. Кроме того, он обладал, хотя и некрасивой, но внушительной, бросающейся в глаза наружностью. Его боялись, но любили как офицеры, так и солдаты. И мы всегда знали, что приказ Крымова нельзя не исполнить, и что с ним мы не пропадем и будем иметь успех. Так оно и было всегда.

На вокзале я подошел к генералу Крымову и от него узнал, что его вызвал Гучков и предложил ему место помощника военного министра. Видя все, что творилось кругом, …Крымов со всеми переругался и не нашел возможным согласиться на предложение Гучкова. С удивительной прозорливостью он предсказал мне, во что выльется революция в армии и к чему приведут последние новые реформы… Крымов говорил все это тогда (кажется, 6-го марта), когда почти все были уверены, что после революции наша армия окрепнет, и что мы обязательно победим»[43]. В январе 1917 г. Крымов с дру-

---

[40] Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 196.

[41] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 23; Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 146-147; Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2003. С. 149–153.

[42] Архив Гуверовского института (HIA). Vrangel Family Papers. Box 6. Folder 4. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 246.

[43] BAR. Iu.P. Aprelev manuscripts.

гими офицерами приезжал в Петроград, неофициально встречался с членами Государственной Думы и информировал их о катастрофическом положении на фронте, обусловленном помехами тыла и вредным влиянием императрицы. По свидетельству М. В. Родзянко, Крымов завершил выступление словами о неизбежности переворота, который на фронте «все с радостью будут приветствовать», добавив: «Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет»[44]. Впрочем, в силу нахождения вдали от Петрограда на Румынском фронте Крымов в событиях февраля – марта 1917 г. роли не сыграл.

Схожие настроения присутствовали и в великокняжеской среде. Так, заговорщики зондировали мнение великого князя Николая Николаевича (младшего), к которому в конце 1916 г. был направлен видный деятель Союза городов, тифлисский городской голова А. И. Хатисов с предложением занять престол[45]. Великий князь не поддержал идею переворота, но утаил от императора прозвучавшее предложение[46].

Летом 1917 г. Гучков в показаниях чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства не скрывал своих действий: «Нужно было стать на путь государственного переворота», – говорил он[47]. Не без самодовольства он отмечал: «Я пульс армии нащупал. Я знал, как она исстрадалась от условий, в которые она была поставлена до переворота… Я был убежден, что армия, как один человек, за малыми исключениями станет на сторону переворота. Я должен сказать (а я ведь не только платонически сочувствовал этим действиям, я принимал активные меры), что провести это было трудно технически… требовалась с нашей стороны известная осторожность, потому что преждевременное раскрытие могло бы сделать этот шаг совершенно не возможным… надо было технически организовать, надо было толкнуть людей на этот решительный шаг… резкое, отрицательное, враждебное отношение к тому порядку, который установился у нас до переворота, было общее, за какими-нибудь ничтожными, единичными исключениями, как в офицер-

[44] Родзянко М. В. Крушение империи. М., 2002. С. 208. Также см.: Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 154.
[45] Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 109–115.
[46] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 31–32; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 192.
[47] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 260.

ской среде, так даже и в высшем командном составе…».[48] О характере готовившегося переворота в армии Гучков заявил прямо: «Все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс».[49] В эмиграции Гучков признал факт складывания заговора и разработки конкретных планов захвата императора и даже его возможной ликвидации уже осенью 1916 г.[50]

У Гучкова установились связи с достаточно широким кругом офицеров, прежде всего, генштабистов. Помимо названных ранее – с А. И. Верховским, А. А. Поливановым, А. А. Свечиным, Б. А. Энгельгардтом, А. И. Андогским, П. И. Залесским[51]. Связи Гучкова простирались на Румынский и Северный фронты[52]. Генерал П. И. Аверьянов за время Первой мировой войны тесно сработался и сдружился с князем Г. Е. Львовым и А. И. Шингаревым, причем, по собственному признанию генерала, «с князем Львовым и А. И. Шингаревым у меня установились добрые и взаимно доверчивые отношения»[53].

Генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал в своих неопубликованных мемуарах: «Раньше, до войны я много слышал про А. И. Гучкова от тех офицеров Генерального штаба, которые действовали в тесном общении с ним, как с членом Государственной Думы, почему-то принявшим на себя роль думского контролера над военным министерством. Я знал о периодических совещаниях по военным делам, происходивших под председательством А. И. Гучкова с участием служащих в военном министерстве, искавших популярности у "кандидата" в военные министры. Эти господа раскрывали сверх всякой меры вверенные им по службе материалы перед Гучковым и в то же время ловчились перед своим начальством пролезть в высшие должности, прикиды-

---

[48] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 278–280.
[49] Там же. С. 279.
[50] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 18.
[51] HIA. Vrangel Family Papers. Box 6. Folder 4. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 247; ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 138. Л. 1об.; Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 64; Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 102; Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 207; Ученый с мировым именем (о военном историке и теоретике А. А. Свечине) / публ. И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 75.
[52] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л., 1926. Т. 6. С. 278.
[53] ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 148об.

ваясь "без лести преданными" перед тем самым начальством, которое они же предавали Гучкову»[54].

Бонч-Бруевичу запомнилась встреча с Гучковым за несколько лет до начала Первой мировой войны: «Из состоявшегося разговора я вынес впечатление, что Гучков самовлюбленный человек, направляющий свою деятельность исключительно к обнаружению каких-то нелепостей в работе военного министерства; вообще интриговавший в области военного дела, без цели наладить его и даже без такой эрудиции в нем, которая давала бы возможность углубиться в дело и пойти дальше обыкновенных парламентских (думских) интриг…».[55]

Существует точка зрения, что контакты Гучкова и его сторонников с офицерством не касались тех военных деятелей, которые могли использовать свое положение для подготовки военного переворота в столице, и только кризис самодержавия привел к настоящей народной революции в Петрограде[56]. Однако это не совсем так. Именно военная власть сыграла определяющую роль в исходе петроградских событий, и в этой связи кадровый состав столичных военных властей представляется небезынтересным.

Выдвиженцем Алексеева и Гурко, вовлеченным в политические события, был командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов (назначен 5 февраля 1917 г.)[57], проявивший себя в период беспорядков в Петрограде абсолютно пассивно и в качестве противника применения силы. Сотрудником Гучкова являлся и состоявший в распоряжении начальника Генерального штаба полковник Ф. И. Балабин, взаимодействовавший в период революционных событий с Хабаловым и Б. А. Энгельгардтом. Работал с Гучковым и полковник П. А. Половцов. Еще с довоенных времен сотрудничал с Гучковым и. д. генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал М. И. Занкевич[58]. Генерал был настолько близок Гучкову, что в прежние времена делился с ним секретными данными[59]. Днем 27 февраля Занкевич был назначен начальником

---

[54] ОР РГБ. Ф. 369. Картон 421. Д. 9. Л. 30–31.
[55] Там же. Л. 32.
[56] Шубин А. В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 110.
[57] Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 214; Куликов С.В. Петроградское офицерство 23-28 февраля 1917 г. Настроения и поведение // Новый Часовой (Санкт-Петербург). 2006. № 17–18. С. 101.
[58] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 93.
[59] Там же. С. 61; Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 58.

войсковой охраны Петрограда и помощником Хабалова[60]. Он также старался держаться пассивно в отношении подавления беспорядков (под предлогом отсутствия надежных войск). Уже 28 февраля Занкевич и его сотрудники установили связь с думской военной комиссией[61]. Также любопытно, что 2 марта по приказанию М. В. Родзянко Занкевич связывался со Ставкой[62].

Именно Занкевич направил 1 марта к генералу Н. И. Иванову, руководившему карательной экспедицией на Петроград, полковника В. Н. Доманевского на должность начальника штаба с предписанием уговорить Иванова заключить соглашение с Временным комитетом Государственной Думы[63]. При этом из Ставки в качестве начальника штаба (по формулировке Иванова – адъютанта[64]) к Иванову изначально был прикомандирован подполковник Н. Я. Капустин[65] – «совсем безынициативный и нерешительный человек. Помочь генералу Иванову советом он не был в состоянии»[66]. Интересно, что Доманевский перед своей миссией заехал в Таврический дворец, где обсуждал предстоящую задачу с председателем думской военной комиссии Б. А. Энгельгардтом[67]. Офицеры договорились, что Иванов должен будет признать власть Временного комитета Государственной Думы. От думцев с Доманевским на переговоры к Иванову отправился и сотрудник Гучкова генштабист, подполковник Н. Н. Тилли, который был известен Иванову по Юго-Западному фронту[68]. Насколько можно судить, представители Времен-

---

[60] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 104.
[61] Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 147.
[62] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 92; Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 59.
[63] Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 98; Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 267; Куликов С.В. Петроградское офицерство. С. 123.
[64] Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 316.
[65] Пронин В.М. Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 268.
[66] Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 6.
[67] Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 54–55.
[68] Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 50; Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 42; Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 323–324; Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2008. С. 159–160; Мартынов Е.И. Царская

ного комитета Государственной Думы сочли полезным участие отряда Иванова в наведении порядка в столице. Прибытие двух человек от ГУГШ подтверждал и Иванов[69]. Позднее Балабин и Занкевич в благодарность за свои действия получили от новой власти высокие назначения (первый – начальником штаба Петроградского военного округа, второй – представителем при французской армии).

Среди петроградских генштабистов были и другие сотрудники Гучкова, не занимавшие до революции высоких постов, такие как полковник Б. А. Энгельгардт и прибывший с Румынского фронта подполковник А. И. Верховский. Последний вспоминал, что «надеялся найти в лице Гучкова, в его друзьях точку опоры для реформ (и не только реформ) в армии»[70]. В начале 1917 г. они встречались с людьми из окружения Гучкова. В беседах обсуждались варианты выхода из кризиса, не исключая и цареубийство.

Беспорядки в Петрограде на почве продовольственного кризиса стали катализатором революции. 27 февраля начался мятеж в войсках петроградского гарнизона, что привело к перелому обстановки. Эти события обусловили более активный переход офицерства на сторону мятежных войск. Попытки военного министра генерала М. А. Беляева организовать подавление успехом не увенчались, прежде всего, вследствие нежелания его подчиненных исполнять такие приказы.

По оценке и. д. начальника Генерального штаба генерала П. И. Аверьянова, до 2 марта 1917 г. с представителями Государственной Думы в Петрограде сотрудничали лишь отдельные генштабисты. Военную комиссию Временного комитета Государственной Думы, созданную днем 27 февраля, по предложению князя Г. Е. Львова[71] возглавил полковник Б. А. Энгельгардт, включенный 13-м в состав самого Временного комитета. По телефону он пригласил для содействия в Таврический дворец своих прежних знакомых по посещению мобилизационного отдела ГУГШ в годы войны[72]. Помощниками председателя комиссии (по всей видимости, с утра 28 февраля) стали знако-

---

армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 146; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 300.

[69] Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 323.

[70] Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 143; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 204.

[71] Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 46.

[72] ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 155. Аверьянов ошибочно считал, что это произошло утром 26 февраля, между тем военная комиссия возникла только 27 февраля.

мые Энгельгардта – полковники Л. С. Туган-Барановский, князь Г. Н. Туманов (также руководил регистрационным отделом комиссии) и Г. А. Якубович. Впоследствии они играли видную роль в военном министерстве (Якубович и Туманов стали помощниками министра при А. Ф. Керенском, а Туган-Барановский возглавил канцелярию министерства).

В работе комиссии с 28 февраля 1917 г. принимали участие полковник П. А. Половцов, генерал-майор Г. Д. Романовский, полковник У. И. Самсон-Гиммельшерна (с 1 марта занимался созданием общественного градоначальства, занимал пост помощника общественного градоначальника), с 1 марта – сотрудники Гучкова подполковник В. П. Гильбих (в апреле – мае 1917 г. возглавлявший комиссию) и генерал-майор А. С. Потапов[73]. Еще одним членом комиссии стал подполковник В. Л. Барановский[74]. 1 марта комиссию возглавил сам Гучков при помощнике генерал-майоре А. С. Потапове[75]. С 4 марта комиссией руководил А. А. Поливанов. Энгельгардт якобы рассчитывал на пост военного министра и даже пытался заручиться поддержкой генерала М. В. Алексеева[76]. Однако военным министром с 3 марта 1917 г. стал А. И. Гучков. Интересно, что в то же время Энгельгардт опасался оказаться репрессированным в результате революции как жирондисты[77].

Находившийся в Таврическом дворце С. Д. Мстиславский (Масловский) вспоминал: «Энгельгардт сидел за "моим" столом, окруженный целой плеядой офицеров Ген. штаба – того же гвардейского корня, что и он сам: князь Туманов, Самсон фон Гиммельшерна, грузный "георгиевец" Якубович, Романовский (помнится…) и другие... Разговор шел о фактическом восстановлении штаба Петроградского военного округа, – впредь до того, как выяснится судьба "настоящего" штаба, – 27-го февраля забившегося в щели и все еще не решавшегося показаться на свет Божий. Временный штаб

---

[73] Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 53; Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 251–255.
[74] Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 251.
[75] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 136.
[76] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 111. Впрочем, в своих воспоминаниях он утверждал, что, наоборот, якобы просил у Гучкова отставки (Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 58), что не стыкуется с его переговорами с М. В. Алексеевым 3 марта 1917 г. (Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 39).
[77] Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 60.

этот постановлено именовать "Военной комиссией при Временном комитете Госуд. Думы". По штабному шаблону уже разверстаны были отделы, шло распределение должностей…».[78]

Костяк первых революционных офицеров, пожалуй, кроме Потапова, генерал П. И. Аверьянов считал энергичнейшими и выдающимися по своим способностям генштабистами, которые стремились работать на благо страны[79]. «Революционные» генштабисты помогали товарищам по Генштабу, например, спасли от ареста генерала Занкевича. Но эта группа офицеров не представляла путей реформирования армии, а лишь стремилась «играть роль» в переломное время.[80]

Петроградские генштабисты контролировали переговоры императора с императрицей.[81] По некоторым данным, связь Ставки с Царским Селом 1 марта была прервана по распоряжению Б. А. Энгельгардта, связь должна была осуществляться с Государственной Думой, в которой установили аппарат Юза.[82] Радиостанция Царского Села также перестала отвечать на сигналы Ставки. Энгельгардт участвовал в подготовке приказа о наведении порядка в городе, что способствовало переходу офицеров на сторону революции, назначил комендантов в разные части Петрограда, офицеры вели переговоры с колеблющимися начальниками. По приказу военной комиссии был осуществлен захват Адмиралтейства, чему способствовали распоряжения М. И. Занкевича.[83] Сам Энгельгардт по приказу М. В. Родзянко выезжал агитировать в казармы Лейб-гвардии Преображенского полка на Миллионной улице.[84]

В работе военной комиссии участвовали также офицеры без академического образования. И хотя реальных сил в распоряжении комиссии не было, так или иначе поддержавшие Думу офицеры способствовали минимизации сопротивления в Петрограде и вокруг него. В то же время они несут от-

---

[78] Мстиславский С. Пять дней. С. 44.
[79] ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 160об.
[80] Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843 (2) (6) (2). Box 2. Носович А.Л. Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 2. С. 12–13.
[81] Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 27; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. М., 2015. С. 119.
[82] Пронин В.М. Последние дни царской Ставки. С. 270.
[83] Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 101–102.
[84] Там же. С. 112.

ветственность и за разрушительные последствия тех распоряжений, которые отдавались из Таврического дворца.

Противники подавления «народной воли» были и среди других петроградских генштабистов. 27 февраля на собрании старших офицеров в гостинице «Астория», где обсуждался вопрос о сопротивлении сдаче офицерами оружия нижним чинам, неизвестный полковник Генштаба заявил, по свидетельству очевидца: «Помилуйте, господа, разве мы в средние века живем? Оружие надо сдать! Мы не можем идти против народной воли! Это преступление проливать народную кровь»[85]. Впоследствии этот офицер был встречен мемуаристом в гетманской армии. Однако против сдачи оружия выступили генерал Н. Г. Володченко и подполковник Н. Н. Тилли. Генерал А. В. Каульбарс вспоминал: «Все военные люди того времени и особенно старшие из них, находились под почти непрерывающимся наблюдением новых властей: обыски в квартирах с целью поиска и отобрания оружия, допросы, аресты и т. п. производились часто и подвергая военных серьезной опасности, крайне стесняли свободу передвижения. Вместе с тем стоимость жизни стала расти быстро, и необходимо было подумать и хлопотать о сохранности своего имущества»[86].

Генерал-майор С. П. Михеев позднее свидетельствовал: «Лично я считаю партийность для армии вредящей ее боеспособности, а потому сам ни к какой партии никогда не принадлежал, хотя в первые дни революции, как заведывающий школами прапорщиков Петроградского военного округа, 28-го февраля открыто стал в ряды революции и в ночь на 1-е марта получил указания и задачи от Родзянко и Гучкова. Приказания эти были мне даны в письменной форме, и я могу по требованию представить копию с них. В последующие дни я неоднократно бывал в Петрограде в С. Р. и С. Д. для разрешения различных вопросов по делам Петергофского гарнизона, начальником коего я был назначен Военным комитетом при Государственной Думе…».[87]

Начальник Генерального штаба генерал П. И. Аверьянов вспоминал о событиях февраля-марта 1917 г. в Петрограде: «Числясь больным, я никуда из своей квартиры не выходил. О начавшихся 25 февраля в Петрограде беспорядках и о дальнейшем развитии их 26, 27, 28 февраля и 1го марта я знал

---

[85] Марков С.В. Покинутая Царская Семья. 1917-1918. Царское село – Тобольск – Екатеринбург. М., 2002. С. 89.
[86] BAR. Semenovskii Polk Papers. Box 5. Khol'msen I.A. [untitled].
[87] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1313. Л. 300–300об.

лишь сначала из газет, а когда газеты перестали аккуратно выходить, то из заменивших в эти дни газеты различных листков и "известий", покупаемых по моему приказанию прислугой… а также из рассказов некоторых офицеров, служивших в Генеральном и в Главном штабах и вынужденных ночевать у меня на квартире, не выходя из здания Главного штаба, т. к. они не имели возможности вернуться к себе домой по наполненным бунтующими толпами рабочих и солдат улицам. Из этих источников мне делались известными часто весьма противоречивые слухи и сведения о какой-то думской военной комиссии во главе с членом Государственной Думы, Генерального штаба полковником Б. А. Энгельгардтом, который якобы приказывал бунтующим солдатам расстреливать не примкнувших к бунту офицеров. Потом дошли до меня слухи и об участии в этой комиссии и других офицеров Генерального штаба, причем называли служивших в Гл[авном] упр[авле]нии Генерального штаба и моих ближайших помощников в бытность мою начальником мобилизационного отдела Гл[авного] упр[авле]ния Генер[ального] штаба, а именно полковника Якубовича и подполковников[88] князя Туманова и Л. С. Туган-Барановского. Мои попытки в эти дни переговорить с кем-либо из начальников отделов Генер[ального] штаба не приводили ни к чему, т. к. всегда оказывалось, что они где-то отсутствовали, а о моем (на время моей болезни) заместителе, генерале Занкевиче, мне докладывали чаще всего, что он у военного министра, генерала Беляева; однажды доложили, что он в казармах Павловского полка, а другой раз – что он организует отряд для подавления бунта; потом, кажется, уже 1 марта, мне доложили, что начальник отдела по устройству и службе войск, генерал Каменский, находится с некоторыми офицерами отдела в Государственной Думе. Начальники отделений Гл[авного] упр[авле]ния Генер[ального] штаба, которых я тоже вызывал по телефону, также или отсутствовали или же докладывали мне, что сами находятся в полном недоумении относительно происходящих в Петрограде событий, сами питаются слухами, а начальства своего не видят и что осветить мне положение могли бы только Якубович, Туган-Барановский и кн. Туманов, с 26 февраля[89] находящиеся в думской военной комиссии и даже в Совете рабочих депутатов. Фамилии этих 4[x] офицеров Генерального штаба (в том числе и полк. Энгельгард[т]а) стали попадаться и в продаваемых на петроград-

[88] П. И. Аверьянов неточен, на момент описываемых событий все они были полковниками.
[89] Правильно – с 27 февраля.

ских улицах листках и новых газетах, где их восхваляли за то, что они "стали на сторону восставшего народа". Вообще еще до 2 марта эти 4 фамилии стали одиозными и были на устах у многих лиц военного петроградского мира. Вскоре к ним присоединилось ставшее еще более одиозным имя Генер[ального] штаба генерал-майора Потапова, которого не нужно смешивать с его однофамильцем, служившим в то время в Гл[авном] упр[авле]нии Генер[ального] штаба, генерал-майором Николаем Михайловичем Потаповым (бывшим до войны русским военным агентом в Черногории). Я умышленно останавливаюсь на этих слухах, в то время циркулировавших по Петрограду относительно этих "одиозных" имен, т. к. именно с этого времени и благодаря именно этим лицам создалось столь распространенное мнение, что офицеры Генерального штаба "первые перелицевались на революционный лад". Впоследствии для меня вполне выяснилось, что три четверти слухов и сплетен о деятельности в первые дни революции полк. Якубовича и подполковников кн. Туманова и Л. С. Туган-Барановского совершенно не соответствовали действительности, чего я, однако, не сказал бы о деятельности генерала Потапова, но последний был просто больной, ненормальный и почти "не вменяемый" человек, с которым военный министр А. И. Гучков не знал впоследствии, как и разделаться, как его сплавить не только из Петрограда, но даже вообще из России. Крайне обеспокоенный слухами относительно вышеназванных штаб-офицеров Генер[ального] штаба, я, после долгих неудач, добился (кажется, 28 февр[аля] или 1го марта) соединения меня по телефону с полковником Б. А. Энгельгардтом, рассчитывая узнать от него истину о причинах нахождения в возглавляемой им думской военной комиссии этих офицеров, но с первых же моих слов я был резко и грубо оборван полковником Энгельгардтом и едва ли даже не обруган им. "У меня нет времени, да и нежелательно мне разговаривать с такими…", услыхал я по телефону, но конца фразы не расслышал и не понял…»[90]

После ареста 28 февраля генерала С. С. Хабалова вр.и.д. главнокомандующего Петроградским военным округом стал генерал Н. С. Аносов, получивший назначение 2 марта по приказу М. В. Родзянко[91]. Утром 1 марта в Собрании армии и флота прошел митинг офицеров петроградского гарнизона под руководством еще одного генштабиста полковника И. И. Защука. Было

[90] ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 141-143.
[91] Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 119.

вынесено постановление «идти рука об руку с народом». Резолюцию офицерская делегация доставила в Таврический дворец[92].

Помимо представителей старого Генштаба на сотрудничество с Государственной Думой пошли некоторые слушатели ускоренных курсов Николаевской военной академии (курсовики), составлявшие более демократичную группу офицеров. В связи с нехваткой офицеров через правителя дел академии полковника А. И. Андогского в расположенный в непосредственной близости от академии Таврический дворец 2 марта были вызваны 20 офицеров[93], а на следующий день – еще 16 человек[94]. Прибывшие слушатели сыграли организующую роль.

Документально удалось установить, что семь слушателей ускоренных курсов 27 февраля 1917 г. отправились в Таврический дворец, где изъявили желание работать вместе с представителями Государственной Думы и поступили в распоряжение полковника Б. А. Энгельгардта[95], назначенного председателем военной комиссии. Энгельгардт вечером 27 февраля был включен в состав Временного комитета Государственной Думы, назначен комендантом Таврического дворца (пробыл в этой должности до утра 28-го)[96], а затем ему поручили руководить петроградским гарнизоном. Курсовик И. А. Антипин, в частности, стал ведать столом учета воинских частей, перешедших на сторону Государственной Думы. Участвовали в этой работе также курсовики В. И. Боголепов[97] и И. А. Войтына, причем последний даже занимался организацией обороны Варшавского вокзала на случай прибытия правительственных войск под командованием генерала Н. И. Иванова[98]. Штабс-капитан Н. Ю. Вержбицкий стал помощником коменданта Таврического дворца. В 1922 г., пытаясь продемонстрировать свои революционные заслуги и избежать преследования за службу у белых, он писал в рапорте: «Мое поведение в Петрограде в первые дни февральской революции, когда я по должности (принятой мною добровольно после переворота) помощника коменданта Таврического дворца, организовывал охрану Таврического района, оказывая ряд услуг

---

[92] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 135.
[93] Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 28.
[94] Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 127.
[95] Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 72.
[96] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 239.
[97] ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3031 (3648). Л. 6об.
[98] ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3036 (3653). Л. 17об.

впервые организовавшемуся тогда совету рабочих и солдатских депутатов, и многие другие факты свидетельствуют, как далек я от психологии "контрреволюционера"»[99].

Среди слушателей академии, направленных в распоряжение членов военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, были со 2 марта: подполковники А. Н. Виноградов (занимался делопроизводством по личному составу) и Б. Н. Скворцов, капитаны Н. А. Киселев, М. Е. Шохов (занимался делопроизводством по личному составу), штабс-капитаны Н. Ю. Вержбицкий (офицер при управлении коменданта Таврического дворца), А. П. Вохмин (занимался работой по казначейской части), Карпекин (в зале армии и флота выдавал удостоверения офицерам, уезжавшим на фронт), Б. И. Кузнецов, Лейн (работал в столе приказов Общей канцелярии), И. Н. Полковников, В. Ф. Притоманов (работал в столе приказов Общей канцелярии), Н. Т. Раздоров, П. М. Стрыхарь (занимался рассмотрением прошений), Б. Н. Тюренков (работал в отделе регистрации войск), Чернышев (занимался рассмотрением прошений), поручик В. Н. Маслов (в отделе службы связи); затем (с 3 марта): капитаны И. Т. Алексеев, И. А. Войтына, Д. А. Гебель, И. Р. Гетманцев, С. К. Гиндце, Н. Н. Доможиров, П. А. Кривченко, Б. П. Лапшин, С. С. Любинский, П. И. Ляшко, Матюшков, А. Г. Пахомов, А. М. Перемытов, Попов, Трухин, П. А. Федосеев, Н. А. Штюрмер, штабс-капитаны И. Д. Мараев, Н. Н. Розанов, подъесаул И. А. Смирнов[100]. Это были слушатели старшего класса ускоренных курсов 1-й и младшего класса ускоренных курсов 2-й очереди академии. Возможно, привлечение курсовиков к этой деятельности прививало им определенный вкус к политической активности. Уже в советский период выпускники курсов 2-й очереди проявили незаурядную корпоративную сплоченность, которая даже вызвала беспокойство большевистского руководства[101].

О настроениях слушателей академии свидетельствовал курсовик И. Д. Чинтулов в показаниях по делу «Весна»: «Когда я в феврале 1917 г. очутился в Петербурге[102], в Военной академии, куда я был вызван для про-

---

[99] РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 13.

[100] Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. С. 255–260, 268, 272–273, 275, 276. Внесены уточнения по собственным изысканиям.

[101] Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 33–66.

[102] Правильно: в Петрограде.

должения военного образования, и оказался свидетелем Февральской революции, мне не показалось трудным нарушить присягу. Я видел вокруг себя только единомышленников. Академия казалась целиком на стороне восставших. Во всяком случае, никто не взялся за оружие, чтобы бороться за царизм. Последующие события в Питере до июня месяца протекали на моих глазах. Множество партий не давало возможности, за делом, приглядеться к ним пристальнее. Шумели больше всех кадеты и большевики. На мой взгляд, события не сулили умиротворения. Большевики грозили разложением и упразднением армии, но было ясно, что им без вооруженной силы не обойтись»[103]. О том, что академия была важна для новых петроградских властей, свидетельствует то, что новый военный министр А. И. Гучков уже 6 марта 1917 г. выступил перед слушателями академии с призывом быстрее овладевать знаниями, дабы влить свежую струю в военное руководство[104].

Революционная смута во многом была смутой в головах, что порождало порой неожиданные заявления. Так, штабс-капитан Т. Д. Кругликов 20 марта 1917 г. подал прошение об отчислении от академии со следующими словами: «Как очевидец и участник великих событий, происшедших в Петрограде с 27 февраля по сей день, могу принести существенную пользу на фронте своим живым словом к войскам»[105]. Есть данные о том, что 2–3 марта курсовиков в распоряжение военной комиссии Временного комитета Государственной Думы вызвал казначей комиссии полковник Н. К. Вегге.

Смена власти была отмечена многочисленными актами насилия в отношении офицеров, в том числе генштабистов. Наиболее масштабные, массовые убийства офицеров произошли на Балтийском флоте, но и в самом Петрограде офицерам было небезопасно. По всей столице прокатилась волна обысков. Толпы солдат искали офицеров и оружие по квартирам, грабили, творили насилие. Показаться на улице офицеру становилось небезопасно. У ряда слушателей ускоренных курсов Николаевской военной академии в Петрограде бесчинствующие солдатские толпы в конце февраля – марте 1917 г. отби-

---

[103] ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 6–6об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.

[104] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 39; Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 113.

[105] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 31.

рали оружие, в том числе врываясь в их квартиры[106]. У генерала А. А. Поливанова толпа забрала коллекцию оружия и часть одежды и обуви, у генерала А. З. Мышлаевского – револьвер, шашку, 2 пальто, 30 бутылок вина[107]. Генштабист Ю. П. Апрелев вспоминал: «В эти дни выходить на улицы было неприятно, особенно в погонах и при оружии»[108]. Сам Апрелев тогда был арестован. В дни революции, в феврале – начале марта 1917 г., пропал без вести слушатель старшего класса академии штабс-капитан 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка С. И. Матвеев-Рогов[109]. До конца апреля поиски ни к чему не привели[110].

Преподаватели, по долгу службы пришедшие в академию, из соображений безопасности были вынуждены ночевать в ней, либо на квартирах у коллег, проживавших поблизости. Так, 27 февраля 1917 г., опасаясь возвращаться из академии по городу, профессор М. А. Иностранцев заночевал на квартире своего сослуживца полковника Д. К. Лебедева, а на следующий день при попытке вернуться домой попал под пулеметный обстрел. Чтобы не подвергать преподавателей и слушателей риску, занятия были прерваны на две недели с 27 февраля по 12 марта (позднее пропущенный период добавлен к учебному курсу, который завершился не 1-го, а 15 мая[111]). Небезопасно стало офицерам находиться и у себя на квартирах. Многие преподаватели и слушатели пострадали вследствие беспорядков и обысков с изъятием оружия. Пострадавшие вряд ли были в восторге от смены власти, с которой начали сотрудничать некоторые их сослуживцы. Семена идейно-политического раскола офицерства были посеяны.

Активное сотрудничество ГУГШ с новыми властями началось 2 марта 1917 г., когда, по свидетельству П. И. Аверьянова он принял решение вернуться на службу: «В 8 час. утра 2 марта ко мне на квартиру прибыли несколько офицеров Главного управления Генер[ального] штаба с генералом Каменским и полковником Ермаковым во главе. Последние два доложили мне, что они явились ко мне в роли депутатов от Главного управления Гене-

---

[106] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 112, 113, 134, 184, 223об., 224, 227-228, 230, 232, 234, 236, 307, 429.
[107] ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 19а. Л. 10.
[108] BAR. Iu.P. Aprelev manuscripts.
[109] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 41.
[110] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1.. Д. 1535. Л. 66.
[111] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 87об.

рального штаба, служащие которого просят меня немедленно же вступить в исполнение служебных обязанностей по моей должности начальника Генерального штаба, т. к. наступили полнейшее безвластие и хаос, в котором они теряются и чувствуют себя заброшенными. Генерал Каменский доложил еще мне, что в данный момент здесь же в здании Главного штаба происходит арест военного министра генерала Беляева, который, просидев некоторое время в Адмиралтействе, защищаемом небольшим сборным отрядом генерала Занкевича (вр. исп. обязанности начальника Генерального штаба во время моей болезни), перешел ночью вчера в Гл[авное] упр[авле]ние Генер[ального] штаба, где и скрывался в его, генерала Каменского, квартире, а сегодня утром по телефону отдал себя в распоряжение образовавшегося под председательством М. В. Родзянко Временного комитета Государственной Думы, откуда ему ответили, что его сейчас отвезут, не то в Петропавловскую крепость, не то в Государственную Думу (в Таврический дворец); что же касается генерала Занкевича, то где он теперь – неизвестно, а его отряд частью самовольно разошелся, частью перешел на сторону бунтовщиков, а частью попал в плен к последним. От этих же депутатов я узнал, что все улицы Петрограда уже третий день наполнены бесчинствующими солдатами, что происходят обыски и разгромы квартир не только лиц официального служебного положения, но и частных обывателей, что арестовали многих видных генералов, что на улицах часты случаи убийства солдатами и рабочими офицеров и срывания с них погон, что Петрограду грозит полная анархия со всеми ее ужасами, что наводят порядок какие-то подозрительные офицеры, не то самозванцы, не то действительно уполномоченные на это думской военной комиссией полковника Энгельгард[т]а; что двор и наружные двери огромнейшего здания Главного штаба заняты какой-то сборной командой солдат гвардейских запасных частей…»[112]

Тем же утром состоялось совещание начальников Генерального штаба П. И. Аверьянова, Морского Генерального штаба А. И. Русина, начальника Главного штаба Н. П. Михневича и дежурного генерала Главного штаба А. П. Архангельского, которые затем в 9 часов утра поехали на грузовике в Таврический дворец, где провели переговоры с представителями Временного комитета Государственной Думы. По воспоминаниям генерала Аверьянова, во дворце уже находились подполковники Туган-Барановский и князь

[112] ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 143об.-144об.

Туманов, причем «названные офицеры Генерального штаба, как проведшие в Государств[енной] Думе все время с 26 февраля[113], являлись "своими людьми" в том неописуемом хаосе, который царил во всех помещениях дворца; к ним обращались, им даже повиновались в этой разнузданной толпе»[114]. В Таврическом дворце Аверьянов встретил своего старого знакомого князя Г. Е. Львова, причем последний при встрече даже трижды расцеловал генерала как на Пасху[115]. В тот же день вслед за М. В. Родзянко Аверьянов направил в Ставку телеграмму о необходимости назначения генерала Л. Г. Корнилова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа «для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному комитету, спасающему монархический строй»[116].

Важнейшую роль в событиях отречения Николая II от престола сыграла Ставка. К сожалению, свидетельства активных участников событий из Ставки (самого М. В. Алексеева, генерал-квартирмейстера А. С. Лукомского, дежурного генерала П. К. Кондзеровского, младшего штаб-офицера для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера Д. Н. Тихобразова, начальника службы связи Б. Н. Сергеевского и других) крайне скупы, нацелены на полное оправдание действий чинов Ставки и порой искажают факты, что объясняется стремлением не афишировать свое участие в событиях ввиду их гибельных для страны последствий, выявившихся позднее. При изучении обширного массива свидетельств участников очевидны попытки представителей Ставки переложить ответственность за произошедшее на главнокомандующих армиями фронтов Н. В. Рузского и А. А. Брусилова[117]. Диаметрально противоположный взгляд на поведение работников Ставки и штаба Северного фронта содержат мемуары чинов императорской Свиты. Со своей стороны, впоследствии пытался запутать ход событий и главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский.

Большевик А. Г. Шляпников, знакомившийся не позднее середины 1920-х гг. с документами Ставки, свидетельствовал касательно судьбы

---

[113] Правильно – с 27–28 февраля.
[114] ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.
[115] Там же. Л. 148об.
[116] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 7.
[117] См., напр.: Пронин В.М. Последние дни царской Ставки. С. 263.

подлинников ключевых опубликованных в связи с отречением документов: «Мы попытались проверить их по имеющимся архивным материалам, но среди документов Ставки ни подлинников, ни копий не оказалось. Выяснилось, что многие материалы за время от 20–25 февраля и по 5–10 марта 1917 г. во всех штабах и армейских управлениях из дел умышленно изъяты еще во времена господства генералов. Однако по номерам, которыми помечены телеграммы Ставки, а также по косвенным данным можно определить их достоверность»[118].

Косвенным подтверждением сокрытию документов служит свидетельство служившего в Ставке Д. Н. Тихобразова об архивной судьбе важнейшей телеграммы Николая II о передаче престола наследнику цесаревичу, подписанной уже после отречения и сокрытой генералом М. В. Алексеевым. Тихобразов свидетельствовал: «Бланк непосланной собственноручной телеграммы Николая II председателю Вр. правительства генерал Алексеев до своего ухода из Ставки хранил у себя. Будучи назначен Верховным главнокомандующим и объезжая фронты, генерал Алексеев брал всегда с собой подполковника Тихобразова в качестве офицера Генерального штаба. В одной беседе с ним после обеда в вагоне-салоне, вспоминая приход к нему государя 4 марта, Алексеев говорил этому офицеру, что телеграмму Николая II он оставил у себя, решив о ней никому пока не говорить, дабы не смущать умы, а после своего ухода из Ставки передать ее на хранение в штаб, что генерал Алексеев на самом деле и сделал. Эту телеграмму автор держал в своих руках после инцидента с генерал-квартирмейстером Романовским, будущим начальником штаба белых деникинских армий. В начале июня 1917 г., позвав к себе временно и. д. начальника оперативного отделения, генерал спросил его о порядке хранения документов государственной важности. Подполковник Тихобразов, дав соответственное разъяснение, спросил генерала: "Вы имеете, наверно, в виду собственноручную телеграмму государя о согласии на передачу престола наследнику?".

Романовский вспыхнул: "[Под]полковник, неужели вы позволили себе рыться в ящиках моего письменного стола?" и инстинктивным жестом положил руку на ключ одного из правых ящиков своего письменного стола. Сознавая, что его ответ мог ошеломить Романовского до такой степени, что он не отдавал себе отчета в оскорбительности произнесенных слов, Тихобразов ре-

[118] Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2. Март. С. 4.

шил принять их за шутку, и, улыбаясь, ответил: "Ну, Ваше Превосходительство, до этого я еще не дошел. Если же я в курсе дела, то это нисколько не удивительно", и подполковник изложил подробно все обстоятельства дела.

"Так как генерал Алексеев ушел, то я вправе был полагать, что слово свое он сдержал. В таком случае, к кому, как не к вам, могла попасть телеграмма, так как все документы по революции хранятся в нашем оперативном отделении. Кстати, покажите мне телеграмму". Романовский прочесть телеграмму дал, но в оперативное отделение ее не передал. Какова ее дальнейшая судьба – автору этого узнать не удалось. Возможно, что она передана была в дела Чрезвычайной следственной комиссии Муравьева»[119].

Подобная особенность источниковой базы предопределяет немалую сложность в установлении истинного хода событий. Однако совокупность разнообразных источников, опубликованных как в эмиграции, так и в СССР, позволяет рассмотреть интересующий нас вопрос с разных сторон путем сравнительного анализа и выявления нестыковок в документах.

Показателен сам характер оправданий чинов Ставки. Подполковник Д. Н. Тихобразов писал: «Высшие чины Ставки и офицеры Генерального штаба, отлично отдавая себе отчет в недостатках государственного управления, все же оставались лояльны в отношении государя, чем объясняется неуспех мысли о дворцовом перевороте в Ставке… Факт, что после революции, морского штаба адмирал Бубнов рассказывал автору подробности проектированного дворцового переворота, не может служить доказательством, что адмирал был к нему причастен»[120]. Из этой фразы следует, что вопрос о дворцовом перевороте стоял на повестке дня и, так или иначе, обсуждался даже со штаб-офицерами Ставки.

Генерал М. В. Алексеев вернулся в Ставку после лечения 17 – 18 февраля, всего за неделю до начала беспорядков в Петрограде. По его просьбе в Ставку из Царского Села 22 февраля выехал, а 23-го прибыл император[121]. За этим последовали решающие события. Как отмечал состоявший тогда при императоре генерал Д. Н. Дубенский, «генерал Алексеев пользовался в это время самой широкой популярностью в кругах Государственной Думы, с которой

---

[119] Тихобразов Д.Н. Дни пребывания императора Николая II в Ставке после отречения. С. 48-50 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 1.

[120] Там же. С. 51.

[121] Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 284; Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 267–268.

находился в полной связи»[122]. 26 февраля датирована тревожная телеграмма М. В. Родзянко Алексееву о событиях в Петрограде, содержавшая требование смены правительства на формируемое Думой. В телеграмме были и следующие строки: «Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение»[123]. По свидетельству Дубенского, Алексеев был очень встревожен[124] и вечером 27 февраля согласовывал вопросы отправки на Петроград карательной экспедиции генерала Н. И. Иванова, назначенного главнокомандующим Петроградским военным округом вместо Хабалова. Основу отряда Иванова составил Георгиевский батальон охраны Ставки, к которому по мере приближения к столице должны были присоединиться и другие части.

В этот период генералитет уже приступил к давлению на императора в плане реализации предложений, поступавших из Петрограда. В частности, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский телеграфировал императору о том, что карательные меры в сложившейся ситуации могут лишь обострить ситуацию[125]. На следующий день за необходимость переговоров с Петроградом высказался и Алексеев[126].

Фактически к началу марта император Николай II (в том числе в результате действий генералитета) оказался в изоляции и выпустил из рук рычаги управления армией. Давление на него с разных сторон возрастало. Важнейшими факторами, способствовавшими падению монархии, являлось отсутствие императора в столице, оторванность его от собственной семьи в Царском Селе (что дало повод для шантажа и давления), наличие на ключевых военно-административных постах в Петрограде лиц, вовлеченных в переворот. По свидетельству А. И. Гучкова, из всех вариантов устранения монарха заговорщики остановились на идее захвата императора с помощью верных офицеров во время его нахождения в пути между Ставкой и Петроградом[127]. Нечто подобное и было реализовано в итоге.

---

[122] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 36.
[123] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало) // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 6.
[124] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 41.
[125] Там же. С. 229; Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 91.
[126] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 238–239.
[127] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 18.

Вопрос о безопасности императорской семьи оказался краеугольным камнем всего отречения. Не случайно флигель-адъютант А. А. Мордвинов отметил, что, если бы императрица была рядом с Николаем II, отречения бы не было[128]. Рано утром 28 февраля император выехал из Могилева в направлении Царского Села, однако проехать туда не удалось и было решено остановиться в Пскове, куда императорский поезд прибыл около 20 часов 1 марта. 1 марта в своем дневнике Николай II записал: «Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там!»[129] Отъезд императора из Ставки спровоцировал последующие события, включая и действия генералитета.

Около часа ночи 1 марта М. В. Алексеев командировал начальника службы связи Ставки подполковника Б. Н. Сергеевского с большим пакетом к великому князю Сергею Михайловичу. Поручение выглядело необычным для генштабиста и сильно удивило самого посланца. По предположению Сергеевского, речь шла об обсуждении кандидата в военные диктаторы[130]. Впрочем, на повестке дня стоял вопрос об уступках Петрограду.

Генерал Н. В. Рузский уже в беседах с приехавшими в Псков придворными заявил, что «придется, быть может, сдаваться совершенно на милость победителя»[131]. Ставка посредством помощника Алексеева генерала В. Н. Клембовского в 0 часов 25 минут 2 марта информировала императора (принимал информацию в Пскове генерал В. Г. Болдырев) о том, что Петроград уже находится в руках восставших, причем на их стороне даже Собственный Его Величества конвой, охранявший царскую семью[132]. Известно, что делегаты конвоя действительно ездили в Таврический дворец[133]. Но, несмотря на это,

---

[128] Мордвинов А.А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. М., 2014. Т. 2. С. 64.

[129] Дневники императора Николая II (1894-1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 295.

[130] Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 12–13.

[131] Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 81. Также см.: Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 232.

[132] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало). С. 54.

[133] Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 28; Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 88–90.

конвойцы добросовестно несли службу до 8 марта[134]. Более того в ночь на 2 марта императрица встретилась с приехавшим в Царское Село генералом Н. И. Ивановым, которому во избежание столкновений приказала отвести войска. Таким образом, прямой угрозы безопасности императорской семьи не было.

Существовала (пусть и неустойчивая) связь Ставки с Ивановым. Во всяком случае, Иванов получил телеграмму Алексеева о приостановке движения на Петроград в связи с успокоением там[135]. Следовательно, Ставка при желании могла разобраться в реальном положении императорской семьи. Однако вместо этого чины Ставки начали преднамеренно упоминать о переходе охранявшего семью императора конвоя на сторону революции. Делалось это явно в целях шантажа императора. Интересно, что при публикации документов генерал А. С. Лукомский в «Архиве русской революции» перенес время этого разговора на утро 2 марта[136].

Сам факт передачи Ставкой в Псков информации о положении Петрограда опровергает свидетельство начальника службы связи Ставки Б. Н. Сергеевского о том, что якобы с утра 28 февраля до ночи на 3 марта связь Ставки со столицей, по указанию Алексеева, была прервана[137]. Если связи не было, тогда тем более очевидно, что императора из Могилева дезинформировали сознательно. В действительности связь Ставки с Петроградом прекрасно работала.

Дежуривший в Ставке 28 февраля, 2 и 4 марта подполковник Д. Н. Тихобразов вспоминал об интенсивной работе телеграфа Ставки в те дни: «Чрезвычайные события вызвали чрезвычайную работу телеграфа, что приковывало дежурного по Генеральному штабу к прямым проводам. Таковые работали без отдыха, и не потому, что было много официальных телеграмм, но потому, что телеграфисты передавали ходящие слухи, сообщения; что творилось в Думе, на улицах, в разных учреждениях.

Не имеющие прямого к Ставке отношения ленты, свертываясь, падали в сорные корзинки.

---

[134] Зерщиков К. Собственный Его Величества конвой в дни революции // Часовой (Брюссель). 1938. № 210. 05.04. С. 11; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. С. 130.

[135] Допрос ген. Н.И. Иванова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 322.

[136] Документы к «Воспоминаниям» ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 260.

[137] Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 11–12.

Следить за всем дежурный штаб-офицер, конечно, не мог, но если что представляло интерес, телеграфный чиновник спешил поделиться с ним»[138].

В. В. Шульгин также подтверждал, что связь Петрограда и Ставки существовала, а председатель Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко постоянно вел переговоры и с Могилевом, и с Псковом[139]. Кроме того, посредством этой связи 2 марта было осуществлено назначение генерала Л. Г. Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа. Наличие связи подтверждает и полковник П. А. Половцов[140]. Все это опять-таки не исключает возможности передачи намеренной дезинформации.

Генерал В. Н. Клембовский был назначен помощником начальника штаба Ставки при генерале Гурко, в отсутствие Алексеева. По свидетельству последнего, реальной работы для Клембовского в Ставке не было, чем он сильно тяготился, оказавшись промежуточной инстанцией между дежурным генералом и начальником штаба. На роль Клембовского в те дни проливает свет позднейшая дневниковая запись Алексеева с изложением событий после возвращения в Могилев: «Поляк по рождению, принявший лютеранство для поступления в академию Генер. шт., Клембовский в скрытном, сдержанном характере укрыл свои истинные чувства к русским и окружающим вообще… Клембовский был самолюбив, любил работать… Он обратился с просьбою урегулировать его положение, дать ему самостоятельную область работы, предоставить возможность проявить свое "я"…. Сдержанность и скрытность Клембовского сказались вполне в дни совместной работы: он ни разу не высказался ни об общем положении нашем во второй половине февраля, ни о реформах, проведенных за время моего отсутствия из штаба. Мы ограничивались строго деловыми вопросами текущего второстепенного характера, и, быть может, присматривались друг к другу… В дни переворота мне сильно нездоровилось. Клембовский вел переписку, размеры которой возросли в эти дни до крайности. Оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта; впереди всего стала внутренне политическая сторона…

В то время, когда Лукомский, генерал-квартирмейстер, выбранный и выдвинутый тоже генералом Гурко в дни моей болезни, ярко определенно

---

[138] Тихобразов Д.Н. Разбор «Мартовских дней 1917 г.» С. П. Мельгунова в части, касающейся «Ставки». С. 12–13 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 2.
[139] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 170.
[140] Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 34–35.

стал на сторону удаления от дела бывшего государя, Клембовский ни словом не выдал своего мнения, своего взгляда. С точностью машины он выполнял указания, получаемые от меня»[141]. Итак, Лукомский, по этому свидетельству, был активным сторонником отстранения императора, а Клембовский – пассивным исполнителем аналогичных распоряжений Алексеева.

Ночью 2 марта главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский с разрешения императора провел многочасовые переговоры с председателем Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко, завершившиеся уже рано утром. Среди прочего Родзянко отметил, что отправка войск на Петроград ведет к гражданской войне. На это Рузский ответил, что Николай II приказал Иванову ничего не предпринимать. Родзянко уже требовал не ответственного министерства, как прежде, а отречения императора, угрожая анархическими последствиями в столице. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Рузский не докладывал об исходе переговоров непосредственно императору, а сообщал информацию в Ставку в ожидании инструкций от Алексеева.

По свидетельству Б. Н. Сергеевского (впрочем, этот автор исказил практически все временные рамки событий 2 марта), Алексеев дважды в течение ночи приходил в аппаратную и вел длительные переговоры с Рузским[142]. По всей видимости, переговоры велись параллельно с разговором Рузского с Петроградом. По окончании переговоров с Родзянко Рузский отправился спать.

Д. Н. Тихобразов отмечал, что утром было получено согласие императора на ответственное министерство: «По присущему людям свойству принимать желания за действительность, я несказанно обрадовался, льстя себя надеждой, что эта уступка уладит положение. Бегом поднялся я по лестнице, направляясь к генерал-квартирмейстеру. На полдороге встречаю я генерала Алексеева. "Ваше Высокопревосходительство, наконец-то даровано ответственное министерство". Алексеев взял из моих рук телеграмму, прочел и, возвращая ее: "Подшить к делу".

Я открыл рот. Алексеев добавил: "Опережена событиями".

---

[141] Из дневника генерала М. В. Алексеева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 51–53.

[142] Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 27.

Я печально продолжал дорогу в оперативное отделение исполнить полученное приказание. Я подумал: "Значит, судьба Государя решена"…»[143]

После того, как разговор с Родзянко был передан Рузским в Ставку, Алексеев потребовал срочно доложить о нем императору. Передававший в Псков это требование Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки генерал А. С. Лукомский вновь акцентировал внимание на том, что в руках мятежных войск находится Царское Село и семья императора (аналогичную той информации, которую ранее передавал генерал В. Н. Клембовский). В случае отказа от отречения недвусмысленно давалось понять, что «произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия»[144]. Воздействие оказывалось на самое слабое место императора. Завершил беседу Лукомский повторением угрозы: «Дай бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи»[145]. Затем Рузский встретился с императором и, обрисовав ему тяжелую обстановку в Петрограде, высказался о необходимости отречения[146].

Параллельно с этим в Могилеве Алексеев в 10 часов 15 минут утра в инициативном порядке разослал главнокомандующим армиями фронтов телеграмму № 1872 с пожеланием спешно поддержать его мнение о необходимости отречения императора. Пытаясь оправдать Алексеева, Д. Н. Тихобразов отметил, что телеграмма была написана генералом А. С. Лукомским и лишь подписана «слегшим отдыхать Алексеевым»[147]. Разумеется, подобное оправдание трудно принимать всерьез, тем более, что это был не единственный шаг Алексеева по принуждению императора отречься.

Как справедливо свидетельствовал дворцовый комендант В. Н. Воейков, «телеграммы, которые посылал главнокомандующим председатель Государственной Думы Родзянко, и сообщения генерала Алексеева свидетельствова-

---

[143] Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 19 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.
[144] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало). С. 75.
[145] Там же.
[146] Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 296.
[147] Тихобразов Д.Н. Личные воспоминания о генерале Михаиле Васильевиче Алексееве, начальнике штаба Верховного главнокомандующего. С. 22 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 1.

ли об их единомыслии»[148]. Из Ставки же был получен проект манифеста об отречении, составлявшийся еще ночью[149]. В подготовке манифеста по поручению Алексеева участвовали генерал А. С. Лукомский и директор дипломатической канцелярии Ставки Н. А. Базили, а Алексеев редактировал текст. При этом Ставке никто не поручал заниматься составлением подобного документа. В опросе командующих участвовал генерал В. Н. Клембовский, переговоривший с А. Е. Эвертом.

Генералы-генштабисты, стоявшие во главе фронтов (А. Е. Эверт (Западный фронт), В. В. Сахаров (Румынский фронт, помощник командующего), великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт)), поддержали Алексеева. Отстранение монарха разочарованная военная элита считала важным шагом на пути к победному завершению войны. Поддержал отречение и генерал А. А. Брусилов (Юго-Западный фронт), не относившийся к генштабистам, а вечером того же дня и командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин, ставший первой жертвой отречения буквально через день (убит в Гельсингфорсе 4 марта). Некоторые сложности возникли с генералом Сахаровым, штаб которого отключил два провода связи со Ставкой. После того, как генерал Лукомский накричал на начальника связи Ставки подполковника Сергеевского («Потрудитесь по приказанию начальника штаба каким угодно способом, но заставить этого мерзавца (Сахарова. – А. Г.) ответить!»[150]), связь была установлена через штаб Юго-Западного фронта. В итоге Сахаров прислал несколько отличавшуюся от всех прочих телеграмму, в которой после длительной возмущенной преамбулы все же присоединился к общему мнению. Проговорка Лукомского представляется знаковой, косвенно свидетельствуя о предварительных договоренностях и ожидании от Сахарова телеграммы совершенно определенного характера.

Нарушавшее присягу коллективное мнение командующих фронтами с собственным настоянием Алексеева было передано императору телеграммой № 1878 в 14.30. Несколько ранее в тот же день (в 13.44 – 13.48) Алексеев телеграммой № 1877 от имени императора распорядился отозвать войска,

---

[148] Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 254.

[149] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 59; Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 124–125.

[150] Сергиевский Б.Н. Отречение 1917 // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 1985. Март. № 38. С. 27. Также см.: Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 51 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

направленные к Петрограду[151]. Главнокомандующие проявили удивительное единодушие, причем никто даже не усомнился в своей правомочности решать поставленный вопрос, что косвенно свидетельствует об определенной подготовительной работе. О том, что такая работа со стороны «общественных деятелей» велась, свидетельствовал со слов М. В. Алексеева и генерал А. И. Деникин[152]. По имеющимся данным, представители Государственной Думы вели переговоры с великим князем Николаем Николаевичем (младшим), М. В. Алексеевым, Н. В. Рузским и А. А. Брусиловым[153]. Более широкие круги военной элиты (командующие армиями и т. д.), в среде которых была возможна разноголосица, намеренно в события не посвящались.

Д. Н. Тихобразов вспоминал: «Я узнал, что в Думе возникла мысль о новых носителях власти: гражданской и военной. Для первой – называли кн. Львова, для второй – вел. князя Николая Николаевича.

Зная, что безвластие губительно, и что называемые имена в моем сознании вполне приемлемы как по существу, так и по неучастию в открытой борьбе за власть, я быстро поднялся наверх, в оперативное отделение, и настучал на отдельных листах две всеподданнейшие телеграммы с ходатайством о Высочайших назначениях – Львова председателем Совета министров, вел. князя – Верховным главнокомандующим, и пошел как дежурный, в кабинет генерала Алексеева, минуя генерал-квартирмейстера, во-первых, не зная его убеждений, а, во-вторых, для избежания потери времени: запрос главнокомандующих по вопросу об отречении был уже передан по прямым проводам… Алексеев не проронил ни одного слова. Протянув руку, он взял мои два телеграфных бланка и, подписав, передал мне их. Проведя их по журналу исходящих бумаг, я лично передал обе телеграммы в Псков с соблюдением положенных правил, касающихся Высочайших телеграмм»[154].

В связи с этим Тихобразов привел объяснение действий офицеров Ставки: «Для спокойствия фронта необходимо было переходу власти, хотя бы по виду, придать легальный характер, тем более что ставленники рево-

---

[151] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало). С. 64.
[152] Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 139.
[153] Оськин М. В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016. С. 87–88.
[154] Тихобразов Д.Н. Разбор «Мартовских дней 1917 г.» С. П. Мельгунова в части, касающейся «Ставки». С. 13-14 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 2.

люции были вполне приемлемы для нас»[155]. Эти слова можно распространить и на другие действия Ставки в тот период.

При повторной встрече с императором около 14.30 за отречение вновь высказался генерал Н. В. Рузский, а также взятые им для поддержки[156] генштабисты – начальник штаба фронта генерал Ю. Н. Данилов и начальник снабжения генерал С. С. Саввич.

Пять генерал-адъютантов, включая великого князя, а также еще три генерала потребовали от императора отречься от престола, что произвело колоссальное впечатление на монарха. Высший генералитет сумел внушить Николаю II мысль о том, что победа в войне возможна только в этом случае. Под давлением с разных сторон император был вынужден сделать свой выбор. Возможно, это на время уберегло его от худших последствий. В неопубликованных мемуарах подполковника Д. Н. Тихобразова содержится любопытное высказывание: «Не повлияй Алексеев на главнокомандующих и не отрекись государь “добровольно”, можно было ожидать повторения событий 1801 года, ибо дворцовый переворот был назначен на середину марта»[157]. К сожалению, о чем именно речь, мемуарист не пояснил.

В письме супругу на следующий день Александра Федоровна назвала Рузского иудой[158]. Как отмечал флигель-адъютант А. А. Мордвинов, «к генералу Рузскому мы (представители свиты. – А. Г.) уже давно, благодаря его прежнему начальнику штаба Бонч-Бруевичу, не чувствовали особой симпатии, а с первой же минуты нашего прибытия в Псков относились к нему с каким-то инстинктивным недоверием и большой опаской, подозревая его в желании сыграть видную роль в развертывавшихся событиях»[159].

К 14.45 император согласился отречься от престола, а около 15 часов подписал манифест (позднее он был переписан с указанием на передачу пре-

---

[155] Тихобразов Д.Н. Разбор «Мартовских дней 1917 г.» С. П. Мельгунова в части, касающейся «Ставки». С. 16 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 2.

[156] Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 307; Он же. Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 230; Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 195.

[157] Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 43 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

[158] Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 219.

[159] Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 93.

стола не наследнику цесаревичу, а брату императора)[160]. Пост Верховного главнокомандующего передавался великому князю Николаю Николаевичу (младшему). Представителям Свиты император сказал, по свидетельству дворцового коменданта В. Н. Воейкова: «Что мне оставалось делать, когда все мне изменили? Первый Николаша… Читайте»[161]. Речь шла о великом князе Николае Николаевиче.

По получении известий о том, что в Псков направляются член Государственного совета А. И. Гучков и член Государственной Думы В. В. Шульгин, император потребовал от Рузского вернуть ему телеграммы в Петроград и Могилев об отречении, но получил отказ (по другим свидетельствам, Рузский убедил императора оставить телеграммы у него при условии их неотправления до выяснения причин приезда петроградских визитеров[162]). Рузский потребовал, чтобы Гучков и Шульгин по приезде сначала зашли к нему, а только затем к императору[163]. Фактически он не собирался выпускать решение вопроса об отречении из-под своего контроля. Днем ранее Рузский проявил схожую активность в вопросе недопущения представителей Свиты к аппарату Юза для связи с Петроградом[164]. Около 16 часов телеграмма о решении императора была отправлена в Ставку, а телеграмму в Петроград задержали[165].

В это время, насколько можно судить, М. В. Родзянко пытался в обход Ставки вызвать в Петроград генерала Л. Г. Корнилова. Кандидатура этого генерала на важнейший по обстановке момента, имевший ключевое политическое значение пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа почему-то была предложена думскими деятелями именно на пике революционных событий 2 марта. До сих пор причины этого явно не случайного кадрового решения и возможные связи Корнилова с думцами не прояснены[166].

---

[160] Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 358, 363, 364.
[161] Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 235.
[162] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 197.
[163] Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 94; Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 242.
[164] Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 232.
[165] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 109.
[166] Подробнее о некоторых обстоятельствах этого назначения и о том, как эти обстоятельства позднее искажались ветеранами Белого движения, см.: Селезнев Ф.А. Царский генерал и революционная контрэлита: обстоятельства назначения Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом (2 марта 1917 года) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2015. С. 54–68.

По свидетельству Д. Н. Тихобразова, «пока между штабом Северного фронта и Ставкой шли разговоры о приезде в Псков членов Думы, который служил задержкой к опубликованию манифеста, телеграф не бездействовал.

Телеграммы приходили с разных сторон, одни, адресованные Ставке, другие – только проходя через ее аппараты.

Увидев, что с петроградского "Бодо" несется на аппарат Юго-Западного фронта длинная депеша, я потребовал ее себе на просмотр.

Каково было мое удивление, когда я прочитал: Командиру XXV корпуса генералу Корнилову. Смотрю на подпись: Родзянко.

Содержание телеграммы меня взорвало. Во-первых, по ее содержанию.

В то время, когда Ставка всеми силами стремилась сохранить дух, спокойствие и дисциплину армии, предохранить ее от политики, председатель Государственной Думы, Родзянко, не стесняясь в выражениях, пишет на фронт о негодности старой и теперь устраненной власти (которая, кстати сказать, еще единственная легальная, и главе которой царю, все присягали и от присяги ему еще никто не освобождал), о взятии правительственных дел в руки Вр. комитетом Государственной Думы и о передаче их образованному Вр. правительству и т. д…

"Для предохранения столицы от анархии решено передать главнокомандование войсками столицы доблестному и популярному генералу, каким является его превосходительство, и Вр. комитет Гос. Думы просит его не отказать принять назначение для блага родины, и прибыть немедленно в столицу".

Затем не мог я допустить, через голову Ставки, штаба фронта и штаба армии, пока еще не признанному революционному вождю обращаться к подчиненному царю генералу.

Наконец плохой и несуразный стиль, и ненужное многословие. В то время, когда телеграфные линии набиты передачей, когда только штабы фронтов имеют "Юзы", а штабы армии с штабами корпусов работают по "Морзе", сколько времени и труда будет зря затрачено на передачу этой подтачивающей дисциплину "литературы".

Я отпустил телеграфного чиновника, сказав, что ответственность за передачу телеграммы беру я на себя.

Затем, сев за машинку, на четвертушке листа, с прокладкой, настучал: "Комкор XXV генералу Корнилову. Предлагаю вам явиться в Ставку за получением дальнейших указаний" и понес ее генерал-квартирмейстеру.

"Ваше Превосходительство, задержав телеграмму Родзянки, предлагаю на Ваше усмотрение текст, ее заменяющий" и тут же дал вышеприводимые объяснения.

"Я с вами согласен", – ответил Лукомский, прочитав петроградскую телеграмму. "Вполне достаточно по приезде Корнилова в Ставку дать ему на прочтение телеграмму Родзянки".

Я отнес телеграмму Лукомского на телеграф, а родзянковскую подшил к делу, пометив карандашом: "Не отправлена"…»[167] Впоследствии проводилось расследование по этому поводу, причем генерал Алексеев на вопрос о том, кто задержал телеграмму, якобы ответил: «Ее задержал Генеральный штаб»[168]. По всей видимости, так себя и своих сотрудников идентифицировал в революционные дни сам генерал.

В 18.02 Ставка получила непосредственно телеграмму М. В. Родзянко с требованием назначить главнокомандующим Петроградским военным округом авторитетного у населения боевого генерала, каким признавался Л. Г. Корнилов. Алексеев в 18.55 направил запрос в Псков, присовокупив к нему просьбу отозвать в Могилев генерала Н. И. Иванова, назначенного на ту же должность 27 февраля. Соизволение императора было получено.

Около 22 часов в Псков прибыли А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Представители Свиты, опасавшиеся генеральского давления, сумели упредить Рузского и провели прибывших в императорский поезд. Впрочем, это уже ничего не меняло. Гучков и Шульгин получили подписанный манифест в 23.40, время подписания было оставлено прежним. При обсуждении и подписании манифеста из офицеров Генштаба присутствовали пришедшие Н. В. Рузский и Ю. Н. Данилов, хотя их присутствие не вызывалось необходимостью.

Последствий случившегося участники свержения императора не ожидали. В Ставке откровенно радовались отречению. Достаточно вспомнить последовавший за отречением Николая II диалог Алексеева и его близкого друга генерала В. Е. Борисова, изложенный последним: «Алексеев вошел ко мне в комнату и сказал: "Поздравляю Вас с конституционной монархией". Он был доволен и спокоен за будущее войны, а с нею и России. Я спросил: "Отчего не с республикой?" Алексеев ответил: "Для республики у нас нет готовых людей". Этот ответ Алексеева показывает глубину его государ-

[167] Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 26-29 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.
[168] Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 13 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

ственного взгляда»[169]. В действительности фраза продемонстрировала глубину непонимания Алексеевым последствий своих действий.

Служивший в Ставке подполковник Д. Н. Тихобразов впоследствии вспоминал о своей реакции: «Должен пояснить, почему я при всей моей верноподданнической любви к Николаю II радовался его отречению, как [и] лица по службе меня окружающие. Я искренно верил, что всех одушевлял один порыв, одно желание: напрячь все силы и довести войну до победного конца. Этим миражом обманут был и царь. Этим оптимизмом жила почти[170] вся Россия»[171].

Большевик А. Г. Шляпников отмечал, что «верхи командного состава выражали явное намерение возглавить революционное движение, оседлать его, умерить и ввести в "законные рамки"»[172].

Уже 3 марта Алексеев в связи с просьбами Петрограда задержать обнародование манифеста оказался встревожен явной неискренностью сообщений Родзянко о положении столицы[173]. Попытка Алексеева созвать совещание главнокомандующих, что могло привести к перехвату власти генералитетом, оказалась запоздалой и не была поддержана Рузским. Затем последовало не ожидавшееся генералитетом отречение Михаила Александровича, переговоры о котором были скрыты от генералитета. Стало ясно, что думские деятели просто использовали генералов в целях прихода к власти. В разговоре Алексеева с Брусиловым первый прямо заявил о том, что в новом правительстве «крайние элементы берут верх, и разнузданность приобретает права гражданства»[174], а в разговорах с сотрудниками Ставки Алексеев сожалел, что поверил в искренность некоторых людей, вследствие чего и произошли события 2 марта[175]. И хотя манифесты об отречении еще не были опубликованы, вышеуказанные сожаления не помешали Алексееву вечером 3 марта скрыть новую телеграмму бывшего императора о передаче престола наследнику[176].

---

[169] Борисов В.Е. Генерал М. В. Алексеев. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в войну 1914-1915 годов (из воспоминаний генерала В. Борисова) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922. Кн. 2. С. 18.
[170] Подчеркнуто мемуаристом.
[171] Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 33 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.
[172] Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2. Март. С. 62.
[173] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 284.
[174] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 33.
[175] Тихобразов Д.Н. Ставка и революция. С. 43 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3; Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1. С. 213.
[176] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 185.

Сожалел о случившемся не один Алексеев. Генерал А. Е. Эверт, по свидетельству супруги, на следующий день сказал ей: «Знаешь, что мне пришлось сделать – нарушить присягу, обратиться к государю с просьбой отречься от престола, все главнокомандующие обратились с этой просьбой, считают, что это – единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной"[177]»[178]. До конца своих дней Эверт испытывал угрызения совести в связи с этим. Показательна и реакция Эверта на расстрел Николая II: «20го июля пришло известие об убийстве государя. Оно совсем подкосило мужа. Он впал в свою прежнюю задумчивость, однажды у него вырвалось восклицание: "А все-таки, чем ни оправдывайся, мы, главнокомандующие, все изменники присяге и предатели своего государя! О, если бы я только мог предвидеть несостоятельность Временного правительства и Брест-Литовский договор, я никогда бы не обратился к государю с просьбой об отречении! Нас всех ожидает та же участь и поделом! "»[179] 5 марта бывший император получил письмо поддержки от генерала В.И. Гурко[180].

Впоследствии выдающийся кавалерийский начальник, монархист, генерал, граф Ф. А. Келлер писал Алексееву 20 июля (2 августа) 1918 г. из Харькова: «Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично все же приписываю любви Вашей к России и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законного Царя»[181].

О подготовке антимонархического заговора было известно в кругах Генерального штаба. Генерал С. А. Щепихин вспоминал в эмиграции: «Ген[ерал] Алексеев, очевидно, находился все еще в приятном для его самолюбия заблуждении, что событиями управляет он… правда, пока что в союзе с лицами, совместно с которыми, как говорили тогда, он давно уж подготовляет почву для радикальных изменений. Но факты скоро покажут, что и он сам, и его верные союзники-заговорщики одинаково были пешками не боль-

---

[177] Разговор с мужем передан мною, конечно, не дословно, сохранен смысл их [т.е. слов] и его манера выражаться (прим. Н.И. Эверт).
[178] ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4об.-5.
[179] ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 18-18об. Также см.: Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914-1918. М., 2010. С. 49.
[180] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 188.
[181] ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 73.

ше и настолько легковерными, что им оставалось только плыть, стремясь всеми силами удержаться на поверхности течения»[182].

Ему вторит генерал Э. В. Экк: «Теперь уже не подлежит сомнению, что и начальник штаба Верховного главнокомандующего, и большинство главнокомандующих фронтами знали о намечавшемся перевороте и дали на него свое согласие. Когда же наступил самый переворот, вместо того чтобы отстаивать армию и уберечь ее от неумелых вредных посягательств, они спешили идти навстречу всем нововведениям, иногда даже расширяли их, лишь бы упрочить свое положение»[183]. Далее Экк поясняет, что речь идет не только о главнокомандующих армиями фронтов, но и о командующих армиями.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-адъютант Н. В. Рузский, по свидетельству генерала М. Д. Бонч-Бруевича, «немедленно после "отречения" спорол с погон генерал-адъютантские вензеля отрекшегося императора и… с этих пор жил изо дня в день, не уверенный, ни в общем, ни в своем личном положении, ожидая от завтрашнего дня каких-нибудь новых осложнений»[184]. Генерал Алексеев, провожая бывшего императора из Могилева 8 марта 1917 г., отдал ему честь, а думским депутатам якобы поклонился, сняв головной убор[185]. Товарищ министра путей сообщения на театре военных действий генерал В. Н. Кисляков уклонился от прощания с бывшим императором[186].

Показательны высказывания генерала М. В. Алексеева, а также некоторых главнокомандующих армиями фронтов на совещании с представителями Временного правительства и Петросовета 4 мая 1917 г. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал А. М. Драгомиров тогда заявил: «Ужасное слово "приверженец старого режима" выбросило из армии лучших офицеров. Мы все желали переворота, а между тем много хороших офицеров, составляющих гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала или же не умели приспособиться»[187]. Подводя итог выступ-

---

[182] ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 229.
[183] Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014. С. 498.
[184] ОР РГБ. Ф. 369. Картон 421. Д. 9. Л. 24.
[185] Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 73; Воейков В.Н. С царем и без царя. С. 295.
[186] Тихобразов Д.Н. Дни пребывания императора Николая II в Ставке после отречения. С. 57 // BAR. D.N. Tikhobrazov Collection. Box 1.
[187] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.

лению главнокомандующих армиями фронтов, генералов А. А. Брусилова, В. И. Гурко, А. М. Драгомирова, Д. Г. Щербачева, и своему собственному, генерал М. В.Алексеев сказал, обращаясь к политикам: «Не думайте, что 5 человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренно присоединились и зовем вас к совместной работе»[188]. Неудивительно, что в ночь со 2 на 3 марта 1917 г. Николай II сделал в своем дневнике самую известную ныне запись: «Кругом измена и трусость, и обман!»[189]

Отречение императора было воспринято в среде офицеров Генерального штаба неоднозначно. Для основной массы генштабистов, не приближенных к власти, как и для большинства кадровых офицеров, произошедшее оказалось полной неожиданностью и серьезным ударом. Армию поставили перед свершившимся фактом. По свидетельству флотского офицера Б. В. Бьеркелунда, в те дни «состояние офицеров можно сравнить с состоянием человека, попавшего в стихийную катастрофу, разразившуюся в тот момент, когда он сам был занят мелочами своей повседневной служебной жизни»[190].

Как вспоминал служивший на Кавказском фронте Генштаба капитан К. З. Ахаткин, «когда же была получена телеграмма об отречении государя и отказе Михаила, ясная уверенность в завтрашнем дне пропала, еще мысль цеплялась за то, что главнокомандующим назначен Николай Николаевич. Но скоро и эта зацепка отпала. Он должен был уйти.

Начался душевный разлад. Хотелось верить, что будет лучше, но ум, но душа знали, что развал неминуем.

Пошли слухи о приказе № 1, передавалась по рукам декларация прав солдата. Масса почувствовала ослабление власти»[191].

Не лишне отметить, что именно один из офицеров-генштабистов попытался открыто поддержать императора. Начальник штаба Гвардейского кавалерийского корпуса генерал барон А. Г. Винекен от имени командира корпуса генерала Гусейн Хана Нахичеванского отправил Николаю II телеграмму о готовности гвардейской кавалерии умереть за императора, однако его начальник не одобрил такой телеграммы[192]. 12 марта 1917 г. Винекен застре-

---

[188] [188] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

[189] Дневники императора Николая II (1894-1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. 1905-1918. Ч. 2. 1914–1918. С. 296.

[190] Бьеркелунд Б.В. Воспоминания. СПб. 2013. С. 56–57.

[191] ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 36–36об.

[192] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 458.

лился, оставив в предсмертной записке приблизительно следующий текст: «Я поступаю так потому, что чувствую себя больше не в силах работать с пользою во время, когда это особенно нужно»[193].

Аналогичным образом поступил и генерал М. И. Гончаренко. По свидетельству близко его знавшего Ю. П. Апрелева, оставленному для своего брата, «у Гончаренко обыски следовали один за другим и, в конце концов, генерала арестовали и повезли в Государственную Думу, где, продержав некоторое время, освободили. Арест этот произвел страшное впечатление на Михаила Ивановича и, в сущности, с этих пор он начал все чаще и чаще задумываться и кончил, как тебе известно, самоубийством. Дом, где жил Гончаренко (дом Мурузи[194]) выходил как на Преображенскую площадь, так и на Литейный проспект, и это его угловое положение, а также соседство с казармами Литовского полка, создали жизнь в этом доме совершенно невыносимую. Обыски сменялись обстрелами и наоборот…»[195].

Ветеран Белого движения генерал В. Н. Касаткин с горечью вспоминал: «После отречения государя в конце марта было распоряжение принести присягу Временному правительству. Я, конечно, присягнул, полагая, что государь, отрекаясь, освободил нас от присяги Ему… Но в то же время я не подумал, что я присягаю убийцам своего Царя.

Дальше больше – 4 апреля 1917 года, т.е. через 1 месяц и 2 дня после политического самоубийства царя, я на съезде солдатских депутатов в Минске как председатель союза офицеров Зап[адного] фронта горячо говорил и воздавал хвалу декабристам, т.е. бунтовщикам, замышлявшим цареубийство.

Моя речь, конечно, была встречена аплодисментами солдатскими депутатами, и только моя совесть, которая присутствовала на этом собрании, мне сказала после этого выступления: "И как тебе, Вася, не стыдно!" и не разговаривала со мной весь день»[196]. Отречение императора оказалось ударом и для выдающегося военного ученого генерала А. Е. Снесарева. Будущий белый генерал П. П. Петров сознательно уклонился от присяги Временному правительству, воспользовавшись вызовом на телеграф для разговора с корпусами[197].

---

[193] Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. С. 168.
[194] Речь идет о доходном доме А.Д. Мурузи. Ныне – Литейный проспект, 24.
[195] BAR. Iu.P. Aprelev manuscripts.
[196] BAR. Memoirs of V.N. Kasatkin. Folder 1.
[197] Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М., 2011. С. 72.

Начальник штаба VII Сибирского армейского корпуса генерал-майор Ф. В. Степанов 9 марта 1917 г. в присутствии солдат заявил в столовой: «Ну что же, будем теперь называть нижних чинов на "вы", но с непременным прилагательным "с…а ваша мать"»[198]. Записавший это очевидец, военный врач, отмечал: «О Боже, как грубы и неразвиты у нас еще и офицеры Генерального штаба! Чем они не погромщики и не провокаторы?»[199] Существовавшая в старой армии колоссальная социальная, имущественная, культурная и мировоззренческая разница между высокопоставленными кадровыми офицерами и солдатской массой, в условиях ломки прежних норм неизбежно становилась благодатной почвой для кровавых конфликтов. Либерально настроенный военный врач В. П. Кравков характеризовал Степанова как «представителя военной бюрократии с прогнившей совестью и затхло-вонючим миропониманием» и считал дегенератом[200]. Не удивительно, что не умевший находить общий язык с солдатами Степанов в конце августа 1917 г. был убит толпой солдат в Выборге по подозрению в сочувствии генералу Л. Г. Корнилову.

Печально известный приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа от 1 марта 1917 г. положил начало повсеместному формированию солдатских комитетов в армии и привел к утрате офицерами всякого авторитета, власти и рычагов управления солдатской массой. Был нарушен основной принцип построения любой армии – единоначалие. Кроме того, в жизнь армии была привнесена политика. Тем не менее, гибельные последствия приказа стали очевидны позднее. В результате в полной мере проявились инстинкты крестьянской солдатской массы – нежелание воевать за непонятные интересы и склонность к анархизму. Вместо появления политически сознательной вооруженной силы в армии возникла анархия, братания с противником (как известно, использовавшиеся германским командованием в своих целях) и массовое дезертирство (по сути, стихийная демобилизация). Начались бесконечные митинги, выборы, заседания комитетов. Опытное кадровое офицерство было, во многом, выбито на фронте, а недавние прапорщики не могли справиться с солдатскими массами и скорее шли на поводу у них, чем пытались их обуздывать. Офицеры стали подвергаться гонениям, издевательствам и насилию. Прифронтовая полоса оказалась терроризирована солдат-

[198] Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. С. 299.
[199] Там же. С. 300.
[200] Там же. С. 279.

скими бандами, причем летом 1917 г. уже доходило до настоящих сражений с верными присяге войсками с применением пулеметов и артиллерии[201].

Пока же многие выпускники академии, в том числе оказавшиеся в будущем в рядах белых армий, искренне приветствовали свержение монархии. 8 марта 1917 г. новый главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал Л. Г. Корнилов (оказавшийся на этом посту по решению Гучкова, как «наиболее подходящий»[202] для организации защиты Временного правительства от посягательств), будущий вождь Белого движения, арестовал бывшую императрицу в Царском Селе и наградил руководителя бунта в запасном батальоне Лейб-гвардии Волынского полка – первой воинской части, перешедшей на сторону революции в Петрограде 27 февраля 1917 г., унтерофицера Т. И. Кирпичникова боевой наградой – Георгиевским крестом (в ходе беспорядков был убит начальник учебной команды полка штабс-капитан И. С. Лашкевич). Будущий оренбургский атаман А. И. Дутов на Общеказачьем съезде 28 марта 1917 г. заявил: «Мы предъявляем иск к старому режиму»[203]. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютант А. Н. Куропаткин записал в дневнике 8 марта 1917 г.: «Чувствую себя помолодевшим и, ловя себя на радостном настроении, несколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу; до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавистен государь, что, взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты, и тогда страшная резня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось восстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска действующей армии; победа, глубоко уверен в том, нам обеспечена»[204].

Некоторые генштабисты восторженно отзывались о тех политиках, которых позднее стали проклинать. Например, будущий начальник штаба Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России генерал-майор

---

[201] См., напр.: Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 599.
[202] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 72.
[203] Труды Общеказачьего Съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде. Обработаны под редакцией И.Г. Харламова. Пг., 1917. С. 84.
[204] Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. Т. 20. С. 61.

И. П. Романовский писал жене 27 мая 1917 г. о назначении А. Ф. Керенского военным министром: «Его назначение я приветствовал, т. к. на мой взгляд, это с наибольшим авторитетом имя и человек смелый и честный. Ну, а насколько обаяния его имени хватит для восстановления армии, сказать трудно, т. к. восстановить разрушенную громаду вряд ли возможно одним именем. Ну, будем надеяться, что Россия выйдет из ниспосланного ей испытания окрепшей»[205]. Такого рода отзывы не свидетельствуют о сколько-нибудь широком политическом кругозоре будущих белых руководителей. Отдельные офицеры даже возлагали надежды на Временное правительство. Относивший себя к конституционным монархистам полковник В. Р. Канненберг, к примеру, отмечал: «Думалось, что народные представители: промышленники, помещики и военные, вообще лучшие люди, выведут страну из тупика и доведут войну до победного конца»[206].

Сразу после отречения ряд генералов (великий князь Николай Николаевич (младший), А. М. Драгомиров, Р. Д. Радко-Дмитриев, А. Е. Эверт, и не относившиеся к генштабистам А. А. Брусилов и В. Н. Горбатовский) выпустили воззвания к армии с призывом к спокойствию, сохранению дисциплины, неослабной борьбе с врагом[207]. «Пример Ставки, принявшей революцию, был принят по команде до самого низу», – писал большевик А. Г. Шляпников[208].

В целом военная элита приняла Временное правительство, но выступала против практиковавшихся методов демократизации армии, арестов командного состава[209]. Генерал А. Е. Снесарев уже 11 марта 1917 г. направил военному министру А. И. Гучкову письмо с протестом против несвоевременных реформ в армии[210]. В дальнейшем генштабисты приспособились к работе в «демократических» условиях. В Петрограде находились около 50 генштабистов в составе ГУГШ, Николаевской академии и других учреждений. Генерал Л. Г. Корнилов по поручению А. И. Гучкова занялся приведением в порядок петроградского гарнизона, причем ставилась задача создать гарнизон, лояльный Временному

---

[205] Столыпин А. А. Дневники 1919-1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917-1920 годов. М. – Брюссель, 2011. С. 197.
[206] ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 132 (186). Л. 155.
[207] Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2. Март. С. 62–63.
[208] Там же. С. 61.
[209] Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание). С. 51, 52, 57.
[210] Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М., 2014. С. 350.

правительству и способный при необходимости его защитить[211]. Генерал М. В. Алексеев с 11 марта стал вр.и.д. Верховного главнокомандующего[212].

Генерал П. И. Аверьянов, полемизируя с генералом В. И. Гурко, отмечал: «Я категорически утверждаю, что за этот период времени (до 9 мая 1917 года) не было в Петрограде, как говорит В. И. Гурко, "собрания офицеров Генерального штаба, где участвовали верхи военного министерства" и где "перелицевавшиеся на революционный лад офицеры Генерального штаба пришли к заключению, что им следует всем "in corpore" записаться в партию социал-революционеров". Вероятно, это заявление В. И. Гурко относится к событиям значительно позднейших времен…»[213] О настроениях петроградских генштабистов Аверьянов вспоминал: «У всех нас было грустное и подавленное настроение и больно щемило сердце, т. к. все мы, уже в течение первых двух недель после переворота, пришли к убеждению, что произошло совсем не то, что могло быть нами приветствуемо, и, что вместо действительно никуда не годного правительства времен Протопопова, Россия получила безвольное и тоже никуда не годное правительство князя Львова, попавшее в рабство к Совету рабочих депутатов, вследствие чего Россия будет быстро скользить по наклонной плоскости в бездну и что гибель ее неизбежна именно вследствие разрушительной работы всех левых партий…»[214] Тем не менее, после революции работа ГУГШ продолжалась обычным порядком, хотя документооборот возрос, а распоряжения на местах перестали выполняться.

Революция подняла на поверхность и низменные проявления, которые не были чужды офицерству. Активно себя проявили карьеристы и приспособленцы, стремившиеся улучшить свое положение, играя по новоявленным «революционным» правилам. Перекрасившиеся приспособленцы, демагоги, «ловчилы», заигрывавшие с солдатами, вызывали возмущение товарищей по службе и современников. Генерал П. Н. Врангель с раздражением вспоминал о своем товарище по академии подполковнике А. Ф. Гущине, который преподавал в академии и пришел на лекцию в один из первых революционных дней

---

[211] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 72.

[212] М. В. Родзянко в письме Г.Е. Львову от 18 марта 1917 г. протестовал против этого назначения, считая Алексеева сторонником военной диктатуры. Альтернативными кандидатами Родзянко видел А. А. Брусилова и А. А. Поливанова с придачей им в качестве помощников В.Н. Клембовского и А.С. Лукомского (Ген. Алексеев и Времен. комитет Государственной Думы // Красный архив. 1923. Т. 2. С. 284–285).

[213] ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 156.

[214] Там же. Л. 156об.

с красным бантом, публично заявив слушателям с кафедры: «Маска снята, перед вами офицер-республиканец»[215]. В дальнейшем Гущин проявил себя как председатель исполнительного комитета Совета офицерских депутатов города Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи[216]. На этом посту он занимался созывом Всероссийского съезда офицерских депутатов, военных врачей и чиновников. 14 марта 1917 г. группа офицеров от имени Совета офицерских депутатов приветствовала исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов[217].

Эсер А. А. Дикгоф-Деренталь вспоминал о Ставке в Могилеве осенью 1917 г.: «В начале моего пребывания в Ставке эсеры еще оставались в моде. Трогательно было видеть почтенных полковников Генерального штаба, с волнением сообщающих как они страдали под гнетом царского режима и как "сочувствовали всегда эсерам", чуть ли не с детских лет… В школе "доброго старого времени" воспитывались такие "верные слуги Царевы", которые могли и могут еще служить кому угодно и как угодно, лишь бы служить»[218].

Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт на солдатском митинге в правительственном здании в Минске уверял присутствующих, что всегда выступал за революцию, а когда толпа в его присутствии сорвала имперский герб со стены и начала его топтать и рубить, Эверт этому аплодировал[219]. Командующий 3-й армией генерал Л. В. Леш на митинге заявил опешившим солдатам, что он сам старый революционер[220]. Бывший начальник Генерального штаба генерал П. И. Аверьянов, назначенный на Кавказ, по свидетельству П. Н. Шатилова, «вполне воспринял поклонение перед "великой и бескровной" и перед некоторыми революционными деятелями.

---

[215] Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 44.

[216] Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Т. 1. С. 428; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России 1905-1917. М., 1990. С. 144. Яркую характеристику Гущина дал генерал А.С. Лукомский: «После мартовской революции 1917 года в Петербурге (так в документе. – А.Г.) нашлось несколько офицеров русского Генерального штаба, которые стали усердно работать совместно с образовавшимся советом рабочих и солдатских депутатов для развала русской армии и для “углубления” революции». Среди них особенно выделялся своей демагогической деятельностью полковник Гущин. После захвата власти большевиками (ноябрь 1917 г.) полковник Гущин стал одним из наиболее усердных большевистских работников» (ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 93).

[217] Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. С. 167.

[218] ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 297. Л. 2–3.

[219] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 102.

[220] ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 232.

В частности, он преклонялся перед Керенским, искренно или нет, не знаю, и называл его "светлым юношей"»[221]. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А. Е. Гутор обшил воротник, обшлага и прорезь на груди защитной рубахи широкими красными полосами, а часовые у его дома тоже щеголяли в похожей униформе[222].

Слушатель Николаевской академии штабс-капитан В. М. Цейтлин рассуждал в своем дневнике о приспособленчестве части офицерства: «Не меньшей гибкостью отличается и Генеральный штаб, достаточно вспомнить [под]полковника Гущина – председ[ателя] петроград[ского] офицер[ского] совета, но тут уже большею частью авантюризм на почве неудачного подражания Наполеону, не упустить бы момента в революции сделать карьеру: таков Верховский, Гущин, Кузнецов и прочие из свиты Керенского.

По-моему, таким все равно, устроить ли революционный переворот или подавить революцию. Что выгоднее в данный момент, и где можно вероятнее всего всплыть вверх. А политические убеждения меняются и пристегиваются по мере надобности. Возьмем Гущина. В начале Февральской революции, во время перестрелки с городовыми "фараонами", когда по Суворовскому проспекту носились грузовые автомобили с солдатами, но еще не было ясно, чья возьмет – был такой случай:

В большое окно аудитории в академии попало несколько пуль. Среди нескольких слушателей, бывших в это время в аудитории, был и Гущин, который сказал приблизительно следующее: "Дать бы мне десяток надежных броневых автомобилей, и я разогнал бы всю эту сволочь…"

А через несколько дней в начале первой своей лекции после невольного перерыва занятий во время революции он сказал: "Господа, пора открыть каждому свое забрало – я социал-демократ". Аудитория замерла от неожиданности и просто чудовищности такого заявления. Гущин – и вдруг социал-демократ.

Потом этот новорожденный социал-демократ стал председателем офицерского совета петроградского гарнизона и всячески стал подлаживаться к совету раб. и солд. депутатов с целью якобы вывести из тупика офицерство, но на самом деле только заводя его в тупик.

---

[221] HIA. Vrangel family papers. Box 7. Folder 1. Шатилов П.Н. Воспоминания. С. 563.
[222] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 475.

Делает карьеру на революции, возможно, что и выйдет в дамки»[223].

Революционный карьеризм командного состава усугублял разложение армии. Работала на это и кадровая политика Временного правительства. Революционная армия шла к своему закономерному финалу. В какой-то степени пророческими оказались слова генерала П. М. Волкобоя (не генштабиста), который еще в конце 1914 г. сказал сослуживцу, офицеру Генерального штаба: «Не немцы погубят Россию, а "он", наш солдат, нам этого не простит. Нас, офицеров, всех зарежут; будет такая революция, какой еще мир не видал! Вы не знаете нашего мужика!... Мы все погибнем в ужаснейшем бунте… России не будет!»[224]

***

К началу 1917 г. в части военно-политической элиты страны наблюдался определенный консенсус по вопросу о том, что император в силу своих личных качеств, родственных связей, окружения препятствует успешному завершению войны. Разумеется, не приходится говорить о полном единстве генералитета и корпуса офицеров Генерального штаба, а недовольство императором нередко оказывалось ситуативным. Генералитет беспокоили и возмущали слухи о связях императрицы с противником и о предательстве на самом верху, слухи и достоверные факты о «темных силах», концентрировавшихся вокруг трона. Альтернативой дискредитированным чиновникам считались представители «общественных сил» в лице думских деятелей. Именно их допуск к власти и устранение вредных элементов воспринимались армейским руководством как качественное изменение ситуации в государственном управлении и способ оздоровить монархию. Устранение же признававшегося вредным влияния императрицы на Николая II было возможно только при смене самого монарха.

Ход событий подстегнули февральские беспорядки в Петрограде, то обстоятельство, что царская семья оказалась на территории, по существу подконтрольной восставшим и далеко от императора, а также отъезд Николая II из Ставки. Совокупность этих факторов позволила генералам и представителям Временного комитета Государственной Думы 1 – 2 марта

---

[223] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 209–210.

[224] Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 168.

1917 г. манипулировать информацией и шантажировать императора, добиваясь тех решений, которые они считали необходимыми.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в процессе смены власти ведущую роль в офицерской среде сыграли именно генштабисты. Причем происходило это не только в Ставке и фронтовых штабах, где их преимущественное присутствие являлось вполне естественным, но и в Петрограде.

Исключительную роль в отречении Николая II от престола сыграл генерал М. В. Алексеев, в значительной степени определявший вектор развития событий 2 марта 1917 г., а также его ближайшие сотрудники по Ставке. Их действия 2 марта носили скоординированный характер. До сих пор неизвестно, по какой причине достаточным основанием для смены правителя был сочтен опрос мнений главнокомандующих, проведенный М. В. Алексеевым. Опрос этот не был объективным, поскольку исходная телеграмма Алексеева содержала призыв поддержать его позицию. При этом уже утром 2 марта Ставка настаивала на отречении императора, а к навязыванию императору требований Петрограда руководящие работники Ставки перешли еще ранее. Генералы считали свои действия необходимыми для спасения страны, однако понимания последствий у участников смены власти не было.

Для участников отречения императора мартовские дни оказались чрезвычайно тяжелыми в моральном отношении, а финал событий стал неожиданным. В подготовке отречения участвовали видные в будущем деятели Белого движения (прежде всего, М. В. Алексеев и А. С. Лукомский). Впоследствии это явилось причиной умолчаний и искажений в эмигрантской мемуаристике, целый пласт которой был создан работниками Ставки разных уровней, стремившимися оградить основоположника Белого движения генерала Алексеева от каких бы то ни было подозрений. Попытки самооправдания предпринимал и генерал Н. В. Рузский, а также его начальник штаба Ю. Н. Данилов.

Петроградские генштабисты внесли свой вклад в переход столицы под контроль революционных сил, что и произошло к 1 марта. В этих целях отдавались дезорганизаторские и пораженческие приказы, под предлогом отсутствия надежных войск проявлялось пассивное потворство революционерам. Серьезную организационную помощь военной комиссии Временного комитета Государственной Думы оказала Императорская Николаевская военная академия, командировавшая в Таврический дворец 2–3 марта

1917 г. не менее 36 слушателей. Подобные распоряжения академического начальства и непосредственно будущего начальника академии (в рассматриваемый период ее правителя дел) полковника А. И. Андогского, неплохо чувствовавшего политическую конъюнктуру, до отречения императора являлись очевидным нарушением присяги.

Необходимо остановиться на вопросе, можно ли считать события февральского переворота заговором, в котором участвовали офицеры. По словарному определению заговор – это тайное соглашение о совместных действиях против кого-либо в политических целях. Под это вполне подпадает целенаправленное и организованное давление на императора 2 марта в целях отречения, включая и шантаж гибелью семьи. Подпадают под это и оставшиеся неизвестными императору переговоры Ставки с фронтовыми штабами и Петроградом о смене власти. Как заговор и мятеж квалифицируются действия петроградских офицеров (в том числе близких А. И. Гучкову), поддержавших Думу до отречения и отказавшихся, вопреки приказу императора, от зачистки Петрограда.

Совокупность известных фактов позволяет сделать вывод о том, что заговор (или заговоры, поскольку взаимодействие ряда петроградских генштабистов, руководящих работников Ставки и фронтовых штабов исследовано недостаточно) группы генералитета и старших офицеров имел место, а его результатом стало отречение императора Николая II от престола. Особо отметим, что во всех этих событиях центральную роль играли офицеры Генерального штаба.

Намного сложнее ответить на вопрос, существовал ли военный заговор до активной фазы событий, начавшейся в конце февраля 1917 г., подготовлялась ли генералами смена власти и, если да, то вылилось ли это в какие-то конкретные действия или же ограничивалось лишь крамольными разговорами. На этот счет имеются отдельные свидетельства касательно неизвестных императору контактов генералитета и представителей оппозиции. Однако о каких-то конкретных шагах говорить сложно ввиду нехватки данных. Кроме того, в силу политической неподготовленности военной элиты и очевидно недостаточной организованности после падения монархии предреволюционное единство утратилось.

Сам Гучков позднее писал: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»[225]. В свете этого не приходится говорить о том, что генерал М. В. Алексеев или другие генералы на протяжении 1916 – начала 1917 г. целенаправленно стремились отстранить Николая II от власти. Для осторожного Алексеева были характерны различные умонастроения, а итоговая линия 2 марта 1917 г. на устранение монарха оказалась, во многом, ситуативной и сложилась под влиянием сообщений из Петрограда.

Генералы – участники свержения императора просчитались, решив, что политические перемены не затронут армию, а также институт монархии и, наоборот, благотворно скажутся на положении фронта. Буквально на следующий день после отречения Николая II генерал Алексеев понял, что оказался обманут своими петроградскими партнерами. Но было уже поздно. Политики, как это нередко бывает, переиграли военных. Страна катилась к хаосу.

[225] Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 148.

Р. Ю. Коликов

К вопросу о политической культуре средних слоев населения города Петрограда в дни Февральской революции 1917 года

Волна так называемых «цветных революций» в ряде стран мира в последнее десятилетие нынешнего века, сопровождавшаяся сменой правящих режимов, «перекодировкой» массового сознания населения, а зачастую и крушением основ государственности и сползанием в пучину гражданских войн, придала особую значимость и актуальность проблеме изучения политического сознания и поведения широких слоев населения в условиях социально-политического взрыва. В данном контексте большой интерес представляет собой рассмотрение исторических аналогий современных событий.

Попытки выработать универсальный взгляд на «анатомию революции» не прекращались со времен Великой французской революции, особенно усилившись после событий 1917 года. В принципе, все многообразие протекания любой революции можно втиснуть в те или иные социологические исследовательские параметры. Но нельзя забывать, что Февральская революция, равно как и последующие социальные катаклизмы, оказалась связанной с подключением к архаичному бунтарству факторов «непредсказуемости», вызванных глобализацией «человеческой истории»[1], вследствие чего потенциальные слагаемые революционного взрыва стали вести себя «не по правилам». Отсюда ясно, что «в основе изучения любой революции должно лежать, в том числе, и исследование специфических реакций традиционализма на все более требовательные вызовы времени»[2].

В ходе проведенного исследования, во главе угла которого находилась проблема изучения политического мышления и поведения средних городских слоев населения города Петрограда в экстремальных условиях Февральской революции, был проанализирован широкий спектр архивных и опубликованных источников. На основании полученных результатов представляется возможным сделать следующие основные выводы.

---

[1] Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М.,1997. С. 334.

[2] Там же.

Факторами, существенным образом повлиявшими на формирование политического сознания средних городских слоев в начале XX века, можно считать, прежде всего, тяжелое материальное положение основной массы средних слоев. Оно было вызвано причудливым переплетением высших и низших форм капитализма, сохранения значительных пережитков крепостничества, многообразия форм эксплуатации, а также комплексом объективных долговременных факторов исторического и макроэкономического характера, как-то: природно-климатические условия, политика правительства, аграрное перенаселение, вызванное успехами земской медицины. Невысокий уровень жизни и двойственное положение, занимаемое промежуточными слоями в экономической системе, порождали определенную иерархию ценностей, ключевыми среди которых являлись общинность, уравнительность, неосознанный патернализм. В определенной степени это затрудняло включение средних слоев населения в политическую жизнь. В то же время недовольство своей жизнью в силу ее несовпадения с собственным представлением обуславливало общность психологических установок социальных групп, составляющих средние городские слои, вызывало в среде обывателей чувство психологического дискомфорта и создавало в целом в обществе социальное напряжение и политическую неустойчивость. Таким образом, социально-экономическое положение средних городских слоев в начале XX века формировало предпосылки для перехода общей политической культуры на качественно иной уровень.

Политическая культура средних слоев в период с 1900 по 1917 гг. была недостаточно зрелой и по уровню своего развития неадекватной политическим реалиям. В годы первой русской революции значительная масса городских средних слоев была втянута в революционный процесс, однако после поражения революции промежуточные слои на общем фоне их политической пассивности, принявшей гипермасштабы, вновь захватили чувства апатии и разочарования в политической деятельности в принципе. И даже в период активизации общественно-политической жизни в стране, начавшейся с 1912 г., основная масса средних слоев активностью не отличалась, оставаясь политически пассивной и индифферентно настроенной. Увлеченность революционной борьбой вытеснял быт и рассмотрение чисто профессиональных вопросов. Однако по мере усугубления ситуации в стране, принимавшей после 1915 г. все более отчетливый характер системного кризиса, среди широкой массы средних слоев наблюдался резкий рост пессимистических тревожных

настроений. Психологической тенденцией, характерной для средних слоев в данный период, стал процесс падения авторитета и в целом десакрализации государственной власти в глазах обывателей, который в условиях традиционной патерналистской консервативной ментальности обывательской массы имел поистине роковое значение, так как люди лишались какой-либо психологической основы. Как бы то ни было, но былое равнодушие обывателей к политической сфере жизни сошло к началу 1917 г. на нет, хотя огромная их масса в политике разбиралась довольно слабо.

В процессе революционного движения в февральско-мартовские дни 1917 г. средние городские слои переживали две психоэмоциональные волны в своем настроении. Начало революции не ассоциировалось у них с чем-либо примечательным, историческим. Изначально преобладали чувства повседневности, обыденности происходящего. Житейские трудности безоговорочно занимали первое место в иерархии ценностей средних слоев. Тем неожиданней оказалось для обывателей осознание того факта, что события, разворачивающиеся в Петрограде, – не просто волнения. Революция застала врасплох, хотя ее и ждали уже давно. Опасаясь кровавых событий 1905 г. средние слои колебались и занимали поначалу пассивные выжидательные позиции. Одобрение революции ими носило скорее скрытый, полуосознанный характер. Мышление средних слоев в начале революции отличалось известной дуалистичностью: с одной стороны, неуклонное возрастание дерзновения и радости, а с другой, – боязнь активных действий. Никому не хотелось нести убытки вследствие погрома, но отсутствие хлеба и прочие бытовые трудности способствовали ускоренному формированию у обывателей активной жизненной позиции.

Вторая психоэмоциональная волна берет свою точку отсчета 26 февраля, когда на улицах города по приказу генерала Хабалова была открыта стрельба. С переходом роты павловцев на сторону восставших среди промежуточных слоев Петрограда окрепли оптимистичные настроения. 27 февраля средние слои быстро охватили чувства духовного подъема, энтузиазма, радости. Они оказались захвачены сильнейшей эйфорией победы революции. Эмоции иногда брали верх над разумом. Эйфория сопровождалась головокружительной сменой отношений к различным людям, учреждениям, событиям. В целом, смесь осторожного оптимизма и умеренно-тревожного пессимизма в оценках ситуации и прогнозах обывателей уступила место безудержному веселью.

В те дни Петроград захлестнула настоящая волна митингов, своеобразный говорильный психоз. Обывателей эти митинги привлекали, главным образом, всевозможными обещаниями и посулами («пряниками»), которые сулил очередной оратор.

Представители промежуточных слоев были не в состоянии разобраться во всех впечатлениях и оценить по достоинству происходящее.

Масштаб интереса к событиям со стороны обывателя был обратно пропорционален уровню информационной освещаемости движения в прессе. Дефицит последней в силу парализации жизни в городе был налицо, так что обыватели оказались в своеобразном информационном вакууме. Вследствие этого они были подвержены многочисленным слухам, распространявшимся с огромной скоростью.

Невзирая на победную эйфорию, средние городские слои опасались чрезмерного увлечения праздником и разгула анархии на улицах. Поэтому они ратовали за восстановление и укрепление дисциплины, наведение порядка в целом. Многих также смущала произошедшая резкая смена жизненных ориентиров.

Февральская революция совпала с Пасхой и сопутствующими ей гуляньями. Культ Пасхи являлся одним из наиболее ярких свидетельств наличия в зарождающейся мифологии «Свободной России» элементов традиционной православной культуры, в том числе символики и социолекта.

Тезис о «национальной» революции способствовал утверждению в массовом сознании обывателей установки на идентификацию всего населения с единой общностью – «свободным народом». Эта идея формировала у людей психолого-политическое состояние «хозяина новой жизни», гордость и осознание своей причастности к происходящему. Мифология «свободного народа» вызывала чувство ответственности, заставляющее соотносить свое поведение с интересами «Свободной России». Почувствовав всеобщее «признание» своего «величия», обыватели высоко оценивали собственные силы и возможности.

Репрессии и традиционные религиозные установки формировали особый тип психологии, для которого были характерны патриотизм, подчинение дисциплине, склонность к повиновению. Эти ментальные особенности не могли исчезнуть в один миг, и сработал закон психологической инерции, когда обстоятельства (самодержавие) исчезли, а порожденные ими следствия остались. Поэтому кардинальная «смена декораций» дезориентировала массу обывателей, сделав их на некоторое время неуверенными и растерянными.

Несмотря на обогащение словарного запаса специфическими политическими терминами, роста политического самосознания в целом не отмечалось. Превалирование демократической идеологии и фразеологии в сочетании с объективной потребностью победившей революции в самоидентификации также существенным образом повлияли на изменение политического мышления средних городских слоев. Предпосылкой для успешного усвоения обывателями идей «общенациональной идеологии» являлась психологическая атмосфера, а именно потребность в информации. Эта мифология поначалу выполняла роль стабилизатора. Обыватели, переживавшие состояние тревожности, растерянности, дезориентированности, заимствуя из гигантского текста оптимистическое мироощущение, обнаруживали опору и испытывали иллюзию своеобразной стабильности; утверждалась перспектива светлого будущего. Этим объясняется идеализм и политическая наивность, присущие массовому сознанию. Для второй психоэмоциональной волны было характерно стремление отказаться от всего старого уклада жизни в принципе. Однако этот процесс протекал в рамках прежних парадигм мышления. И если морально-этическая сторона менталитета обывателей начала трансформироваться, то в области политического мышления демократическая смена политической символики не сопровождалось преодолением глубинных ментальных структур.

Несмотря на негативное в целом отношение большей части средних городских слоев к Николаю II и царскому правительству, крушение старой власти сопровождалось сохранением традиционности ментальных установок. Поэтому в обновленной государственности средние городские слои хотели увидеть, прежде всего, привычные качества. Этим, в частности, объясняется восприятие понятий «государства» и «царства» как явлений однопорядкового характера. Хотя многим обывателям импонировал вариант конституционной монархии, который они озвучивали на фоне низкого уровня политического мышления.

В вопросе войны и мира большинство средних слоев стояло на позициях революционного оборончества, правда, под лозунгом не защиты Отечества вообще, а защиты революционного Отечества. При этом можно отметить своеобразный парадокс мышления обывателей: они выступали против войны, ратуя одновременно за победу в ней. Дело заключается в том, что городские средние слои являлись патриотами, великодержавниками, и военное поражение очень больно ударило бы по их национальной гордости, самолюбию; в то же время от войны и сопутствующих ей трудностей все тоже устали. В про-

тивостоянии красивой революционной ура-патриотической фразеологии и житейских трудностей возобладали последние (правда, произошло это уже позднее – летом и осенью 1917 года).

Двойственное положение, занимаемое средними городскими слоями в экономике, определило и двойственность их политических позиций. Сначала «хозяйчик» взял верх над «тружеником», и в лице буржуазных лидеров обыватели увидели тех, кто укрепит государственный порядок и защитит их частную собственность. Этим объясняется их стремление всячески подчеркнуть свою лояльность новой власти. Но только с 27 февраля Временный Комитет Государственной Думы стал в глазах средних городских слоев олицетворением верховной власти, победы над царизмом. При этом в общественном сознании сначала не было четкого понимания не только того, что Дума и Временный Комитет Государственной Думы отныне не являются действующей законодательной властью, но и что им не принадлежит власть исполнительная. Об аморфности политического сознания представителей различных политических организаций в Петрограде свидетельствуют характерные ошибки при наименовании органов государственной власти.

Часть средних городских слоев выражала сомнения в том, удастся ли Временному правительству навести порядок в городе. Опасались также, что Временное правительство попало под растущее влияние Совета, чью роль оценивали как деструктивную. С другой стороны, «труженик» иногда брал верх над «хозяйчиком», следствием чего было недоверие Временному правительству со стороны «новых» средних слоев, которые избирали из своей среды делегатов в Совет. Диаметральную противоположность демонстрировали средние городские слои в оценках возникшего двоевластия. Мнения были полярны: от негативного (Совет – нелегитимен, дезорганизует власть и мешает работе Временного правительства в силу явочного характера своего образования) до точки зрения, отстаивающей необходимость конструктивной работы обоих органов власти без конфронтации. При этом, выражая поддержку Совету и не доверяя буржуазии, «новые» средние слои сознательно способствовали двоевластию. Присутствовал в складывании двоевластия и элемент случайности: единую власть видели в Таврическом дворце в целом, тем более что Комитет Совета рабочих депутатов образовался на два часа раньше Временного Комитета Государственной Думы, и первенство власти принадлежало Совету, хотя не все об этом были осведомлены. То время, пока

Совет являлся единственным органом власти, обусловило ему поддержку части средних слоев (Временное правительство было сформировано лишь спустя два дня). Сыграл свою определенную роль в этом и памятный многим опыт работы Петербургского Совета 1905 года. В целом же к двоевластию обыватели относились с понятным беспокойством и недоумением.

В области политических пристрастий и идеалов, прежде всего, необходимо отметить сложившийся в те дни культ А. Ф. Керенского. Из политических партий больше всего привлекали эсеры. Популярностью также у средних слоев пользовались энесы, меньшевики, кадеты. Но привлекали большинство горожан в партиях лишь их харизматические лидеры, а вовсе не программы партий, с которыми обыватели в основной своей массе были незнакомы.

Большинству обывателей Петрограда в дни Февральской революции был свойственен умеренно-революционный центризм. Отличительной особенностью их политического сознания можно считать колебания, демонстрировавшиеся ими на всем протяжении революционного процесса. Огромная популярность буржуазных политических деятелей (Львова, Коновалова, Терещенко, Родзянко, того же Керенского) и в целом звания «член Государственной Думы» соответствовала общему контексту массовой политической культуры, отличавшейся устойчивостью патерналистских архетипов национального мышления.

Нужно также отметить, что обыватели в меньшей степени были нацелены на приобретение каких-либо новых социальных и материальных выгод (хотя отказываться от них они не стали и даже стремились «урвать свой кусок пирога»). Но в большей степени обыватели были все же заинтересованы в сохранении уже имеющихся благ и в возврате тех, что были потеряны ими в процессе кризиса старого строя.

Пробуждение средних городских слоев к общественно-политической жизни нашло свое выражение не только в определении обывателями своих политических позиций, но и в их стремлении принимать участие в конкретных политических действиях, акциях, чтобы внести свой посильный вклад в победу революции, чтобы ощутить сопричастность к творимой на глазах истории.

Однако в первые дни революции (вплоть до 27 февраля) в силу известных колебаний и растерянности средних слоев наиболее распространенной была такая форма их политического участия, как реакция на импульсы, исходящие от политической системы, ее институтов и представителей, не связан-

ная с необходимостью высокой и постоянной активности. В это время средним слоям были свойственны политическая выключенность и апатия, обусловленные как недостаточным уровнем общественного развития и политического сознания, так и заорганизованностью политической системы, низкой эффективностью механизмов обратной связи между системой и обществом. Поэтому большая часть промежуточных слоев (и прежде всего «старые» средние слои) продолжала выполнять свои прежние профессиональные обязанности. В то же время «новые» средние слои (главным образом, учащаяся молодежь) уже с первых дней начали включаться в революционную борьбу. Основными формами поведения, характерными для них, являлись формирование санитарных отрядов для оказания помощи всем нуждающимся, а также милицейских групп, комендатур и боевых дружин по охране общественного порядка в городе. При этом необходимо отметить, что в первые дни революции данное движение не обнаруживало никаких признаков планомерности и руководства. Политическое поведение средних городских слоев на начальном этапе революции носило ярко выраженный демонстративный характер (шествия к Таврическому дворцу, участие в митингах и т. п.).

Более активные и эффективные действия (акты мелкого саботажа, делегирование в органы власти своих представителей) носили в указанный период преимущественно локальный характер.

Но, начиная с 27 февраля, в политическом поведении средних городских слоев произошли кардинальные и принципиальные изменения. На смену пассивным реакциям на импульсы политической системы пришло активное участие в действиях, связанных с делегированием полномочий (электоральное поведение), в деятельности политических, общественных и профессиональных организаций самых различных форм, а также более широкое участие в политических акциях, агитационно-пропагандистской работе и политических дискуссиях. Важнейшим феноменом политического поведения средних городских слоев в дни Февральской революции являлось их стремление к организованным действиям, желание упорядочить и систематизировать все и вся. Это приводило к возникновению множества организаций средних городских слоев на самых различных уровнях и во всех возможных и доступных в той политической системе формах. Расценивание лозунгов «демократии» и «свободы» как легализованных анархии и вседозволенности привело к попыткам отдельных представителей средних городских слоев извлекать выгоду из лю-

бых ситуаций, не гнушаясь различного рода аферами, надувательствами, провокациями и инсинуациями. Насилие как таковое в целом обывателями отвергалось, хотя именно в дни Февральской революции начался процесс постепенного привыкания к нему со стороны горожан. Впоследствии эта тенденция привела к существенной трансформации психики людей.

Спектр проблем, подпадающих так или иначе в поле исторического исследования психосоциального аспекта второй русской революции, чрезвычайно обширен. И потому, независимо от количества рассматриваемых граней, степень научной изученности психологии и поведения обывателей революционной эпохи еще не скоро достигнет максимально высокой отметки в историографии. Однако сей факт никоим образом не может свидетельствовать о бесперспективности научного исследования данной проблемы, ибо отказаться от познания человеческих составляющих российского кризиса начала XX века, – значит, в конечном счете, вообще отказаться от познания российской революции, суть которой, вполне вероятно, до сих пор скрыта в глубинах людского подсознания.

И. В. Лукоянов

Революция 1917 года: что это было?

В историографии Февральской революции 1917 г. в России ее причины часто выводятся из длительных социально-экономических процессов, постепенно формировавших запрос общества на смену власти. В советское время для обозначения этого чаще всего неоправданно использовали понятие «кризис». У историков получалось, что самодержавие находилось в перманентном кризисе, иногда обострявшемся, иногда смягчавшемся, например, реформами. Неизбежно вставал связанный с таким пониманием исторического пути Российской империи вопрос: когда революция в России, призванная свергнуть самодержавие, стала неизбежной? Ответы на него, иногда искавшие обреченность строя уже в середине XIX в., эпохе «великих реформ», вряд ли могли вызвать удовлетворение. Вопрос об исторических возможностях самодержавия сводился к неизбежности его ухода с исторической сцены. Но когда именно и как – такой подход не давал ответа.

Более того, попытки обосновать «социализм» тем, что для него уже имелась «экономическая база», привели к колоссальному разочарованию. Вместо самого передового империализма историки обнаружили, что российские «монополии» были объединениями слабых производителей, беспокоившихся не о «разделе мира», а думавших о том, как элементарно выжить. Вместо создания «финансовой олигархии» и «сращивания» ее с бюрократией оказались слабые банки, целиком зависевшие от Министерства финансов. Также на основании изучения политики самого известного министра финансов России С. Ю. Витте (1892 – 1903 гг.) был сделан вывод о возможности успешной экономической модернизации и при самодержавном строе. Наконец, в последние десятилетия появилась распространенная точка зрения, что Россия и в начале XX в. переживала период успешного поступательного социально-экономического развития, поэтому Февральская революция является историческим недоразумением. Такой подход дал «зеленый свет» различным «заговорщическим» концепциям происхождения Февраля: от внутреннего вроде заговора генералов или масонов, до внешних (почему-то активно разыскиваемых среди союзников России по войне). Однако многочисленные конспирологические версии происхожде-

ния Февраля быстро скатились в жанр «фэнтези», не имеющий никакого отношения к подлинным исследованиям. Проблема сводится к отсутствию фактического материала о заговорах, в лучшем случае достигших зачаточного состояния, и реальных интересов возможных участников такого рода действий. Это уже давно показали серьезные исследователи (В. С. Дякин, Г. З. Иоффе, С. Ляндрес, В. И. Старцев, А. И. Серков и др.).

Тем не менее, практически все историки в общем признали, что в канун революции, во время Первой мировой войны, самодержавие столкнулось с нарастающим комплексом самых разных проблем и не сумело успешно справиться с ними. Они проистекали не столько из глубинных, долговременных социально-экономических процессов, сколько являлись задачами текущего управления, которые не выглядели неразрешимыми. Остается вопрос: какие именно проблемы обрушили самодержавный строй, и почему власть не решила их.

1. Власть

К началу Первой мировой войны третьеиюньская политическая система, установленная в 1907 г. и нацеленная на постепенные глубокие реформы с участием Государственной думы, после П. А. Столыпина (а отчасти еще и при его премьерстве) находилась уже в состоянии разбалансированности, что отражалось прежде всего в растущих противоречиях между народным представительством и правительством. Патриотический порыв августа 1914 г., связанный с началом войны, и провозглашение «внутреннего мира» этих проблем не сняли, участники согласились отложить свои споры на недолгий, как тогда казалось, период. Но затяжной характер боевых действий (сначала думали, что война может продлиться лишь несколько месяцев, ну от силы полгода) и, главное, неудачи русской армии вызвали «озабоченность» общества и шквал критики верховной власти, завершившиеся созданием в августе 1915 г. Прогрессивного блока – оппозиции правительству, который объединил почти ¾ депутатов нижней палаты и значительную часть верхней. Система вернулась к состоянию 1906 – первой половины 1907 гг.: времени противостояния Думы и исполнительной власти с параличом законодательной деятельности, т.е. политическому кризису. Кризис, конечно, не революция, но быстрого выхода из него найдено не было. Николай II проявлял, пожалуй, больше уступчивости, чем его оппоненты, как это установлено в современной историографии, но это не имело успеха. Несмотря на то, что окончатель-

ное выяснение отношений было отложено до завершения войны, противостояние с лета 1915 г. шло в открытой форме.

Резкое ухудшение отношений правительства и Думы осложнялось отсутствием единства в самом правительстве. Колебания Николая II в 1915 г. дали старт частой смене министров – «чехарде», по выражению В. М. Пуришкевича, сопровождавшейся растущим вмешательством «темных сил» во власть. Несмотря на то, что на текущий политический курс и оперативную деятельность ведомств они практически не влияли, «экспертиза» Г. Е. Распутина стала с 1915 г. практически неизбежной при назначениях на министерские посты. В целом влияние «старца» и «темных сил» не следует преувеличивать, как это делала народная молва и победившая революция, но Г. Е. Распутин принял активное участие в проведении некоторых людей на ключевые посты (Б. В. Штюрмер), особенно на назначение министром внутренних дел А. Д. Протопопова. Последний оказался первым главой ведомства, чьи действия прямо зависели от Г. Е. Распутина и его окружения.

Наконец, мировая война требовала от Николая II проявить себя национальным лидером, мобилизующим империю на прохождение через тяжелейшее испытание. Надо сказать, что с этой ролью он не справился. И если на первых порах стремление царя сохранять баланс политических сил в стране имело некоторые положительные результаты, то с середины 1915 г. он все более и более утрачивал способность реально оценивать обстановку и принимать адекватные ситуации решения. Царская семья оказалась в изоляции даже среди своих ближайших родственников. Роковую роль сыграло принятие Николаем II верховного командования, после чего его супруга часто оставалась «на хозяйстве» в Петрограде и, по сути, стала соправительницей России, находясь под сильным влиянием Г. Е. Распутина и его окружения.

В целом можно говорить о сильной, заметной слабости власти к 1917 г., которая была вызвана не войной, а внутренними процессами, лишь обострившимися под давлением обстоятельств. Однако слабость самодержавия нельзя рассматривать как его крах. Разложение охватило лишь отдельные элементы управленческого механизма, явные проблемы наблюдались лишь на самом верху. Даже в правительстве были люди, не подверженные тлетворным влияниям «темных сил», они продолжали честно исполнять свой долг (например, Н. Н. Покровский, А. А. Риттих, П. Л. Барк и другие).

2. Либеральная оппозиция

Либеральная оппозиция на фоне неудачных действий верховной власти не могла воспользоваться ситуацией и возглавить страну. У нее не было ни необходимой сети партийных организаций (они, по мнению исследователей, к тому времени сильно деградировали), ни общепризнанного лидера, ни убедительной программы действий (в последнее время об этом наиболее убедительно писал Ф. А. Гайда). Даже созданный во время войны Прогрессивный блок с трудом находил равнодействующую линию для всех его участников, а накануне 1917 г. вообще был близок к распаду. Структуры же Земгора и ЦВПК, созданные для помощи армии, были ориентированы на будущее противостояние с самодержавием и не предназначались для немедленного захвата власти.

Состояние оппозиции не являлось секретом для правительства. И публичная активность, и многочисленные осведомители Департамента полиции давали достаточно информации для того, чтобы не рассматривать ее как реальную, сильную опасность для самодержавного строя. Их намерение сначала победить, а затем решать внутренние проблемы было известно и понятно. Реальной угрозой могло бы стать объединение либералов с революционным движением, но к этому имелось слишком мало предпосылок. К тому же власть извлекла некоторые уроки из событий Первой русской революции, когда уступки в адрес либеральных сил не привели к прекращению массового антиправительственного движения в конце 1905 г. – вот почему И. Л. Горемыкин так спокойно отнесся к формированию оппозиционного правительству большинства в Думе. По аналогии с 1905 г. он, по-видимому, полагал, что бояться, собственно, нечего.

3. Революционные партии и рабочее движение

Деятельность революционных партий к 1914 г. находилась в существенно более глубоком кризисе, чем у либералов. Эсеров сильно подкосило разоблачение деятельности Е. Ф. Азефа. У социал-демократов был свой «Азеф» – Р. В. Малиновский, глава думской фракции, чья провокационная деятельность всплыла на поверхность чуть позже, в 1914 г. Было очевидно, что полицейская провокация слишком глубоко пустила корни в революционное движение. По данным картотеки, которую после 1917 г. составили советские архивисты, число только выявленных «кротов» среди противников самодержавия, составляло порядка 23 тыс. человек. Как правило, деятельность любого кружка или

ячейки «освещали» несколько агентов, поэтому власть всегда была в курсе планов и действий революционеров.

Рабочее движение, несмотря на утверждения советских историков, похоже, не играло решающей роли. Его размах в начале 1917 г. был существенно ниже, чем, например, в 1905 г., и лишь ненамного больше, чем в 1916 г. Показательно, что подавляющее большинство (три четверти) требований забастовщиков носило экономический характер. Однако выступления трудящихся в столице приобрели к 1914 г. специфические черты, что показали исследования Л. Хеймсона, Д. Коенкер и У. Розенберга[1], которые выразились, прежде всего, в его агрессивности (события июля 1914 г. в Петербурге). Немаловажным оказалось и то, что социал-демократы укрепились как господствующая в рабочем движении сила. Приверженность рабочих социал-демократической, особенно большевистской, пропаганде, своеобразная вера в эту партию, по-видимому, сыграла роль в самоорганизации демонстраций 23 – 27 февраля 1917 г. в столице. Но это была спонтанная агрессия, спланировать ее как акцию было некому: большевики после 1914 г. были серьезнейшим образом ослаблены массовыми арестами, деятельность оставшихся на свободе была пронизана провокацией и осведомлением. Неудивительно, что начало выступлений 23 февраля было расценено столичным руководством большевиков как несвоевременное.

Обрисованная ситуация лучше всего описывается понятием «деградация политической системы», где все ее составляющие не имеют ресурса для того, чтобы вести активную политику и бороться за власть. В России традиционно не имелось сильной оппозиции, способной в случае глубокого кризиса взять власть. В 1917 г. разрешение проблемы кроме того упиралось в войну, в общее для власти и оппозиции понимание того, что только внутренний мир может обеспечить победу в тяжелейшей схватке, что революция и продолжение войны несовместимы. То есть, общее ослабление политического строя консервировалось и искусственно поддерживалось войной. В историографии традиционно считается, что фактор мирового конфликта вызвал лишь осложнение всевозможных проблем в России. Однако представляется, что баланс воздей-

[1] Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917// Slavic Review (1964) 23. №4. pp 619-642 (part 1); (1965) 24. №1: pp.1–22 (part 2); Koenker Diane P., Rosenberg William G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, N.J.: Princeton University Press, [1989].

ствия на внутренние политические процессы мировой войны, когда люди были готовы многое претерпеть ради победы, еще не изучен. Сейчас можно лишь утверждать, что влияние войны было неоднозначным.

Получается, что к 1917 г. наиболее острой выглядела проблема не усилий противников власти – оппозиционных и революционных сил, а состояния самодержавия, точнее, степени его внутреннего разложения. В этом смысле Февральская революция – итог неожиданный, и выходит, что она являлась не результатом чьих-то замыслов, а стечением неблагоприятных обстоятельств. Это представление не оригинально, но сейчас его можно подкрепить некоторыми аргументами, которые до этого либо не использовались, либо недооценивались.

Прежде всего, нужно договориться об используемых понятиях. Революция – это насильственное ниспровержение старого строя с участием народа; в свою очередь, переворот – смена людей у власти без участия толпы, когда прежний порядок сильно не страдает. В этом смысле в России в феврале – марте 1917 г. произошла именно революция, и к свержению монархии вряд ли оправдано присоединять захват власти большевиками, который более всего напоминает насильственное отстранение от власти правительства, то есть, переворот.

Февральская революция в Петрограде представляла собой комбинацию бунта и мятежа. Бунт – это уличные выступления, неповиновение власти народа в открытой форме. Вряд ли правомерно говорить о нем с 23 февраля, когда массовые манифестации только начались. В историографии традиционно делается акцент на рабочих выступлениях, хотя состав толпы, особенно в центре города, по свидетельствам очевидцев, был очень пестрым: по улицам шли студенты, обыватели, курсистки, барышни и даже офицеры. Явные тенденции к перерастанию в бунт проявились 25 февраля, когда начались нападения на полицейских, когда толпа все более проявляла агрессию. Собственно, началом революции, как мне представляется, стало 27 февраля, когда с Волынского полка начался мятеж столичного гарнизона, хорошо известный по историографии. В тот же день прежние уличные выступления уже напоминали бунт, сопровождались разгромом полицейских частей – т. е., уничтожением органов власти и не избиениями, а убийствами полицейских.

Ключевой вопрос – почему власть оказалась не в состоянии ни остановить демонстрации недовольства, ни удержать в своих руках контроль над

гарнизоном? Ответ на этот вопрос надо искать как в некоторых особенностях массового движения, так и в ошибочных решениях конкретных людей (прежде всего, А. Д. Протопопова, командующего столичным гарнизоном С. С. Хабалова и градоначальника А. П. Балка).

Массовое движение началось как протест из-за отсутствия в булочных ржаного хлеба в достаточном количестве. Столичные власти были вполне в курсе того, что рост цен привел к тому, что в рационе рабочих хлеб занял важнейшее место, причем именно ржаной как самый дешевый. Быстрое увеличение спроса на него также не было сюрпризом для администрации, но она почему-то оказалась к этому совершенно не готова. Очереди за самыми дешевыми и насущными продуктами питания появились еще в конце 1915 г., и за несколько месяцев чиновники так и не предприняли необходимых мер, которые смягчили бы проблему. Наоборот, по возможности быстро расширить выпечку хлеба был нанесен удар: в 1916 г. часть хлебопеков была призвана в армию как ратники 2 разряда. Это обстоятельство имело критическое значение в февральские дни.

Может быть, в такой ситуации проблему очередей следовало бы решать раздачей всех запасов муки и хлеба (которые были) по дешевой цене, как предлагал немедленно сделать это уже 23 февраля бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков?[2] Ничего подобного: вместо этого городская администрация отпечатала и расклеила обращения к горожанам, что хлеб есть. На бумаге он был, а в лавках и пекарнях его больше не стало. Обыватель сделал свои выводы: хлеба нет, в лучшем случае введут карточки. Значит – надо запасаться. Результат оказался диаметрально противоположен тому, на что рассчитывали в градоначальстве.

Другая ошибка – немедленная передача продовольственного вопроса в столице в руки городской думы. Это выглядело, как попытка сбросить с себя ответственность за кризис снабжения и переложить его на плечи городского самоуправления, но в тот момент это означало, прежде всего, паузу в действиях и отсутствие надежды, что проблему удастся решить в несколько дней.

За решительностью уличных манифестантов стояли не только тяготы военного времени, не только терпение, достигшее предела (невозможность купить хлеб как угроза голода), не только характер рабочих выступлений, но

[2] Ганелин Р.Ш. 23 февраля // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. Февральская революция. СПб., 2014. С. 86.

также действия администрации. Это объявление локаута (увольнения рабочих) Путиловского завода в полном составе 22 февраля 1917 г. На улицу было выброшено в один день около 36 тыс. человек, для них увольнение означало скорую мобилизацию на фронт. Понятно, что терять им было нечего.

Наконец, городская администрация была, по-видимому, самоуверенно настроена в отношении массовых беспорядков, полагая, что у нее есть план, который позволит ей справиться с народным бунтом. Но что это был за план? В литературе он давно известен и проанализирован[3]. В его основе находились, по всей видимости, представления о характере рабочих выступлений, вынесенные из событий первой русской революции 1905 г., в том числе из опыта вооруженных восстаний (особенно в Москве), когда администрации и войскам пришлось иметь дело с группами вооруженных легким оружием (преимущественно револьверы) рабочих, строивших баррикады и расправлявшихся с полицией. Предполагалось, что события повторятся – из этого и исходил план. Он также учитывал, что сил полиции будет недостаточно (всего 3,5 тыс. городовых), поэтому для сохранения контроля над городом в ключевых пунктах следует разместить солдатско-полицейские команды, вооруженные в том числе и пулеметами.

Наверное, этого было бы достаточно для борьбы с рабочими дружинами. Но власть с изумлением обнаружила, что перед ней – толпы обывателей, ничем не напоминающие боевиков, невооруженные и просящие хлеба. Руководители города и округа просто растерялись, как это следует из воспоминаний А. П. Балка; руководитель столичной охранки генерал К. И. Глобачев оказался не в состоянии им помочь, так как тоже не понимал причин и характера движения.

Некомпетентность, стремление не беспокоить Николая II в Ставке, неспособность решить проблему быстро, а затем желание выслужиться, с энтузиазмом исполнить царский приказ остановить беспорядки, привели к тому, что эти люди скомандовали войскам стрелять по толпам невооруженных людей с 26 февраля. Воинские части были совершенно не готовы к такому обороту событий: одно дело сражаться с отрядами рабочих и совершенно другое – убивать безоружных обывателей. Необходимость выбора сразу поставила их на грань исполнения/неисполнения приказов. Вряд ли в этом случае могла выручить гвардия, отправку которой на фронт в эмиграции рассматривали чуть

[3] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. [Л.,] 1927 и др.

ли не как главную причину революции. Эти безграмотные решения командования спровоцировали мятеж частей гарнизона 27 февраля 1917 г.

Действия учебной команды Волынского полка понятны и давно известны в историографии. Стрельба по прохожим под командованием пьяных офицеров 26 февраля и перспектива повторения этого на следующий день заставили людей сделать труднейший выбор между верностью присяге и нравственным отказом стать убийцами обывателей – тех, кто так напоминал собственных родителей, сестер, жен. Дальнейшее поведение волынцев – расправа над своими офицерами рано утром 27 февраля, стремление вовлечь в мятеж как можно больше солдат – хорошо объяснимо: они понимали, что в случае подавления выступления их ждет трибунал и неминуемый расстрел. Поэтому желание сделать мятеж общим для гарнизона и жестокие меры против тех, кто отказывался присоединяться (самокатный батальон) логичны. Спонтанность мятежа доказывает неуверенное поведение солдат на улицах в первые часы 27 февраля: они буквально не знали, куда броситься. Решение идти к Таврическому дворцу было внезапным и инстинктивным: по-видимому, они вспомнили про Думу как оппозиционную самодержавию силу и надеялись найти у нее защиту. В свою очередь, думские лидеры, видя угрожающее развитие событий, также не могли ни на что решиться. Но за считанные часы они оказались, по сути, в плену у солдатской массы. У руководства Думы и большинства ее депутатов не было иного выхода, как попытаться возглавить движение и одновременно этим обуздать, как-то упорядочить его. Две нерешительности объединились и укрепили друг друга. Таким образом, 27 февраля в столице империи началась революция.

Удивительной для современников и исследователей стала та легкость, с которой старый порядок рухнул в считанные дни по всей империи практически без сопротивления.

По-видимому, колоссальную роль в этом сыграла думская речь П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., которую современники назвали «штурмовым сигналом». Ключевым в ней было то, что он публично обвинил императрицу Александру Федоровну в измене. Неважно, что оратор не предъявил фактов, важно то, что на всю Россию прозвучало страшное слово. «Изменник» – не было хуже преступника во время мировой войны, не случайно такой резонанс получило «дело Мясоедова» в 1915 г. И это тогда, когда большинство подданных царя жертвовали, чем могли для победы над общим врагом. А тут еще и императрица. Вывод напрашивался: обывателю становилось понятно, почему мы не можем одолеть германца – измена во дворце. Понятно и то, что следовало де-

лать: пока измена во дворце, победы не будет. Эмоциональная сила такого обвинения была страшной, но это совершенно не понимал сам автор. Он всего лишь рассчитывал усилить давление на Николая с тем, чтобы добиться министерства доверия. Его речь же ломала отношение к царской семье в массовом сознании, низводила императрицу до врага и, по сути, вынимала из-под Николая трон. Важно и то, что никаких опровержений выступления П. Н. Милюкова не последовало. Это был нравственный конец царской четы.

В данном контексте представляется, что внимание, уделяемое ныне в историографии обстоятельствам отречения Николая II, носит преувеличенный характер. Его поведение там укладывается в линию, сформировавшуюся до этого: самодержец был уверен, что в России все не так плохо, что мутит воду лишь столичное общество, а народ любит его и по-прежнему верен ему. Правда, Николай с большей тревогой, чем начальство в Петрограде, отнесся к известиям о начале массовых выступлений. Тем не менее, решив ускорить отъезд из Ставки, он стремился не в Петроград для подавления революции, а в Царское Село для воссоединения с семьей.

Сейчас популярно искать за солидарной позицией командующих фронтами «заговор генералов». Монархическая историография обвинила их в измене. На самом деле, для них изменой выглядело поведение Николая, истории с Г. Е. Распутиным и т. п. Разумеется, столичная грязь в виде слухов доходила до фронта в сильно увеличенном размере. Однозначная поддержка царя в тех условиях стала бы уже их изменой России: вместо победы над врагом, которая, как казалось, была близка, генералы не могли выбрать потопление революционного Петрограда в крови – после этого о продолжении войны можно было бы забыть. Выбор командующих был очевиден и не мог оказаться другим.

Суммируя сказанное, сегодня Февральская революция в России выглядит как крах самодержавной власти, происшедший спонтанно. Комбинация причин, к нему приведших, была случайной, хотя за каждой из них стояли более-менее длительные и глубокие процессы. Серьезное изменение политического строя представлялось современникам неизбежным даже в случае победоносного завершения войны. Вопрос состоял лишь в размерах преобразований (вероятно, до конституционной монархии) и их способе (путем ли октроированной конституции, либо народной революции). Однако случайная комбинация событий привела ко второму исходу.

К. Б. Назаренко

Матросы русского флота и Февральская революция[1]

Во время Февральской революции матросы Балтийского флота сыграли важную роль. Утром 28 февраля 1917 г. восстала команда крейсера «Аврора», стоявшего на ремонте в Петрограде. Символично, что именно «Аврора» стала первым восставшим кораблем на флоте. К восставшим присоединились матросы 2-го Балтийского флотского экипажа. 1 марта около 16 часов Гвардейский флотский экипаж в полном составе, во главе с его командиром великим князем Кириллом Владимировичем явился к Таврическому дворцу. В настоящее время бытуют разные версии этого события. Согласно одной, экипаж присоединился к восставшим в городе, по инициативе рядовых моряков и привел офицеров насильно, согласно другой, он присоединился к восставшим по инициативе Кирилла Владимировича, а согласно третьей – Кирилл Владимирович хотел поучаствовать в подавлении восстания, но не получил конкретных указаний от лидеров Временного комитета членов Государственной думы. В любом случае, появление этой гвардейской части в полном составе, с офицерами, произвело сильное впечатление и морально поддержало восставших. В ночь на 1 марта происходит восстание в Кронштадте, а утром крепость находилась уже в руках восставших. В тот же день произошли нашумевшие убийства офицеров, во главе с адмиралом Р. Н. Вирeном. 2 марта матросы активно участвовали в демонстрациях в Ревеле, но, поскольку местное флотское начальство вовремя сообщило о событиях в Петрограде, моряки были настроены довольно мирно и никаких эксцессов здесь не случилось. Вечером 3 марта вспыхнуло восстание на линейных кораблях «Император Павел I» и «Андрей Первозванный» в Гельсингфорсе, сопровождавшееся убийством офицеров. В ночь на 4 марта восстание охватило весь Гельсингфорс и стоявшие там корабли. 5 марта моряки сошлись на стихийный митинг в Аренсбурге (остров Эзель). Таким образом, весь Балтийский флот принял участие в Февральской революции.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русский морской офицерский корпус Первой мировой и Гражданской войн: сплошное просопографическое исследование» № 15-31-01267.

За прошедшее столетие прочно сложился образ революционного матроса – «красы и гордости революции», в полурасстегнутом бушлате, перепоясанного пулеметными лентами, в бескозырке, заломленной на затылок. Тезис об особой революционности военных моряков воспринимается ныне практически как аксиома.

Накануне Первой мировой войны в русском флоте служило 53,4 тыс. нижних чинов, после мобилизации их число увеличилось до 95 тыс., а к 1917 г. возросло до 137,2 тыс. человек[2], не считая примерно 20 тыс. ратников морского ополчения. В том числе к 1917 г. на Балтийском флоте служило 83,9 тыс. человек, на Черноморском – 41,9 тыс., в Сибирской флотилии – 6 тыс., в Амурской – 1 тыс., в Каспийской (включая Ванскую флотилию) – 1,2 тыс. и во флотилии Северного Ледовитого океана (создана в 1916 г.) – 3,2 тыс. человек. Среди других нижних чинов, к 1 января 1917 г. в русском флоте числилось 3 604 сверхсрочнослужащих унтер-офицера и 2 211 кондукторов. Офицеров в морском ведомстве к этому времени насчитывалось около 6 тыс.

По мобилизации в 1914 г. были призваны матросы сроков службы 1905 – 1909 гг., т.е. 1882 – 1886 гг. рождения. Во время Первой мировой войны происходили досрочные призывы. Так, весной 1915 г. было объявлено о досрочном призыве новобранцев 1916 г., а в течение лета – осени 1916 г. призывались новобранцы 1917 и 1918 гг., самые младшие из которых родились в 1896 г.[3] В 1917 г. намечалось провести призыв новобранцев 1919 г.

Относительно социального состава русских матросов эпохи Первой мировой войны существует большая литература. Нет нужды говорить о том, что сословная принадлежность, указываемая в документах того времени, не может быть надежным основанием для социальной идентификации, поскольку крестьянин по паспорту мог быть рабочим по профессии.

Например, в 1913 г. во флот было зачислено 13186 человек. Из них 1627 человек были моряками торгового флота («судоходцы») (12,3 %). 1518 человек имели технические специальности – машинисты, кочегары, масленщики, электротехники, телеграфисты (11,5 %). Рабочими специальностями металлического производства (слесаря, котельщики, медники, кузнецы, токари, литейщики) обладали 2343 человека (17,8 %). Рабочими других специальностей (столяры, плотники, конопатчики, маляры) были 920 человек (7 %),

[2] Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 210.
[3] Приказ по флоту и морскому ведомству №551 от 4 ноября 1916 г.

рыбаками – 516 человек (3,9 %), торговцами – 278 человек (2,1 %), писарями – 295 человек (2,2 %). Самую большую профессиональную группу составляли хлебопашцы – 3693 человека (28 %). Остальные 2404 человека (18,2 %) были охарактеризованы как носители «прочих занятий»[4]. Отметим, что из числа моряков и рыбаков значительная часть работала на парусных судах и была совершенно незнакома даже с простейшими механизмами, поэтому их ценность на кораблях была ненамного больше тех, кто никогда не видел моря.

Правда, уровень грамотности среди призывников был очень высоким для России того времени, составив для новобранцев, призванных осенью 1913 г. 76 %, еще 15 % считались малограмотными и только 9 % были вовсе неграмотными[5]. Образование грамотных матросов ограничивалось, как правило, начальной школой. Об этом позволяют судить следующие цифры: в 1913 г. из 13186 новобранцев, зачисленных во флот, права на 2-летнюю службу имели 38 человек, а на 3-летнюю – 322 человека[6], т. е. в совокупности менее 3 % призванных. Право на 2-летнюю службу имели лица, окончившие учебные заведения 1-го разряда, а на 3-летнюю – 2-го. К 1-му разряду относились 5 – 6-е классы гимназий, реальных училищ и соответствующих им учебных заведений. К этому же разряду относились мореходные училища. Ко 2-му разряду относились двух- и трехклассные городские училища, высшие начальные училища и тому подобные учебные заведения.

Что же было причиной особой силы революционных настроений, которые охватили матросов русского флота в начале 1917 г.? Как было показано выше, настоящими рабочими были, в лучшем случае, третья часть матросов. Тем не менее, именно «они задавали тон» в кубриках. Базирование флота в крупных промышленных центрах обеспечивало постоянную связь экипажей кораблей с рабочими и контакты с представителями революционных партий.

Лейтенант А. Н. Мелентьев писал в 1913 г. в журнале «Морской сборник»: «не нужно забывать, что нижний чин, еще не распропагандированный, идущий к призыву, уже имеет некоторое чувство недовольства, что вполне понятно, приняв во внимание дикость и некультурность тех слоев населения, откуда берут этих людей; ведь им очень часто бывает чуждо чувство долга перед родиной, да и откуда им это знать […] Попав же на службу, они стал-

[4] Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1914 г. Пг., 1915. С. 16–17.
[5] Там же. С. 15.
[6] Там же.

киваются или с подобными себе, или с людьми ранее испорченными. Очевидно эти-то последние и начинают сбивать с толку и объяснять все непонятное в том свете, в каком сами они получили [представление], т[о] е[сть] в извращенном. А тут еще является достаточное количество пропагандистов среди вольных людей, которые-то главным образом и портят одних, а других поддерживают в подобном положении. Конечно, среди призывных есть и люди, имеющие свой собственный хороший взгляд на службу и обязанности, но эти люди при современном положении дела остаются в стороне или портятся. Старый контингент матросов также сильно испорчен, так что последние мало чему хорошему научат»[7]. Как нам представляется, Мелентьев точно описывает ситуацию – авторитетом в кубриках пользуются «испорченные» матросы, то есть носители революционных взглядов. Им способствуют пропагандисты-рабочие и интеллигенты («вольные люди»), с которыми матросы сталкиваются вне службы. «Старый контингент» матросов значительно затронут революционной пропагандой. Основная масса призывников, по мнению Мелентьева, «уже имеет некоторое чувство недовольства». Мы полагаем, что таким образом он отметил брожение в крестьянской среде. Офицеры же, по ряду причин, не могут ничего этой пропаганде противопоставить. С проведением мобилизации эта ситуация усугубилась, поскольку на флот вернулись матросы, служившие на нем в 1905 – 1909 гг., в том числе и непосредственные участники революционных выступлений 1905 – 1906 гг.

Чрезвычайно важным фактором, значительно усугубившим революционные настроения среди матросов, была резкая грань между матросами и офицерами, особенно чувствовавшаяся на кораблях. Следует заметить, что те формы, в которые облекались субординация и дисциплина царских армии и флота, были унаследованы в значительной степени от крепостнических времен и воспринимались солдатами и, особенно, матросами как унизительные. Особенно развилось ощущение ненормальности старых дисциплинарных форм на флоте после русско-японской войны и первой российской революции. Эта ненормальность, в частности, проявлялась в разных наказаниях, которые налагались на офицеров и матросов за одинаковые уголовные преступления. Так, за неповиновение нижнего чина офицеру полагалось значительно более суровое наказание, чем за неповиновение одного офицера другому. Оскорбление нижним чином любого офицера всегда приравни-

[7] Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1914 г. Пг., 1915. С. 15.

валось к оскорблению непосредственного начальника, за что полагалось значительно более строгое наказание, чем за оскорбление вышестоящего лица, не являющегося начальником. В тех случаях, когда офицер подвергался исключению из службы, нижний чин отправлялся в дисциплинарный батальон. Примеры можно было бы умножить.

На флоте матрос ни при каких условиях не мог быть произведен в строевые офицеры или инженер-механики. Для нижних чинов был приоткрыт доступ лишь в офицеры по адмиралтейству, которые считались офицерами «второго сорта». Это положение распространялось даже на тех, кто окончил мореходные училища – они могли быть произведены в прапорщики запаса флота, но в случае повышения в чинах вливались во всю ту же категорию офицеров по адмиралтейству. Подобная ситуация воспринималась матросами как нетерпимая.

Немаловажным фактором нарастания розни между офицерами и матросами на флоте стало падение авторитета офицеров как технических руководителей после русско-японской войны. Это объяснялось как самим фактом позорного разгрома флота, так и конкретными недостатками профессиональной подготовки строевых офицеров. В то время в свежеиспеченном мичмане видели «универсального» флотского офицера, способного командовать корабельным подразделением любой специальности. Такой молодой офицер практически не мог завоевать авторитет в глазах подчиненных ему старослужащих нижних чинов[8]. В результате, в головах некоторых лидеров революционных матросов даже сложилось представление о ненужности системы подготовки офицеров и возможности пополнения офицерского корпуса матросами, прослужившими 3–4 года[9]. Важно отметить, что авторитет инженер-механиков стоял в глазах матросов достаточно высоко, а отношения нижних чинов с офицерами-инженер-механиками были в среднем значительно лучше, чем со строевыми офицерами.

Серьезно отравляли повседневную жизнь нижнего чина переусложненные правила чинопочитания, которые резко отделяли офицеров от нижних чинов, уставное обращение на «ты» и другие «мелочи».

---

[8] Белли В.А. В императорском российском флоте: Воспоминания. СПб., 2005. С. 147–148; Мелентьев А.Н. Мысли о флоте // МС. 1913. № 3. Отд. неоф. С. 102.

[9] Протокол № 4 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 21 ноября 1917 года // Красный архив. 1932. Т. 53. С. 88.

Накопившееся в душах матросов чувство унижения выплеснулось на поверхность во время Февральской революции. Этот всплеск антиофицерских настроений вылился во многих случаях в стихийные насилия и расправы над офицерами, жертвами которых стали как вызывавшие персональную ненависть офицеры, так и случайные лица. Однако неправомерно видеть в стихийных расправах над офицерами плоды «большевистской агитации», как это делали сторонники Белого дела во время Гражданской войны и как делают это некоторые современные историки. Эти расправы не были инспирированы какой бы то ни было партией, но все политические силы, поддерживавшие Февральскую революцию, одобрили их как следствие справедливого гнева масс. В 1917 г. существовала тенденция сильно преувеличивать степень разумности действий толпы матросов в первых числах марта 1917 г. «Достойно удивления, что это никем не руководимое движение с поразительной меткостью наносило свои удары. От стихийного гнева толпы пострадали только те офицеры, которые прославились наиболее зверским и несправедливым обращением с подчиненными им матросско-солдатскими массами»[10], – писал лидер кронштадтских большевиков Ф. Ф. Раскольников. У современников подобные отзывы порождали желание приписать стихийным расправам руководство какой-то политической организации.

Вообще убийства офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе восставшими матросами 1 – 4 марта 1917 г. стали одним из символов Февральской революции. Не случайно они отразились в строках В. В. Маяковского:

«А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе»[11].

Относительно численности офицеров флота, ставших в марте 1917 г. жертвами расправ, не существует единого мнения. С. В. Волков считает, что: «К 15 марта Балтийский флот потерял 120 офицеров, из которых 76 убито (в Гельсингфорсе 45, в Кронштадте 24, в Ревеле 5 и в Петрограде 2). В Кронштадте, кроме того, было убито не менее 12 офицеров сухопутного гарнизона.

[10] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 38.
[11] Маяковский В.В. Ода революции.

Четверо офицеров покончили жизнь самоубийством и 11 пропали без вести. Всего, таким образом, погибло более 100 человек и 3 покончивших самоубийством»[12]. Тут же этот автор указывает: «По другим сведениям Февральская революция стоила Балтийскому флоту 70 офицеров – 67 убитых (в т.ч. 8 адмиралов и генералов)»[13]. С. В. Волков допускает массу небрежностей в решении вопроса о жертвах среди офицеров, поскольку некритически следует за мемуарами эмигрантов[14]. Другой современный исследователь М. А. Елизаров считает, что «в Февральскую революцию на флоте погибли около ста офицеров: в Гельсингфорсе – около 45, немногим меньше в Кронштадте, в Ревеле – 5, в Петрограде – 2, а также свыше 20 боцманов, кондукторов и сверхсрочников. Кроме того, 4 офицера покончили жизнь самоубийством, 11 пропали без вести (вероятно, убиты или сбежали)»[15].

К сожалению, большинство исследователей, обращающихся к теме убийств офицеров в 1917 г., ограничиваются цитированием описаний ужасных сцен из мемуаров, полностью им доверяя и не пытаясь анализировать источники. Характерным примером такого подхода является диссертация А. В. Пановой, название которой, казалось бы, требует элементарного анализа[16]. Отметим, что самосуды на Черном море в декабре 1917 – феврале 1918 г. уже нашли своего внимательного исследователя в лице А. П. Павленко, который установил, что тогда точно погибло 67 офицеров морского ведомства и 4 предположительно[17].

На наш взгляд, давно пора предпринять специальное исследование для установления точного числа жертв и обстоятельств их гибели. Со своей стороны, заметим, что факт смерти любого офицера, состоявшего на службе, обязательно фиксировался в высочайшем приказе о чинах военных, а после Февральской революции – в приказе по армии и флоту о чинах военных. Эта практика продолжалась вплоть до 1918 г. Основная масса убитых матросами офи-

---

[12] Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1993.

[13] Там же. Со ссылкой на: Морской журнал, № 29. С. 10 – заметим, что эта ссылка неверна. В №29 вообще нет сведений о погибших офицерах; Бьеркелунд Б. Первые дни революции на Балтийском флоте // Военная быль. № 107.

[14] Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России. 1917–1921. М., 2010.

[15] Елизаров М.А. «… здесь было много стихийного, слепого и страшного мщения» // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 46.

[16] Панова А.В. Личный состав российского императорского флота в условиях общенационального кризиса (1917–1921 гг.) Дисс. … канд. ист. наук. М., 2011. С. 66–104.

[17] Павленко А.П. Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. – апрель 1918 г.): Дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 285–288.

церов значится в приказах как умершие, вместе с теми, кто скончался по естественным причинам. Все лица, о которых имеются сведения, что они были убиты в марте 1917 г. в Гельсингфорсе или Кронштадте, поименованы в приказах по 2 июня 1917 г. включительно.

Всего, по нашим подсчетам, в приказах с 22 марта по 2 июня 1917 г. значатся как умершие 73 офицера. Из них 3 человека точно умерли естественной смертью, а еще 3 совершили самоубийство. Из оставшихся 67 человек в отношении 54 существуют сведения о том, что они пали жертвами самосудов. Кроме того, к числу жертв самосудов следует причислить старшего лейтенанта Н. В. Кулибина, тяжело раненного 4 марта 1917 г., оказавшегося после этого парализованным и скончавшегося в августе 1918 г. Судьба остальных 13 офицеров, обозначенных как умершие в приказах за первую половину 1917 г., остается не проясненной.

В мемуаристике и исторической литературе[18] бытуют сведения о еще 16 лицах, якобы убитых в марте 1917 г. О 13 из них точно известно, что они погибли при других обстоятельствах, либо умерли еще до Февраля, либо пережили не только революцию, но и Гражданскую войну. Таким образом, жертвами самосудов в марте 1917 г. можно считать не менее 55 и не более 71 офицера морского ведомства (не включая сюда самоубийц). На наш взгляд, наиболее корректно было бы считать, что в марте 1917 г. от рук матросов погибли (включая сюда В. Н. Кулибина) 55 офицеров морского ведомства.

Эти расправы получили столь громкий резонанс, поскольку произошли на фоне небольших потерь офицерского корпуса русского флота в годы Первой мировой войны: с августа 1914 по сентябрь 1917 г. потери русского флота убитыми, умершими и пропавшими без вести составили 140 офицеров[19] (1,7 % численности офицерского корпуса флота к концу периода). В том числе потери офицеров Балтийского флота составляли к 1 января 1917 г. 94 человека убитыми, 13 – пленными. Таким образом, убитые в марте 1917 г. составляют 58 % от числа погибших к этому времени в боях офицеров Балтийского флота.

Мы полагаем, что причин этих расправ было несколько. Прежде всего, это ненависть к конкретным офицерам и адмиралам – наиболее характерным примером здесь является Кронштадтский губернатор адмирал Р. Н. Вирен.

---

[18] Одним из основных источников этих сведений является: Бьеркелунд Б. Первые дни революции в Балтийском флоте // Военная быль. 1970. №107. С. 20–26.

[19] РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.

Другой причиной было желание расправиться с «немцами», чтобы приблизить победу в войне – 14 убитых (25 %) носили иностранные фамилии. Наконец, некоторые офицеры, особенно молодые, «попали под горячую руку», не сориентировавшись в обстановке.

Непосредственным же поводом самого взрыва в Гельсингфорсе стала задержка официального объявления по флоту для информирования команд о происходящем в стране[20]. На наш взгляд, реакция матросов на события 27 февраля – 4 марта 1917 г. очень показательна. Нижние чины флота не хотели быть статистами при решении политических вопросов, они стремились к активному участию в решении судеб страны. Разумеется, далеко не все из них были готовы к сознательному участию в политическом процессе, но желание поучаствовать в нем было у всех. В этой реакции матросов нашли воплощение те тенденции, которые зрели на флоте в предреволюционные годы.

Характерно и то, чего потребовали матросские делегаты, собранные командующим Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непениным поздно вечером 4 марта. Они говорили об уважительном отношении офицеров к матросам, обращении к ним на «Вы», большей свободе увольнения на берег и т. д. По мнению офицера штаба флота И. И. Ренгартена матросы «говорили о таких пустяках, что тошно было слушать»[21]. Мы полагаем, что в этой реплике из дневника Ренгартена проявилась вся бездна непонимания между офицерским и матросским составом флота. То, что для офицеров было мелочью, для матросов являлось символом их неполноправия и животрепещущим вопросом.

В тот же день, 4 марта, депутаты команд Шхерного отряда сформулировали свои политические требования очень четко, это были совсем не «пустяки». Требования моряков звучали так: «1) полное присоединение к новому народному правительству и желание поддерживать его как в настоящее время, так и впредь; 2) присоединение к мнению Совета рабочих депутатов; 3) полная амнистия политических [заключенных]; 4) воинская дисциплина вне службы должна быть упразднена и нижние чины должны пользоваться полными гражданскими правами; 5) отдача нижних чинов под суд только с ведома и при участии гражданских властей; 6) ответственность перед законом в одинаковой степени как офицеров, так и нижних чинов; 7) полнейшая

[20] Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012.
[21] Ренгартен И.И. Февральская революция в Балтийском флоте // Красная летопись. 1929. Т. 32. С.107.

осведомленность о текущих событиях; 8) корпус жандармов, городскую и сельскую полицию призвать в ряды действующей армии и заменить их слабосильными из армии и флота; 9) вежливое обращение офицеров с нижними чинами; 10) удаление лиц немецкого происхождения от занимаемых ими должностей как на военной, так и на гражданской службе»[22].

Матросы Балтийского флота сразу же сделали серьезную политическую заявку. После убийства командующего флотом А. И. Непенина во время Февральской революции, А. С. Максимов был избран матросами командующим флотом. Он сам и его окружение приложили к этому определенные усилия, но заметим, что нигде больше в русской армии и флоте в первые дни Февральской революции не произошло избрания командующего такого уровня. Матрос-большевик Н. А. Ховрин вспоминал, что А. С. Максимова «на кораблях уважали за человечное обращение с нижними чинами» [23].

Символом изменения положения матросов после революции стала отмена погон, которые в Кронштадте были сняты уже в первые дни после победы Февраля, а весь флот официально перешел на новые знаки различия в апреле 1917 г.

Подводя итоги, отметим, что причинами особой революционности матросов русского флота накануне Февраля были: принадлежность многих матросов к рабочему классу, сравнительно высокий уровень их интеллектуального развития, тесный контакт с рабочими крупных промышленных центров, устаревшая, во многом феодальная, система субординации на флоте. Расправы над офицерами в Гельсингфорсе, Кронштадте и Петрограде, вызвавшие громкий резонанс, сразу же поставили матросов на передний край революции. Символический отказ от погон стал внешним проявлением матросской революционности. Все факторы, указанные выше, а также сравнительная компактность флота как военного организма и близость Балтийского флота к столице сыграла немаловажную роль в том, что самоорганизация матросов пошла быстрыми темпами, и уже в мае 1917 г. Центральный комитет Балтийского флота играл важную политическую роль. В дальнейшем, вплоть до начала 1918 г., политическая роль моряков только возрастала.

---

[22] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. С. 33.
[23] Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм! М., 1987. С. 62.

О. Г. Назаров

Большевики накануне и в дни Февральской революции

Февральская революция, приведшая к свержению Николая II и ликвидации монархии, стала сюрпризом для многих политических противников последнего российского императора. В своих «Воспоминаниях» лидер кадетской партии и министр иностранных дел первого состава Временного правительства П. Н. Милюков согласился с утверждением члена Исполнительного Комитета Петроградского Совета В. Б. Станкевича, что «ни одна из классических русских партий не может претендовать на честь инициативы в русской революции»[1]. Лидеры политических партий оказались едиными и в том, что в начале 1917 г. никто из них не предупреждал, что до революции в России остался месяц.

Не дали такого прогноза ни петроградские большевики, ни В. И. Ленин, который встретил 1917 г. в Швейцарии. 9 января в 12-ю годовщину Кровавого Воскресенья, выступая в Цюрихе в Народном доме перед молодыми швейцарскими социалистами с докладом о российской революции 1905 – 1907 гг., он назвал ее «прологом грядущей европейской революции», которая освободит «человечество от ига капитала». Завершая продолжительное выступление, обронил фразу: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[2].

Многочисленные критики Ленина, как правило, забывают о том, что не эти слова были в докладе главными. Толкуя их некорректно, они утверждают, что вождь большевиков оценивал перспективу революции крайне пессимистично. Например, англо-американский биограф Ленина Р. Пейн заявил: «К концу февраля 1917 года Ленин совсем отчаялся. Русская революция, мыслимая им как начальный этап мировой революции, снова казалась ему далекой, несбыточной мечтой»[3]. Схожую интерпретацию дал А. Б. Широкорад: «Есть сведения, что Владимир Ильич к декабрю 1916 года утратил в значительной степени свой оптимизм и даже утверждал, что его поколению революционеров

---

[1] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М.: «Современник», 1990. С. 321.
[2] Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее – ПСС). Т. 30. С. 327, 328.
[3] Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть. М., Молодая гвардия, 2003. С. 270.

не суждено увидеть революцию в России»[4]. Еще дальше пошел В. В. Аксючиц. В статье «Февраль – дорога к Октябрю» он утверждал: «Ленин, отчаявшись, заявил в конце 1916 года в Швейцарии, что нынешнее поколение не доживет до российской революции, и занялся организацией переворотов в других странах Европы»[5]. Доказательствами Аксючиц обременять себя не стал.

В действительности однозначности и предопределенности в словах Ленина не было – он лишь сказал, что так «может быть». Значит, не исключал, что может быть и по-другому. В том же докладе вождь большевиков предостерег: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией». И здесь Ленин, который, как верно заметил философ Н. А. Бердяев, обладал «исключительной чуткостью к исторической ситуации»[6], не ошибся.

Критики не только выдергивают из **доклада** десяток слов, но и игнорируют другие ленинские заявления, сделанные зимой 1916–1917 гг. А ведь тогда Ленин констатировал: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс»[7]. Внимательно следил он и за событиями в России, написав 31 января 1917 г., что в случае революционных перемен в России придется «иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»[8]. В марте три политика вошли в состав Временного правительства. 19 февраля 1917 г., за считанные дни до революции, в письме И. Ф. Арманд Ленин сообщил: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что, наверное, будет на нашей улице праздник»[9].

Долгожданный «праздник» разразился уже через несколько дней, но не в Москве, а в Петрограде.

***

22 февраля, когда Николай II отбыл в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего, обстановка в Петрограде была неспокойной. Уже две недели бастовали рабочие пригородного Ижорского завода в Колпино. 18 февраля,

---

[4] Широкорад А.Б. Первая цветная революция в России // Независимое военное обозрение. 2016. 19 февраля http://nvo.ng.ru/history/2016-02-19/1_revolution.html
[5] http://www.apn.ru/index.php?newsid=25930
[6] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990. С. 102.
[7] Ленин В.И. ПСС. Т.30. С. 347-348.
[8] Там же. С. 341.
[9] Там же. С. 43–44.

требуя прибавки к зарплате, забастовала лафетно-штамповочная мастерская Путиловского металлургического завода. Именно 22 февраля дирекция приняла решение об увольнении почти всего коллектива. После того, как 30 тысяч рабочих остались не у дел, в столице возникла критическая масса недовольных. Забастовщики избрали стачечный комитет, в который, пишет А. В. Шубин, «вошли большевики, анархисты, левые меньшевики и левые эсеры. Эти «низовые» социалисты и стали позже «заводилами» событий 23 февраля»[10].

23 февраля протестное движение стало распространяться по всему Петрограду. Комментируя события дня, эсер В. М. Зензинов отмечал, что хотя «всюду в городе говорили о начавшемся на петербургских заводах стачечном движении, но никому и в голову не приходило считать это началом революции»[11].

В свою очередь внефракционный социал-демократ Н. Н. Суханов свидетельствовал: «Уличное движение масс в февральские дни не обнаружило никакой планомерности. Никакого правильного руководства им констатировать было нельзя. Вообще народным движением, как это бывает всегда, организованные социалистические центры не руководили и политически не вели его к какой-либо определенной цели. Конечно, традиционный, можно сказать, наш старый национальный лозунг "Долой самодержавие!" был на устах у всех многочисленных уличных ораторов из социалистических партий. Но это было еще не политической программой…

Но зато во всю ширь развертывался перед массами в уличной агитации другой лозунг, включавший в себя крайне существенное и ответственное содержание. Это был лозунг "Долой войну!", под которым проходили все митинги февральских дней»[12].

Петроградские большевики приняли активное участие в акциях протеста. В столице на нелегальном положении работали члены Русского бюро ЦК РСДРП А. Г. Шляпников, В. М. Молотов и П. А. Залуцкий. Заседание Русского бюро ЦК, вспоминал Шляпников, состоялось утром 25 февраля: «От Петербургского Комитета получили предложение дать боевую листовку… Проектов листовок у нас было несколько, но мы остановились на од-

[10] Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 128–129.
[11] Зензинов В.М. Февральские дни // Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка / Сост., вступ. сл., послесл., примеч. Д.С. Анина. М.: Современник, 1991. С. 107.
[12] Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т. Т.1. Кн. 1–2. М.: Политиздат, 1991. С. 53.

ном, присланном товарищем М. С. Ольминским. Приняв его за основу, решили исправить его таким образом, чтобы он мог служить руководящей нитью в текущем выступлении. Выставляя на первый план необходимость открытой борьбы с царизмом… Постановили включить лозунг Всероссийской всеобщей забастовки, послать в Москву гонца с предложением московским товарищам немедленно выступить с агитацией за поддержку питерских рабочих, за революционные лозунги путем всеобщей стачки. Совместно с товарищем В. М. Молотовым мы исправили прокламацию в желанном направлении, дополнили ее лозунгами и призывом к открытой борьбе и тут же вручили товарищу, присланному Петербургским Комитетом»[13].

В написанной рукой Молотова боевой листовке говорилось:

«Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

На фронте – кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Нельзя молчать!

Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода и молчать без конца – это трусость бессмысленная, преступная, подлая.

Все равно не спасешься. Не тюрьма – так шрапнель; не шрапнель – так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

Прятать голову и не смотреть вперед – недостойно. Страна разорена. Нет хлеба. Надвинулся голод. Впереди может быть только хуже. Дождемся повальных болезней, холеры…

Требуют хлеба – отвечают свинцом! Кто виноват?

Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются; не успевают считать барыши. Тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши гонят на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

По доброй воле они не откажутся от наживы и не прекратят войну. Пора укротить черносотенного и буржуазного зверя.

Либералы и черносотенцы, министры и Государственная Дума, дворянство и земство – все слилось во время войны в одну озверелую шайку.

---

[13] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. Т.2: Семнадцатый год. Кн.1–2. М.: Республика, 1992. С. 89.

Царский двор, банкиры и попы загребают золото. Стая хищных бездельников пирует на народных костях, пьет народную кровь. А мы страдаем. Мы гибнем. Голодаем. Надрываемся на работе. Умираем в траншеях. Нельзя молчать!

Все на борьбу! На улицу! За себя, за детей и братьев!

В Германии, в Австрии, в Болгарии поднимает голову рабочий класс. Он борется там против своей озверелой буржуазии, за мир и свободу. Поможем ему и себе. Поможем борьбой против своих угнетателей. Поднимайтесь все! Организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты Российской Социал-Демократической Рабочей Партии по мастерским, по заводам, по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России. Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Объясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов...

Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах.

Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует Социалистический интернационал!»

В тот же день вечером, реагируя на поступавшую из столицы тревожную информацию, император Николай II отдал приказ начальнику Петроградского военного округа, генерал-лейтенанту С. С. Хабалову, «завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». В ночь с 25 на 26 февраля, по данным министра внутренних дел А. Д. Протопопова, полиция арестовала 136 партийных деятелей, в том числе членов Петербургского комитета РСДРП А. К. Скороходова, А. Н. Винокурова и Э. К. Эйзеншмидта. Их схватили на Большом Сампсониевском проспекте, 16.

Заточение оказалось краткосрочным – 27 февраля революция в Петрограде победила, и узники тюрем вышли на свободу. Большевик Н. И. Подвойский вспоминал: «В каждом районе восставшие шли к казармам, требуя от солдат участия в освобождении народа. Офицеры запирали ворота казарм, выстав-

ляли караулы из "надежных солдат". Но солдаты, возбужденные призывами рабочих, сметали охрану и открывали ворота»[14].

В тот же день инициативная группа во главе с меньшевиком Н. С. Чхеидзе объявила о создании Временного Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих депутатов. Комитет обратился к рабочим с призывом немедленно выбрать депутатов в Петроградский Совет – по одному от тысячи. По предложению большевика В. М. Молотова, решили обратиться к частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих представителей – по одному от роты[15]. По мнению А. Ф. Керенского, это был сильный ход большевиков. Позднее он утверждал, что «солдаты в Совете открыли большевикам прямой доступ в казармы и на фронт»[16]. Впрочем, возможностью укрепить свое влияние среди солдат надо было еще воспользоваться. Да и вход в казармы был открыт не только для большевиков.

27 февраля вечером состоялось первое заседание Петроградского Совета, на котором был избран Исполком Совета. В его состав вошли большевики Шляпников и Залуцкий.

***

О революции в России Ленин узнал с опозданием – 2 (15) марта. В. Т. Логинов пишет об этом так: «С утра моросил дождь. В девять Владимир Ильич был уже в библиотеке. В 12 часов 10 минут вернулся домой, пообедал. Надежда Константиновна помыла посуду, и Ленин вновь собрался в библиотеку. Но в этот момент прибежал их знакомый – польский эмигрант Бронский: "Вы ничего не знаете?! В России – революция!" – и стал рассказывать о только что вышедших экстренных выпусках газет»[17].

События в России развивались стремительно, и Ленину надо было спешить домой. Пока решался вопрос, каким путем добираться до Петрограда, вождь большевиков разрабатывал стратегию партии в новых условиях. Он изложил ее в четырех «Письмах из далека», которые написал с 7 по 12 марта. Определив Февральскую революцию как резкий поворот исторического раз-

---

[14] Цит. по: Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. М., 2015. С. 109.
[15] Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн.1 М.: Молодая гвардия, 2016. С. 49.
[16] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: Республика, 1993. С. 163.
[17] Логинов В.Т. Владимир Ленин. На грани возможного. М.: Алгоритм, 2013. С. 44.

вития России в сторону создания «буржуазной демократической республики», а текущий момент как переходный от первого ко второму этапу революции, призвал не оказывать поддержку буржуазному Временному правительству и активизировать борьбу за прекращение империалистической войны. Ленин прогнозировал: «Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, *не может*, – даже если бы оно искренне хотело бы этого (об искренности Гучкова и Львова могут думать лишь младенцы), – *не может* дать народу *ни мира, ни хлеба, ни свободы*». Поэтому каждый, кто призывает к поддержке Временного правительства, «изменник делу пролетариата, изменник делу мира и свободы». Союзниками же российского пролетариата в начавшейся революции Ленин считал многомиллионную массу «полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения России» и пролетариат всех стран[18].

Анализируя ленинскую стратегию борьбы за власть, американский историк Р. Слассер признал, что «нельзя не восхищаться широтой ленинских идей, емкостью выражений и дерзостью перспектив»[19]. Однако петроградским большевикам, не имевшим оперативной связи с Лениным, в дни Февральской революции принимать решения и действовать пришлось на свой страх и риск. Члены Русского бюро ЦК Шляпников, Молотов и Залуцкий самостоятельно сформулировали свою позицию по двум ключевым вопросам. По вопросу о войне она была близка к ленинской. А вот по вопросу об отношении к Временному правительству единства среди петроградских большевиков не наблюдалось.

Американский историк А. Рабинович описал сложившуюся в их среде ситуацию: «В самых общих чертах позиция Русского бюро ЦК под руководством Шляпникова почти смыкалась с категорическим отрицанием Временного правительства Лениным, тогда как подход большинства членов Петербургского комитета почти ничем не отличался от занятой ранее позиции социалистического большинства в руководстве Совета. Но вместе с тем Выборгский районный комитет большевиков занимал позицию более левую, чем Ленин и Русское бюро ЦК. По собственной инициативе он начал призывать рабочих к немедленному захвату власти.

---

[18] Ленин В.И. ПСС. Т.31. С. 11-22.

[19] Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М.: Прогресс, 1989. С. 43.

Вопрос о правительстве обсуждался Выборгским районным комитетом на его первом легальном заседании 1 марта. Принятая на нем резолюция призывала к немедленному захвату власти рабочими и роспуску Временного комитета Думы. Прежде чем Русскому бюро ЦК удалось положить конец такого рода деятельности, Выборгский комитет успел распечатать и распространить соответствующую прокламацию»[20].

Ситуация изменилась 12 марта, когда из ссылки в Петроград прибыли Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и депутат IV Государственной думы М. К. Муранов. 14 марта Муранов и Сталин вошли в состав Русского бюро ЦК и в редакцию «Правды». Редакционная политика главного печатного органа большевиков сразу изменилась. В опубликованной 15 марта программной статье Каменева «Без тайной дипломатии» говорилось:

«Солдаты, крестьяне и рабочие России, пошедшие на войну по зову низвергнутого царя и лившие кровь под его знаменами, освободили себя, и царские знамена заменены знаменами революции. Но война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и все еще повинуется своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти.

Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд – снарядом. Это непреложно… Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции. Война должна быть закончена организованно, договором между свободными народами, а не подчинением воле соседа-завоевателя и империалиста…

Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное "долой войну" – наш лозунг. Наш лозунг: давление на Временное Правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны.

А до тех пор каждый остается на своем боевом посту».

---

[20] Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М.: «Республика», 1992. С. 43.

Статья Каменева вызвала бурную реакцию его однопартийцев. Шляпников вспоминал: «Позиция т. Каменева вполне удовлетворяла буржуазию, так как он призывал солдат, что "до тех пор каждый остается на своем боевом посту…" – а это было для нее самое существенное. К этому призывала солдат и рабочих вся буржуазная печать.

День выхода первого номера "преобразованной" "Правды" – 15 марта – был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов Комитета Гос. Думы до самого сердца революционной демократии – Исполнительного Комитета, был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом Исп. Комитете нас встретили ядовитыми улыбками…

Когда этот номер "Правды" был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников. В Пет. Комитет, в Бюро ЦК и в редакцию "Правды" поступали запросы – в чем дело, почему наша газета отказалась от большевистской линии и стала на путь оборонческий? Но Пет. Комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил Бюро ЦК. Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что "Правда" была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями "Правды", то потребовали исключения их из партии»[21].

Каменев, Сталин и Муранов продолжили свою политику. Предлагая Суханову писать в «Правду», Каменев признался: «Я приехал – пришел в отчаяние. Что делать? Я даже думал совсем закрыть эту "Правду", а выпустить новый центральный орган под другим названием. Но это невозможно. В нашей партии слишком много связано с именем "Правды» ". Название должно остаться… Надо только перестроить газету на новый лад»[22].

Перестройка на «новый лад» коснулась даже Ленина. Получив первые два ленинских «Письма из далека» от прибывшей в Петроград А. М. Коллонтай[23], Каменев и Сталин обошлись с ними бесцеремонно, опубликовав только первое письмо, да и то с купюрами. Позиция Ленина, считает О. В. Хлевнюк, «была основана на достаточно точном политическом расчете. Умеренные

[21] Шляпников А.Г. Указ. соч. С. 451.
[22] Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 273.
[23] Слассер Р. Указ. соч. С. 31.

взгляды Каменева и Сталина открывали дорогу сотрудничеству основных социалистических партий. С точки зрения перспектив революции и судеб страны такое сотрудничество и совместное сдерживание радикализма было единственно правильным. С точки зрения перспектив прихода большевиков к единоличной власти – губительным»[24].

Как бы то ни было, но в рядах большевистской партии начинался явный разброд, пресечь который мог только ее создатель Ленин. Большевик Ф. Ф. Раскольников свидетельствовал: «Нужно признать, что до его приезда в партии была довольно большая сумятица. Не было определенной, выдержанной линии. Задача овладения государственной властью большинству рисовалась в форме отдаленного идеала и обычно не ставилась как ближайшая, очередная и непосредственная цель. Считалось достаточной поддержка Временного правительства в той или иной формулировке, с теми или иными оговорками и, разумеется, с сохранением права самой широкой критики. Внутри партии не было единства мышления: шатания и разброд были типичным бытовым явлением, особенно дававшим себя знать на широких партийных и фракционных собраниях. Партия не имела авторитетного лидера, который мог бы спаять ее воедино и повести за собой»[25].

26 марта в Цюрихе отъезжавшие в Россию социал-демократы приняли на своем собрании ленинское «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Напомнив в нем о том, что большевики являются непримиримыми противниками империалистической войны, Ленин предостерег от поддержки продолжавшего войну Временного правительства: «Наш лозунг – никакой поддержки правительству Гучкова – Милюкова!» Далее вождь большевиков подчеркнул: «Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней… В России не может непосредственно и немедленно

[24] Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., Издательство АСТ: CORPUS, 2016. С. 75.
[25] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990. С. 34–35.

победить социализм»[26]. Комментируя эти слова, М. И. Воейков заметил: «Здесь Ленин ни в чем и никак не отходил от смысла и буквы марксизма и в этом смысле ничем не отличался от меньшевиков»[27].

27 марта в 15 часов 10 минут Ленин выехал из Цюриха в специальном вагоне с правами экстерриториальности в составе группы из 30 политэмигрантов и двух детей[28]. Им предстояло проехать через Германию, на шведском пароме переправиться в Стокгольм и через Финляндию добраться до революционного Петрограда. Ленину, который еще в январе сомневался в том, что он доживет до «решающих битв», судьба все же предоставила такую возможность. Позволить себе упустить реальный шанс побороться за власть вождь большевиков не мог.

[26] Ленин В.И. ПСС, т.31. С. 90–92.
[27] Воейков М.И. Предопределенность социально-экономической стратегии: Дилемма Ленина. М., 2009. С. 119.
[28] Логинов В.Т. Указ. соч. С. 70.

А. Б. Николаев

Как комендант К. Ф. Греков и комиссар А. А. Бубликов «охотились» за царским поездом (28 февраля – 1 марта 1917 г.)

В отечественной историографии есть ряд работ, посвященных, в том числе, и «охоте» за царским поездом в дни Февральской революции 1917 г. Среди исследователей существуют разные взгляды на ее результаты. Так, например, П. В. Мультатули считает, что император Николай II, «в ночь с 28-го февраля на 1-го марта перестал распоряжаться маршрутом своего собственного поезда», т. к. «в Малой Вишере императорские поезда оказались под полным контролем революционных властей»[1] и «был лишен свободы на станции Дно», а М. В. Родзянко «приказал отправить литерные поезда из Дно в Псков»[2]. А. Борин же показывает, что император Николай II был свободен в выборе маршрута следования своего поезда[3]. В связи с этим необходимо вновь изучить историю преследования царского поезда со стороны представителей новой революционной власти – коменданта Николаевского вокзала К. Ф. Грекова и комиссара Временного комитета Государственной думы в Министерстве путей сообщения А. А. Бубликова.

Поручик К. Ф. Греков (эсер) находился после ранения в Петрограде. Э. К. Дрезин вспоминал, что «28 февраля в Думу, с предложением услуг, явился поручик Греков – очень энергичный человек»[4]. В этот же день в Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (ВКГД) Греков получил в 12 ч. 35 м. дня от старшего лейтенанта В. Н. Филипповского (за председателя Военной Комиссии ВКГД) приказание: «стать во главе гвардейского экипажа и 2-го Балтийского флотского экипажа. Занять Николаевский и Царскосельский вокзалы и по исполнении донести»[5]. Сведений о том, что

---

[1] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. М., 2010. С. 453.

[2] Мультатули П.В. Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергали монархию в России. М., 2013. С. 285, 286.

[3] Борин А. Остановился поезд. Как император Николай II, железнодорожник Ломоносов и член IV Государственной думы Бубликов пустили империю под откос // Родина. 2017. № 2. Февраль. С. 56.

[4] Дрезин Э.К. Воспоминания, 1920 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1486. Л. 2.

[5] Ф.Д. Февральская революция в Петрограде (28 февраля – 1 марта 1917 г.) // Красный архив. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 84.

поручик Греков возглавил Гвардейский и 2-й Балтийский флотский экипажи, а также занял Царскосельский вокзал, нет. Известно, что он стал комендантом Николаевского вокзала. В 1927 г. бывший телеграфист В. Исаков вспоминал, что «обязанности коменданта ст[анции] взял на себя поручик [К. Ф.] Греков, т[ак] к[ак] ж[елезно]д[орожное] начальство разбежалось». По словам Исакова, в Тосно было направлено несколько телеграфистов, которые должны были телеграфировать Грекову «о настроении войск, едущих в эшелонах» в Петроград. Командированные телеграфисты должны были также знакомить солдат с положением дел в столице[6].

Греков попытался взять под свой контроль движение царского поезда. С. П. Мельгунов писал: «[…] советский комиссар в звании коменданта Николаевского вокзала "неведомый поручик Греков" […] вопреки инструкции думских железнодорожников в центре, больше озабоченных тем, чтобы не пропустить царя на фронт, довел до линии распоряжение направить царский поезд в Петербург, минуя передаточную на царскосельский путь ст. Тосно»[7]. Об этом же приказе, подписанном поручиком Грековым, сообщал Г. М. Катков[8]. Подтверждения этому находим в мемуарах участников событий. Д. Н. Дубенский, вспоминая о движении литерных поездов в Царское Село, писал: «[…] мы узнали через нашего инженера Эртеля, после 4 часов дня, что образовано какое-то новое "Временное правительство", а старая власть свергнута […] Кроме этого, получена на одной из станций телеграмма от какого-то коменданта ст. Петроград сотника Грекова о направлении литерных поездов А и Б (т. е. свитского и царского[9]) непосредственно в Петроград, а не в Царское Село через Тосно»[10]. П. В. Мультатули, изучивший историю телеграммы Грекова, замечает, что из воспоминаний Дубенского не понятно, на какой станции или в котором часу в свитском поезде стало известно о ней, а лишь указано «после 16 часов». И тут же пишет: «[А. И.] Спиридович в своей книге указывает точное время, когда в свитском поезде получили телеграмму

---

[6] Исаков В. Воспоминания о 1917 г., 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1347. Л. 1.
[7] Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 215.
[8] Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 311, 353.
[9] Д.Н. Дубенский ошибся. Царский – это литерный поезд «А», а свитский – литерный поезд «Б».
[10] Дубенский Д.Н., ген. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документов / Ред. П.Е. Щеголева. Вступит. ст. Л. Китаева и М.Е. Кольцова. Репринтн. изд. М., 1990. С. 54.

Грекова[11]: "Поезд Литера "Б" в 9 часов 45 минут (вечера – П. М.) прибыл в Вышний Волочек. Здесь коменданту поезда подполковнику Талю вручили циркулярную телеграмму революционного коменданта Николаевского вокзала в Петрограде поручика Грекова, который приказывал литерные поезда, идущие в Царское Село, направить на Николаевский вокзал»[12].

Дубенский вспоминал, что ехавшие в свитском поезде, узнав, что «в Петрограде уже совершился революционный переворот и образованное «Временное правительство» свободно распоряжаются императорскими поездами, решаясь направить их по своему усмотрению», обсудили сложившееся положение и постановили[13], чтобы он [генерал Дубенский – А. Н.] написал «письмо профессору С. П. Федорову, едущему в поезде государя». В письме было высказано соображение, что «в этих обстоятельствах ехать дальше не следует и лучше через Бологое направиться в Псков, где находится штаб Северного фронта, там генерал-адъютант Рузский, есть близко войска, и сам по себе Псков старый, тихий, небольшой губернский город, где его величество спокойно может пробыть и определить создавшиеся обстоятельства и выяснить обстановку». Письмо было передано С. П. Федорову одним из офицеров, который сошел со свитского поезда и «дождался поезда собственного его величества»[14]. П. В. Мультатули проанализировав воспоминания Дубенского, замечает: «Во-первых, никто даже не попытался узнать, насколько телеграмма Грекова серьезна, насколько революционеры действительно контролируют железные дороги. Во-вторых, предложить государю в самый ответственный момент, когда он любой ценой должен был прорваться в Петроград, отправиться в "тихий […] город Псков" и там "спокойно пребывать и оценивать обстановку" мог только либо очень недалекий человек, либо человек, сознательно стремящийся направить царя в изоляцию». Кроме этого, Мультатули обращает внимание и на то, что совещание в свитском поезде приняло «совсем другое решение, чем то, о котором пишет Дубенский»[15]: «Подполковник Таль собрал совещание высших чинов, ехавших в поезде.

---

[11] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. С. 445.
[12] Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 626.
[13] В совещании приняли участие генерал-майоры Д.Н. Дубенский и С.А. Цабель, барон Штакельберг, полковник Невдахов, подполковник Таль и чиновник канцелярии министра двора А.В. Суслов (Дубенский Д.Н., ген. Указ. соч. С. 54).
[14] Дубенский Д.Н., ген. Указ. соч. С. 54.
[15] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. С. 446.

По результатам обмена мнений Таль написал донесение дворцовому коменданту: "По слухам получено распоряжение направлять литерные поезда из Тосно на Николаевский вокзал. Если действительно проезд на Гатчину будет закрыт, решили остановить поезд в Тосно. Прошу передать Ваши распоряжения в Малую Вишеру"[16]». Мультатули пишет, что в донесении Таля телеграмма Грекова относится к разряду слухов и «никакого Пскова в предложениях Таля нет и в помине»[17]. Т. е. получается, что участники совещания в свитском поезде с самой телеграммой Грекова знакомы не были, а узнали об ее содержании по слухам. Подчеркнем, что Мультатули считает участие Грекова в составлении этой телеграммы весьма туманным и склоняется к тому, что такой телеграммы и не было вообще![18]

Вместе с тем А. А. Мордвинов, ехавший в царском поезде, вспоминал, что во время стоянки в Малой Вишере он зашел в служебный вагон, где на столе нашел брошенную служебную телеграмму, в которой «какой-то поручик Греков – назвавший себя комендантом Николаевского вокзала, – в резких выражениях и, кажется, с угрозами за неисполнение, приказывал, чтобы императорский поезд без захода в Царское был направлен прямым маршрутом в Петроград на Николаевский вокзал в его распоряжение». Телеграмма Грекова произвела на Мордвинова впечатление, о котором он писал: «Этот "приказ" неведомого поручика всероссийскому императору […] наполнил душу таким тяжелым негодованием, от которого я не скоро смог оправиться». Инженер М. Ежов, начальник императорских поездов, подтвердил Мордвинову, что «действительно телеграмма неведомого поручика Грекова была разослана по всей дороге и что, конечно, на нее никто не обращает внимание»[19]. О телеграмме Грекова вспоминал дворцовый комендант В. Н. Воейков: «[…] мне была сообщена телеграмма коменданта поручика Грекова о направлении императорского поезда не на Тосно – Семирино, а прямо из Тосно на Петроград»[20]. Но Мультатули подвергает сомнению воспоминания Мордвинова и Воейкова, как, кстати, и Дубенского. Он пишет, что «эти люди скрывали прав-

[16] Спиридович А.И. Указ. соч. С. 626.
[17] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. С. 446.
[18] Там же. С. 444.
[19] Мордвинов А.А., полк. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документов. С. 101–102.
[20] Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 169.

ду о том, что на самом деле происходило в литерных поездах 28-го февраля […] 1917 года». Правда, он спешит заявить: «Это не означает, что все в этих воспоминаниях лживо, а означает, что главная их цель – дезинформация»[21]. Мультатули в связи с этим сожалеет, что «воспоминания о том, что происходило в императорских поездах в период с 27-го февраля по 4-е марта, оставила небольшая часть очевидцев». Среди тех, кто не оставил воспоминаний об этих днях, он называет герцога Н. Н. Лейхтенбергского, графа В. Б. Фредерикса, князя В. А. Долгорукова, инженера М. Ежова, К. А. Нарышкина, графа А. Н.Грабе, барона Р. А. Штакельберга и полковника Таля[22]. Но в дневнике великого князя Андрея Владимировича есть рассказ, в котором генерал С. А. Цабель докладывает императору о телеграмме поручика Грекова: «[…] в поезд вошел Цабель. […] – Вот телеграмма. Смотрите, она помечена: "Петроград. Комендант Николаевского вокзала. Поручик Греков". Вы видите, что тут предписывается задержать на ст. Вишера поезд "лит. А", и затем направить в Петроград, а не в Царское Село. Государь вскочил. – Что это? Бунт?! Поручик Греков командует Петроградом!? Цабель сказал: "Ваше величество, в Петрограде 60 000 войск во главе с офицерами перешли на сторону Временного правительства. Ваше величество объявлены низложенным. Родзянко объявил всей России о вступлении в силу нового порядка. Ехать вперед нельзя. На всех железных дорогах распоряжается депутат Бубликов". В крайнем изумлении, растерянности и гневе государь воскликнул: "Но почему же мне ничего не сказали раньше об этом? Почему говорят только сейчас, когда все кончено?" Но через минуту он с спокойной безнадежностью сказал: "Ну, и, слава Богу. Я поеду в Ливадию. Если потребует народ, я отрекусь и поеду к себе в Ливадию в сад. Я так люблю цветы". Цабель развел руками и вышел из вагона»[23]. Иначе говоря, в вопросе о телеграмме Грекова у лиц, сопровождавших царя в этой поездке, могло быть и единодушие!

Приведем свидетельства других участников событий, которые знали о телеграмме Грекова не из свитских кругов. Так, Ю. В. Ломоносов, помощник комиссара Бубликова, вспоминая о вечере 28 февраля 1917 года, писал:

---

[21] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. С. 456.
[22] Там же. С. 457.
[23] Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова: (1914–1917) / Сост., коммент. и предисл. В.М. Осин и В.М. Хрусталев. М., 2008. С. 248. Этот диалог Цабеля и Николая II, видимо, взят в.к. Андреем Владимировичем из брошюры Н.В. Касаткина (Касаткин Н.В. Как произошло отречение Николая II. М., 1917. С. 5–6).

«Комендант Греков из Петрограда дает назначение [императорскому – А. Н.] поезду на Петроград. Явная чепуха, каждый делает, что на ум взбредет»[24]. Особенную ценность представляют воспоминания В. Исакова, который в дни Февральской революции работал телеграфистом на станции Петроград пассажирский Николаевской железной дороге. В 1927 г. он писал: «[…] наступила ночь с 28 февраля на 1 марта […] [,] ожидался приезд царя из Ставки в Царское Село. Были назначены два поезда под лит[ерами] "А" и "Б". Поручик Греков дал в Тосно телеграмму о задержании царских поездов и направлении их в Петроград, а не в Царское Село»[25]. Оснований сомневаться в правдивости свидетельств Ю. В. Ломоносова и В. Исакова нет.

И после отправки телеграммы о перенаправлении императорских поездов в Петроград Греков был, пожалуй, самым осведомленным человеком о положении дел по пути их следования. П. В. Мультатули пишет, что «перепуганные осведомители революционеров из числа железнодорожных служащих сообщали в Петроград: «Передайте коменданту Грекову, что в Тосно находится командир корпуса жандармов граф [Д. Н.] Татищев, принимает меры и ведет переговоры с Малой Вишерой». В другой телеграмме содержались разъяснения о мероприятиях Татищева: «Командир корпуса жандармов на ст. Тосно приказал отделить паровоз и поставить на линию прохода поезда литера "А" с высочайшими особами». Мультатули предполагает, что «по замыслу Татищева и, скорее всего, после переговоров с царем по прямому проводу, императорский поезд должен был сразу в Тосно получить готовый к отъезду паровоз и немедленно, не теряя ни минуты, следовать на Гатчину и Царское Село»[26]. Но это всего лишь предположение! Напомним, что в Тосно находились телеграфисты, посланные Грековым, которые и поставляли информацию о происходящем на станции. В. Исаков вспоминал: «Получается сообщение, что граф Татищев ведет переговоры с Малой Вишерой и советует царю повернуть обратно»[27]. Когда же императорские поезда двинулись в сторону Бологого, была отправлена телеграмма, которую цитирует Мультатули: «Передайте коменданту станции Грекову, что литерные поезда из М. Вишеры

[24] Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. / Сост., вст. ст., примеч. А.С. Сенина. М., 1994. С. 233.
[25] Исаков В. Указ. соч. Л. 1.
[26] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. С. 454.
[27] Исаков В. Указ. соч. Л. 1.

возвращены обратно. Станция Вишера из действия выключена. Перешедшие на сторону нового правительства все станции до Бологого выключены из действия». Проанализировав эту телеграмму, Мультатули, сделал вывод, что «литерные поезда были фактически захвачены, и вся телеграфная связь по пути их следования была выключена»[28]. Кем это было сделано? Революционерами или железнодорожниками, сопровождавшими литерные поезда и по приказу, последовавшему от начальственных лиц из этих поездов? Мультатули приводит отрывок из записей А. А. Мордвинова[29]: «Наши железнодорожники свитского поезда разъединили путевой телеграфный провод на Петроград, перевели на другой конец паровоз, и наш поезд быстрым ходом двинулся назад»[30]. И тут же заявляет: «Из приводимых нами телеграмм железнодорожного начальства Малой Вишеры, перешедшего на сторону революции, мы знаем, что это оно, а не железнодорожники свитского поезда оборвали телеграфную связь между литерными поездами и Петроградом»[31]. Мультатули здесь ошибается или намеренно цитирует телеграмму с информацией о выключенной телеграфной связи с купюрами. Текст этой телеграммы привел В. Исаков в своих воспоминаниях: «Передайте поручику Грекову, литерные поезда повернули обратно через Бологое на Дно. Телеграфные аппараты по распоряжению с литерных поездов выключены и провода до Бологое перерезаны»[32].

Судя по следующим событиям, К. Ф. Греков решил продолжить охоту за ускользнувшим императорским поездом. Э. К. Дрезин вспоминал в 1920 г.: 28 февраля Грекову «сообщили, что царский поезд едет по Никол[аевской железной] дор[оге]. Греков телеграфирует: "Царский поезд задержать на ст[анции] Дно". Воейков подал телеграмму Николаю [II], Николай [II]: "Как, Петроградом командует поручик Греков, так это бунт". Воейков ответил: "Не бунт, а революция"». Рассказ этот, как заметил Дрезин, «передал Шульгин»[33]. Можно предположить, что В. В. Шульгину о докладе Воейкова Николаю II относительно телеграммы Грекова сообщил кто-то из свиты императора. То, что Греков продолжил охоту за царским поездом подтвердил управляющий делами Военной комиссии ВКГД зауряд-капитан 86-й Вологодской дружины

[28] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. С. 455.
[29] Там же. С. 457.
[30] Мордвинов А.А., полк. Указ. соч. С. 103.
[31] Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. С. 457.
[32] Исаков В. Указ. соч. Л. 1.
[33] Дрезин Э.К. Указ. соч. Л. 2.

А. А. Чиколини, который 5 мая 1917 г. показал: «ночью с 28 февраля на 1 марта мы получили информацию о царе. Приказ об его аресте был немедленно отправлен на станцию Дно»[34]. С. М. Ляндрес в связи с этим замечает: «Свидетельство Чиколини о том, что в приказе Грекова также упоминалось и об аресте царя добавляет достоверности предположению, что приказ этот был отдан в полном согласии с ВК [ВКГД]» [35]. Но и в этот раз Грекову не удалось задержать поезд и арестовать императора.

Депутат IV Государственной думы А. А. Бубликов (прогрессист) был назначен ВКГД комиссаром в Министерство путей сообщения (МПС) в ночь на 28 февраля 1917 г.[36] В своих воспоминаниях Бубликов писал о том, что неоднократно обращался к М. В. Родзянко, А. Ф. Керенскому, Н. С. Чхеидзе и Н. В. Некрасову «с указанием на то, что пора уже брать власть в руки, иначе царь может собраться с силами, прислать войска с фронта и быстро подавить все движение, что захват власти всего легче осуществить через занятие Министерства путей сообщения, которое обладает своей собственной телеграфной сетью, неподчиненной Министерству внутренних дел». В ответ на повторное обращение Бубликова к Родзянко, тот, наконец, дал ему разрешение занять МПС. Бубликов вспоминал, что в ответ на это он предложил Родзянко подписать заготовленное заранее «поручение» от ВКГД «занять» Министерство путей сообщения[37]. В мемуарах Бубликова есть прямое указание на то, что он только утром 28 февраля получил разрешение от М. В. Родзянко занять МПС[38]. Благодаря настойчивости и решительности А. А. Бубликова 28 февраля МПС уже находилось в руках ВКГД.

Бубликов участвовал в так называемой «погоне за литерными поездами»[39]. 25 мая 1917 г. Н. В. Некрасов рассказывал Комиссии опросов Таврического дворца, что Бубликов, охотясь за царским поездом, выполнял приказы

---

[34] Aleksandr Aleksandrovich Chikolini / Part II: The Interviews // Lyandres S. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford University Press, 2013. P. 77.
[35] Lyandres S. Op. cit. P. 83–84.
[36] Комиссары Исполнительного комитета // Известия Комитета петроградских журналистов (далее – КПЖ). 1917. 1 марта. № 4 (Типография Т-ва А.С. Суворина – «Новое время»).
[37] Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест Царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 20–21.
[38] Там же. С. 22.
[39] См. подробнее: Куликов С. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиаменто» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 152–157; Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 232–239.

думского Комитета[40]. Позднее Некрасов вспоминал, что одним из наиболее ярких воспоминаний революционных дней была «погоня за царским поездом», которой ему «довелось управлять из Государственной думы, давая распоряжению Бубликову»[41]. Заметим, что помощник комиссара Бубликова профессор Ломоносов в своих воспоминаниях о «руководящей» деятельности в этом вопросе Н. В. Некрасова не обмолвился ни разу. По словам Ломоносова, руководящие указания исходили от председателя Думы М. В. Родзянко[42]. Бубликов обошел молчанием факт руководства своей деятельностью во время погони за царским поездом с чьей бы то ни было стороны. Он вспоминал, что отдал распоряжение не пускать царский поезд «севернее линии Бологое–Псков, разбирая рельсы и стрелки, если он вздумает проезжать насильно». Бубликов позднее признавал, что все его мероприятия оказались ненужными. Он писал: «[…] как только царь узнал, что на сети командую я, а вокзал Николаевской ж.д. занят каким-то Грековым, он как-то сразу сдался»[43]. Действительно, некоторые исследователи считают, что предыдущая деятельность комиссара Бубликова заложила основы для принятия царем решения отказаться от плана проследовать до Царского Села. В. И. Старцев, например, считал, что уже рассылка по железнодорожному телеграфу первой телеграммы Бубликова (телеграмма Бубликова – Родзянко) стала одним из поводов к тому, что царь принял решение «в Малой Вишере в ночь на 1 марта о повороте на Псков»[44].

Добавим, что не все мероприятия Бубликова, реализуемые во время «погони» за царским поездом, были успешны. С. В. Куликов ввел в исторический оборот сообщение инженера Л. А. Гринчук-Лукашевича о неудачной попытке задержать литерные поезда по распоряжению комиссара А. А. Бубликова[45]. Начальник Службы движения Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги Гринчук-Лукашевич рассказал корреспонденту газеты «Утро России» о том, как он утром 1 марта вызвал старших лиц адми-

---

[40] Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 152.
[41] Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. / Публикация В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20.
[42] Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 233.
[43] Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест Царя, перспективы). С. 24.
[44] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 51.
[45] Куликов С. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиаменто». С. 155–157.

нистрации ст. Дно и передал им распоряжение Бубликова – «всеми способами стремиться к задержанию поезда и преградить ему дорогу на ст. "Дно"»[46]. Фамилий этих служащих Гринчук-Лукашевич не назвал. В ЦГАИПД СПб хранятся воспоминания начальника станции Дно И. Зубрилина, который и был одним из служащих, принявшим распоряжение Бубликова через Гринчука-Лукашевича. Кроме Зубрилина, по его же словам, при телеграфном разговоре с Гринчуком-Лукашевичем присутствовали также начальник движения Брундуковский, несколько позднее появились инженеры Михайлов, Соболев, Красовский и Щуровский, т. е. все начальствующие лица ст. Дно. Подчеркнем, что инженер Михайлов о содержании переговоров сообщил коменданту станции Фрейману, который в ответ заявил: «Делайте, что хотите, а я как бы не знаю об этом ничего». Зубрилин выработал план действий: отправить в Полонку поезд из порожних вагонов, «а за ним послать вдогонку паровоз, дабы догнать и разбить поезд, чем вызвать задержку императорского поезда». Выписав фиктивный путевой лист и отправив порожний поезд, Зубрилин и Щуровский на паровозе выехали вслед за ним. Но, не доезжая до путепровода, паровоз был остановлен комендантом станции. Машинист Суворов, по словам Зубрилина, не был поставлен в известность о его плане, и поэтому подчинился приказу коменданта. Паровоз вместе с Зубрилиным и Шуровским был возвращен на ст. Дно 1[47]. Бубликов тогда отдал новое распоряжение Гринчук-Лукашевичу – «воспрепятствовать отправлению царских поездов со ст. "Дно" на юг по направлению к Ставке»[48]. Но выполнять это распоряжение не пришлось. По словам И. Зубрилина, в ходе телеграфных переговоров В. Н. Воейкова с М. В. Родзянко они договорились, что встреча председателя Государственной думы и императора Николая II состоится в г. Пскове, куда вскоре и отправился царский поезд[49]. По словам Н. В. Некрасова, Временный комитет Думы готов был пропустить царский поезд со ст. Дно в Петроград, но неожиданно для думских лидеров литерный поезд отправился в Псков. Некрасов говорил: «Мы отдали приказ, чтобы он смог пойти в направлении

---

[46] А.Т. Как был задержан поезд Николая II. Рассказ участника задержания поезда инж[енера] Л.А. Гринчук-Лукашевича // Утро России. 1917. 21 апреля.

[47] Зубрилин И. В Дновский райком. Некоторые воспоминания о Февральской революции в бытность мою ДС ст. Дно, 1929 // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1463. ЛЛ. 1–2.

[48] А.Т. Как был задержан поезд Николая II. Рассказ участника задержания поезда инж[енера] Л.А. Гринчук-Лукашевича // Утро России. 1917. 21 апреля.

[49] Зубрилин И. Указ. соч. Л. 3.

Петрограда, [а] не вернулся в Ставку. Он не мог направиться на юг, но его путь на север был открыт. Было неожиданностью для всех, что он отправился в Псков. Ему разрешили поехать туда, потому что это было безопасно для нас – мы были уверены в настроении в Пскове. Он застрял там и отрекся от престола»[50].

Таким образом, можно утверждать, что, во-первых, в Малой Вишере императорские поезда не были еще фактически захвачены, то ли революционерами, то ли заговорщиками из числа лиц, сопровождавших императора Николая II; во-вторых, именно в Малой Вишере был сорван план Грекова, озвученный в его телеграмме – направить императорские поезда на Николаевский вокзал в Петрограде; в-третьих, Грекову не удалось арестовать императора Николая II на ст. Дно; в-четвертых, комиссар Бубликов не смог взять под свой контроль передвижение царского поезда на протяжении всей «охоты» за ним; в-пятых, мероприятия Грекова и Бубликова заставили царя поверить в то, что в Петрограде началась революция, принудили его повернуть свой поезд на Псков; в-шестых, погоней («охотой») за царским поездом руководили думский Комитет и его Военная комиссия: комиссар А. А. Бубликов подчинялся распоряжениям председателя ВКГД М. В. Родзянко и члена думского Комитета Н. В. Некрасова, а комендант К. Ф. Греков действовал в согласии с Военной Комиссией ВКГД.

[50] Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 152.

В. А. Рачковский

Февральская революция и образование Петроградского Совета рабочих депутатов

История Февральской революции и создание в ходе нее Петроградского Совета рабочих депутатов давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Первые работы появились еще в 1917 г. Можно, в частности, отметить появившуюся к полугодовому юбилею Совета в газете «Известия» анонимную статью, посвященную созданию Петроградского Совета[1]. О значительном интересе к истории Совета говорит обращение к ЦИК Советов историка, историографа, политического деятеля, члена партии меньшевиков Б. И. Николаевского с целой программой собирания источников по истории Советов в 1917 г., опубликованное В. И. Старцевым[2].

Но наличие столь длительной историографической традиции не свидетельствует о завершенности изучения, остается довольно много спорных, дискуссионных вопросов. И, конечно, работы по истории Петроградского Совета должны носить историографический характер.

Как известно, Петроградский Совет рабочих депутатов был образован 27 февраля 1917 г. после того как на сторону бастующих рабочих перешли солдаты гарнизона. Но история создания Совета не исчерпывается одним днем, пусть даже и решающим. В первые дни Февральской революции, когда забастовки и демонстрации только начинались, лозунги проведения выборов и организации Совета не выдвигались. Но, по мере того как движение приобретало все больший размах, такие намерения отмечались мемуаристами неоднократно. Сама идея Совета была, несомненно, весьма популярной в среде столичного пролетариата, насчитывающего четыреста тысяч человек, что составляло значительную часть населения Петрограда.

Обычно это объясняют коллективной памятью рабочих о Петроградском Совете рабочих депутатов, который просуществовал пятьдесят два дня в 1905 году во время первой русской революции, а прошло не так уж много лет – двенадцать. И, конечно, Советы изобрели не политические партии, это

[1] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 1917 г. 27 августа.
[2] Исследование источников по истории революции 1917 года. СПб., 1996. С. 6–9.

было самое настоящее революционное творчество широких народных масс. Советы – типичные пролетарские организации, но корни их лежат в традициях «мира», крестьянской общины. На этот факт указывал В. И. Ленин: «… В феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Самое глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, – вот кто создал эту форму пролетарской власти»[3].

Многие мемуаристы, причем разной политической принадлежности, указывали на намерения рабочих организовать Совет, а кое-где эти намерения вылились и в проведение выборов на отдельных предприятиях. Так, в одной из наиболее объективных и содержательных хроник революции отмечалось, что 25 февраля, а это третий день революционного движения, когда успех революции еще далеко не определился, «…среди передовой социалистической части рабочих уже бродила мысль о создании нелегальных Советов рабочих депутатов по заводам»[4]. Авторы этой хроники Д. О. Заславский и В. А. Канторович в советской историографии подвергались зачастую недобросовестной критике из-за своего меньшевистского прошлого, «преувеличения» стихийного характера Февральской революции, отрицание руководящей роли в Совете большевиков в марте – апреле 1917 г.[5] В постсоветской историографии оценки этого интереснейшего источника стали более взвешенными[6]. Оба автора принимали непосредственное участие в работе Совета с самого начала, и их свидетельства представляют большой интерес, а возможности этого, ставшего библиографической редкостью издания, использованы исследователями недостаточно.

В опубликованных в 1922 г. в журнале «Былое» своих воспоминаниях представитель партии Бунд М. Г. Рафес, описывая рабочее движение в дни

---

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 36. С. 3.

[4] Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Т. I. Февраль-март. Пг., 1924. С. 23.

[5] Злоказов Г.И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969, С. 29–30.

[6] Малышева С.Ю Российское временное правительство 1917 года. Отечественная историография 20-х – середины 60-х годов. Казань, 1999. С. 26–27; Рачковский В.А. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в документальных хрониках революции 1917 г. // Путь России и судьба историка (к 80-летию профессора В.А. Кутузова). СПб., 2015. С. 87–89.

Февральской революции, также указывал, что: «Идея Совета рабочих депутатов была выдвинута еще в дни 24–26 февраля, когда началась забастовка»[7].

На выборы, проходившие, до образования Совета 27 февраля, обращали свое внимание и целый ряд исследователей. И здесь тоже существует довольно длительная традиция – в своей работе, посвященной Февральской революции, вышедшей к ее десятилетию, Э. Б. Генкина указывала на такие факты[8].

Такой же точки зрения придерживался крупнейший исследователь истории Петроградского Совета рабочих депутатов Юрий Сергеевич Токарев: «… именно пролетарское движение снизу, почин рабочего класса, руководимого большевиками, стояли у истоков образования Совета рабочих депутатов»[9].

Здесь имеются, конечно, элементы преувеличения роли большевиков, определенным влиянием пользовались и другие социалистические партии. Вообще роль политических партий в предыстории Совета и его создании до сих пор является дискуссионной. В советской историографии при изучении этих вопросов главное внимание уделялось только партии большевиков, а усилия других социалистических партий – меньшевиков, эсеров, межрайонцев – анализировались в меньшей степени и, как правило, с критических позиций.

Анализ взглядов, высказываемых различными партиями по вопросу образования Совета рабочих депутатов, достаточно полно был проведен Ю. С. Токаревым[10]. Использовав, главным образом, мемуарные свидетельства, автор, безусловно, справедливо отводит ведущую роль в намерениях формирования Совета социал-демократам, в основном большевикам. Трудно не согласиться с утверждением, высказанным им, что «… стремление рабочих масс создать Совет не могло быть реализовано без участия в этом деле центров, способных возглавить и организационно оформить движение снизу. На роль таких центров больше всего подходили политические партии, имевшие влияние среди рабочих и в их организациях – уцелевших профсоюзах, больничных кассах, рабочих кооперативах»[11]. И с этой точки зрения необходимо рассматривать усилия партий системно: сама идея, попытки ее реализа-

---

[7] Рафес М. Мои воспоминания. Былое, 1922, № 19. С. 188.
[8] Генкина Э.Б. Февральский переворот. // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. М.-Л., 1927. С. 86.
[9] Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л.,1976. С. 12.
[10] Там же. С. 16–19.
[11] Там же. С. 12–13.

ции и результаты. Реальные попытки, можно утверждать определенно, предпринимали только социал-демократы – меньшевики и большевики.

Имеются свидетельства, что на заседании Петербургского комитета большевиков было принято соответствующее решение, но по целому ряду причин оно не было реализовано. Основными долгое время считали арест многих членов комитета, ошибки руководства большевиков, которые позднее они сами признавали. Так, А. Г. Шляпников писал: «Собрание делегатов-учредителей показало нам, что наши товарищи увлеклись боевыми задачами и упустили выборы»[12]. Исследователи достаточно полно изучили свидетельства о попытках большевиков провести выборы в Совет 24–26 февраля. Как считали одни из крупнейших специалистов по истории Петроградского Совета рабочих депутатов в 1917 г. Б. Д. Гальперина и В. И. Старцев: «… результаты этих исследований пока не дают оснований сделать вывод, что в этом направлении большевики достигли каких-то определенных результатов»[13].

Самым значительным действием меньшевиков по организации Совета, безусловно, следует считать проведение совещания, созванного по инициативе Петроградского союза потребительских обществ по согласованию с фракцией социал-демократов Государственной думы. Именно на нем и был выработан план создания Совета рабочих депутатов, согласно которому центром должен был стать союз рабочих кооперативов. Впервые все обстоятельства этого совещания были освещены в статье, опубликованной к полугодовому юбилею Совета 27 августа в газете «Известия». Но из этого плана меньшевиков ничего не получилось, большая часть участников совещания была арестована. В советской историографии эти усилия рассматривались почти исключительно критически. Только Э. Н. Бурджалов в своем фундаментальном исследовании выдвинул тезис о равноправном участии большевиков и меньшевиков в создании Петроградского Совета, а совещание 25 февраля расценил достаточно высоко, определив его как «одну из первых попыток создать Совет рабочих депутатов»[14].

Таким образом, можно смело утверждать, что все попытки сформировать Совет до 27 февраля 1917 г., до победы революции, предпринимаемые как большевиками, так и меньшевиками были неудачными.

---

[12] Шляпников А.Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 134.
[13] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. I. Л., 1991. С. 7.
[14] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 209.

К такому же выводу пришел и Ю. С. Токарев: «Конечно, выборы на предприятиях 24–26 февраля были важным показателем почвенности революции и движения за создание Совета рабочих депутатов, но сколько-нибудь существенного влияния на состав Совета, каким он начал формироваться с 27 февраля не оказали»[15].

Что касается позиции других социалистических партий и групп, анализ которых достаточно подробно проведен в книге Ю. С. Токарева, то они по разным причинам до победы революции относились к идее создания Совета и попыткам ее реализации социал-демократами негативно.

Весьма примечательно с этой точки зрения выступление одного из организаторов Совета, секретаря рабочей группы ЦВПК, члена Исполнительного Комитета Совета Б. О. Богданова на заседании рабочей секции Петроградского Совета 18 марта 1917 года: «Наша организация возникла стихийно. Как стихией революция сильна, так и ее организация сильна, и она заняла достойное место во главе русской революции … До победы шли разговоры и выборы были произведены. 27-го – первое собрание с исполнительным комитетом»[16].

Решающим днем революции стало 27 февраля 1917 г., когда на сторону бастующих рабочих и демонстрантов перешли солдаты Петроградского гарнизона, насчитывающего вместе с пригородами около 300 тысяч.

Действия большевиков в этот день по организации Совета свелись к изданию листовок, призывающих к проведению выборов в Совет. Таких листовок известно две, их подробный анализ содержится в работе Ю. С. Токарева. Согласно одной из них центром должен был стать Финляндский вокзал: «Прежде всего выбирайте депутатов, пусть под защитой войск создается Совет депутатов. Крепкой связью вы присоедините к себе остальных солдат, идите к казармам, зовите остальных. Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется Революционный штаб»[17]. По разным причинам реализовать эти намерения у большевиков не получилось, Совет возник в другом месте и при других обстоятельствах.

В этот же день появился еще один важнейший документ, подготовленный Русским бюро ЦК большевиков – Манифест «Ко всем гражданам России»,

---

[15] Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 22.
[16] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. I. Л., 1991. С. 348–349.
[17] Цит. по Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 24.

призывающий к созданию Временного революционного правительства. Ряд исследователей поставили знак равенства между Временным революционным правительством и Советом рабочих депутатов. Нельзя не заметить, что в Манифесте нет упоминаний о Совете, что на наш взгляд говорит о недооценке большевиками проведения немедленных выборов депутатов Совета.

Необходимо отметить, что авторитет Государственной думы был еще велик, и именно поэтому Таврический дворец, где она располагалась, становится центром притяжения для солдатских масс. После освобождения из заключения туда направились члены рабочей группы ЦВПК. К середине дня 27 февраля в Таврическом дворце началось формирование политических центров: думского Временного комитета и Петроградского Совета. Собравшиеся там члены Рабочей группы ЦВПК, думская фракция социал-демократов, представители легальных рабочих организаций, интеллигенция социалистической ориентации провозгласили создание Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. По сведениям Б. И. Николаевского, видного историка и архивиста, главная роль принадлежала Рабочей группе: «Особенно велика эта роль была в истории создания Совета рабочих депутатов в Петербурге: инициаторами создания последнего были председатель Рабочей группы ЦВПК К. А. Гвоздев и особенно секретарь этой группы Б. О. Богданов, которые были освобождены восставшими утром 27 февраля 1917 г. и немедленно обосновались в Таврическом дворце, превратив там комнату социал-демократической фракции Государственной Думы в штаб по организации Совета»[18].

Таким образом, сначала возник Временный исполком, а затем уже собственно Совет.

О составе Временного исполнительного комитета можно судить только предположительно, поскольку никаких документальных свидетельств не имеется. Мемуаристами называется девять фамилий; анализ этих источников позволяет утверждать, что большинство исполкома составляли меньшевики и внефракционные социал-демократы.

Кроме информационного сообщения об организации Совета рабочих депутатов, опубликованного в единственной вышедшей 27 февраля газете «Известия Комитета петроградских журналистов», аккредитованных при Государственной думе, было в ней так же помещено два воззвания. В одном из

[18] Николаевский Б.И. Меньшевики в первые дни революции. // Меньшевики. Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Benson.Vermont.Chalidze Publication.1988. С. 55.

них, обращенном к гражданам от имени Временного исполкома, содержался призыв обеспечить солдат продовольствием «кормить солдат всем, что только у вас есть», нашедший самый живой отклик.

Другое воззвание, обращенное к населению, призывало к проведению выборов в Совет согласно следующим квотам: «Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату»[19].

Солдатам было предложено избирать представителей, а рабочим – депутатов, поскольку не предполагалось создавать объединенный Совет, таким он станет только 1 марта.

Выборы действительно были проведены, и первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов состоялось в 9 часов вечера 27 февраля. На нем был избран Исполнительный комитет из пятнадцати человек, председатель Совета и два его товарища. Точка зрения Б. Д. Гальпериной и В. И. Старцева представляется вполне убедительной: «Меньшевики в организационном отношении «переиграли» большевиков. Государственная Дума лучше подходила как центр движения, чем Финляндский вокзал. В итоге с первых минут существования Совета меньшевики сумели получить важные преимущества учредителей».[20]

В заключении необходимо отметить, что фундаментальное издание документов Петроградского Совета, осуществленное титаническими усилиями Ю. С. Токарева, Б. Д. Гальпериной, В. И. Старцева, открывает широкое поле для дальнейшего исследования истории Совета в 1917 г.[21]

---

[19] Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 27 февраля. № 1. С. 1.

[20] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. I. Л., 1991. С. 14.

[21] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. I-IV. Л., 1991. М., 2003.

А. А. Смирнова

Социалисты в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1917 года

В последние 25 лет парадигма изучения революционного процесса в России в 1917 г. претерпела существенные изменения, что явилось в немалой степени результатом сотрудничества в новой политической обстановке отечественных историков с их зарубежными коллегами. Об этом можно судить по проблематике международных коллоквиумов, начиная с первого – «1917 в России: массы, партии, власть», состоявшемся в Санкт-Петербурге в 1993 г.

Отмечая несомненные достижения современной историографии деятельности социалистических партий в России в 1917 г., вместе с тем нельзя не заметить, что выявилась определенная тенденция к их изолированному изучению, в то время как в реальной обстановке эти партии находились в сложных отношениях сотрудничества и противоборства в одной системе политических координат. Март 1917 г. стал важным этапом в истории революционной России, когда на авансцену политической жизни страны вышел Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, ставший с первых дней своего возникновения фактически Всероссийским политическим центром. Объективное изучение всего комплекса документальных источников позволяет без упрощенной политической конъюнктуры проследить, как социалисты в Петроградском Совете, пройдя через ряд кризисных ситуаций, показали способность действовать не только решительно, но и благоразумно, постепенно переходя от конфронтации с Временным правительством к достижению компромисса[1].

С самого начала образования Петроградского Совета в нем были представлены различные социалистические течения и группы. Как установил известный исследователь истории Петроградского Совета Ю. С. Токарев, из 15 членов Исполнительного комитета, избранного вечером 27 февраля, по партийной принадлежности шестеро были меньшевиками, пятеро – внефрак-

[1] Подробнее об этом см.: Смирнова А.А. На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале-мае 1917 года. СПб., 2005. С. 28–140.

ционными социал-демократами, двое – социалистами-революционерами, двое – большевиками[2]. Незначительное представительство в Исполнительном комитете партии социалистов-революционеров было следствием ее организационной слабости, а представительство большевиков не отвечало их степени влияния на рабочие массы и объяснялось в значительной степени занятой в дни Февральской революции позицией «самоизоляции». Меньшевики, захватив с самого начала инициативу в организации и в руководстве Петроградского Совета, стали в нем самой влиятельной политической силой и постарались упрочить свое лидирующее положение среди других политических партий. Основная масса питерских рабочих, занимавшая до Февральской революции позиции «беспартийной революционности», теперь должна была выбирать между меньшевиками, большевиками, эсерами и анархистами. И это был нелегкий выбор, поскольку они воспринимались (и справедливо) ими как политические организации, боровшиеся с главным общим врагом – царизмом[3]. Неудивительно поэтому, что после свержения самодержавия большинство рабочих еще не составило себе четкого представления о политических партиях и предпочитало поддерживать все партии, входившие в Петроградский Совет. Как установил специально занимавшийся этой проблемой Х. М. Астрахан, в марте – апреле 1917 г. политическая дифференциация рабочих столицы была выражена еще слабо, и лишь на немногих предприятиях они отдавали явное предпочтение большевикам или меньшевикам[4].

Одним их первых вопросов, возникших у руководства Петроградского Совета, был вопрос о вхождении в Совет солдатских представителей. Следует признать, что высказанное в свое время А. Г. Шляпниковым и получившее распространение в историко-партийной литературе мнение о том, что только большевики выступали за образование единого Совета рабочих и солдатских депутатов, неточно. Основываясь на изучении документов Петроградского Совета, которые теперь стали доступными в результате появления уникальной по ценности публикации в 4-х томах, исследователи показали, что в действительности все обстояло сложнее[5]. «Сличение документальных источни-

---

[2] Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л., 1976. С. 36–37.

[3] Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционая борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993. С. 27.

[4] Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 75–77.

[5] См.: Артемьев С.А. Состав Петроградского Совета в марте 1917 г. // История СССР. 1964. № 5; Злоказов Г.И. Создание Петроградского Совета // История СССР. 1964. № 5;

ков с мемуарными, – писал в связи с этим в 70-х годах авторитетный специалист по истории Петроградского Совета Ю. С. Токарев, – позволяет утверждать, что если в меньшевистских и эсеровских кругах и относились отрицательно к вхождению солдат в Совет, то одновременно в той же среде имелись сторонники иной точки зрения, которая в силу объективных обстоятельств получила перевес. Меньшевики, обладавшие вместе с внефракционными социал-демократами большинством в Исполкоме, были приверженцами создания Совета как профессиональной организации рабочего класса, но они, учитывая конъюнктуру момента, испытывая давление солдат, пошли на образование объединенного Совета. Для эсеров же с их лозунгом "трудовой демократии" создание единого рабоче-солдатского Совета совпало в принципе с их партийными установками»[6]. Временный исполком Совета, в котором преобладали меньшевики, в своем воззвании 27 февраля, извещая о предстоящем вечером того же дня открытии первого заседания Совета, предлагал «всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту»[7]. В принятом на этом заседании Петроградского Совета обращении «К населению Петрограда и России» отмечалось, что «27 февраля в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов, фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп»[8]. На первом заседании Совета присутствовали лишь отдельные представители запасных батальонов, и они даже не принимали участия в выборах Исполкома, но именно через них солдатские массы узнали о том, что в лице Совета они имеют надежного защитника их интересов[9]. 1 марта на пленарном заседании Петроградского Совета состоялось специальное обсуждение солдатского вопроса, на открытии которого внефракционный социал-демократ Н. Д. Соколов констатировал выявившееся желание иметь в Совете делегатов от солдат и матросов и высказался за их включение в состав Совета[10]. Эта точка зрения была

Его же. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969; Миллер В.И. Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции // История СССР. 1966. № 6; и др.

[6] Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 42–43.

[7] Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 60.

[8] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 февраля.

[9] Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 60.

[10] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общ. собраний, собр. секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февр.–25 окт. 1917 г. Л., 1991. Т. 1. С. 47.

поддержана и представителями эсеров[11]. В результате было принято решение о вхождении в Совет представителей от солдат, а также было решено подготовить «приказ по гарнизону Петрограда», в котором должны были найти свое отражение предложения, прозвучавшие в выступлениях солдатских ораторов[12]. На следующий день, 2 марта, в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» был опубликован знаменитый Приказ № 1 Петроградского Совета. В семи пунктах этого приказа были закреплены основные требования солдатских масс, исключавшие возврат к прежней организации армии. Хотя авторство его приписывали позднее Н. Д. Соколову, документ был, конечно, результатом давления солдатских делегатов и «конъюнктуры момента»: не случайно многие члены Исполкома от меньшевиков впоследствии открещивались от своего участия в появлении Приказа № 1. Но тогда, в условиях еще не определившегося окончательно соотношения сил и возникшей опасности победы контрреволюции в связи с появлением приказа М. В. Родзянко о возвращении солдат в казармы, лидеры Петроградского Совета получили в лице столичного гарнизона мощный инструмент для противодействия политике Временного комитета Государственной думы и утверждения авторитета самочинно возникшей в дни революции властной организации из рабочих и солдатских представителей.

Такой исход борьбы за почти 200-тысячный гарнизон Петрограда заставил и членов Временного комитета Государственной думы срочно искать соглашения с руководством Петроградского Совета. В своих неофициальных контактах с некоторыми из его представителей они дали понять, что готовы даже поделиться властью и пойти на образование коалиционного правительства, предоставив в нем Н. С. Чхеизде пост министра труда, а А. Ф. Керенскому – министра юстиции[13]. Из предварительного обмена мнениями в Исполкоме Петроградского Совета выяснилось, что большинство его членов выступает за передачу власти Думскому комитету, хотя в вопросе о формах поддержки будущего правительства и отношения к нему демократии из представителей меньшевиков и эсеров единого мнения не было[14]. Что же касается большевистских представителей, то для них, по словам А. Г. Шляпникова, «самой желанной системой правления» было бы Временное революционное правительство, опира-

[11] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 49, 51, 52.
[12] Там же. С. 53.
[13] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.
[14] Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 86–87.

ющееся на Совет и всю организованную демократию. «Однако все наши соображения и "хорошие мысли" разлетались в прах от соприкосновения с суровой действительностью, – признавался он. – Ни социал-демократы меньшевики, ни социалисты-революционеры не хотели власти, боялись ее»[15]. Неудивительно поэтому, что «соображения» большевиков на этом заседании Исполкома даже не рассматривались.

Решив не посылать своих представителей в «общественный кабинет», Исполком, тем не менее, выработал условия, на которых должна быть создана и действовать новая власть. Они были сформулированы в качестве требований к образуемому Думским комитетом правительству[16].

В советской историографии Февральской революции соглашение о создании Временного правительства от 2 марта 1917 г. в течение длительного времени рассматривалось, как правило, только с большевистской точки зрения, а именно как предательство интересов рабочего класса со стороны эсеро-меньшевистского Исполкома Петроградского Совета, добровольно уступившего власть буржуазии. Даже в лучших работах того времени утверждалось, что Думский комитет не был источником власти нового правительства, что единственной реальной властью был тогда Совет рабочих и солдатских депутатов, который на определенных условиях уступил власть Временному правительству, что без поддержки Совета Временное правительство ни возникнуть, ни существовать не могло[17]. К сожалению, сегодня наблюдается другая крайность: стремление затушевать роль Петроградского Совета и оттеснить его на второй план, сделать «центром революции и штабом восстания» Государственную думу и ее Временный комитет[18]. На самом деле взаимоотношения этих двух центров носили сложный и напряженный характер как до соглашения 2 марта 1917 г., так и после него, а поддержка Временного правительства Петроградским Советом и входившими в него политическими партиями была не безоговорочной, а обусловлена целым рядом важных условий.

Именно на почве борьбы против «остатков старой власти» возник первый серьезный конфликт между Петроградским Советом и его Испол-

---

[15] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 кн. Т. 2: Семнадцатый год. Кн.1.–2. М., 1992. С. 200.
[16] Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 89.
[17] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 330.
[18] См.: Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 39–74.

комом, с одной стороны и Временным правительством, с другой. Распространившиеся по Петрограду 2 марта слухи о том, что Думский комитет хочет сохранить монархию теперь уже в лице Михаила Романова, вызвали среди рабочих и солдат, по выражению члена Петроградского Совета Н. Д. Соколова, «страшные волнения»[19]. И 3 марта Исполком Петроградского Совета на своем заседании первым обсуждал столь волновавший рабочих и солдат вопрос «Об аресте Николая и прочих членов династии Романовых». Было решено «арестовать династию Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом рабочих депутатов»[20].

Временное правительство, опасаясь «самостоятельности» Исполкома, решило его опередить и 7 марта постановило «признать отреченных Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»[21]. Узнав об этом, Исполком принял «властное» постановление: «Арестовать всю семью, конфисковать немедленно их имущество и лишить права гражданства. Для ареста послать своего парламентера с той делегацией, которая будет производить арест»[22]. Тем временем Временное правительство самостоятельно, даже не уведомив Исполком Совета, направило своих представителей в Могилев для сопровождения Николая Романова в Царское Село. Исполком Петроградского Совета был возмущен. Не ограничившись на этот раз только «властным решением», он распорядился занять революционными войсками все вокзалы, направил своих «комиссаров с чрезвычайными полномочиями» на станции Царское Село, Тосно и Званка, разослал радиотелеграммы во все города с предписанием арестовать Николая Романова. Одновременно было «решено объявить немедленно Временному правительству о непреклонной воле Исполнительного комитета – не допустить отъезда в Англию Николая Романова и арестовать его, во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношений с Временным правительством»[23].

Предпринятые Исполкомом меры возымели свое действие. Представители правительства заверили, что «Временное правительство отказалось от мысли разрешить Николаю Романову выехать в Англию без особого на то согласия Исполнительного комитета», и что оно согласно на назначение

---

[19] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 228.
[20] Там же. С. 81.
[21] Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 374.
[22] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 205.
[23] Там же. С. 218.

Исполкомом своего комиссара «для надзора» в Царское Село; что «в дальнейшем вопрос о Николае Романове будет разрешен по соглашению с Исполнительным комитетом»[24].

10 марта вопрос о взаимоотношениях с Временным правительством обсуждался на общем собрании Петроградского Совета. Выступивший по этому вопросу член Исполкома Совета Ю. М. Стеклов признал, что с момента соглашения с Думским комитетом об условиях формирования новой власти последняя приняла «самостоятельно ряд серьезных мер без всякого ведома и разрешения Совета[25]. Для «непрерывного контроля над правительством» избрана делегация в составе М. И. Скобелева, Ю. М. Стеклова, Н. Н. Суханова, В. Н. Филипповского и Н. С. Чхеидзе.

Ближайшие события показали, что «контактная комиссия» Совета будет неоднократно объясняться с Временным правительством по целому ряду возникавших проблем – о месте созыва Учредительного собрания в связи со слухами о том, что его предполагается созвать в Москве; о принятии присяги в армии, текст которой Временное правительство утвердило без согласования с Исполкомом Совета.

Требование о введении 8-часового рабочего дня стало одним из основных условий, на которых петроградские рабочие соглашались возобновить работу на фабриках и заводах после свержения самодержавия. 5 марта 1917 г. Исполком Совета признал «желательным возобновление работ в Петрограде». Н. С. Чхеидзе было поручено составить на основе полученных директив от Исполкома условия, на которых рабочие должны вернуться к станкам. Он выступил на общем собрании Петроградского Совета с докладом и сумел, опираясь на авторитет Исполкома, убедить рядовых депутатов, принять решение о возобновлении работ[26]. Переговоры между Обществом фабрикантов и заводчиков и Петроградским Советом завершились подписанием соглашения о введении 8-часового рабочего дня, организации фабрично-заводских комитетов и примирительных камер[27].

Еще одним жгучим вопросом, который с неизбежностью встал перед Петроградским Советом и его Исполкомом в первые же дни, был вопрос о войне и мире. Присутствовавшие 1 марта 1917 г. на заседании Петроградско-

---

[24] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1.
[25] Там же. Т. 1. С. 231.
[26] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 1917. 6 марта.
[27] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 225.

го Совета солдатские представители говорили о нежелании солдат продолжать войну, а делегат от автомобильной части Красного Креста эсер Ю. А. Кудрявцев предлагал «заключить мир с народом, а не с правительствами»[28]. Хотя идея обратиться с воззванием к пролетариату воюющих стран была поддержана всеми политическими партиями, входившими в Совет, подготовка текста этого воззвания была поручена представителям меньшевиков. Текст был одобрен на этом заседании Исполкома 18 голосами при 2 воздержавшихся. При этом эсер Ю. А. Кудрявцев протестовал против заключительной фразы: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», так как «лозунг этот партийный, а в Совете р. и с. д. присутствуют представители всех партий»[29]. 14 марта на пленарном заседании Петроградского Совета текст обращения «К народам всего мира» был единогласно принят депутатами [30].

Заявив о своей решимости оказывать влияние на внешнюю политику Временного правительства, Исполком Петроградского Совета не мог уже остановиться на Манифесте 14 марта и должен был предпринимать дальнейшие шаги, чтобы его «властный голос» был услышан. Сила и чистота этого «голоса» определялась не только взаимоотношениями внутри основной меньшевистской группировки, состоявшей из представителей различных течений. Если в первые дни марта на первых ролях были левые меньшевики Ю. М. Стеклов, Н. Д. Соколов, Н. Н. Суханов, то во второй половине марта стали усиливаться позиции правого крыла, представленного в Исполкоме Б. О. Богдановым, К. А. Гвоздевым, М. И. Скобелевым. Тем не менее, здесь можно согласиться с В. С. Войтинским, который впоследствии писал, что «ни у правого, ни у левого крыла Комитета, ни у его центров, в то время не было ясной, продуманной до конца линии – были лишь осколки программ, разбитых катастрофической быстротой нагрянувших событий»[31]. Точно также не было и ярко выраженного лидера, который мог бы выработать эту линию и объединить различные течения и направления в Исполкоме. Таким лидером стал И. Г. Церетели, председатель социал-демократической фракции II-й Государственной думы, вернувшийся в середине марта 1917 г. в Петроград из Восточной Сибири, где он находился на поселении после ареста и осуждения депутатов социал-демократов в июне 1907 г.

---

[28] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 52.
[29] Там же. С. 268.
[30] Там же. С. 303.
[31] Войтинский В.С. 1917-й: Год побед и поражений. М., 1999. С. 53.

Авторитет И. Г. Церетели, его склонность к компромиссам и способность находить оптимальное решение трудных вопросов позволили ему сразу же занять ведущее положение в Исполкоме Петроградского Совета, который именно ему поручил выработать проект резолюции о войне и мире на переговорах с Временным правительством. При обсуждении на заседании Исполкома 22 марта предложенного Церетели проекта резолюции, хотя и выявились существенные разногласия, и были довольно острые прения, победа осталась за Церетели[32].

И. Г. Церетели победил в Исполкоме Петроградского Совета, а занятая им позиция свидетельствовала, по мнению авторитетного исследователя В. И. Старцева, о том, что он явно становился на сторону правительства, заботясь в первую очередь о том, чтобы позиция Исполкома Совета по вопросу о войне и мире не создала трудностей для Временного правительства[33]. Развитие дальнейших событий подтверждает справедливость этого мнения.

Март 1917 г. характеризовался высоким накалом политической борьбы в Петрограде, выявил главные болевые проблемы, продемонстрировал исключительное влияние Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и в особенности его руководящего органа – Исполкома. Ю. С. Токарев, который первым ввел в научный оборот трудно читаемые протоколы и материалы Петроградского Совета на основе собственной дешифровки, пришел к выводу о том, что Исполком не столько «исполнял» решения Совета, сколько вырабатывал их и проводил в жизнь, а также осуществлял контакты с Временным правительством, государственными и общественными организациями и практически определял политику Совета[34].

Объяснение таких «ненормальных» взаимоотношений между Петроградским Советом и его Исполнительным органом, по нашему мнению, кроется в характере их возникновения и формирования. Получилось так, что Временный исполком был создан до образования Петроградского Совета и тем самым он обеспечил себе с самого начала руководящее положение, определяя способ его учреждения, характер деятельности Совета, нормы представительства от рабочих и солдат, порядок пополнения Исполкома.

---

[32] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 479–480.
[33] Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978. С. 137–138.
[34] Токарев Ю.С. Указ. соч. С.52–53.

Однако из того факта, что в марте 1917 г. Петроградский Совет был послушен воле своего Исполкома, еще не следовало, что большинство депутатов были меньшевиками и эсерами, как одно время утверждалось без достаточных оснований историками партии. Опираясь на новые документальные источники, Ю. С. Токарев позднее убедительно доказал, что основная масса депутатов Петроградского Совета была в марте беспартийной, что ни меньшевики, ни эсеры не имели подавляющего перевеса над большевиками в Совете[35]. Более того, именно отсутствие резкого партийного размежевания облегчало возглавляемому меньшевиками Исполкому проводить свою линию в Совете.

Таким образом, март 1917 г. стал важным этапом в политической жизни России и столицы, этапом, когда на авансцену политической жизни вышел Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, политику которого определял его Исполком во главе с социалистическими лидерами. Пройдя через ряд кризисных ситуаций в своих отношениях с Временным правительством, петроградские социалисты показали свою способность действовать не только решительно, но и благоразумно, постепенно переходя от конфронтации с новой властью к достижению компромисса. Сила и влияние Исполкома основывались на огромном политическом и моральном авторитете, завоеванном Петроградским Советом среди рабочих, солдат и крестьян России. Возникшие повсеместно Советы рассматривали столичный Совет как свой авторитетный центр. «Хотя мы и петроградские, но волею судеб мы стали всероссийские. Лишь формально мы именуемся Петроградским Советом», – говорил член Исполкома Б. О. Богданов 19 марта на заседании солдатской секции[36].

[35] Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 123.
[36] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 402.

Д. И. Стогов

Проблема отношения монархистов к Февральской революции 1917 года в современной историографии

В год столетия Февральской революции 1917 г. историки вновь и вновь обращаются к рассмотрению ее причин и последствий, изучают сущность происходившего ровно век тому назад, пытаются извлечь уроки из этих драматических событий. Одним из центральных вопросов в современной историографии остается проблема отношения различных политических сил к Февральской революции 1917 года. В последние десятилетия заметный интерес у историков стал приобретать вопрос, связанный с отношением правых (монархистов, черносотенцев) к революционному Февралю. В этой связи в современной историографии появляются новые концепции, заметно отличающиеся от принятой в советской историографии традиционной точки зрения.

Отметим, что для советской исторической науки было характерно представление о том, что черносотенцы, как оплот царского режима, убежденные монархисты, восприняли Февральскую революцию 1917 г. в штыки, полностью ее отвергнув.[1] Исходя из того, что речь шла о монархистах, оплоте самодержавия, подразумевалось, что именно они должны были всецело поддерживать царскую власть и уж, естественно, выступать против ее свержения.

Исследователи доперестроечных лет достаточно подробно рассматривали в своих трудах деятельность различных правых политических кругов накануне Февральской революции, изучали попытки правых оказать давление на императора с целью, как они считали, спасти монархию. Одновременно утверждалось о том, что император Николай II всецело поддерживал правых в их устремлениях. К примеру, Е. Д. Черменский в монографии «IV Государственная дума и свержение царизма в России» отмечал, что «Николай и Александра Романовы черпали оправдание своего политического курса […] в письмах и телеграммах крайних правых, среди которых в канун революции выделялся своими неистовыми призывами к восстановлению прежнего абсолютизма со всевластием бюрократии председатель «Астраханской народной монархиче-

[1] См., напр.: Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 416.

ской партии» Н. Н. Тиханович-Савицкий»[2], а «царица в своих письмах царю нередко только повторяла мысли из его бесчисленных телеграмм»[3]. Убийство Г. Е. Распутина накануне революции рассматривалось Е. Д. Черменским как попытка со стороны реакционных сил спасти монархию. При этом исследователь приводит слова одного из организаторов убийства «старца», лидера Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевича, который сказал: «Мы спасли царя от злейшего его врага»[4].

А. Я. Аврех в монографии «Царизм накануне свержения» фактически солидаризировался с Е. Д. Черменским и указывал, что «основная задача черносотенцев – поддержать власть в трудную для нее минуту, направить ее, дать ей определенную программу действий»[5]. Историк подкреплял свой тезис анализом многочисленных «записок», составлявшихся правыми и направлявшихся в адрес императора (составителями этих документов были астраханский монархист Н. Н. Тиханович-Савицкий, один из лидеров правой группы Государственного совета М. Я. Говорухо-Отрок[6] и др.).

Л. М. Спирин в своей монографии «Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий» подчеркивал, что в февральские дни 1917 года «продолжали свою охранную деятельность помещичье-монархические партии и организации: Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Русский монархический союз, Всероссийский союз земельных собственников, Всероссийский национальный союз, часть которого, под названием прогрессивных националистов (Шульгин), встала в оппозицию к правительству»[7]. Таким образом, Л. М. Спирин фактически одним из первых обратил внимание на неоднородность позиции правых накануне и в дни Февральской революции 1917 г., особо выделив точку зрения прогрессивных националистов, в свое время, если мы будем говорить о парламентариях, фактически выделившихся из правого спектра Государственной думы.

---

[2] О деятельности Н.Н. Тихановича-Савицкого см.: Михайлова Е.М. «Монархия должна быть самодержавна по форме и демократична по своим задачам…» Нестор Николаевич Тиханович-Савицкий (1866 – после июля 1917) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2015. С. 639–663.

[3] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 237.

[4] Там же. С. 238. Е.Д. Черменский ссылается на: Дневник В.М. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 85.

[5] Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 227.

[6] О деятельности М.Я. Говорухо-Отрока см.: Иванов А.А., Степанов А.Д., Стогов Д.И. «Правые сделали все, что могли». Михаил Яковлевич Говорухо-Отрок (1866 – не ранее 1919) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. С. 576–586.

[7] Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 57–58.

Здесь следует заметить, что представители советской историографии достаточно подробно исследовали различные официальные документы правых партий и союзов, относящиеся к 1917 году, русскую правую периодическую печать, но сравнительно мало уделяли внимания частной переписке и дневниковым записям лидеров и рядовых членов правых организаций. Отсюда и некоторая недооценка, на наш взгляд, имевшихся внутри самого правого политического спектра определенных разногласий по вопросу об отношении к Николаю II, а впоследствии и к самой Февральской революции.

Особое внимание, и, по нашему мнению, вполне обоснованно, в советской, а затем и ранней постсоветской историографии уделялось тому факту, что после свержения самодержавия и прихода к власти Временного правительства по всей стране были фактически запрещены какие-либо монархические, черносотенные организации. Быстрый развал монархических организаций был предопределен во многом их кризисом, возникшим примерно с 1910 г. В этой связи известный исследователь правых политических структур Ю. И. Кирьянов в монографии, посвященной старейшей черносотенной организации, «Русскому собранию», вышедшей уже в постперестроечное время, отмечал: «Показательно, что в начале марта 1917 г. после официального запрещения монархических партий, к которым продолжало причисляться и Русское собрание, со стороны обессиленных монархических объединений, столь активно действовавших в 1905–1907 гг., не последовало не только ни одного массового выступления, но и ни одного протеста. Правомонархические партии начала XX в., а с ними и Русское собрание, умерли вместе с тем строем, который они защищали и который перестал существовать в 1917 г.»[8].

На рубеже 1980–1990-х гг., в связи с началом политики гласности и демократизации общественной жизни, появились новые возможности для изучения деятельности правомонархических организаций, которая ранее рассматривалась весьма поверхностно и, как правило, в контексте всей социально-политической жизни России накануне революции 1917 года (с 1920-х гг. и до 1992 г., когда вышла в свет монография С. А. Степанова «Черная сотня в России»,[9] специальные исследования, посвященные исключительно правым, вообще отсутствовали).

---

[8] Кирьянов Ю.И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 204.
[9] Степанов С.А. Черная сотня в России 1905–1914 гг. М., 1992.

В целом в постсоветской историографии продолжают доминировать сложившиеся еще в советские годы представления о деморализации правых перед лицом свершившейся революции, но, в то же время, при сохранявшемся определенном единстве их политических взглядов. В частности, комментируя поддержку со стороны великого князя Кирилла Владимировича Февральской революции, А. Ф. Смирнов в монографии «Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.» пишет: «Монархисты не простили этой измены, и большинство их позже отказало ему в признании, когда он объявил себя императором Кириллом I и разослал "царские" манифесты с призывами соединить царскую и советскую власть»[10]. При этом в монографии более ничего не говорится о причинах такого отношения правых к великому князю; возможно, были еще и другие причины.

С. В. Лебедев в монографии «Русские идеи и русское дело» особо подчеркивает, что «об упадке правых идеологий можно судить уже по полному отсутствию монархических выступлений после Февральской революции», правда, полагая при этом, что «правые старались предотвратить революцию». В частности, главным мотивом убийства Г. Е. Распутина С. В. Лебедев считает желание таким образом спасти монархию. «Черносотенные союзы даже не надо было запрещать, они сами растаяли, как снег под солнцем. [...] Февральская революция положила конец не только монархии, но и дореволюционной русской правой»[11]. К сожалению, автор монографии более ничего не говорит об особенностях отношения различных монархистов к февральским событиям 1917 года. Впрочем, данная проблема и не является специальным предметом его исследования.

Многие историки и публицисты, даже весьма далекие от традиционной советской историографии, а, напротив, разделявшие монархические убеждения, тем не менее, фактически солидаризировались с советскими исследователями, разделяя тезис о полном неприятии всеми черносотенцами Февральской революции. В частности, в этой связи в конце 1990-х годов известный историк, писатель, публицист О. А. Платонов в своей книге, посвященной жизни и царствованию императора Николая II, утверждал, что после февраля 1917 г. «православная мысль [...] сконцентрировалась на осознании особой

---

[10] Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. Челябинск, 2010. С. 586.

[11] Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 172.

судьбы России и предстоящего ей крестного пути»[12]. Анализируя суждение О. А. Платонова, возникает закономерный вопрос, а все ли представители «православной мысли» были действительно столь озабочены «предстоящим крестным путем» России, или же дело обстояло куда сложнее?

Изучение широкого комплекса исторических источников, в том числе архивных, впервые введенных в научный оборот, помогает, на наш взгляд, скорректировать эту точку зрения. Так, известный историк консерватизма Ю. И. Кирьянов в своей монографии, посвященной правым партиям, отмечает, что после Февральской революции «немало правых – по крайней мере формально – порвали или принуждены были порвать со своим прошлым»[13]. Исследователь в качестве доказательства этого тезиса приводит позицию таких монархистов, как Г. Г. Замысловский, В. М. Пуришкевич, Г. И. Кушнырь-Кушнырев, В. Г. Орлов, А.И. Коновницын, С. А. Кельцев. Историк подробно характеризует позицию С. А. Кельцева, который «в выражении своего взгляда на происходящее» присоединился к Партии народной свободы и даже, как он уверял власти, «примыкает» к меньшевикам[14].

Анализируя факты, Ю. И. Кирьянов приходит к следующим, по нашему мнению, вполне обоснованным выводам: «К 1917 г. российское самодержавие исчерпало свои силы, потеряло опору, и в "верхах", и в "низах" общества. Одновременно потеряли всякую реальную силу и значимость правомонархические партии, "преобразованные" еще П. А. Столыпиным в объединения законопослушных верноподданных, имевших право быть лишь советчиками царя и его правительства... […] Поэтому не случайно, что эти партии разделили в 1917 г. судьбу российского самодержавия»[15].

Основные тезисы Ю. И. Кирьянова получили дальнейшее развитие в современной историографии. В частности, в докторской диссертации известного московского исследователя российского консерватизма А. В. Репникова, посвященной консервативным концепциям переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв., отмечается, что «вопреки мнению, формируемому некоторыми современными монархическими публицистами (Здесь можно было бы отметить, что, кроме «современных монархических публицистов», это мнение в целом было характерно для всей

[12] Платонов О.А. Николай Второй. Жизнь и царствование. СПб., 1999. С. 421.
[13] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.С. 421.
[14] Там же. С. 421–423.
[15] Там же. С. 423–424.

советской и ранней постсоветской историографии, а в значительной степени и для новейшей историографии. – *Д. С.*), реакция этих (то есть правых – *Д. С.*) мыслителей (на Февральскую революцию 1917 года – *Д. С.*) первоначально была положительной и даже восторженной»[16].

В своих исследованиях А. В. Репников, проанализировав содержание дневника видного идеолога «монархической государственности» Л. А. Тихомирова, пришел к выводу, что тот в февральские дни 1917 г. фактически солидаризировался с революционерами, поддержав государственный переворот[17].

Также исследователь обратил внимание на резкую критику царя и фактические дифирамбы в адрес революции, содержащиеся в дневниковых записях идеолога национализма, считавшегося прежде убежденным монархистом, М. О. Меньшикова. Мало того, М. О. Меньшиков пошел дальше и начал резко критиковать вообще саму идею монархии, призывал не жалеть «опозоренного, расслабленного, психически-гнилого» прошлого[18].

В более поздней монографии А. В. Репникова «Консервативные модели российской государственности», по сути дела, конкретизируются идеи, высказанные им в начале и середине 2000-х гг. В частности, историк отмечает, что «при чтении статей М. О. Меньшикова, написанных накануне и после крушения самодержавия, заметно их сходство с дневниками Тихомирова, но Меньшиков более непримирим и жесток в своих оценках»[19].

Вывод, связанный с отношением правых к революции, в недавно вышедшей в свет монографии А. В. Репникова делается следующий: «Все попытки консерваторов воплотить свои взгляды на практике потерпели крах. Они видели недостатки существующей системы, но не могли критиковать эти недостатки открыто. Результатом стало разочарование во власти и ее верховном носителе, нарастание в консервативной среде ощущения неизбежности "великих потрясений", которые и не замедлили явиться в 1917 году»[20]. Таким образом, исследо-

---

[16] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореф. дис. … д. ист. наук. М., 2006. С. 42.
[17] Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. М., 2006. С. 308–309. Ссылаясь на А.В. Репникова, исследователь В.Ю. Рылов также пишет о поддержке Л.А. Тихомировым новой власти (Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917. Воронеж, 2002. С. 168).
[18] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. С. 42.
[19] Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 425.
[20] Там же. С. 481.

ватель осуществил весьма примечательную попытку объяснить, почему правые не поддержали царя в революционные дни.

С. М. Санькова, рассматривая в монографии деятельность русских националистов, высказала мнение (на наш взгляд, далеко не бесспорное), что в феврале 1917 г. большая часть националистов сохраняла уважение не только к идее монархии, но и к ее носителю, Николаю II, и в этой связи приводит высказывание В. В. Шульгина, считавшего, что, возглавив революцию, Государственная дума сможет спасти монархию[21]. Вместе с тем, она вслед за А. В. Репниковым особо выделяет позицию М. О. Меньшикова, критиковавшего после февраля 1917 г. даже саму идею монархии[22]. По нашему мнению, однако, среди националистов не только М. О. Меньшиков, но и другие (напр., бывший председатель Киевского клуба русских националистов Н. Н. Чихачев; редактор «Нового времени» М. А. Суворин; думский депутат, юрист, публицист, общественный деятель А. И. Савенко и т. д.) фактически солидаризировались с революционным Февралем. Что же касается В. В. Шульгина, то, хотя он впоследствии продолжал позиционировать себя, как монархист, тем не менее, в ходе Февральской революции вместе с А. И. Гучковым принимал отречение императора, принимал участие в составлении списка министров Временного правительства, целей его программы, являлся комиссаром революционных властей над Петроградским телеграфным агентством[23].

В 2000-е годы вышел ряд новых трудов, посвященных истории непосредственно черносотенного (то есть крайне правого) движения в предреволюционной России. Среди них можно отметить «Большую энциклопедию Русского народа "Святая Русь"»,[24] вышедшую в 2003 г., в которой ряд статей посвящен непосредственно истории черносотенного движения и видным черносотенцам. Несколько позже, в 2008 г., вышла в свет историческая энциклопедия «Черная сотня»[25]. В 2006 г. выходит в свет коллективный труд

---

[21] Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 295–296.
[22] Там же. С. 296.
[23] См.: Иванов А.А. Судьбы лидеров русского национализма после февраля 1917 г. // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2007/07/02/sud_by_liderov_russkogo_nacionalizma_posle_fevralya_1917_g (дата обращения 27.02.2017).
[24] Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003.
[25] Черная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2008.

«Воинство святого Георгия»,[26] посвященный жизнеописанию русских монархистов начала XX в. В этих и других многочисленных работах исследователи попытались несколько скорректировать укоренившиеся представления об отношении правых к Февральской революции. В частности, ведущие авторы упомянутых исследований историки А. Д. Степанов и А. А. Иванов обратили особое внимание на отношение одного из лидеров монархического движения В. М. Пуришкевича к новой революционной власти. В. М. Пуришкевич фактически начал прославлять Временное правительство. Он даже опубликовал открытое письмо русскому обществу «Вперед! Под двухцветным флагом», рассчитывая, что его заслуги перед революцией будут оценены[27].

Касаясь вопроса об отношении правых к Февральской революции 1917 г. в целом, А. А. Иванов писал в начале 2007 г., что, хотя подавляющее большинство правых оставались монархистами и в февральские дни, но, тем не менее, отдельные примеры, «особенно Меньшикова, который сегодня нередко преподносится как убежденный монархист, несомненно, заслуживают внимания»[28].

В публикации Д. И. Стогова «Февральский переворот 1917 года глазами консерваторов», подготовленной в 2007 г. в качестве доклада на конференции, посвященной 90-летию Февральской революции,[29] фактически впервые в историографии была дана попытка структурировать монархический, черносотенный лагерь по вопросу об отношении к Февральской революции.

Исследователь выделил три основные группы монархистов. Первая из них (В. М. Пуришкевич, М. О. Меньшиков, Л. А. Тихомиров) фактически приняла революцию. Еще при старой власти в своих дневниках и, очевидно, в частных беседах они осмеливались критиковать императора. В. М. Пуришкевич пошел еще дальше и 19 ноября 1916 г. выступил в Государственной думе с жесткой критикой царского правительства.

---

[26] Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006.

[27] Степанов А.Д. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 606; Иванов А.А. «Он был лучше своей репутации...». Владимир Пуришкевич глазами современников: штрихи к портрету политического деятеля // Клио. Журнал для ученых. 2004. N 2 (25). С. 230.

[28] Иванов А.А. «Консервативные представления о переустройстве России». О новой книге А.В. Репникова //
Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: (дата обращения 23.01.2017).
http://ruskline.ru/analitika/2007/01/12/konservativnye_predstavleniya_o_pereustrojstve_rossii/

[29] Стогов Д.И. Февральский переворот 1917 года глазами консерваторов // 90 лет Февральской революции. Сб. науч. ст. СПб., 2007. С. 59–65.

Представители второй группы (напр., Б. В. Никольский) «считали, что падение самодержавия в тогдашних условиях развития Российской империи, хотя и является определенным злом, тем не менее, по своей сути, неизбежно, и, следовательно, приходится смириться с происходящим в стране и ждать перемен к лучшему». При этом Д. И. Стогов ссылался на довольно частые выпады на страницах дневника Б. В. Никольского и в его частной переписке как в адрес императора Николая II, так и в адрес династии Романовых вообще[30].

Наконец, третья группа монархистов (Н. Е. Марков, Н. Д. Жевахов, Н. Н. Жеденов) «высказывала мнение, что происшедшее в феврале 1917 года – катастрофа для России, отправная точка для последующего ее развала и погибели»[31].

В заключение своего небольшого исследования автор приходит к следующему выводу: «…Мы видим, что оценка правыми февральских событий 1917 года была далеко не однозначной. На ее формирование оказывали влияние прежде всего те условия, в которых находились в данный момент те или иные представители монархического движения. Кроме того, заметную роль сыграла и личная симпатия (или антипатия) к династии Романовых, в особенности же к Николаю II. И если до Февраля эти деятели позволяли порицать царскую власть только в личных дневниках, то теперь, в 1917 году, их критика выплеснулась наружу»[32].

В этом же сборнике опубликована статья А. А. Иванова «Русские националисты и Февральская революция», [33] в которой он рассматривает позицию этой части правого политического спектра в революционные дни. Делая вывод, исследователь, вслед за Д. А. Коцюбинским[34] и С. М. Саньковой, пишет: «…Подавляющее большинство русских националистов, за небольшим исключением некоторых представителей правого крыла ВНС, не только не выступили против свершившегося государственного переворота, но и поддержали его, превратившись, по иронии судьбы, из умеренных защитников монархии в умеренных сторонников революции»[35].

---

[30] См., напр.: РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 1 (по старой нумерации 4б). Л. 4; Д. 2 (по старой нумерации 4а). Л. 185 б-186 а.

[31] Стогов Д.И. Февральский переворот 1917 года глазами консерваторов. С. 64.

[32] Там же. С. 65.

[33] Иванов А.А. Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции. С. 66–71.

[34] Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

[35] Иванов А.А. Русские националисты и Февральская революция. С. 71.

С. А. Степанов в вышедшей несколько позже монографии «Черная сотня. Что они сделали для величия России?» также приводит примеры, свидетельствующие о поддержке некоторыми черносотенцами революционных событий. Историк пишет о том, что многие руководители столичных и провинциальных отделов черносотенных организаций, допрошенные Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в качестве свидетелей, «спешили засвидетельствовать лояльность новым властям». В частности, один из лидеров «обновленческого» Союза русского народа А. И. Коновницын заявил: «Раз бывший царь отрекся от престола и тем освободил меня от присяги, то я подчиняюсь Временному правительству и всем его распоряжениям».[36] Также подробно исследователем разбирается позиция В. М. Пуришкевича,[37] о которой в свое время уже писали Ю. И. Кирьянов и другие авторы[38].

Фактически идеи А. В. Репникова, А. А. Иванова, А. Д. Степанова, Д. И. Стогова в некоторой мере получили дальнейшее развитие в конце 2008 г. в статье А. А. Иванова и Д. И. Стогова «Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября».[39] Правда, как явствует уже из названия этой работы, посвящена она, главным образом, не Февральской, а Октябрьской революции 1917 г. Вместе с тем, авторы статьи отмечают, что, «выступая в начале 1918 г. перед революционным трибуналом, Пуришкевич, еще не исцелившийся от быстро усвоенной им в февральско-мартовские дни революционно-патриотической риторики, обвинил большевиков в... контрреволюции».[40] Таким образом, в работе вновь обращается внимание на сочувствие и симпатии видного черносотенца революционному Февралю.

В 2016 г., накануне столетия революции, А. А. Иванов вновь обратился к проблеме отношения правых к революционным событиям Февраля 1917 года. В опубликованном им в качестве статьи докладе на конференции, посвященной революции 1917 года, исследователь рассуждает о причинах стремительного поражения правых[41].

---

[36] Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 564.
[37] Там же. С. 566–569.
[38] Там же.
[39] Иванов А.А., Стогов Д.И. Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября // Революция 1917 года в России. Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2009.
[40] Там же. С. 96.
[41] Иванов А.А. «Революция будет национальною…»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и

По словам автора публикации, «стремительность и массовая поддержка Февральской революции ошеломила правых, повергнув их в полную растерянность»[42]. А. А. Иванов подчеркивает, что «лишь три представителя правой группы Государственного совета – князь А. А. Ширинский-Шихматов, А. Ф. Трепов и Н. А. Маклаков – 25 февраля 1917 года явились на заседание Совета министров и настойчиво рекомендовали правительству ввести в охваченном беспорядками Петрограде осадное положение, но Совет министров на этот шаг не решился». «Большинство правых молчало, а робкие попытки сопротивления не встречали поддержки», – указывает А. А. Иванов[43].

Рассуждая о причинах столь, на первый взгляд, парадоксального явления, как нежелание большинства правых поддерживать монархию, а также о легкости победы «февралистов», историк отмечает, что «был еще один крайне важный момент, который правые осознали лишь в эмиграции: *разразившаяся в 1917 году революция, в отличие от революции 1905 года, проходила под национальными, патриотическими знаменами* (Выделено автором. – *Д. С.*)»[44]. Далее в этой связи исследователь пишет: «Учтя прошлые ошибки, лидеры либеральной оппозиции сумели разыграть патриотическую карту, лишив правых их главного козыря – монополии на патриотизм. Патриотическая риторика позволила либеральной оппозиции (в отличие от времен первой российской революции) установить тесный контакт с высшими чинами армии и привлечь их на свою сторону»[45].

«В этих условиях, – делает вывод А. А. Иванов, – стремительный крах русских правых становился предрешенным и неизбежным. Слабость и раздробленность монархических сил, самоустранение правительства, «добровольное» отречение царя и национальный характер революции, встретившей самую широкую поддержку во всех слоях русского общества, лишал полити-

---

взгляды. Сб. науч. статей / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2016. С. 27–34. См. также практически полностью воспроизведенную эту же публикацию в сети Интернет: Иванов А.А. «Не большие роялисты, чем король»: черносотенцы и Февральская революция 1917 года // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: http://politconservatism.ru/articles/ne-bolshie-royalisty-chem-korol-chernosotentsy-i-fevralskaya-revolyutsiya-1917-goda (дата обращения 26.01.2017).

[42] Иванов А.А. «Революция будет национальною…»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году. С. 30.

[43] Там же. С. 31.

[44] Там же. С. 32.

[45] Там же. С. 32–33.

ческую борьбу за восстановление самодержавия смысла, – она не была благословлена ни царем, ни церковью, ни народом и ничего кроме серьезных неприятностей сторонникам монархии не сулила. Быть же большими роялистами, чем сам король, черносотенцы не захотели[46].

Солидаризируясь с основными выводами, сделанными А. А. Ивановым, добавим, что, на наш взгляд, огромное влияние на определенную трансформацию политической позиции значительной части правых в февральские дни оказало уже сформированное к тому времени крайне негативное общественное мнение по отношению к монархической идее. После Февраля 1917 г. фактически именно антимонархизм стал одной из составляющих частей новой идеологии правящего режима.

Подводя итоги анализу представлений современных историков об отношении монархистов к Февральской революции 1917 года, отметим, что в целом, как и советские исследователи, новое поколение историков отмечает полный крах монархического движения накануне и в дни Февраля 1917 г., его неспособность каким-либо образом спасти и защитить монархию. При этом многие современные исследователи, ссылаясь, главным образом, на впервые введенные в научный оборот и ранее не публиковавшиеся источники (например, дневниковые записи монархистов), отмечают неоднородность позиции правых по отношению к императору Николаю II, к династии Романовых, к идее монархии как таковой, к новой революционной власти. Вместе с тем, однако, практически все современные историки сходятся во мнении, что среди крайне правых (черносотенцев) степень поддержки монархии и неприятия революции была выше, чем среди «умеренно правых» (националистов).

[46] Иванов А.А. «Революция будет национальною…»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году. С. 34.

Р. Г. Суни

Национальный вопрос и Революция 1917 года в России[1]

Разнородные политические образования в рамках Российской империи, включавшей в себя и Великое княжество Финляндское, и наместничества Кавказа, и Бухарское и Хивинское ханства, были неизгладимыми следами имперской экспансии, которые сохранялись до последних дней правления династии Романовых. Империя держалась и на военной силе, и на идее лояльности царю и мыслилась не в этнических терминах (как Русская империя), а как Российская империя – космополитическое объединение народов и государств, находившихся под властью единого самодержавного правителя. Правящая элита также была космополитической: русскоговорящей, конечно, но включавшей в свой состав представителей многих национальностей (поляков, немцев, ассимилированных грузин, татар и др.), которые, после того как стали лояльными слугами императора, потеряли высокую степень идентичности с народом, из которого они вышли. Этнические элиты привлекались к имперской службе, и в течение большей части XVIII – XIX вв. Российское государство удивительно успешно искореняло тех, кто мог бы возглавить сопротивление центральному правительству.

В ходе расширения империи царизм вводил новые правила, законы и налоги, а в ряде регионов, таких как Грузия, ввел крепостное право. Иными словами он накладывал новый государственный порядок на сообщества, которые порой имели слабый опыт взаимодействия с сильными государственными структурами. Такая административная «русификация» сопровождалась спонтанной «саморусификацией», которую многие нерусские подданные в первых двух третях XIX века считали полезной. Однако после 1881 г., когда царское правительство стало осуществлять более жесткую политику в национальном вопросе, создавшую угрозу насильственной культурной русификации, ряд этносов, ранее настроенных русофильски (например, армяне), заняли враждебную позицию по отношению к самодержавию. Все это сделало национальный вопрос одним из острых вопросов Февральской революции.

---

[1] Ранняя версия этой статьи была опубликована на англ. См.: Edward Acton, Vladmir Iu. Cherniaev, and William G. Rosenberg (eds.), Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921 (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1997), pp. 659–666.

Временное правительство. Для вождей Февральской революции была характерна чрезмерная уверенность в возможности правовым путем найти решение глубоких социальных и этнических конфликтов, основные причины которых они связывали с политикой царизма. Утверждалось, что принятие правильных законов, выдержанных в западной либеральной традиции, устранит препятствия для решения этих проблем. Одним из своих первых актов (7 марта) Временное правительство восстановило Конституцию Великого княжества Финляндского, ранее ограниченную Николаем II. В выпущенном Манифесте подчеркивалась незаконность мер, введенных царским правительством вопреки законам Финляндии. Через четыре дня газеты сообщили о намерении Временного правительства устранить все правовые ограничения религиозного, национального и сословного характера, и действительно, 20 марта правительство издало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Консервативная газета «Новое время» приветствовала это решение в передовице, в которой одновременно проявилась и боязнь того, что развивающиеся центробежные силы и сепаратистские настроения породят «реальную опасность постепенного распада единого государства на составные части», и надежда на то, что «теперь устранены все препятствия для взаимопонимания между народами России». Оптимистический тезис о том, что «свобода объединит», демонстрировал веру в потенциал правовых решений, но одновременно готовил и почву для острого разочарования, наступившего тогда, когда национальный вопрос оказался куда более сложным, чем это ранее представлялось.

К концу марта, когда правительство выработало временные правила по вопросам организации местного самоуправления, национальный вопрос был учтен в разных случаях по-разному. В вопросе о границах Эстляндии и Лифляндии правительство исходило из того, что они будут проведены по этническому принципу (Эстляндии передали районы Лифляндии, населенные эстонцами). Однако при решении вопроса о распространении земства в Сибири и в Архангельской губернии правительство решило установить особые правила и институты управления для территорий, населенных кочевыми племенами самоедов. Специальные правила были изданы для Туркестана (где местные власти должны были сами решить, подходят ли институты земства для тех или иных регионов или народов), степей Калмыкии и земель Внутренней киргизской орды. Планы распространения земских институтов в Закавказье и в казачьих регионах южной России находились в состоянии разработки вплоть до времени свержения Временного правительства.

Национальный вопрос, конечно же, учитывался при выработке политики, но правительство и главные партии, способные влиять на него, были гораздо более озабочены вопросом сохранения единства государства в период острой опасности. При этом либеральные и консервативные политики сохраняли патерналистское отношение к большинству нерусских народов, а умеренные социалисты были готовы согласиться с политикой правительства, которое откладывало трудные решения до созыва всероссийского Учредительного собрания.

Кадеты, главная либеральная партия, были против федеративного устройства России и любой формы сепаратизма. Выступая за «Россию, единую и неделимую», кадеты видели в проявлении национализма знаки прогерманской нелояльности. Павел Милюков говорил своим однопартийцам в мае, что Партия народной свободы будет стремиться найти решение, которое, давая возможность различным регионам России создать местную автономию на принципе местного самоуправления, в то же время не разрушит единство Российского государства. Сохранение единства государства было тем рубежным принципом, который определял партийные решения: раздел страны на суверенные независимые части считался недопустимым. Кадеты рассматривали себя, прежде всего, как борцы за равные права не народов, а граждан в рамках унитарного государства. Милюков поддерживал русскую гегемонию в многонациональном государстве, хотя и хотел положить конец национальным ограничениям, наложенным царизмом, ибо те тормозили процесс естественной ассимиляции национальных меньшинств. Кадеты, будучи даже более консервативными, чем Временное правительство, которое обещало независимость Польше, были готовы дать Польше только автономию и не собирались уступать в вопросе об Украине. Милюков и Кокошкин в конце апреля заявили делегации Всеукраинского национального съезда, что территориальная автономия представляет опасность для единства России, и что украинцы не готовы к независимости.

Провинциальные кадеты в большей мере, чем их лидеры в столице, видели в Февральской революции средство освобождения нерусских народов, и, несмотря на приверженность партийной программы к централизованной (не федеративной) системе государственного устройства, некоторые из кадетов на местах выступали в пользу создания федеративной республики.

«В определенной мере, – писал У. Г. Розенберг, – в практике кадетов права украинцев, грузин и других национальных меньшинств были подчинены правам великороссов. Эта позиция внутреннего империализма, которая долгое

время характеризовала царский режим, создаст кадетским лидерам нескончаемые трудности в 1917 году даже внутри их собственной партии». Неудивительно, что к осени 1917 г. кадетские лидеры стали политическими союзниками казаков, традиционных защитников российской государственности.

Петросовет, ведущий орган демократии, в национальном вопросе был так же редко согласен с Временным правительством, как и по вопросам войны и мира, политического и социального законодательства. Даже в период коалиции представители умеренных социалистических партий выработали свою отличную политику в отношении нерусских народов, которая отражала и дореволюционные позиции этих партий, и более высокую степень восприимчивости к желаниям этих народов.

Партия социалистов-революционеров в 1906 г. на своем первом съезде в Иматре (Финляндия) провозгласила «безусловное право» народов на национальное самоопределение, которое включало право на отделение от России, хотя последнее впрямую в программе не формулировалось. На съезде отдельные голоса призывали к подчинению прав национальностей делу социалистической революции, но они были заглушены большинством делегатов съезда. Хотя «национальный вопрос» и не был главной заботой неонародников, партия эсеров ясно заявила о своей приверженности федерализму и о своей оппозиции политике насильственного сохранения империи. Но, как писал О. Рэдки, «в 1906 г. эсеры были партией, которая не несла ответственность за положение дел в государстве, а в 1917 г. они такую ответственность уже несли и, рассматривая национальные проблемы с точки зрения одной из правительственных партий, эсеры уже воспринимали их не так великодушно, как в годы, которые предшествовали триумфу революции». В 1917 г. партия продолжала высказываться в пользу федерализма, но теперь четко выступала против сепаратизма.

На III партийном съезде в мае 1917 г. докладчик по вопросу о государственном устройстве правый эсер М. В. Вишняк представлял Россию как большую Швейцарию – федеративное государство с коллегиальной исполнительной властью, но, тем не менее – единое государство, а не союз государств (Bundesstaat скорее, чем Staatenbund). Максимальная национальная автономия будет предоставлена внутри федерации (вплоть до собственной монеты и почтовой системы, но без таможенных барьеров). Однако отделение рассматривалось как невозможное. В этих рамках автономия должна была быть определена на основе взаимных соглашений. Только Польше предоставлялась незави-

симость, а Финляндия должна была быть привязана к России по стратегическим соображениям. На вопрос о таком аномальном отношении к Финляндии Вишняк ответил, что финская независимость создала бы опасный прецедент и породила бы сепаратистские претензии со стороны других народов. В национальном вопросе партия эсеров в целом приняла сторону правого крыла и отвергла предложения левых предоставить народам право на отделение. Даже центрист Виктор Чернов согласился с тем, что всероссийское Учредительное собрание должно установить изначальные критерии, на основе которых национальные собрания разработают свои собственные принципы автономии.

Социал-демократы поддерживали право наций на самоопределение, и Ленин довел этот лозунг до крайней формы – вплоть до отделения.

В отличие от еврейского Бунда и армянской Дашнакцутюн, которые придерживались австро-марксистской позиции экстерриториальной культурно-национальной автономии для этнических групп (каждая национальность представлена в парламенте депутатами, которые избраны вне зависимости от места жительства избирателей), большевики отвергали идею культурной автономии в пользу областной территориальной автономии. Ленин также был тверд в своем сопротивлении федерализму. В год революции позиция большевиков ставила народы России перед жестким выбором: или полная независимость и отделение от остальной России, или превращение в часть единого социалистического государства со всеми культурными и гражданскими правами, которые гарантирует рабочий класс.

Ленин верил в то, что национальный сепаратизм будет ослаблен русской толерантностью и поддержкой права наций на полное самоопределение вплоть до отделения. Только в 1918 г. большевики изменили свою позицию и высказались за создание федеративного государства, в котором национальности будут иметь свой национальный территориальный дом.

Польша и Финляндия. Временное правительство и Петроградский Совет были привержены идее предоставления Польше полной и формальной независимости. Поскольку к 1917 г. Германия контролировала большую часть Польши, политическая поддержка польской независимости не создавала угрозы военным усилиям России. Однако уступки Польше только увеличивали аппетиты финнов и украинцев, и внутренний конфликт между принципом национального самоопределения и принципом единства российского государства, которому были привержены ведущие деятели революционной России, вышел на поверхность политической борьбы уже в первые недели революции.

Правительственный манифест, который восстанавливал конституцию Финляндии и признавал полную «внутреннюю независимость» бывшего Великого княжества, в то же время исходил из того, что Временное правительство обладает верховным суверенитетом в отношении Финляндии. В свою очередь социал-демократическое руководство в финском парламенте вскоре провозгласило, что с падением монархии суверенитет переходит к финскому правительству, согласившись при этом, что Временное правительство в Петрограде продолжит определять внешнюю и оборонную политику Финляндии в настоящее время. Будущий большевик Отто Куусинен сделал вывод о том, что такой проект конституции давал Финляндии «все, чего можно желать, и лучше, чем независимость». Реакция в Петрограде на решение финского парламента была быстрой, острой и негативной. Позиция правительства, изначально сформулированная А. Керенским, состояла в отказе от любого четкого определения конечного статуса Финляндии до созыва всероссийского Учредительного собрания. Позиция правительства была, в конечном счете, поддержана умеренными социалистами в Советах. Когда в начале апреля финские социал-демократы встретились с лидерами российских меньшевиков, последние признали право финнов на самоопределение, но отметили, что только Учредительное собрание может окончательно решить этот вопрос.

Единственной из крупных партий, которая поддержала право Финляндии на полную независимость, были большевики. Ленин 11 марта, находясь еще в Швейцарии, отметил, что русский пролетариат гарантирует финской республике полную свободу, включая свободу на отделение. В апреле Ленин, выступая на VII Апрельской конференции партии большевиков, сказал: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны … Финляндцы хотят сейчас только автономии. Мы за то, чтобы Финляндии была дана полная свобода, тогда доверие к русской демократии усилится, именно тогда они не отделятся, когда это будет проведено в жизнь».

Позиция Временного правительства лишь усиливала стремление Финляндии к независимости и в течение мая – июня финские социал-демократы добивались принятия «Закона о государстве», которым суверенная власть передавалась финляндскому сейму. Однако российские социалисты стремились задержать окончательное решение вопроса о статусе Финляндии до созыва Учредительного собрания. Первый всероссийский съезд Советов принял обширную резолюцию по национальному вопросу, провозгласив поддержку курсу на децентрализацию и широкую политическую автономию для регио-

нов, которые отличаются друг от друга этнически или в социально-экономическом отношении. Съезд призвал Временное правительство издать декларацию о признании права всех народов на самоопределение вплоть до отделения, но отметил, что окончательное решение вопросов о статусе различных регионов должно быть реализовано посредством договоров с Учредительным собранием. До последних дней своего существования Временное правительство отказывалось предоставить полную независимость Финляндии и оказалось готовым применить вооруженную силу для того, чтобы обеспечить там проведение своей политики.

Временное правительство подчинило принципы самоопределения и демократического выбора задаче сохранения территории империи. Умеренные социалисты в Советах согласились с правительственной стратегией.

Большинство народов Российской империи в 1917 г. не были еще решительно настроены на то, чтобы отделиться от нового демократического государства. Они верили в возможность конституционного решения в рамках обновленного многонационального государства, которое было более предпочтительно, чем рискованное решение пуститься в самостоятельное плавание во время мировой войны. Однако в Киеве местный выбранный парламент, Рада, издала I Универсал, объявив автономию Украины, а себя – высшей политической властью. В конце июня делегаты Временного правительства встретились в Киеве с представителями Рады, и после острых дискуссий петроградская делегация неохотно признала право Рады выработать реформы для Украины и управлять этим регионом до созыва Учредительного собрания. Эта склонность к компромиссу вызвала июльский кризис в Петрограде, когда несколько членов партии кадетов вышли из правительства в знак протеста против уступок, сделанных в вопросе об автономии Украины.

Национализм был относительно слаб в течение первого революционного года, концентрируясь в основном в кругах этнической интеллигенции, среди студентов и в низших стратах городских средних слоев, при слабой поддержке в более широких слоях населения. Среди белорусов, литовцев и азербайджанцев более сильной была идентификация с людьми, с которыми они разделяли социальную и религиозную общность. Среди этих людей ни национализм, ни социализм не были способны мобилизовать большое число сторонников для ведения политической борьбы, которая определила бы их будущее.

Для некоторых других национальностей, включая латышей и грузин, социальные движения на классовой основе обладали большей привлекательно-

стью, чем политический национализм. Для таких народов, как украинцы и эстонцы, национальное чувство соперничало с классовым чувством у рабочих и крестьян, и ни одно из них не занимало доминирующей позиции. Среди армян доминировала национально-социалистическая партия Дашнакцутюн, и перед лицом угрозы уничтожения от рук османских турок армяне объединялись вокруг национализма, охватывающего все классы общества.

Для революционной России в 1917 г. выбор лежал между сохранением империи или созданием нового демократического государства, которое разрешило бы всем народам, желающим выйти из него, сделать это. Со времени Французской революции национальный дискурс включал в себя идеи народного суверенитета и равенства всех перед законом. Такое понимание национализма отвергало неравенство в отношениях, присущее империи, и требовало полного юридического равенства и представительства подчиненных народов. В России и либералы, и социалисты провозглашали право наций на самоопределение как политический принцип, но, когда нерусские народы делали выбор в пользу отделения, интересы государства ставились выше этого принципа.

Библиография

1. Browder, Robert Paul and Alexander F. Kerensky (eds.), The Russian Provisional Government 1917: Documents (Stanford: Stanford University Press, 1961).

2. Carrere d'Encausse, Helene, The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevik State, 1917–1930, trans. Nancy Festinger (New York: Holmes and Meier, 1991).

3. Gitelman, Zvi Y., Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CPSU, 1917–1930 (Princeton: Princeton University Press, 1972).

4. Kazemzadeh, Firuz, The Struggle for Transcaucasia (1917–1921) (New York: Philosophical Library, 1951).

5. Pipes, Richard, The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923 (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1954).

6. Raeff, Marc, "Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities," in Edward Allworth (editor), Soviet Nationality Problems (New York: Columbia University Press, 1971).

7. Radkey, Oliver H., The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917 (New York and London: Columbia University Press, 1958).

8. Rosenberg, William G., Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921 (Princeton: Princeton University Press, 1974).

9. Suny, Ronald Grigor, The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union (Stanford: Stanford University Press, 1993).

10. Upton, Anthony F., The Finnish Revolution 1917–1918 (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980).

11. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. Москва: Мысль, 1970.

К. А. Тарасов

Офицерский вопрос в период Февральского восстания в Петрограде

Большинство историков сходятся во мнении, что без перехода Петроградского гарнизона на сторону революции начавшееся 26–27 февраля 1917 г. Февральское восстание не было бы победоносным. Солдаты выступили на улицы, переступив через кровь своих командиров. Это был бунт против существующей власти, олицетворением которой являлось офицерство. Без отказа от беспрекословного подчинения офицерам революция была бы невозможна. Вместе с тем, без руководства полки и батальоны превращались в вооруженную толпу. Буквально с первых часов выступления на повестке дня был поставлен вопрос о власти в армии.

Солдаты, восставшие в Таврических казармах ранним утром 27 февраля 1917 г., быстро смешались с толпой манифестантов. Многие под влиянием рабочих устремились на Выборгскую сторону через Литейный мост для того, чтобы освободить политических заключенных в знаменитой тюрьме «Кресты». По воспоминаниям рабочих, солдаты редко вставали под командование штатских. Постоянно приходилось прибегать к помощи младших офицеров и унтер-офицеров[1]. Даже «первому солдату революции» Т. И. Кирпичникову пришлось обратиться за помощью к фельдфебелям и взводным командирам соседних воинских частей[2]. Большинство же старших офицеров, справедливо опасаясь за свою жизнь, покинули батальоны.

Другая часть восставших солдат уже около 11 – 12 часов утра появилась у Таврического дворца[3]. Здесь в здании Государственной Думы они искали руководителей и «подходящих» офицеров[4]. С. И. Шидловский вспоминал, что думских деятелей «очень озадачивало участие в действиях толпы

---

[1] Каюров В.Н. Дни Февральской революции // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 г.). Л., 1986. С. 247; Кондратьев Т. К. Воспоминания о подпольной работе // Там же. С. 283; Тайми А.П. В открытом бою // Там же. С. 293–294.

[2] Кирпичников Т.И. Восстание л.-гв. Волынского полка в 1917 г. // Там же. С. 310.

[3] Lyandres S. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013. P.74, 145.

[4] Всероссийский съезд Офицерских депутатов // Русский инвалид.1917. 10 мая; Шульгин В.В. Дни // Февральская революция. Мемуары. М.; Л., 1926. С. 95.

дезорганизованных солдат, которых во что бы то ни стало нужно было привести в подобие воинский части», для чего требовались офицеры[5].

Как воспоминал эсер С. Д. Мстиславский, после того как «перемешались роты, батальоны, полки», выступившие на улицы, немногие оказавшиеся в Таврическом дворце офицеры приступили к организации сводных «ударных» отрядов из солдат разных воинских частей прибывших сюда[6]. К вечеру эта деятельность стала носить планомерный характер, когда из офицеров-социалистов и тех, кто группировался вокруг Государственной Думы, была сформирована Военная комиссия[7]. Тогда же думские деятели приняли решение о создании Временного комитета Государственной Думы, первоочередной задачей которого было «водворить порядок» в Петрограде[8]. С этого момента начался переход офицеров на сторону революции[9].

Утром 28 февраля появился приказ, составленный председателем Военной комиссии Б. А. Энгельгардтом и председателем Государственной Думы М. В. Родзянко: «всем отдельным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы», «всем офицерским чинам возвратиться к своим частям и принять все меры к водворению порядка», а командирам воинских частей прибыть в Таврический дворец для получения распоряжений[10]. Первые речи членов ВКГД, обращенные к солдатам, призывали солдат найти своих офицеров и возвращаться в казармы[11].

Также 28 февраля 1917 г. за подписью Военной комиссии ВКГД и М. В. Родзянко был опубликован приказ, обращенный к офицерам Петроградского гарнизона и всем находящимся в столице. Он предписывал явиться в 10 часов утра в Офицерское собрание армии и флота на Литейном

---

[5] Шидловский С.И. Воспоминания // Февральская революция. С. 289.
[6] Мстиславский С.Д. Гибель царизма. Февральский переворот // Крушение самодержавия. С. 317.
[7] Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 195.
[8] Там же. С. 313.
[9] Там же. С. 195, 216–220.
[10] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 274–275; Февральская революция 1917 года: Сб. документов и материалов. М., 1996. С.123, 150; Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 62.
[11] Речь М.В. Родзянко к юнкерам Михайловского артиллерийского училища; Речь Родзянко к лейб-гренадерам; Речь Родзянко к Преображенцам; Речь Родзянко к 9-му запасному кавалерийскому полку; П.Н. Милюков – первому запасному полку; Речь Милюкова к лейб-гвардейцам // Известия Комитета Петроградских журналистов. 1917. 28 февраля.

проспекте для получения удостоверений для исполнения поручений Военной комиссии ВКГД по организации солдат, «примкнувших к представителям народа для охраны столицы»[12]. Собравшись 1 марта, около 1500 офицеров приняли решение признать власть Исполнительного комитета Государственной Думы[13]. В другой своей резолюции офицеры обратились к солдатам, уверяя: «Мы вместе с вами предаем старый строй проклятию». Они, как и думский комитет, призывали возвращаться в свои части для единения со своими командирами[14]. Таким образом, действия ВКГД показывают, что он пытался опереться на офицерство для успокоения солдатских волнений. И в этом он встретил поддержку со стороны офицерства, которому требовалась санкция от новых властей для возвращения к службе.

Однако возвращение офицеров в казармы и их попытки «водворить порядок» вызвали недовольство солдат[15]. По воспоминаниям Б. А. Энгельгардта в Военную комиссию ВКГД стали поступать многочисленные жалобы на то, что офицеры пытаются вернуть старый порядок, отбирают у солдат оружие и запирают их в казармах. Проверка сообщений, однако, не подтвердила их[16]. Вероятно, любое восстановление офицерской власти воспринималось солдатами как контрреволюция.

Активные действия Военной комиссии ВКГД и в особенности приказ М. В. Родзянко вызвали настороженность со стороны другой формировавшейся в эти дни власти – Петроградского Совета. Он был создан вечером 27 февраля 1917 г. по инициативе Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета и представителей социалистических партий и рабочих.

1 марта на общем заседании Петроградского Совета специально обсуждался вопрос о том, кому должны подчиняться солдаты: Военной

---

[12] Приказ г.г. офицеры петроградского гарнизона и все г.г. офицеры, находящиеся в Петрограде [листовка] // РНБ. Фл III/5.

[13] Резолюция петроградских офицеров: (Принята на собрании в зале Армии и Флота 1 марта 1917 г.): [листовка] // РНБ. Фл IX/9.

[14] Русское слово. 1917. 3 марта.

[15] Маркович М. О приказе №1 // Свободный солдат. 1917. №1. С. 28; Большевизация Петроградского гарнизона. Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 35; Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб. 2000. С. 231; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб. 2003. С. 50; Николаев А.Б. Революция и власть. С.277; Lyandes S. The Fall of Tsarism. P. 95–96.

[16] Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. T.VIII. Рига, 2004. С. 61–62.

комиссии ВКГД или Петроградскому Совету. Тон собранию задал С. А. Клеванский (Максим): «Офицеры ничего не сделали. Мы завоевали все то, что имеем. Мы боролись, а власть захватывают Родзянко, помещики, капиталисты. Не им с солдатами общие цели иметь. Им нужно захватить власть в свои руки под флагом Государственной думы. Или они возьмут верх, или народ возьмет власть для народа. Под ложным флагом возьмут власть против народа, разоружат, выберут наиболее верные полки и задушат. Что делать?»[17]. Итогом длительного и эмоционального обсуждения стал знаменитый Приказ №1.

Он предписывал солдатам создать комитеты из своих представителей, направить делегатов воинских частей в Петроградский Совет, а также лишал офицеров права распоряжения оружием и передавал его выборным солдатским комитетам. Особенное важное положение содержалось в пункте о том, что «во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам». Тем самым Приказ №1 ограничивал возможность подчинения гарнизона ВКГД и лишал власти его опору – офицерство.

Появление 2 марта 1917 г. Приказа №1 сопровождалось кампанией выборов солдатами своих воинских начальников. Несмотря на то, что в документе этого пункта не было, солдаты начали «чистку» своих рядов от офицеров, которых считали вредными, а некоторые воинские части самостоятельно выбрали себе командиров. Формально же эти действия Совет не признавал, что выразилось в разъясняющих Приказах №2 и №3, в которых специально подчеркивалось, что «приказ не установил, чтобы эти комитеты избирали офицеров для каждой части»[18]. С. Д. Мстиславский, вспоминал, что, вопреки тому, что подразумевали создатели документа, солдаты поняли приказ как «совершенную ликвидацию офицерской власти» и приняли его как новую армейскую конституцию[19]. Аналогично писал впоследствии В. Б. Станкевич. По его убеждению, солдаты воспринимали Петроградский

---

[17] Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций, 27 февраля – 25 октября 1917 г.: Документы и материалы. Т.1. Л., 1991. С. 49.

[18] Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сб. документов. М., 1968. С. 24.

[19] Воспоминания С.Д.Мстиславского // РГАСПИ. Ф.70. Оп.3. Д.583. Л. 5–6.

Совет как антиофицерскую организацию. Они укрепились в этом мнении после издания Приказа №1[20].

Два исследователя, изучавшие происхождение Приказа №1 В. И. Миллер и Ю. С. Токарев пришли к противоположным выводам о существовании в первоначальной редакции пункта о выборности начальства. Токарев предполагал, что такой пункт существовал, но был удален по соглашению с правительством[21]. Миллер же считал, что его и не подразумевалось. Он привел достаточно убедительные аргументы в пользу того, что особое влияние на такие настроения оказала совместная листовка Межрайонного комитета РСДРП и Петроградской организации эсеров, выпущенная одновременно с Приказом[22]. Солдат призывали, кроме организации комитетов, не доверять офицерам, «этой романовской шайке», и изгонять или арестовывать тех, кому нельзя доверять[23]. Исполнительный комитет Петроградского Совета конфисковал часть этих листовок. Его председатель Н. С. Чхеидзе на публичном митинге назвал их «провокаторскими»[24].

«Чистка» командного состава Петроградского гарнизона, в котором и без того ощущалась нехватка офицеров[25], еще более ее обострила. В некоторых полках из всего состава оставалось не более 25 офицеров[26]. Больше всего офицеров не приняли солдаты запасных батальонов Московского, Преображенского и Павловского полков[27].

В запасном батальоне Московского полка во время Февральского восстания трое офицеров убиты, несколько ранено, многие арестованы и

---

[20] Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 гг. Берлин, 1920. С. 74.

[21] Токарев Ю.С. Приказ №1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.VII. Л., 1973. С. 59.

[22] Миллер В.И. История приказа №1 Петроградского Совета//Военно-исторический журнал. 1966. №5. С. 109–113. Эту версию рассматривал и американский историк Джон Бойд (John R. Boyd The Origins of Order №1 // Soviet Studies. 1968. Vol. 19. No. 3. P. 370).

[23] Военно-исторический журнал. 1966. №11. С. 111.

[24] Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника февральской революции. Том 1. Пг., 1924. С.52.

[25] Г.Л. Соболев привел данные о том, что в среднем на 50-60 солдат гвардейских и армейских частей приходилось по одному офицеру (Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 20).

[26] Там же. С. 91; РГВИА. Ф.366. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ.137об., 138, 140, 141, 143, 145, 153, 156, 162, 166, 169, 171, 195, 198, 210, 221, 225, 226.

[27] Тарасов К.А. Причины «разложения» Петроградского гарнизона в 1917 г. К постановке проблемы // Межвузовская конференция «Россия в эпоху революций и реформ: Проблемы истории и историографии». СПб. 2016. С. 205.

«подверглись всякого рода издевательствам»[28]. Вместо четырех ротных командиров были избраны рядовые[29]. Из всего командного состава солдаты оставили лишь семь офицеров и еще четырнадцать офицеров одобрили позже[30].

Преображенцы арестовали 18 своих офицеров во главе с командиром запасного батальона князем К. С. Аргутинским-Долгоруковым[31]. Из протокола № 1 комитета запасного батальона Преображенского полка следует, что в начале марта 1917 г. стоял вопрос о том, чтобы выбрать командиром не офицера, а одного из нижних чинов. В итоге решено, что все-таки управлять полком должен представитель командного состава. Однако лучшей кандидатурой сочли М. В. Заринга в чине подпоручика[32].

Волынцы, избрав командиром прапорщика Кониченко, долгое время отказывались принять обратно в полк кадровых офицеров[33]. Солдаты сообщали по поводу некоторых из них, что «до восстания они дерзко обращались с людьми, а во время восстания покинули батальон, из чего и заключают, что они были против восстания»[34].

Получили новые назначения те офицеры, кто выступил на стороне революции. «Первый офицер революции» прапорщик Г. Т. Астахов был выбран батальонным адъютантом[35]. Выборным командиром запасного батальона Литовского полка стал прапорщик М. Ф. Потриваев, «усердно содействовавший организованности выступления» литовцев 27 февраля[36]. Командиром 1-го пехотного запасного полка стал полковник К. Ф. Неслуховский, который уже 27 февраля привел солдат вместе с

---

[28] 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 236.
[29] Правда. 1917. 11 марта.
[30] 1917. Разложение армии. С. 236.
[31] Обращение к солдатам выборного командира Преображенского запасного батальона 3 марта 1917 // РГВИА. Ф.1343. Оп.10. Д.3863. Л. 51; Николаев А.Б. Революция и власть. С. 464.
[32] Обращение к солдатам выборного командира Преображенского запасного батальона 3 марта 1917 // РГВИА. Ф.1343. Оп.10. Д.3863. Л. 50.
[33] Протокол заседания комитета запасного батальона Волынского полка 6 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.7733. Оп.1. Д.78. Л.5об.
[34] Большевизация Петроградского гарнизона. С. 34.
[35] Протокол заседания комитета запасного батальона Волынского полка 6 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.7733. Оп.1. Д.78. Л. 6об.
[36] Мельников А.В. Февральская революция 1917 года в Петрограде глазами солдата-литовца Ил. Иванова // Революция 1917 года в России: новые подходы ми взгляды. Сб. научных статей. СПб., 2010. С 166; Протокол батальонного комитета запасного батальона Литовского полка 20 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.15587. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–6об.

офицерами к Таврическому дворцу[37]. Утром 28 февраля таким же образом отличился полковник Н. А. Коренев, за что на следующий день был выбран командиром запасного батальона Гренадерского полка[38].

Среди избранных командиров оказались и те, кто возглавлял последние отряды, защищавшие царское правительство, вроде полковника Б. В. Фомина, капитана В. Н. Тимченко-Рубана или поручика А. А. Брауна[39]. Полковник П. И. Назимов после революции был единственным из всех командиров гвардейских полков, который не потерял свой пост, и был вновь на него избран общим собранием солдат[40]. При этом в 1905 г., еще будучи капитаном, он командовал ротой Семеновского полка во время подавления декабрьского восстания в Москве, за что даже был награжден орденом Станислава III степени[41]. Следовательно, в период новой революции его могли воспринимать как контрреволюционера.

Выбранных взводных, ротных и батальонных командиров объединяет то, что все они были в офицерских чинах. Не только рядовых, но даже унтер-офицеров за редчайшим исключением не выдвигали на высшие должности. Например, фельдфебель Т. И. Кирпичников, которому приписываются заслуги по организации восстания в Таврических казармах, высокого назначения не получил, несмотря на то, что по собственным воспоминаниям несколько дней руководил запасным батальоном Волынского полка[42].

Выдвигаемые кандидатуры зачастую являлись компромиссными. По воспоминаниям В. Б. Станкевича в его 6-ом саперном батальоне солдаты не согласились с выдвинутой офицерами и представителями от рот кандидатурой «старшего в чине» на пост командира[43]. Вместо него возглавил батальон прапорщик Л. М. Плинер, который первым среди офицеров

---

[37] См. Николаев А.Б. К.Ф. Лучивка-Неслуховский – первый полковник Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. Vol.7. P. 64–98.

[38] Жизнь солдат Зап. баталиона Гвардии Гренадерского полка: (Казарма на обновленных началах) Пг., [1917]. С. 11–12.

[39] Протокол заседания комитета запасного батальона Измайловского полка 2 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.7734. Оп.1. Д.1. Л.1; Андоленко С.П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны, 1914–1920 годы. СПб., 2010. С. 263.

[40] Голос солдата. 1917. 5 августа.

[41] Чувардин Г.С. Старая гвардия. Орел, 2002. С. 260.

[42] Кирпичников Т.И. Восстание л.-гв. Волынского полка в 1917 г. // Крушение царизма. С. 314.

[43] Станкевич В.Б. Воспоминания. С. 69.

«восстал против старого режима» и возглавил батальон[44]. Д. И. Ходнев вспоминал о выборе солдат запасного батальона Финляндского полка: «Командиром батальона был избран полковник Кормилев. В разговоре со старшими офицерами Николай Николаевич заявил, что он дал свое согласие только потому, чтобы удержать батальон от окончательного развала и принести этим действующему полку пользу»[45].

Солдаты в этих случаях могли руководствоваться не столько политической ориентацией и деловыми качествами кандидатов. Важнее было то, как те или иные офицеры держали себя с солдатами. Гораздо худшим прегрешением оказывалось пренебрежительное отношение к нижним чинам до революции и бегство из полка 27 февраля, чем выступление на той или другой стороне, но вместе с солдатами. В этом смысле важно замечание, сделанное В. Б. Станкевичем, в то время офицером 6-го саперного батальона: «Пусть на другой день пришли все офицеры… Пусть некоторые из офицеров прибежали и присоединились через пять минут после выхода солдат. Все равно, тут солдаты вывели офицеров, а не офицеры солдат, и эти пять минут составили непереходимую пропасть, отделяющую от всех глубочайших и основных предпосылок старой армии»[46].

Подобные настроения выразил большевик-пулеметчик А. И. Жилин в мартовской статье газеты «Правда»: «Командир полка должен в сердце своем любить и стремиться к свободе. Он должен выражать наши желания, наши стремления. Он должен быть революционером, и не только на словах, а на деле. Наш старый командир [1-го пулеметного – К.Т.] полка Жерве может быть и хороший администратор, но плохой революционер. Он человек старого закала, человек, который был бы счастлив при старом режиме. Нужно избрать нового командира, отвечающего нашим стремлениям, который должен быть душой и телом предан делу революции»[47].

Такой подход к выбору начальников открывал дорогу популизму. Полковник С. Н. Козеко в февральско-мартовские дни был выбран командиром запасного батальона Измайловского полка, по всей видимости,

---

[44] Большевизация Петроградского гарнизона. С. 32.
[45] Ходнев Д.И. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 279.
[46] Станкевич В.Б. Воспоминания. С. 72.
[47] Жилин А. Пулеметчик-революционер // Правда. 1917. 11 марта.

благодаря своим «демократичным» речам. В «приказе №1» по полку после вступления в должность он обратился к своим избирателям: «Душа моя полна неизъяснимого восторга, радости и счастья. Вы громко, от вашего русского светлого сердца, подтвердили, что верите мне и видите во мне вашего начальника. Низко кланяюсь вам, родные, дорогие»[48]. В том же стиле он произносил речи на заседаниях Петроградского Совета[49]. Слушавший его М. М. Пришвин назвал выступавшего «истеричным полковником», приписав ему слова, обращенные к солдатам: «гражданин, свободный от дубин»[50].

Однако в условиях «явочного» введения выборности командного состава власть теряли также легко, как и приобретали. Быстро обнаружилось, что не все солдаты считали действия С. Н. Козеко достаточно «демократичными». В своей речи перед аудиторией солдатской секции Петроградского Совета 24 марта 1917 г. полковник признал, что многие солдаты воспринимали его требования как возвращение к старому режиму[51].

Полковник Б. В. Фомин вспоминал, что Козеко заподозрили в неискренности, поскольку он поддерживал товарищеские отношения с офицерами и при этом пытался стать «вождем нижних чинов»[52]. Попытки агитации командира запасного батальона также вызвали недовольство, поскольку, по мнению комитета, солдаты «по своим политическим убеждениям разделяются на различные социалистические партии»[53]. В итоге, когда Козеко потребовал исполнения своего приказа, пригрозив отставкой, солдаты решили, что «они не против переизбрать командира»[54].

Переход к выборному началу в армии вряд ли имел преднамеренный характер. С одной стороны, он определялся борьбой за армию между двумя центрами власти – Временным комитетом Государственной думы и Петроградским Советом. С другой стороны, на этот процесс оказали влияние сами солдаты, выступившие на улицы для поддержки народа вопреки воле

---

[48] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Год семнадцатый. Кн.2. М., 1992. С. 312.
[49] Петроградский совет… Т.1. С. 312, 511–513.
[50] Пришвин М.М. Дневники 1914–1917. СПб, 2007. С. 385.
[51] Петроградский совет… Т.1. С. 511.
[52] Фомин Б.В. Первые месяцы после Февральской революции в запасном батальоне лейб-гвардии Измайловского полка // 1917 год в судьбах России и мира. С. 311.
[53] Протокол заседания комитета запасного батальона Измайловского полка 7 апреля 1917 г.// РГВИА. Ф.7734. Оп.1. Д.1. Л.37.
[54] Протокол заседания комитета запасного батальона Измайловского полка 17 мая 1917 г. // Там же. Л. 103.

офицеров, зачастую нелюбимых или некомпетентных. В поведении солдат можно усмотреть настроения, направленные не против офицерства как такового, но против отдельных его представителей, которые, по их мнению, не были достойны своего звания. Этих офицеров отказывались принимать обратно в батальон, с них срывали погоны, арестовывали, некоторых даже убивали. В дни Февральского восстания раскол между солдатами и офицерами еще не был глубоким. Однако было понятно, что возврат к старой дисциплине уже не возможен. Отчуждение начало нарастать со временем, когда армия все глубже втягивалась в политику.

И. В. Узлова

Советская историография о роли Думы в победе Февральской революции

Исходная идея и замысел этой статьи были подсказаны мне проф. В. В. Калашниковым. Он обратил мое внимание на статью «Февральская революция и Государственная дума в исследованиях российских историков последних лет», написанную проф. А. Б. Николаевым (РГПУ им. А.И. Герцена) и проф. С. М. Ляндресом (University of Notre Dame, Indiana, USA) и посвященную историографическим спорам по поводу оценки роли Государственной Думы IV созыва в истории Февральской революции[1].

Авторы этой статьи выступили за полный пересмотр той историографической традиции, сторонники которой отрицали или весьма скромно оценивали роль Думы в обеспечении развития и победы Февральской революции. Пересмотр базировался на огромной работе, проделанной А. Б. Николаевым. В своих исследованиях нулевых годов он убедительно показал революционный характер действий, которые осуществляли лидеры Думы днем и вечером 27 февраля и в особенности 28 февраля 1917 г. А. Б. Николаев оценил созданный лидерами Думы Временный комитет членов Государственной Думы (ВКГД) как «штаб революции», орган власти, который обеспечил быструю победу революции в масштабах всей страны[2].

Оценки, предложенные А. Б. Николаевым, отличались от оценок, утвердившихся в советской историографии. Советские историки рассматривали думских лидеров как «революционеров поневоле», а нередко прямо говорили о контрреволюционном характере их действий в дни революции.

В постсоветской историографии ситуация стала меняться, и А. Б. Николаев и С. М. Ляндрес в упомянутой статье отметили вклад своих предшественников. В частности, они привели новые оценки, данные

---

[1] Lyandres S., Nikolaev A. The February Revolution and the State Duma in Recent Russian Historiography // Journal of modern russian history and historiography. 2016. № 9. P. 106–132.

[2] Николаев А.Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005; 3) Государственная Дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года / Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Том 3. Февральская революция. СПб.: Лики России, 2014.

В. В. Калашниковым на январской конференции 1993 г., проведенной в РГПУ им. А. И. Герцена под руководством В. И. Старцева. Именно там впервые прозвучали тезисы о том, что 27 февраля «революционный процесс возглавили лидеры Государственной думы», что «переход власти к лидерам Думы встретил заведомую поддержку большинства населения страны в целом», что формирование исключительно советской власти в дни Февраля 1917 г. было невозможно, а «любая попытка создания социалистического правительства привела бы к поражению Февральской революции»[3].

В середине 1990-х гг. похожие оценки были даны в работе В. А. Демина: «Февральская революция победила (была признана страной) исключительно благодаря поддержке Государственной думы»[4]. В самом начале 2000-х гг. признание решающей роли Думы можно увидеть и в работах других историков. Однако, как справедливо отмечают С. М. Ляндрес и А. Б. Николаев, эти оценки не опирались на какой-либо новый фактический материал, что порождает вопрос о причинах, которые побудили В. В. Калашникова и ряд других историков уже в начале и в середине 1990-х гг. встать на путь пересмотра советской историографической традиции.

С. М. Ляндрес и А. Б. Николаев высказали предположение о том, что это произошло «не столько благодаря открывшимся архивам, сколько под влиянием событий сентября – октября 1993 г.». Авторы полагают, что разгон президентом Б. Н. Ельциным Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ «не могли не натолкнуть современных этим событиям историков на мысли о противостоянии ветвей власти и, вполне естественно, обратиться к историческому опыту 1906–1917 гг.»[5].

Это предположение представляется в определенной степени правомерным и в какой-то мере подтверждается моим личным опытом. Следует лишь придать ему более широкие рамки, и говорить не только о разгоне народных депутатов РФ осенью 1993 г., а обо всей истории противостояния президента Б. Н. Ельцина с парламентом в период 1992–1999 годов. Проблема «Президент и парламент» была очень болезненной весь указанный период, что не могло не

---

[3] Калашников В.В. Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: И.Л. Афанасьев, А.Ю. Давыдов, В.И. Старцев. СПб., 1993. Вып. 1. С. 19.

[4] Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования / Под ред. В.В. Шелохаева. М., 1996. С. 82

[5] Lyandres S., Nikolaev A. Op. cit. P. 113–114.

побудить историков размышлять над ролью и судьбой Государственной Думы всех созывов в дореволюционный период. Я занимаюсь, главным образом, первой постсоветской Думой Федерального Собрания Российской Федерации (1994–1995 гг.). История появления постсоветской Думы, ее ограниченные полномочия и борьба оппозиционных фракций с президентом Б. И. Ельциным – все это настолько явно перекликается с историей Думы предреволюционного периода, что делает неизбежным некий сравнительный анализ деятельности досоветской и послесоветской Думы, порождает размышления по этому поводу.

Однако проф. В. В. Калашников, объясняя причины, побудившие его пересмотреть прежнюю историографическую традицию, сделал акцент не на эвристическую связь между прошлым и современностью, а на нераскрытый и неиспользованный потенциал советской историографии. Об этом он писал и в статье весной 2016 г.: «Мои оценки роли Думы в Февральской революции, высказанные в январе 1993 г., базировались на ранее проведенном изучении источников и литературы. Они отражали накопленный, но в какой-то мере скрытый (точнее, отодвинутый на второй план) потенциал советской историографической традиции»[6].

Этот потенциал, по его мнению, позволял вполне адекватно оценить роль Думы в событиях Февральской революции. Советские историки не реализовали его не столько по научным, сколько по идеологическим причинам. Именно они мешали правильно оценить роль либералов в февральские дни. В то же время В. В. Калашников согласен с тем, что в полной мере роль Думы удалось показать только в результате огромной работы по сбору и осмыслению новых материалов, которую проделал А. Б. Николаев.

В итоге и родился замысел данной статьи. Он состоит в том, чтобы историк, не причастный к историографическим баталиям по поводу роли Государственной Думы в истории Февральской революции, проанализировал работы, которые сыграли ведущую роль в формировании советской историографии этой революции, и определил их потенциал для адекватной оценки роли Думы в атмосфере, свободной от давления определенной идеологии. Рамки небольшой статьи позволяют проанализировать весьма ограниченный круг работ и авторов. Сначала были рассмотрены те, которые заложили ос-

---

[6] Калашников В.В. О роли Государственной Думы в истории Февральской революции /Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. СПб.: СПБГЭТУ. 2016. С. 173.

нову советской историографии Февраля, а затем те, которые по свидетельству В. В. Калашникова оказали на него наибольшее влияние и составили базу для оценок, сделанных им в январе 1993 г.

1. Ленин о причинах победы Февральской революции

Очевидна та большая роль, которую играли в советской историографии оценки, данные В. И. Лениным. К ним и обратимся, прежде всего.

Впервые Ленин объяснил причины победы Февральской революции в первом из знаменитых мартовских «Письмах из далека», написанном 7 марта. Две цитаты из этого письма в советский период часто приводились в работах по истории Февраля, но редко комментировались. В первой говорится о том, что Февральская революция представляет собой «*совместный удар царизму*, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и Советом рабочих депутатов, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой»[7].

Вторая подтверждает первую и тем самым подчеркивает ее неслучайный характер: «Если революция победила так скоро и так – по внешности, на первый поверхностный взгляд – «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в *интересах продолжения империалистской войны* …. Это – с одной стороны. А с другой стороны – глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера *за хлеб, за мир, за настоящую свободу* »[8]. Таким образом, Ленин оценивал революцию как результат слияния двух потоков, один из которых был представлен либералами, а другой – народным движением.

Какой вывод можно сделать из анализа этих оценок? В. В. Калашников считает, что этот вывод вполне определенный: Ленин в своих работах вы-

[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 13–14.
[8] Там же. С. 16–17.

двигает концепцию «совместного удара» и «двух потоков», которая несовместима с отрицанием активной и революционной роли либералов в Февральской революции.

На наш взгляд, такой вывод сделать нельзя. Дело в том, что в эти же мартовские дни Ленин давал и другие оценки, которые позволяли по-иному расставить акценты. Четвертого марта он пишет заметки, получившие название «Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года». Они содержат следующие строки: «новое правительство, захватившее власть в Петербурге или, вернее, вырвавшее ее из рук победившего в геройской кровавой борьбе пролетариата, состоит из либеральных буржуа и помещиков»[9]. Иными словами, здесь акцент сделан на том, что в ходе Февральской революции борьбу вел и победил пролетариат, а новое правительство лишь вырвало власть из рук победившего пролетариата. Ленин в это время не имел никакой информации о событиях в России, и версия о том, что либералы вырвали власть у пролетариата, была чисто умозрительной. Через несколько дней Ленин в упомянутых «Письмах из далека» делает еще больший акцент на роль пролетариата: «Революцию совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения … А горстка помещиков и капиталистов, с Гучковыми и Милюковыми во главе, хочет обмануть волю или стремление громадного большинства, заключить *сделку с падающей монархией,* поддержать, спасти ее»[10]. Эти оценки фактически отрицали революционный характер действий Думы в борьбе против самодержавия.

Мартовские работы Ленина содержат еще одну концепцию, которая перекликается с концепцией «двух потоков» и также предполагает признание активной роли Думы в февральские дни. Речь идет о хорошо известной концепции «двух заговоров». В «Письмах из далека» Ленин постоянно говорил о том, что накануне Февраля в России одновременно готовились два заговора. С одной стороны, Николай II тайно готовился заключить сепаратный мир с Германией. С другой стороны, либералы стремились опередить заговор монархистов и готовили свой заговор с целью свержения монарха и продолжения войны в союзе с Антантой[11].

[9] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 1.
[10] Там же. 31. С. 24.
[11] Там же. С. 15–16

Не касаясь вопроса о том, насколько обоснованной была концепция «двух заговоров», отметим, что тезис о «заговоре либералов» предполагал их активную роль в подготовке свержения, если не монархии как таковой, то, по крайней мере, персонально Николая II. В то же время Ленин прямо не говорил о том, что в дни революции либералы стремились к низложению Николая II. Гораздо больше внимания Ленин уделяет тезису об их желании «заключить *сделку с падающей монархией,* поддержать, спасти ее».

Таким образом, по нашему мнению, ленинские высказывания, хотя и содержали определенный потенциал для признания революционной роли Думы, тем не менее, давали возможность по-разному трактовать историю Февраля, что и проявилось в последующих работах советских историков.

2. Историография Февраля в 1920-е – 1930-е годы

Как известно, сразу после Февральской революции большевики вступили в ожесточенную борьбу с Временным правительством, а затем страна пережила период кровавой гражданской войны. На этом фоне вся политическая деятельность буржуазных партий и их союзников в первые годы Советской власти рассматривалась исключительно в негативном ключе, что и заложило соответствующую идеологическую и историографическую традицию.

М. Н. Покровский. Уже в 1920-е гг. в трактовке Февральской революции сложился тренд, закрепленный в названии статьи одного из самых авторитетных историков того времени М. Н. Покровского: «Буржуазная революция против буржуазии». Он считал, что Февральская революция произошла вопреки желанию буржуазии, которая в принципе выступала как контрреволюционная сила и искала компромисс с самодержавием. Более того, М. Н. Покровский выдвинул тезис о том, что Февральская революция была «эпизодом борьбы пролетариата и буржуазии», поскольку эти две силы расходились в вопросе о продолжении войны[12]. При этом он также опирался на ленинское наследие, обращаясь к работам не только эпохи первой мировой войны, но и эпохи первой русской революции, когда Ленин создал свое учение о гегемонии пролетариата в демократической революции, основанное на отрицании революционного потенциала у российской буржуазии.

[12] Покровский М.Н. Буржуазная революция против буржуазии / Октябрьская революция. Сборник статей.1917–1927. М. Из-во Ком. академии. 1929. С. 108–114.

«История гражданской войны в СССР». Самым крупным и авторитетным трудом по истории революционного 1917 г., изданным в межвоенный период стал первый том многотомного труда «История гражданской войны в СССР», вышедший в 1935 г. под редакцией М. Горького, И. Сталина и ряда других видных деятелей ВКП(б).

История Февральской революции в нем изложена в соответствии с ленинской концепцией двух заговоров, цель которых состояла в том, чтобы предупредить революцию: «Два заговора – оба с целью предупредить революцию – созрели; участники их спешили выполнить свои планы без помощи масс и до того, как разберется во всей этой политике народ. Но революция опередила и удар самодержавия, и дворцовый переворот: пока буржуазия и самодержавие возились друг с другом, на улицу против них вышли рабочие и крестьяне, ненавидевшие и буржуазию и царизм»[13].

При первых признаках революционной бури, полагают авторы, среди либеральной буржуазии началось полное смятение: «Замолкли разговоры о дворцовом перевороте. "Революционеры поневоле" готовы были идти на "комнатную" революцию без участия масс, а народные массы вдруг появились на улице. Ни о каком серьезном давлении на самодержавие думские болтуны не хотели больше и слушать»[14]. Таким образом, авторы прямо отрицают готовность либералов «давить» на самодержавие с началом революции.

В то же время авторы дают формулу «думцы – "революционеры поневоле"», которая предполагает какую-то революционную роль Думы. Формула была шагом вперед по сравнению с концепцией М. Н. Покровского, который в принципе не называл думцев революционерами. Однако авторы первого тома так описали события февральских дней, что даже для «вынужденной революционности» со стороны Думы места не нашлось. Вот как они описывают историю создания ВКГД: депутаты «увидели толпу, оцепившую дворец, затем услышали стук прикладов на ступенях лестницы: революция оказалась на пороге Думы. Наспех избрали Временный комитет из десяти человек для "водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами"»[15]. Итак, по этой версии ВКГД был создан под угрозой со стороны

[13] История Гражданской войны в СССР. Том 1. Подготовка Великой пролетарской революции. М. ОГИЗ. 1935. С. 58
[14] Там же. С. 59.
[15] Там же. С. 70.

восставшего народа, которому либералы не только не сочувствовали, но и прямо боялись. Авторы тома делают акцент на известные слова В. Шульгина, который впоследствии так описал свои мысли в этот момент: «Пулеметов – вот чего мне хотелось, ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы – этот зверь был... его величество русский народ!.. То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»[16].

Нет сомнений, что среди думских деятелей были и такие настроения. Однако были и другие свидетельства, которые авторы тома мельком приводили, но не акцентировали их или комментировали по-своему. Так, они привели упомянутую цитату Ленина о слиянии «двух потоков» в революции, но прокомментировали ее так: «революция опередила буржуазию. Оставалось присоединиться к революции, попытаться возглавить ее, чтобы потом обезглавить»[17]. Таким образом, «революционность» либералов, по мнению авторов тома, состояла только в том, что они оказались вынужденными присоединиться к революции из желания остановить «чернь». Этот тезис был аргументирован при помощи целого ряда свидетельств, исходивших из либеральных кругов, но не сопровождался анализом реальных действий Думы в эти дни. Эти действия излагались очень кратко и трактовались как контрреволюционные (создали Военную комиссию, «чтобы сохранить за офицерством руководство солдатскими массами» и др.). Однако далее авторы заявляют, что «власть Временного комитета была очень призрачной»[18], и заключают свою трактовку истории Февральской революции тезисом о том, что либералы смогли закрепить власть в своих руках только в результате решения лидеров эсеров и меньшевиков, возглавлявших Совет рабочих и солдатских депутатов, «отдать завоеванную солдатами и рабочими власть в руки буржуазии». В таком контексте роль Думы выглядела и не важной, и не революционной.

«История ВКП (б). Краткий курс». В 1938 г. вышел известный краткий курс истории ВКП (б), отредактированный лично И. Сталиным. Февральской революции в нем было отведено всего 4 страницы, на которых главный упор

---

[16] Шульгин В. Дни. «Русская мысль». Прага, 1922 г., кн. VIII–XII. С. 96.
[17] История Гражданской войны в СССР. Том 1. С. 76.
[18] Там же. С. 79.

был сделан на тезис о решающей и руководящей роли пролетариата в борьбе против самодержавия: «Гегемония пролетариата обусловила успех революции». В тексте не было ленинских цитат о «совместном ударе» и «слиянии двух потоков». Думских либералов не называли даже «революционерами поневоле». Большое внимание было уделено тезису о «закулисном» сговоре либералов и умеренных социалистов: «27 февраля (12 марта) 1917 года либеральные депутаты Государственной думы по закулисному уговору с эсеро-меньшевистскими лидерами образовали Временный комитет Государственной думы во главе с председателем IV думы, помещиком и монархистом Родзянко. А через несколько дней после этого Временный комитет Государственной думы и эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов втайне от большевиков договорились о сформировании нового правительства России, – буржуазного Временного правительства во главе с князем Львовым, которого еще до февральского переворота царь Николай II намечал в премьер-министры своего правительства»[19].

Иными словами, Краткий курс закрепил трактовку, которая исключала какое-либо признание революционной роли Думы в борьбе против самодержавия в дни Февральской революции. Ленинские идеи о «совместном ударе» и «двух потоках» были полностью отброшены. И вплоть до середины 1950-х годов никто из советских историков не пытался пересматривать и ставить эту трактовку под сомнение.

3. Историография Февраля 1960-х – 1980-х гг.

После XX съезда КПСС началось постепенное преодоление сталинской трактовки истории Русской революции, и к 50-летнему юбилею был подготовлен и вышел ряд книг по истории Февральской революции, написанных на высоком научном уровне.

Р. Ш. Ганелин. В. В. Калашников, обращаясь к работам советских историков этого периода, особо остановился на достижениях ленинградской исторической школы. В юбилейном 1967 г. группа сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР опубликовала двухтомную монографию «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде». Глава по истории Февральской революции была написана Р. Ш. Ганелиным.

[19] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. Госполитиздат. 1945. С. 170–171.

Анализируя эту главу, В. В. Калашников выделил фразу о том, что 27 февраля думские лидеры, столкнувшись с восстанием рабочих и солдат столицы, думали «об *организации буржуазной власти*, которая *остановила бы развитие революции*»[20]. В. В. Калашников трактует эту фразу Р. Ш. Ганелина как признание «двойственной позиции», которую занимали думские либералы в февральские дни: «с одной стороны, они боялись опасного углубления революционного процесса, а с другой стороны, стремились не упустить момент и выбить у царя существенные уступки, которые и привели бы к «*организации буржуазной власти*», т.е. к переходу власти руки буржуазии»[21]. Это вполне правомерная трактовка. Однако, на наш взгляд, вся глава, написанная Р. Ш. Ганелиным, в целом восстанавливает полностью отброшенную авторами Краткого курса концепцию «думцы – революционеры поневоле», но не более того. В тексте трудно найти даже скрытое признание активной роли Думы как центра развития революции. Новые подходы в этой и последующих работах Р. Ш. Ганелина куда более наглядно проявились в отказе от преувеличения роли рабочего класса и партии большевиков, признании стихийного характера начавшейся революции, но не в пересмотре роли Думы.

В. С. Дякин. В том же 1967 г. вышла книга и другого ленинградского историка В. С. Дякина «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны». Важная особенность книги состоит в том, что она специально посвящена анализу отношений между царизмом и буржуазией, и автор справедливо видит в думском Прогрессивном блоке политических представителей российской либеральной буржуазии. Последняя глава книги посвящена истории Февральской революции. Описывая ситуацию в верхах накануне революции, В. С. Дякин отверг концепцию «двух заговоров», которая предусматривала со стороны Думы какую-то активность, направленную против монарха. Напротив, он показывает, что все действия лидеров Прогрессивного блока накануне революционного взрыва были направлены на то, чтобы предупредить назревающий взрыв. В этой связи автор отмечает, что накануне Февраля правое крыло Прогрессивного блока усилило свои позиции и вело закулисные переговоры с правительством, и пресса писала о кризисе и «раз-

[20] Ганелин Р.Ш. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. А.Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С. 72.
[21] Калашников В.В. Указ соч. С. 165.

ложении» думской оппозиции[22]. В. С. Дякин подчеркивает полную непричастность думцев к событиям 23–26 февраля.

Описывая события 27 февраля, он показывает борьбу разных мнений в думской среде, которая была завершена подходом солдат к Таврическому дворцу. Автор привлекает внимание к заседанию Совета старейшин и отмечает, что лидеры Думы не открыли официальное заседание Думы в нарушение указа царя, но приняли решение «не расходиться» и считать «основным лозунгом момента … упразднение старой власти и замену ее новой»[23]. В принципе эта акция думцев говорила о том, что Дума уже действовала революционно, поставив задачу упразднить старую власть. Но автор такой оценки не делает. Напротив, он подчеркивает, что созданный думцами Временный комитет «не принимал на себя функций власти, ставя своей целью лишь установление контакта … с правительством»[24].

В то же время, автор не оценивает решение создать ВКГД только как проявление испуга думцев перед лицом восставших солдат. Он больше говорит о том, что думцы боялись потерять авторитет в глазах народа, а также уступить власть формирующемуся Совету рабочих депутатов, который «фактически становился полновластным органом власти». В этой ситуации, пишет автор, «оставаясь пассивными, буржуазные лидеры, рисковали остаться за бортом». Он показывает, что конец колебаниям М. Родзянко, пришел тогда, когда тот почувствовал возможность опереться на некоторые лояльные Думе воинские части, прежде всего, Преображенский полк. При этом В. С. Дякин отмечает, что ВКГД приступил к действиям, «стремясь предотвратить падение монархии» и «воспользоваться плодами народной победы»[25].

В этих оценках трудно усмотреть признание революционной роли ВКГД. Однако далее автор довольно подробно описывает деятельность ВКГД. Приводимый им материал (установление контроля над телеграфом и телефоном, контакты со Ставкой, посылка комиссаров и эмиссаров в различные учреждения и др.) действительно показывает, что думский комитет иг-

---

[22] Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л.: Наука, 1967. С. 316–318.
[23] Там же. С. 326–327. Отметим, что здесь В. С. Дякин был не прав: Совет старейшин таких решений не принимал. См. об этом: Калашников В.В. Указ. соч. С. 175–178.
[24] Дякин В.С. Указ. соч. С. 328.
[25] Там же. С. 328, 330–331, 333–340.

рал важную роль в обеспечении перехода реальной власти в свои руки и привлечении на сторону революции армии и провинции.

Иными словами, описание действий ВКГД, данное В. С. Дякиным, явно не соответствовало тем традиционным оценкам роли Думы, которые он сделал. И это порождает вопрос о том, насколько эти оценки отражали действительную позицию автора, а насколько они были обусловлены идеологическими ограничениями, от которых не был свободен ни один советский историк. В итоге можно сделать вывод о том, что книга Дякина несла в себе определенный потенциал для пересмотра традиционной оценки роли Думы, хотя сам автор этого пересмотра не произвел.

Э. Н. Бурджалов. В том же 1967 г. вышла книга московского историка Э. Н. Бурджалова «Вторая русская революция», которая сыграла важную роль в развитии советской историографии Февраля[26]. Это был первый монографический труд, специально посвященный Февральской революции. Автор детально описал события тех дней и уделил большое внимание действиям думских либералов. По его мнению, в дни февральских массовых забастовок и митингов буржуазия еще «рассчитывала добиться мирного разрешения создавшегося политического кризиса», но решение царя распустить Думу нанесло «сокрушительный удар по надеждам буржуазии». Однако «Государственная дума и теперь не подняла перчатки, которую ей бросило самодержавие, и не вступила на путь открытой борьбы с ним. Думские руководители условились не выражать протеста против роспуска и мирно разошлись по домам»[27].

Далее автор, противореча себе, пишет о том, что многие депутаты остались в здании Думы. Описывая частное совещание депутатов Думы, открывшееся в 2.30 в полуциркульном зале, Э. Н. Бурджалов делает акцент на то, что депутаты не объявили себя Национальным конвентом, как это сделали почти 130 лет тому назад депутаты третьего сословия Генеральных штатов Франции. Автор повторяет старый тезис о том, что думцы создали ВКГД с целью ограничить революционное движение и сделали это, оказавшись под давлением подошедших к Таврическому дворцу рабочих и солдат. Аргументировалась эта трактовка ссылкой на В. Шульгина: «Страх перед улицей загнал в одну "коллегию" Шульгина и Чхеидзе» [28].

---

[26] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука. 1967.
[27] Там же. С. 226.
[28] Там же. С. 232. См. также: Шульгин В. Дни. Белград, 1925. С. 162.

Однако затем Э. Н. Бурджалов делает оценки, которые не содержались в работах его предшественников. Он показывает, что в глазах солдат и широких непролетарских слоев ВКГД пользовался большим авторитетом и объясняет это следующим образом: «Новые социальные слои, впервые вступившие в революционную борьбу, видели в Государственной думе подобие народного представительства, а в думских лидерах – борцов против царского режима. Они рассматривали Думу как центр, с помощью которого можно наиболее безболезненным путем порвать с прошлым. Солдаты, нарушившие присягу царю и присоединившиеся к народу, хотели получить одобрение своим действиям у этого «законного учреждения». Офицеры, присоединившиеся к солдатам, масса городского люда, поддержавшая восстание, стремились санкционировать свои выступления авторитетом Думы. Вот почему клич: «В Таврический дворец! К Государственной думе!» – встретил широкую поддержку в народных массах»[29].

Автор справедливо отмечает несостоятельность мнения о том, что Совет старейшин Думы принял решение не подчиняться указу царя о роспуске и «принять участие в создании новой власти». В то же время он показывает важность распространившихся слухов, согласно которым лидеры Думы приняли именно такое решение. Эти слухи подтверждали роль ВКГД как новой революционной власти, и именно так она воспринималась населением[30].

Далее Э. Н. Бурджалов показывает, что ВКГД после значительных колебаний 28 февраля, около 2 часов ночи, объявил о своем решении «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» и стал реально действовать как такая власть [31].

Автор рассказал о том, как думцы назначили 24 комиссара «для заведования отдельными частями государственного управления», как захватили руководство в Военной и Продовольственной комиссиях, первоначально созданных представителями Петросовета, как привлекли на свою сторону офицеров, ускорив переход всего гарнизона на сторону Думы, как установили контроль над ключевыми пунктами города и др.[32]

---

[29] Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 202.
[30] Там же. С. 226. 203.
[31] Там же. С. 237
[32] Там же. С. 237–241, 253, 257, 261, 265.

Постоянно делая акцент на роль революционных масс как главной движущей силы революции, Э. Н. Бурджалов в то же время четко заявил о том, что «присоединение буржуазии ускорило победу революции. Оно внесло дальнейшее разложение в лагерь самодержавия и способствовало его дальнейшей изоляции»[33]. Эта оценка очень точно передает роль Думы в ходе Февральской революции.

Очевидно, что оценки, данные Э. Н. Бурджаловым, вполне укладываются в забытую ленинскую концепцию «совместного удара» и «двух потоков» и тем самым признают революционную роль Думы, даже если оценить ее как «вынужденную», «навязанную». В своей статье В. В. Калашников ссылается именно на эти оценки, данные Э. Н. Бурджаловым, и видит в них достаточный потенциал для того, чтобы прийти к выводу о революционном характере действий Думы в февральские дни и важности этих действий для обеспечения быстрой победы революции. В данном случае, мы не можем оспорить этот вывод. Э. Н. Бурджалов явно дал более радикальную трактовку роли Думы в истории Февраля, чем В. С. Дякин и Р. Ш. Ганелин. Наряду со старыми он сделал новые оценки и привел более емкий фактический материал в их пользу.

В. И. Старцев. В 1970–1980-е гг. одним из самых плодотворных историков нового поколения стал ленинградский историк В. И. Старцев. Его работы по различным сюжетам истории революционного 1917 г. привлекали внимание коллег, отличались научной смелостью и глубиной[34].

В 1980 г. он издал книгу под названием «Внутренняя политика Временного правительства первого состава», первая глава которой посвящена истории Февральской революции. В этой главе автор достаточно подробно описывает действия думцев в февральские дни и не делает особого акцента на то, что думцы действовали из страха перед восставшим народом. Он больше упрекает их в том, что они создавали «легенду» о руководящей роли Думы в революции[35]. В то же время В. И. Старцев описывает шаги ВКГД по овладению «аппаратом государственного управления и охраны порядка» и признает, что «эта деятельность была в известной мере успешной, поскольку члены

---

[33] Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 241.

[34] См. анализ творчества В.И. Старцева: Калашников В.В. Историография Русской революции 1917 года: В.И. Старцев и другие // Политическая история России XX века: к 85-летию проф. В.И. Старцева. СПБ.: Изд-во РГПУ, 2016. С. 11–19.

[35] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука. 1980. С. 48.

комитета сознательно использовали авторитет Государственной думы, стоящей весьма высоко в глазах широких народных масс, впервые приобщавшихся к открытой политической жизни»[36]. Говоря о деятельности Военной и Продовольственной комиссий, автор подчеркивает, что ВКГД удалось «слить комиссии Совета со своими и возглавить их». Отмечает укрепление официального положения ВКГД в связи с его «фактическим признанием» послами Великобритании и Франции[37]. Подводя итог событиям 28 февраля, В. И. Старцев делает вывод о том, что ВКГД «объявил себя правительственной властью и в качестве таковой был признан служащими государственного аппарата и войсками гарнизона»[38]. Такие оценки означали признание важной роли Думы в победе Февральской революции.

Рассказывая о событиях февральских дней, автор показывает, что деятели ВКГД успешно выступали перед многочисленными собраниями рабочих и солдат, а также твердо отстаивали перед представителями Совета рабочих и солдатских депутатов программу первого Временного правительства. Иными словами, либералы чувствовали за собой достаточную поддержку, хотя и понимали свою зависимость от позиции лидеров Петросовета. В. И. Старцев привлек внимание и к тому факту, что Декларация Временного правительства от 3 марта начинается преамбулой, в которой прямо говорилось, что министров первого правительства назначает Временный комитет Государственной думы. Ни о каких иных источников власти в Декларации не упоминалось[39].

Подводя итог, отметим, что В. И. Старцев не говорил о революционной роли Думы в истории Февральской революции, но и не оценивал ее как контрреволюционную в отношении главной ближайшей цели революции – устранении самодержавия и установления в России политических прав и свобод. О контрреволюционности либералов автор говорит только в связи с опасностью перерастания политической революции в «социальную».

В 1984 г. В. И. Старцев выпустил еще одну книгу о революции. Она называлась «27 февраля 1917». Написанная в научно-популярном жанре книга подводила определенный итог предыдущим работам автора. Начинается она с жесткой констатации принципиально контрреволюционного

[36] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 52.
[37] Там же. С. 53.
[38] Там же. С. 54.
[39] Там же. С. 90.

характера российской буржуазии в начале XX века: «Она была контрреволюционна и антинародна»[40].

Далее события описываются таким образом, что лидеры Думы до конца 27 февраля старались найти компромисс с властью. Автор приводит версию о том, что Совет старейшин якобы принял решение «не расходиться» и поставить вопрос об организации новой власти, но оценил эти действия следующим образом: «даже здесь Дума протягивала руку старой власти и обещала восстановить спокойствие и порядок»[41]. Однако далее он, рассказывая об активных самочинных действиях рабочих и солдат по развитию революции, отмечает, что «нельзя забывать и о значении самой Государственной думы, которая, во всяком случае, с 1915 года, завоевала в глазах весьма широких слоев народа, не только буржуазии и городского населения, но и в глазах мелкобуржуазной части населения – крестьян, солдат, городских низов, и даже части рабочих – определенный авторитет своей критикой царского правительства». А далее он говорит об образовании в Таврическом дворце двух центров по руководству переворотом и революционным движением, которые были организованы в первые часы после занятия его восставшими солдатами и рабочими»[42]. Этот тезис означал признание роли ВКГД как одного из революционных центров. В дальнейшем В. И. Старцев не подчеркивает роль Думы как центра революции, но излагает события в том же ключе, что и в книге 1980-го года, фактически показывая главную роль Думы в организации новой власти, в обеспечении поддержки со стороны армии и провинции.

Подводя итог проделанному анализу работ ведущих советских историков Февральской революции, можно сделать вывод о том, что начиная с 1967 г. все они более или менее определенно признавали важную роль Думы в победе революции, но трактовали ее преимущественно в рамках тезиса «революционеры поневоле». Тем не менее, вовлекаемый в научный оборот фактический материал порождал и более радикальные трактовки, которые проявлялись в отдельных формулировках в работах Э. Н. Бурджалова и В. И. Старцева. Так что можно сделать вывод о том, что советская историография несла в себе скрытый потенциал для признания важной и революционной роли Думы в истории Февральской революции. Однако его выявление, скорее всего, требовало каких-то дополнительных импульсов, о которых нам судить трудно.

---

[40] Старцев В.И. 27 февраля 1917. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 44.
[41] Там же. С. 149.
[42] Там же. С. 153.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажанов Д. А.	*к.и.н., доцент кафедры русской истории, РГПУ им. А.И. Герцена*
Вада Харуки	*почетный профессор Токийского университета, Япония*
Гагкуев Р. Г.	*д.и.н., главный редактор, издательская группа «Дрофа» – «Вентана Граф»*
Гайда Ф. А.	*К.и.н., доцент исторического факультета МГУ*
Ганин А. В.	*д.и.н, Институт славяноведения РАН*
Давыдов А. Ю.	*д.и.н., профессор кафедры русской истории, РГПУ им. А. И. Герцена*
Дикинс А.	*научный сотрудник, Университет Манчестера, Великобритания*
Измозик В. С.	*д.и.н., профессор кафедры истории СПбГУТ*
Икеда Ёширо	*доцент Токийского университета, Япония*
Иоффе Г. З.	*д.и.н., профессор, Монреаль, Канада*
Калашников В. В.	*д.и.н., профессор кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Кенез Питер	*почетный профессор Калифорнийского университета, США*
Коликов Р. Ю.	*к.и.н., доцент, зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин БИЭПП (Балтэкон)*
Колоницкий Б. И.	*д.и.н., вед. научный сотрудник СПбИИ РАН, профессор Европейского университета*
Лукоянов И. В.	*д.и.н., вед. научный сотрудник СПбИИ РАН*
Назаренко К. Б.	*д.и.н., профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ*
Назаров О. Г.	*д.и.н., обозреватель журнала «Историк»*
Николаев А. Б.	*д.и.н., зав. кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена*
Полторак С. Н.	*д.и.н., профессор, главный редактор журнала «Клио»*
Пученков А. С.	*д.и.н., доцент кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ*
Рабинович А. Е.	*почетный профессор Индианского университета, США; ассоциированный научный сотрудник СПбИИ РАН*

Рачковский В. А.	*к.и.н., доцент кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ*
Санборн Джошуа	*профессор, декан факультета истории Колледжа Лафайет, Пенсильвания, США*
Сигельбаум Льюис	*профессор Мичиганского университета, США*
Смирнова А. А.	*д.и.н., профессор кафедры истории СПбГИК*
Стогов Д. И.	*к.и.н., доцент кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Стокдейл Мелисса	*профессор Оклахомского университета, США*
Суни Р. Г.	*профессор Мичиганского университета, США*
Тарасов К. А.	*к.и.н., научный сотрудник отдела истории революций и общественного движения России СПбИИ РАН, доцент кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Узлова И. В.	*к.и.н., доцент кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Хасегава Цуёси	*почетный профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, США*
Цветков В. Ж.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории, МПГУ*
Чураков Д. О.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории, МПГУ*
Шелохаев В. В.	*д.и.н., Институт истории РАН, Москва*

Международная научная конференция
Февральская революция 1917 года:
проблемы истории и историографии

Сборник докладов

3 марта 2017 года

Подписано в печать
Бумага офсетная. Печ.л. 23,75
Тираж 200 экз. Заказ ___

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Профессора Попова